МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РА

ВАНАДЗОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. О. ТУМАНЯНА

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации»

Посвященная 45-летию Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ванадзор – 2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РА

ВАНАДЗОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. О. ТУМАНЯНА

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации»

Посвященная 45-летию
Ванадзорского государственного
университета им. О. Туманяна

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ванадзор
Издательский дом СИМ
2014

ՀՀ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՎԱՆԱՁՈՐԻ Հ. ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ
ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

III ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

«Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում»

Նվիրված Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան
պետական համալսարանի 45-ամյակին

ԳԻՏԱԿԱՆ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

Վանաձոր
ՍԻՄ տպագրատուն
2014

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE RA

VANADZOR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER H. TOUMANYAN

THE THIRD INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

"Language and Literature in the Context of Intercultural Communication"

Dedicated to the 45th anniversary of
Vanadzor State University
named after H. Toumanyan

MATERIALS OF INTERNATIONAL CONFERENCE

Vanadzor
Publishing House SIM
2014

УДК 801 :316.7 : 06
ББК 81 : 60.55
Я 410

Печатается по рекомендации Ученого Совета
Ванадзорского государственного университета имени О. Туманяна.

Научная редакционная коллегия:

Гурген Хачатрян, д.филол.н., профессор, Ванадзорский госуниверситет (председатель), **Арен Сантоян,** к.филол.н., доцент, Ванадзорский госуниверситет (заместитель председателя), **Тадевос Тадевосян,** к.филол.н., доцент, Ванадзорский госуниверситет (ответственный секретарь)

Члены редколлегии

Вано Егиазарян, д.филол.н., профессор, Ванадзорский госуниверситет, **Тереза Шахвердян,** д.филол.н., профессор, Ванадзорский госуниверситет, **Ирина Третьякова,** д.филол.н., профессор, Костромской госуниверситет, **Валерий Ефремов,** д.филол.н., профессор, Российский государственный пед. университет, **Лианна Матевосян,** д.филол.н., профессор, Ереванский госуниверситет, **Рузанна Грдзелян,** д.филол.н., профессор, Ереванский госуниверситет, **Сусанна Туманян,** к.филол.н., доцент, Ванадзорский госуниверситет, **Карине Арустамян,** к.филол.н., доцент Ванадзорский госуниверситет, **Асмик Арутюнян,** к.филол.н., доцент, Ванадзорский госуниверситет, **Софи Саргсян,** к.филол.н., доцент, Ванадзорский госуниверситет, **Эвелина Баятян,** к.филол.н., доцент, Армянский государственный пед. университет

Я 410 Ш МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ / МОН РА, Ванадзорский госуниверситет; редколлегия: Хачатрян Г.К. и др. Ванадзор: Издательский дом СИМ, 2014.- 348 стр.

В сборник включены доклады Ш Международной научной конференции «Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации», прошедшей 8-9 октября 2014 года в Ванадзорском государственном университете им. О. Туманяна, которые по рекомендации Ученого совета ВГУ им. О. Туманяна печатаются как научные публикации.

В сборнике обобщены филологические и методические статьи, которые были рецензированы, отредактированы и рекомендованы для печати членами научной редакционной коллегии.

УДК 801 :316.7 : 06
ББК 81: 60.55

ISBN 978-9939-71-016-7

© Авторская группа, 2014
© Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна, 2014

УДК 801 :316.7 : 06
ББК 81 : 60.55
Я 410

Տպագրվում է Վանաձորի Հ. Թումանյանի
անվան պետական համալսարանի գիտական խորհրդի
երաշխավորությամբ:

ԳԻՏԱԿԱՆ ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՈՒՐԴ

Գուրգեն Խաչատրյան, բ.գ.դ., պրոֆ., Վանաձորի պետհամալսարան (նախագահ), **Արեն Սանթոյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետհամալսարան (նախագահի տեղակալ), **Թադևոս Թադևոսյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետհամալսարան (պատասխանատու քարտուղար)

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ԱՆԴԱՄՆԵՐ

Վանո Եղիազարյան, բ.գ.դ., պրոֆ., Վանաձորի պետհամալսարան, **Թերեզա Շահվերդյան,** բ.գ.դ., պրոֆ., Վանաձորի պետհամալսարան, **Իրինա Տրետյակովա,** բ.գ.դ., պրոֆ., Կոստրոմայի պետհամալսարան, **Վալերի Եֆրեմով,** բ.գ.դ., պրոֆ., Ռուսաստանի պետական մանկավարժական համալսարան, **Լիաննա Մաթևոսյան,** բ.գ.դ., պրոֆ., Երևանի պետհամալսարան, **Ռուզաննա Գրձելյան,** բ.գ.դ., պրոֆ., Երևանի պետհամալսարան, **Սուսաննա Թումանյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետհամալսարան, **Կարինե Առուստամյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետհամալսարան, **Հասմիկ Հարությունյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետհամալսարան, **Սոֆի Սարգսյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետհամալսարան, **Էվելինա Բայաթյան,** մ.գ.թ., դոցենտ, Հայկական պետական մանկավարժական համալսարան

Ш МИЖАЗГАЗЫН ГЫЛЫМЖОГЛОВ / ҲҲ КГҮН, Վանաձորի պետական համալսարան; Խմբ. խորհուրդ՝ Գ. Խաչատրյան և ուրիշ. – Վանաձոր: ՍԻՄ տպագրատուն, 2014.- 348 էջ:
Я 410

Ժողովածուն ներառում է 2014 թ. հոկտեմբերի 8-9 Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարանում տեղի ունեցած «Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում» Ш միջազգային գիտաժողովի զեկուցումները, որոնք ՎՊՀ գիտխորհրդի երաշխավորությամբ տպագրվում են որպես գիտական հոդվածներ:

Ժողովածուն ամփոփում է բանասիրական և մեթոդական հոդվածներ, որոնք գիտական խմբագրական խորհրդի անդամների կողմից գրախոսվել, խմբագրվել և երաշխավորվել են տպագրության:

УДК 801 :316.7 : 06
ББК 81: 60.55

ISBN 978-9939-71-016-7

©Հեղինակային խումբ, 2014
© Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան, 2014

УДК 801 :316.7 : 06
ББК 81 : 60.55
Я 410

Is prinded by the recommendation of the Scientific Council of Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Scienific Editorial Board:

Gourgen Khachatryan, Doct. of Phil. Sciences, Professor, Vanadzor State University (Chairman), **Aren Santoyan,** Cand. of Phil. Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Chairman Assistant), **Tadevos Tadevosyan,** Cand. of Phil. Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Executive Secretary)

The Members of Scienific Editorial Board:

Vano Eghiazaryan, Doct. of Phil. Sciences, Professor, Vanadzor State University, **Tereza Shahverdyan,** Doct. of Phil. Sciences, Professor, Vanadzor State University, **Irina Tretyakova,** Doct. of Phil. Sciences, Professor, Kostroma State University, **Valery Yefremov,** Doct. of Phil. Sciences, Professor, Russian State Pedagogical University, **Lianna Matevosyan,** Doct. of Phil. Sciences, Professor, Yerevan State University, **Ruzanna Grdzelyan,** Doct. of Phil. Sciences, Professor, Yerevan State University, **Susanna Toumanyan,** Cand. of Phil. Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University, **Karine Arustamyan,** Cand. of Phil. Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University, **Hasmik Harutyunyan,** Cand. of Phil. Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University, **Sofy Sargsyan**, Cand. of Phil. Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University, **Evelina Bayatyan,** Cand. of Pedag. Sciences, Associate Professor, Armenian State Pedagogical University.

Я 410 The Third International Scientific Conference / MoES RA, Vanadzor State University; Edit. Board: Khachatryan G.K. and others. Vanadzor: Publishing House SIM, 2014. -348 p.

The collection includes the reports of the Third International Scientific Conference “Language and Literature in the Context of Intercultural Communication”, which took place in Vanadzor State University named after H. Toumanyan on October 8-9 2014. The reports are printed as scientific publications by the recommendation of the Scientific Council of VSU named after H. Toumanyan.

Philological and methodological articles which were reviewed, editted and recommended for publication by the members of the Editorial Board are generalized in the collection.

УДК 801 :316.7 : 06
ББК 81: 60.55

ISBN 978-9939-71-016-7

© The group of authors, 2014
© Vanadzor State University named after H. Toumanyan, 2014

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Լ ԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

LINGUISTICS

ՆՅՈՒԹԱԿԱՆԻ, ԻԴԵԱԼԱԿԱՆԻ ԵՎ ՆՅՈՒԹԱԻԴԵԱԼԱԿԱՆԻ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Էդուարդ Ալավերդյան
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
Սոնա Ալավերդյան
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Առանցքային բառեր՝ *իդեալ, նյութական, լեզվամտածողություն, նյութաիդեալական փոխհարաբերություններ, զգայական պատկերներ*

Խնդրո առարկա գործոնները վերաբերում են արտացոլման, իմացության, նշանակման և անվանման գործառույթներին: Ընդ որում, եթե արտացոլման պրոցեսն ամենից առաջ իրականանում է նյութական⇆իդեալական ոլորտում, ապա նշանակման և անվանման գործընթացն իրականանում է իդեալական⇆նյութաիդեալական ոլորտում: Պարզ է, որ նշանակման և անվանման ֆունկցիան իրականացվում է լեզվի՝ որպես նշանային համակարգի, նյութաիդեալական գոյակցության, նշանակման և անվանման էական հարկադրմամբ օժտված համակարգի միջոցով: Մի խոսքով, նյութական (իմացության օբյեկտ), իդեալական (արտացոլական պատկեր), նյութաիդեալական (նշանակված և անվանված արտացոլական պատկեր) գործոնների դիալեկտիկական միասնության շնորհիվ էլ իրականանում է իմացության, գիտելիքի ստացման գործընթացը:

Իմացությունը, որպես փիլիսոփայական գիտության հիմնահարցի կարևորագույն կողմ, մարդ-բնություն, մարդ-մարդ փոխհարաբերության արդյունք հանդիսացող գիտական գիտելիքների ձեռքբերման, ամրագրման, առկա և գալիք սերունդներին փոխանցելու միջոց, հաստատում է, որ չկա գիտելիք առանց լեզվի և հակառակը: Ահա թե ինչու, նրա կարևորագույն գործառույթն իմացաբանական գործառույթն է, և նրա արդյունք հանդիսացող արտացոլական (իմացական) պատկերներն իդեալականից նյութաիդեա-

լականի վերածման գործընթաց: Մեր համոզմամբ՝ սա է գիտելիքի՝ նյութաիդեալական գոյացության, ծագման, գոյության ու գործառութային առանձնահատկությունը: Սա նշանակում է, որ արտացոլական ամեն մի պատկեր դեռևս գիտելիք չէ: Պատկերը, որպես այդպիսին, իդեալական է, իսկ գիտելիքը նյութաիդեալական գոյացություն է: Վերջինիս այդպիսին լինելը պայմանավորված է լեզվական միավորների և իրականության մասին առկա մտային պատկերների միասնությամբ:

Ամենայն հավանականությամբ, հիշյալ անհերքելի փաստի վրա է հիմնված այն դրույթը, ըստ որի օբյեկտիվ իրականության արտացոլական, մտային պատկերների վրա է ի սկզբանե ընկած մատերիականի (տառերի, հնչյունների ամբողջությունը և իմացության օբյեկտի) հետևից քարշ գալու սկզբունքը:

Հենց այս միասնության շնորհիվ է լեզուն, լեզվական լիարժեք միավորն իրականացնում իր հիմնական՝ իմացաբանական և հաղորդակցման գործառույթը:

Խոսելով լեզվական լիարժեք միավորների, որպես նյութաիդեալական գոյացության մասին՝ անհրաժեշտ է ընդգծել, որ լեզվական լիարժեք նշան հանդիսացող միավորները, որպես նյութաիդեալական գոյացության բովանդակությունն ու էությունը հանդիսացող արտացոլական տարրեր, ոչ նյութական գոյության, արտացոլական, իմացաբանական, սուբյեկտ-օբյեկտ հարաբերության, իմաստաբանական գործունեության արդյունք են՝ նյութական դաշտից՝ իդեալական, ապա կրկին նյութական ոլորտ տեղափոխված միավորներ, որոնք առաջանում, ձևավորվում են մտածողության՝ արտացոլման բարձրագույն ձևի և զգայական արտացոլման արդյունքում: Բնականաբար, այստեղ նոր հարց է առաջանում՝ լեզվական նշանի ոլորտ տեղափոխված իդեալական, արտացոլական պատկերները զգայական թե՛ տրամաբանականի արտացոլման արդյունք են: Նախնական պատասխանը, որոշ վերապահումով, մեկն է՝ թե՛ մեկը, թե՛ մյուսը:

Գոյություն ունի լեզվական միավորների իմաստն ու բովանդակությունը յուրացնելու երկու եղանակ՝ արտասանման-ցուցա-

դրման և զուտ լեզվամտային: Առաջին դեպքում ցուցադրվում է զգայորեն ընկալելի առարկան՝ միաժամանակ արտաբերելով տվյալ առարկայի համար լեզվական նշան հանդիսացող անուն բառը: Այս ընթացքում ճանաչողն ինչ-որ չափով յուրացնում է ոչ թե ճանաչվող օբյեկտի էությունն ու բովանդակությունը, այլ իմանում, արձանագրում է նրան համապատասխան անուն-բառը: Մինչդեռ, ինչպես վերը հիշատակվեց, ապացուցված ճշմարտություն է, որ անվան և անվանվողի միջև չկա բովանդակային կապ, ընդհանրություն:

Արտասանման-ցուցադրման ընթացքում, որպես զգայական և լեզվամտային գործոնների միաժամանակյա կիրառում, առկա է ոչ թե էության ու բովանդակության իմացման, այլ ցուցադրվող օբյեկտի զուտ գայական, նյութական կողմը տպավորվելու փաստը: Այսպես, եթե միմյանց լեզուն չհասկացող մարդկանցից մեկը մյուսին ցույց է տալիս որևէ անծանոթ իր և միաժամանակ արտասանում նրան համապատասխան բառ-անունը, ապա ընկալողի մոտ, ամենից առաջ տպավորվում է տվյալ առարկայի արտաքին կողմը, իսկ նրա էությունն ու բովանդակությունը մնում է չբացահայտված, չընկալված: Պատճառը, մեր համոզմամբ, այն է, որ ցուցադրվող օբյեկտը դեռևս չի ընդգրկված ընկալողի պրակտիկայում, բայց արդեն սկիզբ է դրվում նրա իրականացմանը: Ահա թե ինչու բովանդակության, էության իմացությունը սկսվում է ոչ միայն զգայական ճանապարհով տրված օբյեկտի արտացոլումից, այլև հասարակական պրակտիկայում ընդգրկված (ընդգրկվելու պոտենցիալ հնարավորությամբ օժտված – Է.Ա.) օբյեկտի արտացոլումից [3, 206]: Հավելենք, որ եթե տվյալ առարկայի ցուցադրումը և այդ առարկան անվանող-նշանակող լեզվական բառ-միավորի արտասանությունը հաղորդակցվող անձանցից մեկի համար դրսևորվում է առաջին անգամ, ապա տվյալ բառ-միավորին համապատասխան օբյեկտի էության ու բովանդակության ճանաչման, բացահայտման համար դեռևս բավարար նախադրյալներ չկան: Դրանք կարող են դրսևորվել այն դեպքում, երբ գործընթացը առնվազն մի քանի անգամ կրկնվել է, լայնացել են ընկալող սուբյեկտի փորձի շրջանակները,

ձևավորվել են որոշակի զգայական պատկերներ, փաստեր՝ դառնալով ուսումնասիրվող օբյեկտի մասին տարրական գիտելիքների ստացման սկիզբը:

Ցանկացած գիտելիք, որպես լեզվամտային միավոր, նյութականի (ինչյուն, տառ) և իդեալականի (արտացոլական պատկեր) միասնություն է: Հենց նման միասնության շնորհիվ է, որ լեզվական նմանատիպ միավորը կոչվում է լիարժեք բառ-նշան, որովհետև դրանք ունեն և՛ նշանակություն, և՛ իմաստ: Անհերքելի է նաև այն փաստը, որ շատ իմաստակիր լեզվական միավորները լիարժեք նշան հանդիսանալ չեն կարող: Հայերենի տասը խոսքի մասերից առաջին հինգին (գոյական, ածական, թվական, դերանուն, բայ) համապատասխանող բառերը լիարժեք բառ-նշաններ են, ունեն և՛ իմաստ, և՛ նշանակություն, իսկ մյուսներին համապատասխանող բառերը, լավագույն դեպքում կարող են կոչվել օժանդակ, սպասարկու բայց ոչ լիարժեք նշաններ: Դրանք չունեն նշանակություն, որովհետև չենք կարող իմանալ, թե դրանք ինչպիսի օբյեկտների արտացոլական պատկերներ են ընդգրկում: Դրանք օժանդակ խոսքի մասերի միավորներ են:

Այդպիսի բառերը քննարկվող հարցի տեսանկյունից կարելի է դիտել որպես իմաստակիր, բայց ոչ որպես լիարժեք բառ: Վերջիններս նման հատկությամբ օժտվում են միայն և միայն այն դեպքում, երբ իրականանում է որոշակի հնչյունախմբի և իմացության օբյեկտ հանդիսացող առարկայի արտացոլական պատկերի կապը: Տվյալ պատկերները, միանալով համապատասխան հնչյունախմբի հետ, վերածվում են նոր ձևավորված բառ-նշանի՝ որպես լեզվական մատերիայի (հնչյունախումբ, տառերի ամբողջություն) նշանակության: Այս առումով էլ, լեզվական մատերիայի և օբյեկտիվ իրականության առարկաների կապի իրականացման լիարժեք միջոցը նշանակությունն է: Այնպես որ, լեզվական լիարժեք բառ-նշանների իդեալական կողմը ի սկզբանե մարդուն հատուկ արտացոլական պատկերներ են, իսկ մարդը, որպես իմացության լիարժեք սուբյեկտ, զգացող, մտածող և արտահայտվող էակ է: Նրա կողմից իրականացվող հաղորդակցության գործընթացը իրակա-

նացվում է զգայական, մտային և լեզվական գործոնների համատեղ գործադրման շնորհիվ, որտեղ առաջնային պլան են մղվում, վճռորոշ դեր են խաղում լեզվամտային գործոնները, առավել ևս նրանց հնարավոր կապը հոգնակիի, ընդհանուրի հետ:

Այսուհանդերձ, միարժեք կերպով չի կարելի պնդել, թե որևէ կապ չկա լեզվի և զգայական փաստերի միջև: Մարդը, որպես գործունեության սուբյեկտ, օժտված է զգայական, մտային և լեզվական կարողություններով: Սա էլ ինչ-որ կերպ հաստատում է այն, որ մարդու լեզվամտային գործունեությունը մեկուսացված չէ, բացարձակապես կապ չունի զգայական փաստերի, զգայական իմացության արդյունք հանդիսացող պատկերների հետ: Ճիշտ է, տրամաբանական իմացության ընթացքում այդ պատկերները մղվում են երկրորդական պլան, բայց նյութաիդեալական գոյակցություն հանդիսացող գործոնների կիրառման ժամանակ տվյալ գոյակցության նյութական կողմի զգայական պատկերները կարող են և դրսևորվել: Այնպես որ, արժեքավոր կլինի հիշատակել, ընդգծել Վ. Հումբոլդտի այն միտքը, համաձայն որի՝ լեզուն կարելի է դիտարկել որպես նյութաիդեալական՝ (զգայական և մտային) լեզվական գոյացություն [4, 93]:

Լեզվական միավորի նյութական կողմը լեզվական նշանի վերածվելու պոտենցիալ հատկությամբ օժտված հնչյունների, տառերի ու բառերի ամբողջությունն է, իսկ իդեալական կողմը՝ ուսումնասիրվող օբյեկտի արտացոլական պատկերը: Հիշյալ տարրերի ձուլումը նշանակում է, որ գործ ունենք լեզվական լիարժեք միավորի՝ նշանակություն ունեցող նշանի հետ: Այսուհանդերձ, ինչպես նշվեց, ապացուցված ճշմարտություն է այն փաստը, որ բոլոր բառերը չէ, որ ունեն նշանակություն: Կան բառեր, որոնք ունեն իմաստ, բայց չունեն նշանակություն:

Նման բնույթի բառերը լիարժեք նշան հանդիսանալ չեն կարող, որովհետև նրանց մեջ համապատասխան օբյեկտի պատկերը առկա չէ: Լիարժեք լեզվական նշանները դրանք իմաստ և նշանակություն ունեցող բառերն են [5, 21-50]:

Հայերենի տասը խոսքի մասերից առաջին վեցին համապա-

տասխանող բոլոր բառերն ունեն և՛ նշանակություն, և՛ իմաստ, իսկ երկրորդ՝ չորս խոսքի մասերին համապատասխանող բառերը իմաստակիր են, բայց չունեն նշանակություն:

Այդպիսի բառերը օժտված խոսքի մասերի միավորներն են, որոնք առավել ակտիվ կերպով գործում են միայն զուտ լեզվական հաղորդակցման ոլորտում: Դրանք սպասարկու խոսքի մասեր-միավորներ են, որոնց կիրառումը իմաստավորված բնույթ է կրում, բայց չունեն նշանակություն: Լեզվաբանության բնագավառում արմատական տարբերություն չի դրվում նշանի նշանակության և իմաստի միջև: Դրանք դիտարկվում են որպես մտքով ըմբռնելի և մտքով էլ վերագրելի միավորներ [7]:

Տվյալ դեպքում չի դիտարկվում լեզվական բառ-միավորների առանձնահատկությունները: Նման հատկությամբ օժտված են բառ-հասկացությունները, նախադասություն-դատողությունները և այլն, որոնք մի կողմից լեզվական արտահայտություն ստացած լինելու շնորհիվ զգայորեն ընկալելի գոյացություններ, իսկ մյուս կողմից այլ օբյեկտների փոխարինելու միջոցներ են, նյութահիդեալական գոյացություններ, ուսումնասիրվող օբյեկտների մասին ինֆորմացիայի կուտակման, պահպանման և հաղորդման միջոցներ:

Պատահական չէ, որ հանրաճանաչ գրող Չ. Այթմատովի արտահայտությամբ՝ լեզուն, խոսքը կեցության առանցքն է: Այնպես որ, մարդը ոչ միայն զգացող ու մտածող, այլև նշանաստեղծ, նշաններ կիրառող էակ է: Ընդ որում, լեզվի և զգայական պատկերների հնարավոր կապի, առնչության մասին է խոսում նաև այն փաստը, որ լեզվական միավորների կիրառման, նրանց բովանդակության յուրացման գործընթացը կարող է իրականանալ և շատ հաճախ իրականանում է այն դեպքում, երբ դիդակտիկորեն ցուցադրվում է հետազոտվող, զգայորեն ընկալելի առարկան՝ ուղեկցվելով տվյալ օբյեկտը նշանակող լեզվական բառ-նշանի արտասանությամբ:

Այս դեպքում ճանաչվում, բացահայտվում է ոչ թե տվյալ առարկայի էությունն ու բովանդակությունը, այլ ֆիքսվում է նրա զգայական պատկերը: Ահա ինչու՝ «Երբ երեխային ցույց ենք տալիս որևէ կոնաձև մարմին և միաժամանակ արտասանում համապատաս-

խան բառը, ապա նրա մոտ առաջանում է ոչ թե տվյալ առարկայի լեզվամտային, այլ, ամենից առաջ, զգայական պատկերը» [6, 13-20]:

Նմանատիպ գործընթաց առկա է նաև այն դեպքում, երբ հաղորդակցվող սուբյեկտներից մեկը չի տիրապետում մյուսի լեզվին: Այս իմաստով էլ Ա. Վետրովի այն եզրակացությունը, թե բառ-նշանի նշանակությունը կարող է դրսևորվել նաև հայեցողական-զգայական պատկերների տեսքով, կասկածելու տեղիք չի տալիս [1, 134]:

Սուբյեկտ-օբյեկտ հարաբերության ընթացքում ձևավորված զգայական պատկերները ժամանակակից մարդու մոտ զուտ անհատական բնույթ են կրում: Դրանք հասարակական պրակտիկայի զարգացման արդյունք են, ուստի չեն կարող առանձնացվել մտածողությունից, հետևաբար՝ լեզվից:

Վերոհիշյալ բնույթի պատկերների ձևավորումը ժամանակակից մարդու մոտ իրականանում է հասարակայնորեն ձևավորված լեզվամտային համակարգի գործոնների նշանակությունների հետ կապված:

Այլ կերպ, զգայական փաստերը (զգայություն, ընկալում, մտապատկեր) առավել օգտակար են դառնում լեզվամտային գոյացության կողմից վերամշակվելուց հետո միայն:

Այնպես որ, մարդու լեզվամտային՝ տրամաբանական իմացության ամբողջությունը զգայական իմացության արդյունք հանդիսացող տարրերից շատերի, զգայական պատկերների «վերակենդանացման» և վերաիմաստավորման կարևորագույն միջոց է հանդիսանում: Այդ տարրերը, ճիշտ է, ամենից առաջ կոչված են պահպանելու և այլոց փոխարինելու սուբյեկտի ճանաչողական գործունեության ընդհանրացված արդյունքները, բայց երբեք էլ դրանք մաքուր ձևով՝ զգայական փաստերից զտված հանդես չեն գալիս, միշտ էլ ինչ-որ չափով հագեցված են զգայական և հուզական բովանդակությամբ: Նմանատիպ գործընթացում վերակենդանացված զգայական պատկերները նշանակալից դեր են խաղում լեզվամտային միավորների և նրանց համապասխան առարկաների կապի բացահայտման գործում: Այս մասին է վկայում նաև բառ-հասկացություններին համապատսխան առարկաների կապի ու բովան-

դակության բացահայտման, արտասանման-ցուցադրման (զգայական) եղանակը: Այնպես որ, մեզ շրջապատող իրերի ու առարկաների մասին ունեցած հասկացությունների բացակայությունն ամենևին էլ չի բացառում նորմալ հաղորդակցման գործընթացը: Այս ընթացքում իրականացվող լեզվամտային հաղորդակցումը չի խաթարում հաղորդակցության գործընթացը, այլ հակառակը, հաստատում է, որ հաղորդակցությունը կարող է իրականանալ զգայական պատկերների բազայի վրա, որ կոնկրետ զգայական պատկերների ձևով դրսևորվող լեզվական բառ-նշանների՝ լեզվի ոլորտ տեղափոխված արտացոլական պատկերի բառ-նշանների նշանակությունը հանդիսանում է լեզվական այլ միավորների կիրառման հիմքը, հասարակական և անհատական իմացության և գործելակերպի զարգացման բազիսը [1, 130]: Ասվածը ևս, մեր կարծիքով, հաստատում կամ վկայում է այն մասին, որ սուբյեկտի կողմից իրականացվող իմացության գործընթացը բարդ, դինամիկ գոյակցություն է, որի ընթացքում դրսևորվում, գործառնում և ինտեգրվում են այնպիսի տարրեր, ինչպիսիք են բանական-վերացական, զգայա-պատկերային գործոններ: Հենց այս հիմքի վրա էլ ժամանակին Ա.Ռ. Լուրիան հանգել է այն եզրակացության, որ մարդու զգայական գործունեությունը իմացության օբյեկտի կոդավորման (վերափոխման) ու հաղորդման բարդ գործընթաց է, որը իրականանում է լեզվական միավորների, խոսքի ակտիվ մասնակցությամբ [2, 232]:

Այնպես որ, լեզուն մտածողության հետ միասին կամ որպես առանձին, ինքնուրույն գոյ, որպես աշխարհի յուրացման յուրահատուկ միջոց ու հիմք՝ հյուսված ու ձուլված է իրականության զգայական արտացոլման, զգայական իմացության հետ, ուստի պետք է համոզվել և ընդունել, որ լեզվամտային գործընթացը, գոյակցությունը իր առանձնահատկություններով հանդերձ չի կարելի հանգեցնել կամ նույնացնել բառերի միջոցով իրականացվող գործընթացների հետ: Ճիշտ է, լեզուն, իր միավորներով հանդերձ, սերտորեն կապված է մտքի ձևերի հետ, հանդիսանում է դրանց անմիջական իրողությունը, բայց ժամանակակից մարդու մոտ զգայական

փաստերի և լեզվամտային միավորների միջև երբեք էլ անջրպետ չպետք է դնել: Ժամանակակից մարդը զգացող, մտածող և խոսող էակ է:

Այսպիսով, քննարկվող հարցի էության պարզաբանման ընթացքում ակամա առնչվում ենք նյութական (իմացության օբյեկտ), իդեալական (օբյեկտի արտացոլված պատկեր), նյութաիդեալական լեզվական գոյակցությունների և տվյալ ոլորտում նրանց ֆունկցիոնալ առանձնահատկությունների ու փոխադարձ կապի հետ: Այն առ այսօր էլ չի կորցրել իր արդիական ու գիտական բնույթը, որի նպատակը, անշուշտ, օբյեկտիվ ճշմարտության բացահայտումն ու պարզաբանումն է: Այս ընթացքում նյութաիդեալական գոյակցությունը՝ լեզվական բառնշանը, որպես նյութաիդեալական գոյակցություն, նույնպես մտովի վերածվում է կամ պատճառ է հանդիսանում զգայական պատկերների առաջացման համար, դրանք էլ, հարադրվելով օբյեկտի հետ, ապացուցում են ստուգված և ստուգվող արդյունքի ճշմարիտ կամ սխալ լինելը:

Գրականություն

1. Ветров А. Семиотика и ее основные проблемы, М. 1968.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии, М., 1973.
3. Степин В.С. Научное познание как «Опережающее отражение». Практики («Практика и познание»), М. 1973.
4. Звягинцев В.А. История языкознания XIX-XXвв, Т.1, М. 1964.
5. Էդ. Բ. Աղայան, «Ընդհանուր և հայկական բառագիտություն», Եր., 1984:
6. Է. Ալավերդյան, Բառի ընկալման ժամանակ զգայական պատկերների դրսևորման մի քանի հարցեր, «Լրաբեր հասարակ. Գիտությունների» թ. 10, 1992:
7. Հ.Ջ. Պետրոսյան, Հայերենագիտական բառարան, Եր., 1987:
8. Հ.Ջ. Պետրոսյան, Լեզվաբանական բառարան, Եր., 1978:

О взаимоотношении материального, идеального и материально-идеального

Эдуард Алавердян
к. филос. н., доцент
Сона Алавердян
методист-делопроизводитель
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Резюме

Познание, как гносеологический процесс, является экзистенцией материального (когнитивного объекта), идеального (возпроизведенный образ когнитивного объекта) и материализацией (лингвистизицией) последних. Следует заметить, что материализация идеального воспроизведенные образы, перемещаясь в сферу языковой материи, трансформируются в материально-идеальную экзистенцию и приобретают потенциально-семиотическое языковое значение (фонетическая группа, буквенный ряд).

В этом плане, подлинное знание формируется, аккумулириется и передается посредством воспроизведенного образа и полноценных языковых единиц.

Interrelation of material, ideal and material-ideal

Edward Alaverdyan
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Sona Alaverdyan
Methodist-clerk
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

Cognition as a gneoseological process is an existence of the matterness (cognitive object), idealness (reproduced image of the cognitive object, and materialization (lingualization) of latters.

It's important to know that materialization of an ideal doesn't mean the lost of it. In this process reproduced images, moving to the sphere of lingual matter, transform into the material-ideal existence and acquire potentially-semiotic linguistical meaning (phonetic group, letter-line).

From this view-point a real knowledge is formed, accumulated and transferenced by the means of reproduced images and full-value lingual units.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ, ТРЕБУЮЩИЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Жанна Алоян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *билингвизм, герменевтический подход, дети-билингвы, полилингвизм*

В современном мире владение двумя или несколькими языками имеет очевидные преимущества в условиях все большей глобализации.

Билингв – явление типичное для современного этапа развития общества, обусловленное развитой системой межъязыкового общения между людьми, принадлежащими к разным культурным пространствам. Вот почему так важно исследование особенностей билингвального общения, затрудняющих взаимодействие между людьми.

Язык является неотъемлемым признаком нации: нет национальности без языка. За потерей языка следует разрушение исторической наследственности, связи времен, памяти. Язык является стержнем национальной культуры, объектом уважения. Язык является определяющим не только для какой-либо конкретной культурной среды. Если что-либо существует в культуре, то это имеет свое оформление и выражение в языке. При этом культурную «идентичность возможно рассматривать в качестве одного из действенных инструментов, влияющих на сам процесс коммуникации» [1, 11].

Обычно «чужая» культура рассматривается как «неестественная». В культуре нет «целостности, а в информационных потоках, социальных намерениях нет конституирующего смысла» [2, 83]. Тем не менее билингвы воспринимают на слух и перерабатывают

информацию на двух языках. Они приспосабливаются распознавать вариации устной речи, оценивая акустические особенности каждого языка.

Билингвы, сталкиваясь с двумя стилями мышления и восприятия мира, оказываются более адаптированными к изменяющейся действительности. При усвоении другого языка происходит изменение содержания собственного сознания, хотя язык и не является единственным условием усвоения культуры. Содержание языкового сознания билингвов приближено к содержанию языкового сознания обоих этносов. Вместе с тем, поскольку осмысление мира происходит в рамках культуры, знание о мире «чужой» культуры формируются в рамках родной культуры.

За словом «чужого» языка стоят реалии не только родной культуры, но и реалии «чужой» культуры. При этом содержание образов языкового сознания меняется в процессе общения. Со степенью владения вторым языком сознание билингва «удваивается». Получается, что существует один общий для двух языков семантический базис. При формировании билингвального сознания существуют две языковые картины мира. Вот почему в ходе межкультурного общения большое значение имеет исследование языкового сознания разных этносов и выявление национально-культурных особенностей.

В условиях билингвизма происходит приобщение через второй язык к новым картинам мира. Поэтому у билингва в индивидуальном сознании согласуются два смысловых контекста, формируется билингвальное сознание.

В разных ситуациях эмоционального настроя говорящего его речевое поведение будет разным для каждого из языков. Вместе с тем, остается часть непонятной информации. Для билингва процесс понимания осложняется необходимостью вхождения в «чужой' межкультурный дискурс, что требует использования принципов герменевтики, сформированной межкультурной коммуникативной компетенцией.

Билингвизм «аккумулирует» в себе потенциал усвоения общечеловеческих ценностей. Чужой язык постоянно проникает в повседневную жизнь в виде интернациональных слов, научно-технических терминов, сленга. В этих условиях необходимы разработки особых методик билингвального (полилингвального) обучения, требуется особый герменевтический подход. Феномен билингвизма раскрывает особенности семантических транспозиций, обусловленных спецификой фоновой информации. При билингвизме происходит наложение и пересечение национальных полей разного типа, мощности и уровня, широты и глубины, совершается не диалог, а полилог национальных элементов. По мере познания человек становится уважителен к иначе думающим, становится интеллигентен. Лишь глубокое исследование раскрывает каждому народу глаза на незаменимую ценность культуры другого народа, уважение к ее уникальности. Г. Гачев отмечает сближение и унификацию всех народов по быту. «Тем не менее в ядре своем каждый народ остается самим собой пока сохраняются особенный климат, пейзаж, пища, этнический тип, язык, которые непрерывно воспроизводят национальные склады бытия и мышления» [3, 23-24].

Распространение двуязычия (а в современных условиях приходится говорить уже и о полиязычии) сопровождается, в частности, усилением этического самосознания людей, принадлежащих другим культурам, обуславливает потребность в специальных образовательных программах, которые направлены на формирование знаний и навыков межкультурной квалификации. Однако, существуют некоторые заблуждения относительно билингвизма, которые считаем нужным прокомментировать.

Сегодня билингвизм не исключение из правил, а, скорее всего, правило. Подсчитано, что более половины населения всего земного шара билингвы. Билингвизм встречается во всех уголках мира, на всех уровнях общества, во всех возрастных группах.

Билингвом можно стать не только в детстве, но и в юности, и в зрелом возрасте. Многие взрослые становятся двуязычными потому, что они вынужденно или по каким-либо другим причинам перемещаются из одной страны в другую, и приобретение второго языка для них становится жизненно необходимым. Одним словом, люди становятся двуязычными, потому что жизнь настойчиво требует использования двух или нескольких языков.

Важно иметь в виду, что монолингвы, билингвы и полилингвы очень разнообразны. Часто они используют тот или иной язык в том объеме, который им необходим для того или иного общения. Одни умеют читать и писать на одном из языков, другие – только говорят, испытывая сложности с орфографией и грамматикой, третьи - в совершенстве владеют двумя языками, хотя, по нашему собственному мнению, таких не очень много.

Люди используют тот или иной язык в соответствии с определенной ситуацией и в соответствии с их видением и решением данной «языковой« проблемы. Так, один из наших знакомых, владея родным армянским языком и немного русским, разговаривал с соседями, родственниками, сослуживцами на армянском языке, но когда он порицал своих детей за какие-либо провинности и проступки, то обычно использовал русский язык, потому что, как ему казалось, замечание, сделанное на русском языке, обладает большей силой, весомостью, более действенно, чем то же замечание, сделанное на родном армянском языке. Что же касается акцента, некоторые билингвы говорят на одном из языков с акцентом, на другом – без него. Это зависит от того, когда они начали изучение второго языка, как часто они использовали его и в какой жизненной ситуации. Хотя некоторая часть билингвов говорит свободно на обоих языках.

Существует мнение, что билингвы могут быть хорошими переводчиками. Это не совсем так. Хотя они в состоянии переводить простые тексты, в основном бытовой тематики, с одного языка на

другой, и используют разные языки в разных жизненных ситуациях, с разными людьми, в разных областях, часто они испытывают сложности при переводе специальных текстов, если они не обучались искусству перевода.

Часто говорят, что смешение языков, «перескакивание» с одного языка на другой в течение разговора - признак лени двуязычных людей. Т.е. при разговоре билингвы ленятся подобрать соответствующее слово или выражение на одном и том же языке, поэтому переходят на другой. Однако, «перескакивание» с одного языка на другой, использование иноязычных слов, фразеологических оборотов очень распространено среди билингвов, говорящих с другими билингвами. Это немного похоже на то, что некоторые предпочитают кофе с молоком, а не только кофе или только молоко. В двуязычной среде использование того или иного языка можно считать допустимым, билингвы могут использовать языки по желанию. Многие выражения и слова лучше и точнее звучат в одном языке, другие – в другом. Поэтому «перескакивание» с одного языка на другой позволяет использовать правильный оборот речи, не прибегая к переводу, который, по справедливости говоря, не всегда может точно выразить то, что хочет сказать человек в той или иной ситуации. Следует заметить, что в других ситуациях, когда билингвы разговаривают с монолингвами и знают, что «перескакивание» может привести к коммуникативным лакунам, они не смешивают языки и придерживаются только одного языка.

Говоря о «бикультурности» билингвов, хочется заметить, что не всегда билингвов можно считать бикультурными, хотя они взаимодействуют с обеими культурами и сочетают аспекты обеих культур. Многие из них монокультурны, одна культура «перевешивает» другую. Можно быть билингвом, но не бикультурным, и монолингвом, но бикультурным , как, например, британцы, живущие в США.

Следующее заблуждение о билингвах касается того, что, будто бы у них происходит раздвоение личности. Не можем согласиться с

подобным утверждением, так как считаем что билингвы, как и монолингвы, адаптируют свое поведение соответственно различным ситуациям и различным людям. Это часто приводит к «перескакиванию» с одного языка на другой при разговоре с разными людьми. Например, билингв, который владеет армянским и русским языками, с бабушкой, живущей в России, говорит на русском языке, а с родственниками в Армении, монолингвами, – на родном армянском языке. Такая смена языков приводит к тому, что билингвы, как бы, сами меняются при переходе с одного языка на другой. Однако, можно выделить ситуации, когда этот переход вызывает незначительные изменения в поведении человека, его чувствах, его мнении и т.д.

Некоторые билингвы росли и одновременно обучались двум языкам и, следовательно, на этих языках они способны выражать свои эмоции. И для большинства билингвов, которые приобрели языковые знания последовательно – сначала обучались одному языку, а затем, несколько лет спустя, другому – картина ясна не окончательно. Эмоции и билингвизм – это сложная и еще не до конца исследованная область, но в действительности, здесь нет четких правил. Некоторые из билингвов предпочитают использовать один язык, некоторые- другой (другие), а некоторые используют оба языка для выражения своих чувства и эмоций.

Выделим ряд особенностей билингвального общения, касающиеся детского возраста.

Уже давно известен тот факт, что билингвизм не является помехой в развитии детей. Были проведены исследования, которые показали, что, наоборот, дети-билингвы не только не отстают в своем развитии, но и более сметливы по сравнению со своими сверстниками-монолингвами. Язык, который используется дома, является лингвистической базой для обучения другому языку. Это также позволяет детям-билингвам использовать более «подходящий» язык в определенных ситуациях.

Уже давно устарел подход «один человек – один язык». Если дети растут в билингвальной среде, совсем необязательно, чтобы одни взрослые говорили с ними на одном языке, другие – на другом. Ребенок сам осознает потребность в усвоении того или иного языка, понимая какой язык для него «важнее». Общаясь с монолингвами и билингвами, ребенок «смешивает» языки в определенных ситуациях. Дети будут стараться говорить на одном языке, если они почувствуют жизненную необходимость этого. Следовательно, для родителей иногда просто необходимо создание «монолингвальной среды, где ребенок вынужден говорить на одном языке.

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что билингвизм создает оригинальную нестандартную герменевтическую ситуацию. Становится очевидным, что и мышление билингва может поддерживаться не однозначными, а альтернативными понятиями, без учета которых нельзя адекватно оценивать и корректировать многие факты речевой и мыслительной деятельности билингва.

Литература:

1. Алоян Ж.Л. Диалог культур как экспликация культурной самобытности билингвов / Сб. научных материалов, Ванадзор: Издательский дом СИМ, 2013. С. 6-15
2. Алоян Н.Л. Трагедийность бытия, Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. - 160 с.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. М.:Academa, 1998.- 429 с.

Երկլեզու հաղորդակցման հերմենևտիկ մոտեցում պահանջող որոշ առանձնահատկություններ

Ժաննա Ալոյան
բ.գ.թ.
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Ամփոփում

Հոդվածում հեղինակը ուշադրության է արժանացնում երկլեզու հաղորդակցման առանձնահատկությունների հետ կապակցված որոշ խնդիրներ: Բազմալեզու հաղորդակցման ժամանակ տեղի է ունենում ազգային մշակութային դաշտերի ներթափանցում, որի ժամանակ այդ երկխոսության արդյունքում առաջանում է իմաստի որոշակի խաթարում:

Հեղինակը նաև ուշադրություն է դարձնում այս խնդրի հերմենեվտիկ մոտեցմանը, հատկապես երկլեզու երեխաների շրջանում և առաջարկում է խնդրի լուծման նոր ուղիներ:

Some peculiarities of bilingual communication requiring hermenevtic approach

Zhanna Aloyan
Candidate of Philological Sciences
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

In this article the author tries to pay attention to some problems connected with peculiarities of bilingual communication. During communication the intersection of national cultural fields takes place. That is why in present days the dialogue of national cultural and language elements becomes the reason of some misunderstanding between people.

The author pays special attention to hermenevtic approach to this problem, especially, to bilingual children, and proposes the ways of further investigation in this direction.

ЕЩЕ РАЗ О КОНЦЕПТЕ «БРАТ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ПАРЕМИИ)

Карине Арустамян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, когнитивная лингвистика, фразеологизмы, паремия, паронимическая аттракция, атрибутивные сочетания, межкультурный диалог и др.*

Слова отец, мать, брат, сестра составляют круг лексем, который представлен в словаре носителя любого языка весьма значительным и активно функционирующим пластом, поскольку познание окружающего мира начинается с познания самых близких лиц, составляющих семейный круг и кровно между собой связанных. И если другие пласты лексики по мере взросления человека, обретения им опыта, углубления знаний об окружающем мире могут перемещаться, например, из центра лексического поля на его периферию, то слова со значением родственных отношений прочно входят в «ближний круг», им свойственны константность и незыблемость, а обозначаемые ими понятия составляют основу миропонимания человека. Независимо от цвета кожи, национальности, принадлежности к той или иной конфессии или цивилизации слова со значением родственных отношений составляют самую основу системы ценностей человека и остаются таковыми в течение всей его жизни, лишь обогащая и углубляя ее. Более того, слова со значением родственных отношений являются своеобразным мерилом для оценивания других важных свойств и понятий. Такие проявления, как верность, любовь, готовность к самопожертвованию и другие высокие качества человека определяются в сравнении с чувством по отношению к матери или отцу, брату или сестре. Не случайно поэтому появились сочетания «отцовский дом», «материнская забота», «братская помощь», клишированность которых лишний раз указы-

вает на общечеловеческую природу выраженных отношений. Примечательна в этом отношении функционирующая в просторечье и привычная в устах армянина фраза: «հորս արև». Ее дословно можно перевести следующим образом: «клянусь солнцем (моего) отца» (т.е. клянусь жизнью моего отца). Этой фразой обычно подкрепляют данное обещание, она служит самой верной клятвой и придает весомость высказанному слову.

Слова со значением родственных отношений в словаре любого народа образуют своеобразное ядро, из которого в дальнейшем вырастает и формируется вся его языковая картина мира. Интерес к ней в последние десятилетия проявляется со стороны различных наук – культурологии, психологии и, конечно, лингвистики, для которой изучение концептосферы в наши дни стало одним из самых активно разрабатываемых направлений когнитивистики. Концепт вербализуется посредством языка, фиксируется в определенных языковых единицах, отражающих окружающий мир его глазами. Их сопоставительное изучение, безусловно, позволит очертить возможные грани межкультурного взаимодействия. Вполне закономерно поэтому пристальное внимание лингвистов к тем пластам языка, в которых отложился тысячелетний опыт народа, кристаллизовалось его мироощущение, сформировалась его языковая картина мира. Не в последнюю очередь это относится к словам со значением родственных отношений, поскольку они несут в себе глубокий отпечаток ментальности, изучение которого, помимо научного аспекта, в условиях активизации межкультурных контактов представляет и практический интерес.

Данная статья посвящена сопоставительному анализу концепта «брат» в русском и армянском языках, поскольку он представлен в них разнообразным языковым пластом – единицами фразеологии, пословично-поговорочным материалом и прочими фактами, отраженными в малых жанрах фольклора (благословениях, проклятиях, загадках, песнях и пр.). Она является продолжением ранее опубли-

кованной работы [1, 17-23], в которой рассматривались понятийное содержание и культурологические аспекты концепта брат, возможности функционирования сочетаний, включающих данный концепт, выявлялись этимологические истоки и сопоставлялись деривационные возможности и пр. Однако дальнейшее изучение материала накопило немало таких языковых фактов, которые не были учтены и выпали из нашего поля зрения, Анализ этого материала попытаемся представить в данной статье.

Нет нужды повторять основные положения предшествующей статьи, которая показала совпадение понятийного содержания концепта брат в русском и армянском языках, исключение составляет разве что применение этого слова при обозначении близких ощущений в древнеармянском языке, что, впрочем, не актульно для современного армянского языка [12, 652]. Отметим также единые истоки их этимологии и, наоборот, различие деривационных возможностей, что также естественно при различии словообразовательных потенций сопоставляемых языков. Стоит лишь отметить, что если деривационные ряды, образованные на основе концепта брат в русском языке впечатляют количеством суффиксальных образований (братец, братуха, брательник, братишка, братан и др. [2, 124-125], то словари современного армянского языка приводят целый массив сложных образований – числом 42 единицы, одним из корней которых является фратроним (եղբայր): եղբայրաբաժին, եղբայրագիր, եղբայրադավ, եղբայրադեմ и т.д. [1, 17-23]. Отметим, что современные словари русского языка отмечают лишь несколько сложных слов: «братоубийство, братоубийца и образованное на их основе прилагательное «братоубийственный» [4, 112]. Этот список может быть дополнен словами «братолюбие, братоненавидение, братотворение» из Словаря В. Даля, которые однако определенно устарели.

Что касается суффиксальных образований, то концепт брат в армянском языке представлен следующими дериватами: եղբայր – ախպեր, ախպերիկ; ախպար – ախպարիկ. Обращение «ախպար»

имеет подчеркнуто просторечный оттенок и является западноевропейским вариантом слова եղբայր. Оно содержит устойчивую коннотацию: так в простонародье называли выходца из Западной Армении, репатрианта. Еще одним суффиксальным образованием является слово, образованное на основе фратронима – «ախպերացու», который соответствует русскому «названый брат», т.е. неродной, но близкий человек.

На основе фратронима в русском языке не много фразеологизмов: ни сват ни брат, сам черт не брат, свой брат, наш брат и др. Некоторые из которых восходят к Библии: брат на (против) брата <восстал> и братья наши меньшие [меньшая братия, меньшие братья]. Последние два фразеологизма подчеркнуто книжного характера и отсылают нас к братоубийству Каина, затаившего злобу на брата Авеля и убившего его: «… и будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством» (Книга Исхода, 19:2).

В качестве второго значения словари русского и армянского языков одинаково отмечают в концепте «брат» сему «товарищ, единомышленник» [8, 48]. И в приведенном отрывке, наряду со словом брат, в качестве однородного члена выступает слово «друг». Совмещение обоих значений концепта «брат» в пределах одной синтаксической конструкции, таким образом, закрепляет существующие между ними семантические связи.

Обратимся и к другим фразеологизмам в русском языке с концептом брат – «ни брат ни сват, наш брат, свой брат, <сам> черт не брат, на брата, с брата и др. [9, 73]. Фразеологизмы «на брата, с брата» предполагают «на каждого» (человека), а атрибутивные сочетания с притяжательными местоимениями «свой брат, ваш брат, наш брат» подразумевают человека, «равного по положению, одного и того же мировоззрения, т.е. единомышленника, друга, близкого». На наш взгляд, в семантике этих фразеологизмов просматривается не-

кий элемент тавтологии, так как брат – это всегда «свой» («наш») человек.

Русские фразеологизмы «на брата, свой брат, с брата, ваш брат, наш брат» привносят в речь целый комплекс смысловых оттенков, реализация которых привязана к конкретной речевой ситуации:

Вполне сопоставимы с ними армянские фразеологизмы «ախպերս որ դու(ն) ես, ախպորս ասեմ, ախպորս հարցնեմ», которые функционируют как обращения, призванные настроить собеседника на дружеский тон, выражают дружеское к нему расположение. Фразы эти применяются как по отношению знакомому, так и малознакомому человеку и служат своеобразным кодом, предполагающим открытость к диалогу. Фразеологизм «ախպոր տղա», помимо обращения, еще и указывает на статус собеседника или же на того, с кем его сравнивают. Во всех этих оборотах концепт «брат» служит верным способом для установления дружеской связи, в них содержится призыв к дружескому контакту. А во фразеологизме «ախպեր տղերք» есть указание на некий круг близких по духу или по роду деятельности лиц, причем, в некоторых контекстах это сочетание может приобрести негативный оттенок. (Сравнить с сочетанием «друзья-приятели»).

Сопоставим русский фразеологизм «будь другом» с армянским «ախպոր նման» (ախպոր պես), который дословно можно перевести, как «будь мне как брат». И в русском и в армянском языках эти обороты применяются при выражении просьбы, дружеского участия, поддержки и пр. Однако русский фразеологизм строится на основе существительного «друг», а армянский – на основе фратронима, и обращен он к тому, от которого ожидают содействия, какое может оказать только брат.

Сема «друг, помощник» находит подтверждение в ряде пословичных выражений как в русском, так и в армянском языке. Приведем некоторые из них: из русской паремии:1. Нет друга супротив родного брата. 2. Поживем как братья, посчитаемся как жиды.

3.Брат он мой, а ум у него свой. 4. Брат брату головой в уплату. Из армянской паремии: 1.Աղբերն աղբուրը վուր քոմագ (օգնի) անե, սարը սարին կու դնի: 2. Ախպերն ախպոր ախպուրն է, որ ծառվընաս՝ պաղ ջուրն է [10, 43]. Дословно перевод последней пословицы звучит следующим образом: брат для брата (что) родник. Семантическая насыщенность и формальная выразительность, опирающиеся на паронимическую аттракцию (ախպեր – ախպուր) и лексический повтор (субъект - определение), придают фразе необыкновенную эмоциональность и создают глубокий образ, в котором соединяются два понятия, два концепта – кровно близкий, родной человек и родник, способный утолить жажду. Между аттрантантами ախպեր – ախպուր возникает эффект синонимического сближения.

Однако нередко в пословицах и поговорках концепт брат обретает негативный смысловой оттенок, передает чувство неприязни брата к брату. Подобные выражения имеются как в русской, так и армянской паремии: Брат на брата – пуще супостата. Хорош брат, сестру продал. Ախպերը ախպոր վատը կուզի, մահը՝ ոչ: Ախպերը ախպոր միս կուտի, ոսկրները դեն չի քցի: 3. Ախպերն ախփնոց, երկու ձեռն ի ծոց: и др. Каждое из этих выражений достойно отдельного рассмотрения, настолько разнообразны их семантические реализации: Кто богат, тот мне и брат. Он любит называться в чужие братцы. Уговорец родной братец всем делам. Назови мужика братом, а он норовит в отцы и др.

Еще более интересны фразеологизмы и пословичные выражения в обоих языках, в которых задействованный фратроним обозначает неодушевленный предмет. Приведем некоторые из имеющихся в русском языке сочетаний: солдатский братец (о ранце), сапог лаптю не брат, казна не свой брат, вино пляске брат, хлеб хлебу брат, смерть не свой брат и др.

Во всех приведенных примерах прямое значение метафорически преобразовано, и в концепте брат выявляется новое значения –

равный и / или неравный: вино пляске брат; сапог лаптю не брат, казна не свой брат.

Особенно примечательно атрибутивное сочетание «солдатский братец», которое по сути представляет собой своего рода загадку, отгадка которой - ранец – подсказывается не только рифменным повтором суффикса –ец, но и всем фонетическим обликом соотносящего слова: б**Р**ат**ЕЦ** – **Р**ан**ЕЦ**. На фоне фонетического сходства между соотносящимися словами возникает семантическая перекличка: ранец солдату такая же необходимость, что родной человек, брат. Приведенный пример – не единственный случай использования концепта брат в загадках. Например: Сто один брат, все в один ряд, вместе связаны стоят (о частоколе). Два братца купаются, а третий насмехается (ведра и коромысло) и др.

Отмечены случаи использования фратронима в значении неодушевленного существительного и в армянской паремии. Так, в известной сказке Ов. Туманяна «Կացին ախպեր» («Братец топор») [11, 159-160] простодушные крестьяне свое неумение орудовать топором объясняют магической силой, исходящей от колуна.Топор вызывает у них уважение и даже страх, и чтобы умилостивить его, они обращаются к нему почтительно – уважительно: «Братец!»

А вот в знаменитой «Песне пахаря» («Հորովել») крестьянин называет братом вола: Եզո ջան, ախպեր ջան [13]. Дважды повторенное междометие ջան подчеркивает сердечность отношений между пахарем и животным. Вол для пахаря самый верный и преданный помощник. В обращении «брат» совмещаются как бы как первое, так и вторичное значение концепта, потому что «брат» - это тот, с кем вместе трудятся на одном поле, это плечо, на которое может опереться пахарь. В «Песне пахаря» эти значения концепта «брат» воплощаются с необыкновенно поэтической силой. Отметим попутно, что в этом исключительном образце армянского фольклора сплелись воедино такие магистральные концепты, как труд (пахота), помощник (брат), поле, вол и др.

Большой интерес представляют пословичные выражения, в которых концепт брат задействован в сопоставлении с концептом сестра, брат для сестры или сестра для брата. И хотя в таких выражениях оппозиция сестра – брат порождает все новые ассоциации, затрагивает иные семантические и культурологические поля, все же считаем уместным представить некоторые образцы этих сочетаний как из русского, так и армянского источников: Вор не брат, а потаскуха не сестра. Не смейся, братец, чужим сестрицам: своя в девицах. Քուրը մեռնի աղբուր համար, աղբերը մեռնի ուրիշի համար: 2. Աղբարը պարուն է, իր տիրուն (կնոջ) է: и др. В армянских пословицах подчеркивается неравнозначность отношений, с одной стороны, брата к сестре и, с другой, сестры к брату: Քիրը մեռնի աղբոր համար, աղբերը մեռնի ուրիշի համար: Քիրը ասեց աղբեր ունեմ, աղբերն ասեց քիր չունեմ: Любовь и преданность к брату затмевают даже материнское чувство к родному сыну: Տղեն ձեռ կընկնի, ախպերը ձեռ չի ընկնի: В этих образцах армянской паремии концепт брат приобретает новый семантический оттенок : брат - это тот, кто незаменим, ближе и любимей которого нет на свете для сестры.

Приведенные примеры, конечно, не исчерпывают всех возможных реализаций концепта брат в русской и армянской паремии, однако те немногие языковые факты, которые были затронуты в статье, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в языковой картине мира носителей армянского и русского языков концепт «брат» находит множество параллелей. А те языковые факты, которые подчеркивают ментальность мировосприятия, национальный характер, не могут, по нашему глубокому убеждению, быть препятствием для межкультурной коммуникации. Напротив, весь спектр семантики концепта брат, представленный в паремии этих языков, создает достаточно оснований для успешной реализации межкультурного диалога.

Литература:

1. Арустамян К.С. Лингвокультурологический анализ концепта «брат» // Գիտական նյութերի ժողովածու: Վանաձոր, 2013, էջ 17-23:
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1, М., 1981.- 124-125 с.
3. Է. Աղայան, Արդի հայերենի բացատրական բառարան: Երևան, 1976, էջ 322:
4. Евгеньева А.П. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. М., 1985.- 112 с.
5. Ա.Մ. Սուքիասյան, Ս.Ա. Գալստյան, Հայոց լեզվի դարձվածքաբանական բառարան: Երևան, 1975:
6. Ա.Տ. Ղանալանյան, Առածանի: Երևան, 1960, էջ 267-268:
7. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.- 52-53 с.
8. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2011.- 48 с.
9. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. М.-СПб, 2006.- 73 с.
10. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1986.- 43 с.
11. Հովհ. Թումանյան, Երկերի ժողովածու, հ. 3: Երևան, 1969:
12. Նոր բառգիրք հայկազեան լեզուի (ՆԲՀ): Վենետիկ, 1836, էջ 652:
13. Հորովել, Հայկական երգերի տեքստեր [Էլեկտրոնային ռեսուրս] – մուտքի պայամանակրգը: http://lyrics.do.am/load/teksty_pesen/teksty_armjanskikh_pesen/

«Եղբայր» հասկացույթով ռուսերենի և հայերենի պարեմիոլոգիական միավորների մասին

Կարինե Առուստամյան
բ.գ.թ., դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է «եղբայր» հասկացույթի ուսումնասիրությանը, որի համար լեզվական նյութ են հանդիսացել ռուսերենի և հայերենի դարձվածքները, ինչպես նաև բանահյուսական փոքր ժանրերի նմուշները, մասնավորապես, առածները, հանելուկները, անեծքները և այլն:

Ուսումնասիրության նպատակն է նշված լեզվական միավորներում հայտնաբերել հասկացույթի իմաստային առանձնահատկությունները, ընդգծել, մի կողնից, նրա ռուսերենու և հայերենում ընդհանուր, մյուս կողմից, զուտ ազգային մտածելակերպի դրսևորումները, որոնց վերհանումը հիմք է ստեղծում միջմշակութային երկխոսության իրականացման համար:

Concept «brother» as Paremiological Units in Russian and Armenian

Karine Arustamyan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

The article deals with the study of the concept «brother» in the phraseologisms of the Russian and Armenian languages, as well as in small genres of folklore, particularly, in proverbs, riddles, curses, etc. The aim of the research is to find out the semantic peculiarities of the concept on one hand and to emphasize the expression of mere national mentality on the other hand. This identification creates basis for the implementation of intercultural dialogue.

АФОРИЗМЫ – ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ РЕЧИ

Нонна Авакян
Арцахский государственный университет

Ключевые слова: *авторизированное высказывание, литературный жанр, парадоксы, краткое изречение, риторический вопрос, язык афоризмов*

Важным вопросом для афористики является вопрос о том, когда вошел афоризм в литературу, новое ли это понятие или давно известное. Последнее десятилетие ознаменовалось особым вниманием к афоризмам и к афористике, хотя интерес к меткому слову вообще существовал у человечества с древнейших времен. (Самым древним памятником афористики считается древнеегипетское «Поучение Когемни», около 2900г. до н.э.!) [16, 23].

Библиотека афористической литературы огромна, и она значительно расширилась в последнее время, причем за счет большого количества словарей и энциклопедий. Казалось бы, лексикографическая обработка афоризмов должна внести некоторую упорядоченность в теорию афоризмов. Но многочисленные лексикографические работы сомнительного качества только усиливают хаос в этой области лингвистики. Нет описания принципов вычленения афоризмов из художественных и иных текстов; нет и определения афоризма как отдельной семантической единицы.

Остается масса вопросов даже относительно самого термина – «афоризм». Однако в общей лингвистике и литературоведении не вызывает сомнения существование особых, авторизированных высказываний (изречений), которые по традиции именуются афоризмами [1, 27].

Определение афоризма содержали самые старые словари русского языка, например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: «Афоризм – короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное,

но полное по себе положение». В словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» термин «афоризм» объясняется следующим образом: «Краткие, отдельные изречения, отрывочные, без внутренней связи между собою».

В настоящее время в литературоведении афоризмом принято считать краткое изречение, в котором в лаконичной, художественно-заостренной форме излагается обобщенная мысль. Так данный термин трактуется, например, в Литературном энциклопедическом словаре. Там же совершенно справедливо утверждается, что афоризм выявляет общее и типическое в действительности. С точки зрения литературоведения афоризм включает в себя максимы (афоризмы морального содержания) и сентенции (афоризмы без имени автора), апофегмы (афоризмы, приписываемые определенному автору), хрии (афоризмы определенного лица в определенных условиях). Дополним эту классификацию таким жанром, как гномы (нравоучительные изречения в стихах, особенно популярные в древней Греции и восточных культурах). В «Поэтическом словаре» Квятовского афоризмом называется ‘изречение, выражающее с определенной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль». Это же определение повторяется во многих толковых словарях современного русского языка.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой нет определения афоризма, но в некоторых словарных статьях, например, синонимически сближаются термины афористический, гномический (принадлежащий гноме) и пр.

Общеизвестно, что при анализе афоризма можно установить текст, из которого он извлечен, и автора-создателя данной фразы.

Афоризмы, хотя и считаются литературным жанром, но не содержат художественного образа. Главное в них – мысль, парадоксальная, противоречивая, раскрывающая некоторую относительность общепринятых истин. Афоризмы, чаще всего, извлекаются из художественных текстов (намеренно или нет), но в

этом случае они иллюстрируют не индивидуальные переживания персонажа, а содержат мысли, имеющие всеобщий смысл. Таким образом, афоризмы практически не зависят от широкого контекста. (В некоторых случаях они могут составлять отдельные книги, как, например, у Козьмы Пруткова, Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера или Лихтенберга). Афоризмами не могут считаться высказывания персонажа, если они явно противоречат целостному миропониманию автора. [18, 7].

Проблема вычленения афоризма из контекста продолжает оставаться дискуссионной, так как пока нет ясности в вопросе о формальных признаках афоризма.

Однако некоторые признаки афоризма можно считать вполне определенными и не вызывающими особых разногласий ученых. Достаточно часто афоризмы тяготеют к ритмической упорядоченности и имеют закрепленный порядок слов, являются структурно замкнутыми с синтаксической точки зрения. (Особенно ярко это проявляется в поэтических афоризмах.).

Афоризм– это высказывание вполне устойчивой формы и представляет собой единое неделимое целое. В их состав нельзя ввести какие-либо компоненты, как нельзя произвольно извлечь из них что-либо, не изменив при этом смысла фразы, т.к. афоризм представляет собой суждение [2, 7].

Постоянно вызывает вопрос объем высказывания, при котором оно является афоризмом. Афоризм обычно включает в себя от одного до трех предложений разного типа. При большем объеме– это афористическое высказывание.Вне афористики остаются фразеологические (устойчивые) обороты, пословицы и поговорки, а также парадоксы, каламбуры, эпиграммы и др.

Цельность афоризмам придает широкое использование тропов и стилистических фигур, таких как анафора, эпифора, антитеза, риторический вопрос, риторическое восклицание, различные параллелизмы и др.

Анафора представляет собой повтор слов или группы слов в начале смежных фраз. Например: ***Как*** *вольно дышит грудь,* ***как***

бодро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны! (И.С.Тургенев) [22, 27].

Эпифора, наоборот, представляет собой повтор слов или группы слов в конце смежных фраз. Например: *Не верьте словам* ***ни своим, ни чужим****, а верьте делам и* ***своим*** *и* ***чужим****.* (Л.Н. Толстой) [20, 72].

Большая часть афоризмов построена на антитезе, где используются антонимы как общеязыковые, так и контекстуальные. Например: *Где* ***слабый*** *ненавидит –* ***сильный*** *уничтожает.* (А.С. Грин) [7, 9].

Риторический вопрос – это вопрос, не требующий ответа от читателя или собеседника. Например: Мысль! Великое слово! Что же составляет величие человека, как не мысль? (А.С. Пушкин) [15, 3].

Использование стилистических фигур и тропов, не только укрепляет структуру афоризмов, но и обуславливает его эмоциональную действенность и оригинальность.

Афоризмы отличают концептуальная цельность, смысловая законченность, а также понятийная завершенность [21, 8].

Отдельным афоризмам свойственна определенная экспрессивность, что зачастую объясняется очень личным характером афоризма, выражающего чувства автора. Истинно глубокие патриотические чувства прослеживаются во всех афоризмах, посвященных родине.

Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. (В. Г. Белинский) [3, 6].

Что такое родина? Это – весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. Это – прошлое народа, настоящее и будущее. Это – его своеобразная культура, его язык, его характер… (А. Н. Толстой) [19, 7].

М. Горький справедливо отметил: «Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью». «Я, – писал он,– много учился… на мышлении афоризмами» [6, 3]. По его мнению, «мышление афоризмами характерно для народа». Это подчеркивает и Н. А. Добролюбов: « Народная мудрость высказывается обыкновенно афористически» [8, 18].

С иной точки зрения оценивает афористику Л.Н. Толстой: «Афоризмы– едва ли не лучшая форма изложения философских суждений» [20, 9].

В афоризмах глубоко отражаются разнообразные отношения людей. По наблюдениям М.А. Шолохова, «необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах» [24, 6]. Каждый читатель найдет в них для себя огромную пользу, выверяя по ним свое поведение в различных жизненных ситуациях, пользуясь опытом многих поколений.

В изречениях обобщены результаты созидательной деятельности огромного числа людей, всего человечества. Об исключительной ценности опыта, содержащегося в афоризмах, писал Л.Н. Толстой: «У нас есть результаты мыслей величайших мыслителей, выделявшихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и результаты мышления этих великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное» [20, 5].

Несметны богатства русской афористики. В связи с этим, М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал: « Старинная мудрость завещала такое множество афоризмов, что из них камень по камню сложилась целая, несокрушимая стена» [17, 4].

Велика роль писателей в обогащении сокровищницы русской национальной афористики. Выдающуюся роль в этом сыграл А. С. Пушкин . М. Горький восхищенно говорил о том, как поэт пользовался афоризмами: «Он <Пушкин> был по-русски красноречив, и особенно подкупало меня блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью русской речи» [6, 11].

Пушкин внес в активный оборот сотни своих афоризмов, которые предстоит еще собрать и всесторонне проанализировать на фоне русской и общей афористики, чтобы по достоинству оценить их общественную значимость.

Л.Н. Толстой писал: «Книги изречений не только не подавляют самостоятельной деятельности ума, но, напротив, вызывают ее» [20, 8].

Они развивают умственную деятельность, активизируют ум при решении сложных проблем, истины, выраженные в афоризмах в яркой художественной форме, укрепляют жизненные позиции писателя, придают ему уверенность в минуты сомнений и тяжелых раздумий.

Неоценима роль прозаических афоризмов, различных по своей структуре и объему, в развитии познавательной деятельности человека. Нравоучительность, обобщенность т.е. сентенция, проявляется в них ярче.

В поэтических афоризмах, объединенных помимо всего прочего, и ритмической организацией, ярко проявляется индивидуально-авторское своеобразие. Такие афоризмы отличаются большой глубиной осмысления действительности. Например:

Бессмертие дарует слава
И к подвигам стремит:
Но лесть в устах ее отрава.
(В. В. Капнист) [9, 4].

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел…
(А. С. Пушкин) [15, 3].

По структуре афоризмы могут быть самыми разнообразными – от простого несложного предложения до ряда сложных предложений (не более трех!). У Н. С. Лескова и А. Н. Островского достаточно частотны афоризмы, представляющие собой простые предложения.

Любовь не может быть без уважения. (Н. С. Лесков) [12, 10].

Снисхождение к *злу* граничит с равнодушием к добру. (Н.С. Лесков) [12, 13].

Сложные афоризмы и афористические высказывания свойственны стилю Л.Н. Толстого, М. Горького, А.П. Чехова, А.И. Герцена, В. Г. Короленко.

Всеобщая подача голосов – этот палладиум гражданской *свободы* – имеет тоже свою изнанку. Политическая неразвитость народа, его безграмотность, непривычка разбираться в идеях, в направлениях, недостаток известных народу деятелей…– все это поселяет самые реальные опасения, дает простор для искажения народного мнения, заставляет сильно задуматься над ближайшими результатами. (В. Г. Короленко) [11, 9].

Мы тратим , пропускаем сквозь пальцы, лучшие минуты, как будто их невесть сколько в запасе. Мы обыкновенно думаем о завтрашнем дне, о будущем годе в то время, как надобно обеими руками уцепиться в чашу, налитую без края, которую протягивает жизнь, непрошенная, с обычной щедростью своей– и пить, и пить, пока чаша не перешла в другие руки. *Природа* долго потчевать и предлагать не любит. (А. И Герцен) [5, 7].

Литературный процесс – явление системное, и нельзя ограничиваться лишь рассмотрением произведений выдающихся авторов. В этом случае история языка и литературы окажется значительно обедненной. Наряду с широко известными писателями и поэтами, на процесс формирования духовных и нравственных ценностей народа, определяюще влияли все художники слова. Заметим, что умение мыслить афористично не является прерогативой только выдающихся писателей. Необычайно интересные изречения встречаются и у малоизвестных писателей и поэтов:

Жил честно, целый век *трудился*
И *умер* гол, как гол родился. (И. И. Хемницер) [23, 11].
Законы святы
Но исполнители лихие супостаты…(В. В. Капнист) [9, 15].

В сокровищницу русской литературы и культуры вошли многие изречения известных русских литературных критиков, историографов-философов.

Вы ведь хотите быть *счастливыми.* Так думайте как можно меньше о собственном благополучии, заботьтесь о чужом; можно биться об заклад, тысяча против одного, что вы достигнете высших пределов счастья, какие только возможны. (П. Я. Чаадаев)

Для того чтобы один *человек* открыл плодотворную *истину,* надо, чтобы 100 человек испепелили свою жизнь в неудачных поисках и печальных ошибках. (Д. И. Писарев) [14, 55].

Мудрые мысли помогают наставить на путь истинный наше юное поколение, привить ему устойчивые понятия любви к родине, к отечеству и соотечественникам. Многие афоризмы направлены на улучшение нравственного климата в обществе, на воспитание патриотических чувств.

Человек без родины жалок. Он никто. И наоборот: даже в самые трудные минуты человеку придает силы мысль, что он сын великой страны. (С. В. Михалков)[13, 5].

Способ быть счастливым в жизни есть: быть полезным свету и в особенности Отечеству. (Н. М. Карамзин)[10, 8].

Афоризмы – это алгебра мысли. Выразительность афоризма возрастает при уменьшении числа слов. Рождаются афоризмы как в контексте философских, научных и художественных произведений, так и в обычном разговоре: *бездарность легче прощают, чем талант. Каждый слышит то, что понимает. Знание – сила*. (Ф. Бэкон) [4, 12].

Язык народных афоризмов богат метафорами. Они могут быть простыми, развернутыми, сравнительными, комическими, каламбурными. Они цементируют афоризмы, придают им силу и красоту. Жизнь такова, что всегда открыта возможность создания новых афоризмов, утверждениях в языке. В этом нет сомнения: раз появляются новые поколения, разрабатываются новые тех-нологии производства, значит, будут рождаться новые духовные

потребности, новые слова и афоризмы, отражающие новые чувства, отношение, новую суть всего.

Слишком неуловима грань, отделяющая оригинальную авторскую мысль от афоризма народной мудрости, от изречений мудрецов древности. Неудивительно, что многие вновь создаваемые афоризмы оказываются хорошо забытыми старыми изречениями. И не случайно, что у различных народов и мыслителей самых разных времен встречаются афоризмы, похожие по смыслу, звучанию и внешнему строю. Если попытаться свести воедино основные, исходные идеи нравственной мудрости, то их наберется не так уж и много и все они либо ведут свои истоки из народной мудрости, либо были высказаны первыми мудрецами. Но дело здесь, конечно, не в заимствовании, а в существовании некоторых «архетипов» нравственной мудрости, которые воспроизводятся в различные эпохи в разных культурах разными мыслителями независимо друг от друга. Авторство афоризмов как бы заключает в себе общечеловеческую мудрость, вырастающую на почве культурно-исторического и жанрового многообразия источников нравственной мысли.

Литература:

1. Бабель И. Э. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990.
2. Бек А.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература. Русский советский ПЕН-центр, 1991.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953-1959.
4. Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1978.
5. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1975.
6. Горький М. Собрание сочинений: В 16 т.– М.: Правда, 1979.
7. Грин А. С. Избранные произведения: В 2 т. Симферополь: Таврия, 1976.

8. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Художественная литература, 1986.
9. Капнист В. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1973.
10. Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература (Ленинградское отделение), 1984.
11. Короленко В.Г. Избранные произведения. Пермь: Пермское книжное издательство, 1984.
12. Лесков Н.С. Сочинения: В 3 т. М.: Художественная литература, 1988.
13. Михалков С.В. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1981-1983.
14. Писарев Д. И. Сочинения: В 4 т.–М.: Гослитиздат, 1955-1956.
15. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1937-1949.
16. Рерих Н.К. Избранное. М.: Правда, 1990.
17. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Правда, 1988.
18. Соколов-Микитов И.С. Избранные произведения: в 2 т. Л.: Художественная литература (Ленинградское отделение), 1972.
19. Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1946-1953.
20. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1980.
21. Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.–Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1963.
22. Тургенев И. С. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Художественная литература, 1976.
23. Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. М.–Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1963.
24. Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Правда, 1975.

Աֆորիզմը որպես խոսքի բնութագրող առանձնահատկություն

Նոննա Ավագյան
Արցախի պետական համալսարան

Ամփոփում

Ժողովրդական աֆորիզմների լեզուն հարուստ է փոխաբերություններով: Նրանք կարող են լինել պարզ, ծավալուն, համեմատական, զավեշտական, բառախաղային: Փոխաբերությունները ամուր կերպով միացնում են աֆորիզմները, տալիս են նրանց ուժ և գեղեցկություն: Կյանքը այնպիսին է, որ միշտ կան հնարավորություններ նոր աֆորիզմներ ստեղծելու: Դա ակնհայտ է. քանի առաջ են գալիս նոր սերունդներ, մշակվում են արտադրական նոր հարաբերություններ, ուրեմն կծնվեն նոր հոգևոր կարիքներ, նոր բառեր և աֆորիզմներ:

Aphorisms – a characteristic feature of speech

Nonna Avagyan
Artsakh State University

Summary

In the article the author tried to describe principles of dividing prosaic and poetic aphorisms from the fiction texts.

She concentrated her attention on the term «aphorism», because there were many other definitions of it.

The author underlined the necessity of aphorism's use in the speech, she thought that they may improve the moral climate in the society and their sense of patriotism.

Key words: authorising, utterance, literary genre, paradox, brief dictum, rhetorical question, the language of aphorisms.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Нина Барахоева
Ингушский государственный университет

Ключевые слова: *аббревиация, основосложение, словообразовательные аффиксы, словосложение, морфемы, суффиксация, фонема*

Как известно, морфемные (аффиксальные, (в классификации В.В. Виноградова, морфологические)) способы словообразования характеризуются тем, что новые лексемы языка создаются на основе уже имеющихся в данном языке слов (основ слов) и словообразовательных аффиксов – формантов (т.е. с помощью морфем) [3].

Морфемные способы словообразования различаются в зависимости от того, какой словообразовательный аффикс участвует в организации нового слова. Нами отмечается наличие в ингушском языке следующих морфологических способов словообразования: суффиксальный, префиксальный, сложение, аббревиация.

Суффиксальный способ словообразования характеризуется тем, что новое слово создается путем приращения к производящей основе словообразовательного форманта: *дешар → дешар-хо / учение → ученик, болх → болх-ло / работа → рабочий, беза → беза-м / любить →любовь, лата → лата-р / драться → драка* и т. п.

Суффиксация, по нашему мнению, является одним из основных способов ингушского словообразования. Данный способ словообразования практически охватывает все знаменательные части речи ингушского языка, однако, особенно широко данный способ используется при образовании имен существительных, прилагательных, и частично, наречий.

В отличие от русского языка, например, где аффикс может быть и нулевым в ингушском языке мы не отмечаем наличие вообще нулевых аффиксов. Такого рода суффиксы представлены в основном при словообразовании имен существительных, образующихся от

глаголов или прилагательных типа *выходить → выход*; *гнилой → гниль* и т. п. В ингушском же языке мы не находим такие словообразовательные модели, в которых участвовал бы нулевой формант.

Суффиксация в ингушском языке иногда сопровождается морфологическими изменениями, т. е. в процессе образования нового слова происходит приспособление фонем, содержащихся в исходной основе слова (в морфе) к фонемам, содержащимся в аффиксах, которые присоединяются к морфу. Как известно, место присоединения аффиксальных морфем в лингвистике называется морфемным швом. Известно, что именно на этом морфемном шве и происходят фонетические изменения, которые, в свою очередь, приводят к изменениям всей исходной морфемы.

Мы отмечаем в ингушском языке также морфонологические изменения, однако происходят при образовании нового слова внутри морфа, а не на морфемном шве: чередование корневой морфемы типа ***е***къа → ***йо***къа-л / *сухой → засуха,* ***а***хка → ***оа***хка-м / *капать → ископаемое,* с***а***ца → с***о***ца-м / *остановиться → решение, алла → олла / висеть → повесить, жер****о*** *→ жер****а****-л вдова → вдовство,* н***а***на → н***оа***на-л / *мать → материнство* и т. п.

Префиксальный (приставочный) способ характеризуется тем, что новое слово в языке образуется прибавлением к производящему слову словообразовательного префикса. Отличие данного способа словообразования от суффиксального способа состоит в том, что при префиксации новые слова образуются в рамках одной и той же части речи: *деша → 1о-деша / читать → зачитать, язде → д1аязде / писать → записать* и т.п.

В ингушском языке префиксация наиболее распространена в словообразовательной системе глагола.

В некоторых работах по нахскому словообразованию выделяют префиксально-суффиксальный способ словообразования [4; 1, 98-99].

Вслед за А.И Халидовым мы придерживаемся мнения, что в нахских языках (ингушском и чеченском), данный способ словообразования не представлен [7, 121]. Ни в системе словообразования именных частей речи, ни в системе словообразования глагола.

Дело в том, что в системе имени существительного имеют место отглагольные имена существительные, образованные от исходных производных глаголов с наличием префиксов в их структуре путем суффиксации: *хьалтоха → хьалтохар / повесить → повешение (картины, например), к1алтасса / подстелить / к1алтассар / подстилание,* в качестве примеров, демонстрирующих префиксально-суффиксальный способ словообразования в ингушском и чеченском языках приводятся также и следующие лексемы типа *1о-воала-лга, т1акхайка-лга* [1, 101]. Данные слова действительно имеют в совей структуре и префиксы *1о-, т1а-* и суффикс *–лга*. Однако это не свидетельствует об одновременном присоединении данных аффиксов к основе слова, так же, как и в первом случае, здесь имеет место первичная субстантивация глагола, а затем присоединение суффикса имени существительного, или наоборот, сначала происходит субстантивация глагола, а затем уже присоединение префиксов. И в том и в другом случае говорить об образовании имен существительных одновременным присоединением и префикса и аффикса нет оснований.

Пожалуй, единственным примером префиксального словообразования в системе имени существительного нахских языков (и это отмечено в ряде работ по нахскому словообразованию [7; 8] является образование существительных при участии отрицательной частицы *-ца / не*, используемой в качестве префикса. Данный префикс присоединяется к субстантивированному отглагольному существительному типа *тешам / вера → ца-тешам / недоверие, безам / любовь → ца-безам / нелюбовь.*

Практически во всех исследованиях по словообразованию нахских языков отмечается синхронное наличие фонетического способа словообразования.

Фонетический способ словообразования здесь в нахских языках характеризуется тем, что образование новых слов посредством аффиксации сопровождается фонетическими изменениями. Данный способ словообразования в нахских языках отмечается в работе К.З. Чокаева [8].

Автор именует его фонетико-морфологическим способом, вследствие того, что данный способ позволяет разграничивать морфологическую категорию вида, которая, по мнению автора, передается противопоставлением разных глаголов нахских языков на базе значения однократности / многократности действия типа *лаца / поймать – лиеца / ловить* и т.п.

Мы же придерживаемся мнения, что однократность / многократность действия, будучи одним из значений грамматической категории аспекта, реализуется на уровне грамматических форм одного глагола посредством внутренней флексии [2].

Равно, как нельзя в русском языке рассматривать формы *рассказать* и *рассказывать* в качестве разных лексем, так же и указанные выше формы нахских глаголов невозможно отнести к разным лексемам языка по той простой причине, что семантика данных форм совершенно не изменяется, изменяется лишь их аспектная характеристика, т. е. данное изменение происходит на уровне грамматики, а не на уровне семантики, лексического значения слова.

Тем не менее, фонетический способ словообразования в чеченском языке традиционно выделяется авторами чеченских грамматик. Так, например, А.И. Халидов отмечает в чеченском языке случаи использования фонетического способа словообразования в системе имен существительных в словах *джи / овца → джа / отара, йекъа / сухой → йокъа / засуха* [7, 123].

В ингушском же языке при преобразовании лексем типа *жий / овца → жа / отара, екъа / сухой → йокъ / зола* имеет место не только мена корневого гласного звука, но и усечение корня, т. е. выпадение гласного звука в исходе корня слова. Собственно, на тот факт, что образование новых слов в ингушском языке сопровождается фонетическими изменениями в корне слова, мы уже указывали. Так, например, при образовании слова *жера-л / вдовство* путем присоединения суффикса *-л*, происходит изменение корневой гласной о → а исходного слова *жеро / вдова*, точно такой же фонетический процесс имеет место и при преобразовании слова *нана → ноана-хой / мама → родственники со стороны матери*. Здесь имеет место алло-

морф корня *ноана* исходного слова *нана*. Следовательно, выделение чисто фонетического способа словообразования в нахских языках, без сопровождающего процесса аффиксации, производится авторами указанных работ на основании наличия нескольких примеров в данных языках. В случаях же наличия фонетических изменений при аффиксальных способах образования слов, очевидно, следует говорить о морфонологических изменениях в структуре слов (типа усечения, стяжение, сращение, наращение и т. п.), а не о самостоятельном фонетическом способе словообразования.

Морфонологические различия между мотивирующими и мотивированными словами в ингушском языке нами рассматриваются как дополнительный элемент, используемый в морфемных способах словообразования (суффиксация). К основным морфонологическим различиям в ингушском языке нами причисляются чередования (это наиболее распространенные различия). Данные различия в ингушском языке являются лишь элементами сопровождения словообразовательного форманта и, по нашему мнению, никогда не выступают самостоятельно в качестве единственного словообразовательного средства.

Следовательно, в системе словообразования ингушского языка нами не выделяется фонетический способ словообразования как самостоятельный путь образования новых лексем ингушского языка.

Выделяют в нахских языках также и способы словообразования, которые характеризуются тем, что образование новых слов происходит посредством сложения слов или основ слов.

Здесь выделяют следующие способы словообразования: 1) чистое сложение; 2) смешанное словосложение; 3) аббревиация.

Сложение слов (чистое сложение), как правило, характеризуется тем, что при образовании нового слова один из компонентов данного слова (обычно это последний компонент сложного слова) представляет собой целое слово, а первый компонент равен чистой основе слова.

Для чистого сложения слов в ингушском языке характерны следующие особенности: предшествующий элемент сложного слова яв-

ляется чистой основой, а опорный (последний) элемент сложного слова представляет собой целое слово; наличие установленного порядка следования компонентов сложного слова; первое слово является, как правило, носителем признака последующего компонента типа *къахета / сочувствовать, готахьазилг / грач, сийрдалелха / сверкать, мукъадала / освободиться, к1айдала / белеть* и т. п.; утеря морфологического значения предшествующего компонента.

В отличие от русского языка сложение слов или основ в системе словообразования ингушского языка не сопровождается участием интерфикса – элемента, связывающего разные слова в одно новое сложное слово.

Характерным признаком сложного слова является наличие словообразовательного соединительного значения, сводящегося «к объединению значений составляющих сложную основу мотивирующих основ в одно целостное сложное значение» [5, 139].

Так, например, в ингушском языке сложное слово *сакъерда / веселиться* построено из двух полных основ *са / душа и къерда / проявлять* чистым сложением. При сложении этих основ никаких фонетических или морфемных изменений в структурах данных мотивирующих основ не происходит, за исключением приобретения новым словом нового соединительного общего значения «веселиться».

Таким образом, при данном способе словообразования новая лексема образуется в результате соединения в двух и более производящих основ или слов одно целое. В языкознании выделяют различные типы сложения слов в зависимости от того, что принимает участие в образовании новой лексемы: 1) основосложение и 2) словосложение.

Основосложение характеризуется том, что сложные слова создаются на базе двух и более мотивирующих основ, последний компонент сложного слова при этом в ингушском языке чаще всего равен целому слову и определяет грамматическое оформление всего сложного слова (принадлежность сложного слова к той или иной части речи, класс, число, падеж*): да (ав) / отец (отца) + воша / брат*

→ дядя по отцу, наьна / матери + йиша / сестра → наьнайиша / тетя по матери и т.п.

Словосложение же рассматривается как процесс образования составных слов, характеризующихся одним основным ударением. Данное ударение фиксируется позицией компонентов, входящих в состав сложного слова. Кроме того, словосложение характеризуется еще и смысловым единством. При этом в словосложении участвуют разные по лексическому значению слова. Так, например, в ингушском языке образуются сложные слова типа *йиша-воша / брат-сестра, да-нана / отец-мать (родители), г1айг1а-бала / грусть – печаль, дог-безам / любовь.* Композитное словообразование считается в нахских языках самым продуктивным способом словообразования.

Смешанное сложение слов или суффиксально-сложное словообразование (основосложение) может сопровождаться и суффиксацией, как мы указывали выше.

При этом словообразование характеризуется сложением двух или более мотивирующих основ, сопровождающемся материально выраженным процессом суффиксации, т. е. наличием суффиксального форманта типа *са-ло1а-**м** / отдых, са-къерда-**м** / веселье, г1и-бухь-**е*** и т д.

При этом здесь также имеет место преобразование самостоятельных значений двух основ в одно общее значение нового сложного слова, которое свойственно тому или иному типу словообразования. Так, в случае образования сложного слова *хала-хета-р / неприятность,* сочетаясь, мотивирующие основы данного слова дают мотивированному слову новое лексическое значение «неприятность», характерное для суффиксального словообразовательного типа со значением выражения абстрактного понятия (*дикахетар / приятное, хоза-хета-р / что-то приятное, нравящееся*).

Аббревиация рассматривается в языкознании как способ словообразования, который не относится ни к морфологическим, ни к неморфологическим способам словообразования. Аббревиация – это способ словообразования, при котором новые лексемы в языке соз-

даются на основе сложения частей слов. Аббревиация, как известно, объединяет типы сокращенных и сложносокращенных слов в языке. Формантом данного способа словообразования является: «произвольное (безразличное к морфемному членению) усечение основ входящих в мотивирующее словосочетание слов (последнее из которых может быть и не сокращено)» [Русская грамматика 2005, 139].

Аббревиация является сегодня продуктивным способом современного словообразования в языках типа русского, поскольку выражает стремление языка к упрощению, унификации и краткости. Образование новых слов этим способом предполагает благозвучность и удобство произношения данного слова.

Следует отметить, что аббревиатуры, наличествующие в ингушском языке, практически все заимствованы из русского языка. В современном ингушском языке, когда развитию национального языка стали уделять больше внимания, появилась необходимость калькирования русских аббревиатур на ингушский язык. В результате процесса национализации появились такие аббревиатуры, как ПТРК / ГТРК (Паччахьалкхентелерадиокампани / Государственная телерадиокомпания), Г1ПДТ / ИГДТ (Г1алг1ай паччахьалкхен драматически театр / Ингушский государственный драмтеатр), Г11ТИ / ИнгНИИ (Г1алг1ай 1илма тохкама институт / Ингушский научно-исследовательский институт). Такого рода аббревиатуры относятся к инициальной, звуковой аббревиатуре, т.е. сочетанию начальных звуков слов в словосочетании.

Тем не менее, использование аббревиатуры в современном ингушском языке, как в литературном, так и в разговорном, весьма ограничено.

Таким образом, в современном ингушском языке нами устанавливаются следующие морфологические способы словообразования: суффиксальный, префиксальный, композитный (словосложение и основосложение).

Литература:
1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г. и др. Х1анзара г1алг1ай мотт. – Назрань, 1997.
2. Барахоева Н.М. Грамматические формы и категории глагола (на материале нахских языков). – Нальчик, 2011.
3. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1975. – С.155-165.
4. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и история происхождения и развития горских кавказских народов. – Грозный, 2005.
5. Русская грамматика. – М., 2005.
6. Сулейбанова М.У. Композитное словообразование в нахских языках. – Дис…. Доктора филол. наук. – Грозный, 2009.
7. Халидов А.И. Чеченский язык. Морфемика. Словообразование. – Грозный, 2010.
8. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. – Ч.1. Словообразование. – Грозный, 2010.

Ինգուշերենի բառակազմության ձևաբանական եղանակները

Նինա Բարախոևա
բ.գ. դ., պրոֆեսոր
Ինգուշական պետական համալսարան

Ամփոփում

Ժամանակակից ինգուշերենում մենք սահմանում ենք բառակազմության հետևյալ ձևաբանական եղանակները՝ ածանցային, նախածանցային և կոմպոզիտային (բառաբարդություն և հիմքաբարդություն)։ Ի տարբերություն ռուսերենի՝ ինգուշերենի բառաբարդությունը և հիմքաբարդությունը չի ուղեկցվում հոդակապի գործածությամբ, այն տարրի, որը իրար է կապում տարբեր բառեր՝ ստեղծելով նոր բարդ բառ։

Morphological methods word-formation in the Ingush language

Nina Barakhoyeva
Doctor of Philology, Associate Professor
Ingush State University

Summary

The article is devoted to the problems of ways of word-formation in the Ingush language. It noted the existence in the Ingush language the following ways of the word-formation: suffixation, prefixation and the composition is advanced. The article presents a detailed analysis of each of these ways.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Светлана Барсегян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна
Астхик Мелконян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *обращение, коммуникативная ситуация, речевой акт, речевое поведение, официальное обращение, неофицальное обращение, безличная форма обращения.*

Обращение – неотъемлемая часть речевой культуры любого человека, независимо от языка, на котором он говорит. При общении люди употребляют те или иные формы обращения, в зависимости от коммуникативной ситуации, а также норм и традиций данного народа. Их нарушение приводит к дискоммуникации, к нарушению "эффективности" общения. Для диагностирования и устранения таких нарушений требуется знание культурно-языковых норм партнеров по общению, что и способствует успешному развитию диалога.

«Русский ученый, поэт М.В. Ломоносов в своем труде "Краткое руководство к красноречию" определял обращение как "великолепную, сильную и слово оживляющую фигуру", отмечая, что "сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» [1: 340]. Действительно, обращения в языке выполняет очень большую роль.

«Обращение – грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь. Обращение выражается именительным падежом имени существительного или любой другой равнозначной ему сло-

воформой в сочетании с особой звательной интонацией» [1: 340], – читаем в статье И.Н. Кручининой "Обращение". Обращение – это особая языковая форма наименования того, к которому мы обращаемся с речью, это имя адресата речи.

"Формулы" обращения зависят от ситуации, при которой происходит общение. В соответствии с этим можно выделить следующие виды обращения: официальное (господин, гражданин; также используются титулы и звания); неофициальное (по имени, часто на «ты», дорогой друг, брат, друган, подруга); безличное (при обращении к незнакомому человеку – позвольте, извините, подскажите, прошу прощения, не скажете и т.д.)

Каждый из этих видов обращений используется в зависимости от коммуникативной ситуации. Так, фамильярное обращение на *ты / դու* (даже между людьми одного возраста) вряд ли уместно в официальной обстановке, а обращение *Вы / Դուք* на вечеринке будет воспринято как шутка. При выборе форм обращения к собеседнику должны учитываться следующие основные факторы: тип ситуации (официальная, неофициальная, полуофициальная); степень знакомства собеседников (незнакомые, малознакомые, хорошо знакомые); отношение к собеседнику (уважительное, почтительное, нейтрально-вежливое, фамильярное, дружески-неофициальное и др.); характеристика говорящего, характеристика адресата, место общения (дома, на улице, на собрании и т. п.); время обращения.

Для избежания языковых "конфликтов" главным этикетным требованием при общении является адекватная оценка коммуникативной ситуации и выбор формы обращения, соответствующий нормам этикета для данной культуры и ситуации.

«Культура определяет, а язык отражает (и поэтому тоже определяет) жизнь и поведение человека во всех сферах его деятельности» [3: 208]. И, очевидно, что такая наиважнейшая область человеческой жизни как общение подвержена особенному влиянию культуры. Формы обращения в разных культурах при всем сходстве конструкций, все же имеют определенные отличия. Сравним формулы обра-

щения в русской и армянской языковой картине. Набор формальных средств выражения обращения в русском и армянском языках в основном совпадает. Он включает именные, местоименные и глагольные формулы обращения.

1. **Официальные обращения / վարչազործառական.** Официальное общение происходит в официальных ситуациях. Деловые и дипломатические встречи, общение на научных и культурных мероприятиях, конференциях, выставках, концертах происходят в обстановке, которая, естественно, отличается от повседневной. Поэтому для таких ситуаций существуют особые правила речевого этикета (термин введен В.Г. Костомаровым в 1967 году), касающиеся, в том числе, использования обращений.

«Роль языка в сфере бизнеса и в деловом общении невозможно переоценить. В этой области его функции особенно разнообразны, и малейшая неосторожность ведет к большим потерям – моральным и материальным... При установлении международных контактов первая языковая проблема – обращение. В разных странах в разных культурах – разные формы. В деловой сфере обращение особенно важно, так как это первая нота: если она фальшива, может не получиться хорошей музыки» [3: 218-219].

В деловых кругах обращение *"господин / госпожа / господа"* поделовому общеприняты и звучат почти естественно. В Армении и России в официальных ситуациях со словами *госпожа / господин, տիկին / պարոն* фактически принято 2 вида общения: в одном случае фамилии человека могут предшествовать либо слова господин и госпожа, а во втором – либо титул, звание или наименование должности, профессии и пр. Фамилия может и не называться: *господин министр / պարոն նախարար, госпожа бухгалтер / տիկին հաշվապահ*. В армянской и русской языковой действительности при обращении к официальным лицам, имеющим государственный статус, воинский диплом или религиозное звание, как правило, обходятся без упоминания имени. Например, *господин президент / պարոն նախագահ, господин генерал / պարոն գեներալ* (не называя полно-

го чина генерал-майор, генерал-лейтенант) и т.д. Между традиционно принятыми формами обращения, сложившимися в русском и армянском языковом сознании, существуют также незначительные отличия. В Армении, например, принята еще и иная форма обращения, сочетающая эти три компонента: *պարոն դեկան Պողոսյան, տիկին դատավոր Համբարձումյան*, что не наблюдается в русском языке. Еще одной отличительной чертой между русским словом *госпожа* и армянским *տիկին* является их грамматическое отличие. Русское *госпожа* не имеет множественного числа, а в армянском языке вместо одного – существует двоякое образование (*տիկիններ и տիկնայք*), стилистически отличающиеся между собой.

В армянском языке в последнее время в официальной речи широкое распространение получили такие обращения как: *ընկերներ, թանկագին ընկերներ, բարեկամներ, հարգելի բարեկամներ, թանկագին հյուրեր*. Применение обращений такого рода в армянском языке стало обычной формулой при чтении докладов, при обращении к аудитории и пр., где эти слова получают ораторское ударение и особенное произношение [5: 259]. Обращения такого рода можно встретить и в русском языке, но в отличие от армянского языка, здесь они не носят официального характера, могут употребляться лишь в полуофициальных и неофициальных сферах общения, например: *друзья, дорогие друзья, дорогие гости* и пр.

«Интеллигенция старается избегать и «красной» и «белой» форм обращения, в официальных ситуациях очень распространилось обращение «*Коллеги!*». Президент России В.В. Путин приветствовал Съезд Российского Союза Ректоров вузов России в МГУ в декабре 2002 г. словами «Уважаемые друзья!»» [2: 112].

Слова *господин и госпожа* в сочетании с фамилией, как уже было сказано, воспринимаются достаточно официально, а, например, в русском языковом сознании, адресованное пассажирам в общественном транспорте *господин / պարոն* может быть расценено в лучшем случае как шутка, в армянском же сознании такое обращение не носит в себе оттенка иронии, а, наоборот, нет ничего предосудитель-

ного, вполне вежливое обращение. «Никогда не забуду свою реакцию на слова таксиста в самом начале девяностых годов о том, что в таксопарке повесили транспарант: «Господа таксисты! Желаем вам удачной работы!» Обращение господа таксисты резало слух, звучало как оксюморон. Таксист тоже был настроен скептически и говорил, что таксисты смеются над этим приветствием» [2: 111].

Обращение же *гражданин / քաղաքացի* используется в юридических стилях русского и армянского языков, часто встречается в речи работников правовой сферы (полиции, военнослужащих, политиков, в судопроизводстве и пр.): например: *гражданин Ивнов, вы считаете себя виновным. / Քաղաքացի՛ Լամբարյան, հանցավոր համարու՞մ եք ձեզ:*).

Особые формы обращения предписывает также воинский этикет. И здесь существуют свои различия между тем, что принято в Армении и России. Как выше было упомянуто, офицеров называют по званию: *господин полковник / պարոն գնդապետ, господин генерал / պարոն գեներալ*, а младших чинов по фамилии: *рядовой Иванов / շարքային Պողոսյան*. Наряду с обращением *господин / պարոն* в армии, полиции, других силовых структурах (*Главнокомандующий военно-морским флотом России, принимая парад 27 июля 2003 года, использовал обращение: «Товарищи матросы и офицеры!»*), а также в некоторых партиях сохранилось обращение *товарищ / ընկեր*, но в отличие от русской действительности, в Армении такое обращение сохранилось не только вышеупомянутых структурах, но и в образовательных учреждениях: например, при обращении к учителю, преподавателю, директору и пр. Слово *товарищ / ընկեր* несет, на первый взгляд, вроде бы положительную эмоциональную окраску. Оно стоит в одном ряду со словами *друг, брат*, свидетельствует о теплых чувствах к другому человеку. «Нет уз святее товарищества» – известно со школьных лет. Поэтому это обращение до конца и не исчезло. В армянском языке в официальном общении с этими словами бытуют следующие конструкции-обращения: *"ընկեր / друг / товарищ + наименование профессии" (на-*

пример, ընկեր հրամանատար, ընկեր պետ) или же форма *"ընկեր / друг / товарищ + имя или фамилие" (например, ընկեր Հասմիկ, ընկեր Լևոն, ընկեր Վարդանյան*): *"Ընկե՛ր հրամանատար, հանձնարարությունը կատարված է: Ընկե՛ր ուսուցիչներ, մի մոռանք, որ դուք վեհ ու պատվավոր աշխատանք եք կատարում: Հարցը միշտ հասկացեք, ընկե՛ր ինժեներ: Այս հարցում դուք միշտ չեք, ընկե՛ր պետ:"* [2: 259]. Однако есть много профессий, с которыми слово *товарищ / ընկեր* не может употребляться (например, шофер, кассир, покупатель и т.д.). Данный вид обращения в русской современной языковой действительности не считается актуальной, воспринимается как архаичная форома. В России «впрочем, обращение товарищ практически вышло из употребления, а господин употребляется в подчеркнуто деловых или "элитных" кругах. Большинство русского населения избегает и того, и другого, поэтому отчество стало еще значимее ...» [3: 221]. «Товарищ может обозначать как политическую оппозицию, принадлежность к коммунистической партии или приверженность к старому режиму, так и просто привычку людей старшего поколения, выросших при советской власти. Пожилые люди и многие из тех, кого называют "простой народ", привычно используют обращение товарищ и устно, и письменно. Объявления в "простых", народных учреждениях (магазинах, поликлиниках, больницах и т.п.) до сих пор еще часто начинаются обращением товарищи. Особенно это распространено в провинции, а провинция – это вся Россия, за исключением Москвы и Петербурга» [2: 112].

Вообще же, употребляя титулы, звания и должности, следует соблюдать определенную осторожность, ведь есть люди, которые не любят афишировать свое общественное положение. Кроме того, всегда необходимо учитывать ситуацию: например, в приватной беседе, даже на официальном приеме вряд ли стоит обращаться к человеку с упоминанием его должности, титула или научного звания.

В официальном общении от выбора той или иной формы обращения может зависеть престиж страны или успех в бизнесе, поэтому все тонкости регламентирует дипломатический протокол. В былые времена, когда существовала монархия, к титулованным особам принято было обращаться без упоминания имени и фамилии: *Ваше Величество, Ваше Высочество, Ваше Сиятельство / Ձերդ Գերազանցություն, Ձերդ Մեծություն* и так далее. То же самое относится и к лицам духовного звания. Например, к митрополиту в устной и письменной форме следует обращаться *Ваше Высокопреосвященство / Վեհափառ*, а тех, кто стоит в церковной иерархии не столь высоко, вполне допустимо называть по должности: *отец архимандрит / տէրհայր, վարդապետ, мать игуменья / մայրապետ* и пр.

При выборе обращения к тому или другому человеку у многих людей иногда появляются сложности. Веками в России уважение к человеку (старшему, вышестоящему, уважаемому) выражалось обращением по имени-отчеству. Но «в последнее время – как следствие сильного западного влияния – российские деловые круги отказываются от отчества. В визитках все чаще пишут только имя и фамилию /.../ Для общения в России информация "деловых", западного образца визитных карточках типа Николай В. Иванов недостаточна» [3: 220].

Поэтому нелишним будет напомнить о некоторых устоявшихся официальных правилах. Например, и в армянском, и в русском языках считается невежливым представлять человека или обращаться к нему, используя только его фамилию. Это звучит начальственно и сухо, ассоциируется у многих с "канцелярской" атмосферой. Любая просьба, высказанная в такой форме, приобретает оттенок приказа, и даже вежливое обращение на *"вы"* в этом случае не исправит негативного впечатления. Считается, что приятнее всего человеку слышать свое имя, поэтому, независимо от того, в какой ситуации происходит общение, обращаться следует, четко и ясно выговаривая имя и отчество человека (*Алла Борисовна*). Такая форма обращения отсутствует в армянском языке, хотя и здесь отмечается невежливость обращения к человеку только по фамилии. Вместо имени и

фамилии в армянском языке употребляются конструкции *պարոն / ընկեր / տիկին + ազգանուն / անուն, например, տիկին Հարությունյան, ընկեր Գրիգորյան, ընկեր Հասմիկ или ընկեր Լևոն.* Формула же *«имя + отчество»* в армянской действительности встречается лишь в случаях при обращении к русскоговорящему человеку, например, к учительнице русского языка, поэтому армянские преподаватели от студентов редко услышат обращения по имени-отчеству. Однако в последнее время в некоторых учебных заведениях, особенно в школах с русским уклоном, под влиянием русской культуры просматривается употребление формы обращения *"имя+отчество"* по русской модели, но с армянскими суффиксами, что до сих не наблюдалось (например, *Айкануш Вараздати, Мгер Арами*). Кроме этого, в армянском языке широкое распространение получило также обращение по отчеству, но при этом употребляя их варианты с русским окончанием. Например,

- Լևո՛ն Տիգրանիչ, խնդրում եմ համապատասխան կարգադրություն անել:

- Աշո՛տ Արամիչ, կարգադրությունը վաղուց արված է: [5: 259].

Так же следует отметить, что форма обращения *"имя + отчество"* у русских встречается не только в официальной обстановке, но и в повседневной жизни, например, при обращении к свекру, свекрови, тестю или теще, что не принято у армян. Обычно они говорят *մայրիկ* (к свекрови) и *հայրիկ* (к свекру), что передает непосредственность общению и выражает уважение, а к тестю и теще не всегда применятся такое обращение.

Обращение по имени и в Армении, и в России используется только среди хорошо знакомых людей в неофициальной, дружеской обстановке.

Официальное обращение как в современном русском языке, так и армянском производится с употреблением местоимения второго лица множественного числа *Вы / Դուք*, адресованное к респонденту в единственном лице. И в армянской, и в русской письменной речи местоимение *Вы*, адресованное конкретному собеседнику, пишется

с заглавной буквы. Обращение с применением местоимения *ты* считается неформальным, хотя это не совсем правильно и не везде соответствует действительности. Обращение на *Вы / Դուք* вошло в употребление с 18-го века из-за сильного влияния французского языка и культуры, прежде всего в кругах аристократии.

Исконными считается обращение на *ты. Ты* говорили и вышестоящему, в том числе и царю: *"Ох ты гой еси царь Иван Васильевич!" / "Արքա՛, դու մե՛րկ ես... ", "Ուրախ եմ, Մե՛ծ արքա, որ հավանեցիր մեր նախնյաց գինին".*

В современном употреблении местоимение адресата *ты* имеет множество функций. Можно отметить употребление *ты / դու* при риторических обращениях: *Многоуважаемый шкаф! (у Чехова) / Արա՛քս, ինչու՞ ձկանց հետո ...* Форма обращения на *ты* возникает чаще при мысленном общении с человеком: *Вот я тебе покажу!; Ты у меня попляшешь!* Обращение на *ты* принято и при общении с Богом: *Помоги мне, Господи! / Օգնիր ինձ, Աստված; к умершему: Спи спокойно… / Քնիր խաղաղությամբ.*

Местоимение *Вы / Դուք,* направленное одному лицу, так и называют *«Вы вежливое».* Однако само по себе *Вы* еще не обеспечивает вежливости, это может подчеркнуть так же тот факт, что собеседники просто-напросто малознакомы. Поэтому будет точнее указать на иерархические и ролевые отношения участников речевого акта, определяющие выбор ты или вежливого Вы.

Общение на *Вы* применяется: а) по отношению к незнакомому адресату; б) в официальной обстановке общения; в) при подчеркнуто вежливом, сдержанном, «холодном» отношении; г) к равному и старшему (по возрасту, положению)	Обращение на *ты* применяется: а) по отношению к хорошо знакомому адресату; б) в неофициальной обстановке общения; в) при дружеском, «теплом», интимном, фамильярном отношении; г) к равному и младшему (по возрасту, положению) д) к Богу

Согласно этикету, предложение перейти на *"ты"* должно исходить от старшего по возрасту или положению. Женщина в разговоре с мужчиной может по собственной инициативе сменить форму общения на менее формальную, но не наоборот. Слишком быстрый переход на *ты* считается нетактичным и многими воспринимается как фамильярность. Предложение перейти на *ты*, исходящее от вышестоящего, не всегда воспринимается адекватно, что собеседник зачастую просто не может ответить тем же, так как не считает это допустимым в данной ситуации. В деловой среде считается необходимым соблюдение определенной дистанции в общении, поэтому не лучшим образом выглядит руководитель, "тыкающий" своим сотрудникам, в то время как они должны называть его на *Вы*. Неофициальная форма обращения в служебной обстановке возможна лишь при наличии по-настоящему дружеских отношений между людьми, например, если они одного возраста или уже давно работают вместе.

2. **Неофициальное общение / առօրյա-խոսակցական** – это общение в повседневной (семейной, дружеской, интимной и т.п.) сфере, характеризующееся большей свободой говорящего или пишущего при выборе языковых средств. В повседневной жизни мы обращаемся друг к другу просто: в качестве обращений в таких ситуациях используются как собственные имена (*Анна, Игорь, Саша / Անի, Արամ, Գոռ*), так и названия людей по степени родства (*отец, дядя, дедушка / հայրիկ, հորեղբայր, պապիկ*), по возрасту и полу (*старик, мальчик, девочка / ծերուկ, տղա, աղջիկ*), обращение помимо вокативной функции указывает на соответствующий признак. В отличие от официальной сферы, общение в неофициальной ситуации может быть экспрессивно и эмоционально окрашенными, содержать оценку: *Любочка, Маринуся, Любка, дурак, умница, красавица / Անուլիկ, Տիգրանիկ, հիմար, խելոք, գեղեցկուհի*. Особенность таких обращений заключается в том, что они характеризуют как адресата, так и самого адресанта, степень его воспитанности, отношение к собеседнику, эмоциональное состояние. Исходя от степени дружеских отношений, обращение может подвергаться

упрощениям или стилизованным мутациям (*Михаил — Миша, Михон; Павел — Паша, Пашок; Елена — Лена, Алёна, Леся / Գուրգեն - Գուգո - Գուզ; Արտակ - Արտո - Արտ; Արշալույս - Արշո - Արշակ, Մարինե - Մար - Մարի* и т.п.), обращение при этом подразумевает также формирование производных от имени, фамилии или отчества (*Павлович — Палыч, Александрович — Саныч; Արամ - Արամիչ, Լևոնի - Լևոնիչ* и т.п.).

На выбор формы обращения влияют и пол, возраст, социальное положение партнеров по общению и пр. Существуют и другие различия. Например, во многих странах существуют отдельные формы для обращения к мужчинам, замужним и незамужним женщинам (например, *օրիորդ - տիկին, барышня - сударыня, мисс - миссис, мадемуазель - мадам* и т.д.).

Необходимо также знать, что об отсутствующих людях нельзя говорить, используя только местоимения *он* или *она* / *նա - она сказала, его сейчас нет*. К сожалению, такое обращение сейчас не считают невежливым, каждый человек заслуживает уважения и достоин того, чтобы о нем упоминали по имени, а не в третьем лице. Даже говоря о близких родственниках, следует упоминуть либо имя, либо имя-отчество: *Константин Львович просит передать..., Алла будет ждать вас...*

Если общающиеся незнакомы или малознакомы и находятся в полуофициальной или неофициальной обстановке, то обязательными обращениями с номинативной основой в армянском языке являются обращения: *եղբայր, քույրիկ, մորաքույր, հորեղբայր, հայրիկ, մայրիկ, տատի, պապի, որդի, աղջիկ, քեռի* и так далее. Однако есть и такие формы обращения исключительно разговорно-бытового характера, так называемые модификации, например: *եղբայր - ախպեր (ապո), ապեր, (ապ) или ընկեր - իընգեր*. Существуют слова, выражающие особенности местного говора, например в лорийской области не только вошло в язык, но и укрепилось обращение *«ազիզ»*, подчеркивающее дружеский настрой к собеседнику, что не воспринимается так же жителями других местностей Армении.

Данные обращения можно услышать и на улице, и на рынке, и в университете, в среде богатых и бедных людей, в неофициальной и полуофициальной обстановке между людьми приблизительно одинакового возраста, не зависимо от того, сколько лет общающимся.

Обращения *брат, сестра* в русском речевом этикете используются редко, они применяются:

— между родственниками, находящимися в кровном родстве и подчеркивающим это кровное родство;

— в общении между монахами;

— в общении в уголовном мире.

В русском речевом этикете обращения *дочка, сынок* могут использоваться в двух случаях:

1. ласковая форма обращения между людьми, находящимися в очень близких родственных отношениях (родители – дети). При определенных условиях данная конструкция заменяется родителями формулой *дочь, сын*;

2. между людьми незнакомыми, малознакомыми, не находящимися в родственных отношениях. Данное обращение носит просторечный характер, однако не может быть заменена обращениями *дочь, сын*. Это **безличная форма обращения**.

Дядя, тетя – в армянском языке нейтрально-вежливая форма обращения к знакомому, малознакомому, незнакомому человеку старшего возраста, причем это обращение появилось под влиянием русского языка и не соответствует русскому обращению к родственниками. Это явление называется русизм. В русском же речевом этикете номинации *дядя, тетя* используются как обращение детей к родственникам, как правило, с добавлением имени. Данные формулы несут явный возрастной и просторечный характер. В армянском языке широко распространена сочетание *ա՛յ մարդ*, которое обращено не к конкретному человеку, а несет в себе обобщенный характер, говорится просто так, поэтому это обращение расценивается скорее как вводное слово (*Ա՛յ մարդ, հիմա ամենքը կրթություն են ստանում, հիմա առանց կրթության ոչինչ չես անի*:)

Молодой человек / девушка / երիտասարդ / աղջիկ – общеупотребительные обращения и в армянском, и в русском языках, которые помечают не только пол, но и возраст.

Друг, приятель - եղբայր, ընկեր, բարեկամ стилистически ограничены, создают фамильярную тональность, приняты при непринужденном мужском общении. *Юноша / երիտասարդ, парень / տղա* – обращения к молодому человеку. *Юноша / երիտասարդ* – - скажет интеллигент старшего поколения; *парень / տղա* – фамильярно, но при обращении употребляется чаще всего употребляется данная форма. Эти формы обращений очень распространены, применяются при обращении также к незнакомому человеку с просьбой, получения информации и пр., а также для упрека (например, *Ընկե՛ր, չե՞ք զգում, որ կարգ եք խախտում*:).

В последнее время в русской и армянской речи для обращения к старшим по званию, начальнику используется слово *шеф* (например, *Шеф, когда ты будешь? / Շե՛ֆ, մեր հաջորդ հանդիպումը, կարծում եմ, շուտ չի լինելու*:).

При обращении к знакомому человеку используется наименование родства и собственных имён. *Мама / папа / մայրիկ / հայրիկ (մամա / պապա)* – предпочтительные, обычно используются ребенком младшего возраста. *Отец / мать / հայրիկ / մայրիկ* – более официальные, серьезные обращения. Используются уже выросшими детьми. Также под влиянием русского языка в армянской действительности в среде трудовых мигрантов используется прямое обращение к отцу как – *"աmեց"*.

При обращении к знакомому человеку обращение не только привлекает внимание, но и выражает отношение к адресату. Поэтому в русском и армянском языках так много образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *мамочка, мамулечка, мамусенька / մերա, մամ, մա, նանի, մայրիկ*, в армянском языке также много образований по русской словообразовательной модели: *մամկա, մամաշա, մամուսիկ* и др.

Это же относится и к собственным именам. В языке существует несколько форм личного имени: полное паспортное – *Елена, Николай / Կարինե, Լևոն;* сокращенное – *Лена, Коля / Կատո, Լև*; уменьшительно-ласкательное – *Ленка, Колька / Կարինկա, Լևոնիկ.* Сокращенная форма имени более частотна в повседневном общении и наиболее употребительна.

Что касается родственных форм обращения, то следует сказать, что в силу специфики словообразоввания в армянском языке сравнительно мало ласковых форм обращения к родственникам, а в русском же языке наоборот. Интересно отметить, что некоторые формы обращения, как в русском, так и в армянском языках не всегда используется только по отношению к родственным лицам, а могут быть употреблены как вежливые, дружелюбные формы обращения по отношению к лицам, не связанными родством.

Для стилизации речи, для выражения любви или своего отношения (положительного / отрицательного) к адресату в функции обращений в армянском языке широко используются ласкательные слова. После таких слов в армянском языке обычно употребляется артикль -с (*սիրելիս, թանկագինս, անուշիկս, բալիկս, տղավնյակս* и пр.). Кроме ласкательных и вежливых обращений в армянском языке широкое распространение получило также слово *джан / ջան*, которое употребляется как с собственными именами, так и ласкательными словами.

Слово *джан / ջան* выступает почти со всеми обращениями и получило широкое распространение, переходя из устной речи в письменную. Это обращение часто используется со словом *ազիզ: Լևո՛ն ջան, ազիզ ջան: Ազի՛զ ջան, շուտ կգաս:,* но может употребляться также с любым другим обращением (например, *ազիզ բալա, ազիզ ախպեր, ազիզ յար, հայրիկ ջան и пр.*).

«Позицию обращения очень часто занимают слова с оценочным или качественно-характеризующим значением, – отмечает в "Русской грамматике-80" Н.Ю. Шведова. – Такое слово нормально соче-

тается с местоимением*: "Пойми, чудак ты, что ты не прав; Да пожалейте же его, бесчувственная вы женщина!"»* [4: 164].

Обращение может быть выражено местоимением-существительным: *"Глядите на меня, **все**!"* (Ф.М. Достоевский). В сочетании с именем: *"Ты, Вася, и ты, Федот, махнем-ка завтра на Лебяжью"* (Б.М. Шергин). Такие формы обращений в армянском языке употребляются при обращении к партнеру речи с целью обидеть его, сердиться, несут в себе негативную оценку: *Դու՛ գարշելի, ինչու՞ այդպես վարվեցիր: Սուտ ես ասում, դու՛ խաբեբա... Կորի՛ գնա, դու չա՛ր աղվես...*:

Обращение принадлежит эмоционально-волевой сфере языка. Поэтому признаку оно близко междометью и в речи чаще всего появляется в речи совместно с ним: *"Э, голубчик, да тут пахнет кражей и подлогом" (М.Е. Салтыков-Щедрин). "Ну, Бирюк, удивил ты меня" (И.С. Тургенев) / Ա՛յ դու կկու՛, հիմար կկու, / Քանի՞ փոքրիկ ձագ ունես դու ... / Ա՛յ դու կոկոտա՛ն, չարալեզու՛ ... (Հովհ. Թումանյան, "Շարի վերջը"): Է՛յ դու մահվան անմա՛հ աշխարհ, / Գերեզմանի պես տխուր ... (Ավ. Իսահակյան).*

И в русском, и армянском языках широко применяются *топонимические обращения*. Эта форма обращения характерна для устной речи. При таком обращении, несмотря на то, что не называется имя собеседника, адресату хорошо известно к кому он обращается, кому направлена его речь (*москвич, петербуржец / մեղրաձորցի, հացավանցի* и пр.).

3. Безличное обращение обычно используют в общественном транспорте, в магазинах, на улице и в других общественных местах. С этим и связано господство в повседневной жизни безличных форм обращения, где широко используются такие фразы, как: *позвольте, прошу прощения, разрешите / կներեք, թույլ տվեք, կարելի է* и тому подобное. В армянской классификации этот тип обращений не выделяется. Однако они бытуют в языке и могут послужить примерами безличного обращения.

В современном русском и армянском языках нет устоявшихся форм обращения к незнакомому человеку, поэтому рекомендуется употребление безличной формы обращения: *"Простите пожалуйста…", "Извините…", "Будьте добры…", "Будьте любезны…", "Скажите пожалуйста…", "Позвольте…"* и др. Названные сочетания являются наиболее распространенными формами привлечения внимания, за которыми следует вопрос, просьба, предложение.

Вы никогда не задумывались над тем, почему бывает трудно спросить незнакомого человека «Который час?» или «Как пройти туда-то?»? Все очень даже просто – мы, порой, не знаем, **КАК** обратиться к человеку. Если сейчас к кому-то так обратиться, то человек может неправильно тебя понять. А поэтому и приходится обходиться безличными формами обращения: *Будьте добры, … / Բարի եղէ՛ք ..., Извините, … / Կներեք...* и т.д.

Применение слов, которые выражают уважение к собеседнику и извинение за то, что мы отвлекаем его, свидетельствуют, что обратившийся владеет речевым этикетом. Допустимы и такие безличные обращения, как *Не можете ли вы сказать? / Չէի՞ք կարող ասել, Вам не трудно назвать...? / Չեզ դժվար չէ՞...* В русском языке распространены формы уменьшительно-ласкательных обращений: *Гражданочка, где сыр брали? Дядечка, огурчики почем у вас?* Подобные обращение не могут радовать, поскольку за ними кроется ощущение недостаточности вежливых слов, желание принизить собственную персону в глазах другого. Если в русском языковом мышлении широко применяется обращение к человеку по половому признаку (*мужчина, женщина, девушка*), то в армянском мышлении это носит оскорбительный характер и имеет сниженную стилистическую окраску (*տղջիկ (տղջի), տղա (տրա).*

Телефонный разговор также требует безличного обращения. Обращаться к собеседнику, называя его *женщина, гражданочка, мужчина, барышня, девушка, мальчик,* есть признак дурного тона. Следует узнать имя собеседника, либо употребить безличное обращение: *будьте так добры, извините за беспокойство, не подскажете*

ли вы, скажите, пожалуйста / կներեք անհանգստացնելու համար, ասացեք խնդրեմ, կներեք и др.

Таким образом, сопоставление русского и армянского языкового материала в данной работе позволяет увидеть преобладание общности средств выражения обращений.

В заключение следует сказать, что речевой этикет – правила речевого поведения, обязательные для членов общества, национально обусловленные, закрепленные в речевых формулах, но в то же время исторически изменчивые. Выбор обращения для вступления в контакт общения является очень важным, так как обращение подчиняется этикетным правилам.

Литература:

1. Кручинина И.Н. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., 2007.
4. Шведова Н.Ю. Распространенные предложения, включающие обращения. // Русская грамматика. Синтаксис. М., 1980. Т. 2.
5. Լեզվի և ոճի հարցեր: Խմբագիրներ Է.Բ. Աղայան, Ա.Ա. Աբրահամյան, Ս.Ա. Էլոյան, Ե.Կ. Մելքոնյան: Երևան, 1983.

Ռուսերենում և հայերենում գործածվող կոչականների համեմատական վերլուծություն

Սվետլանա Բարսեղյան
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
ռուսաց լեզվի ամբիոնի լաբորանտ
Աստղիկ Մելքոնյան
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
"Ռուսաց լեզու և գրականություն" բաժնի 3-րդ կուրսի ուսանողուհի

Ամփոփում

Հոդվածում քննության են ենթարկվել ռուս և հայ լեզվաշխարհներում առավել շատ գործածվող կոչականները: Համեմատական վերլուծության մեթոդով փորձ է արվել բացահայտելու այդ երկու լեզուների կոչականների ընդհանրություններն ու տարբերությունները: Կոչականների ձևերի ընտրությունը շատ կարևոր է շփումն սկսելու համար, քանի որ դրանց կիրառությունը հաճախ պայմանավորված է որոշակի վարվելաձևային կանոններով:

Comparative Analysis of the Forms of Address using in the Russian and Armenian Languages

Svetlana Barseghyan
Assistant of the Chair of the Russian Language,
Vanadzor State University named after H. Toumanyan
Astghik Melkonyan
Student of the third course, department - Russian Language and Literature,
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

In the article the author examines the forms of address which are more frequently used in the Russian and Armenian language worlds. Here the comparative analysis and the attempt to explain the similarities and differences of their using in these languages have been made. The choice of forms of address is very important for beginning of communication as they are subordinated to some definite etiquette rules.

ԱՐԵՎԵԼԱՀԱՅ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ՎԱՎԵՐԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԼԵԶՎԱԱՐՏԱՀԱՅՏՉԱԿԱՆ ԿԱՂԱՊԱՐԸ

Աշոտ Գալստյան
Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան

Առանցքային բառեր՝ *գեղարվեստական վավերագրություն, լեզվաարտահայտչական կաղապար, լեզվական անհատ, երկխոսություն, թևավոր խոսքեր, միջբնագրային դրսևորում:*

Լեզվաբանական գրականության մեջ գեղարվեստական վավերագրության որոշ տեսակների (հուշագրական և ինքնակենսագրական արձակ) երբեմն անվանում են լեզվաբանական անձնաբանություն «лингвистическая персоналогия» (Վ. Ներոզնակ, 1996): Այստեղ հեղինակ-անհատը դիտվում է սոցիալական և անհատական գծերի համադրությամբ մի անհատականություն, որը լիովին կարող է երևալ սեփական նախաձեռնությամբ ստեղծված երկում, իսկ երկը պետք է ունենա անցյալի հիշողության հստակ ու ճշգրիտ հիմքեր:

Դժվար չէ նկատել, որ գեղարվեստական վավերագրության կառուցվածքային տիրույթում մենք գործ ունենք լեզվական անհատի հետ, որը գոյություն ունի լեզվական տարածություններում: Լեզվական անհատը՝ որպես բազմաչափ կառուցվածք, մեզ հետաքրքրում է նախևառաջ լեզվաբանության տեսանկյունից:

Գեղարվեստավավերագրական տեքստերի լեզվաարտահայտչական կաղապարը պայմանավորված է հեղինակի կերպարով, որը տեքստի լեզվական միջոցները շաղկապում է գեղարվեստական համակարգին: Հեղինակի կերպարը գեղարվեստական վավերագրության բնագրերի ներքին առանցքն է, որի շուրջ հյուսվում է տեքստի լեզվաարտահայտչական համակարգը: Երբեմն գեղարվեստական վավերագրության հեղինակի կերպարը կարող է առաջին պլանում չերևալ՝ ներթաքուն լինելով բնագրի կառուցվածքի և

ոճի խորքերում: Նա միշտ առկա է իր խոսքային ներկայությամբ: Հեղինակի կերպարի խոսքային ինքնատիպ կառուցվածքն ըստ էության արտահայտվում է ստեղծագործության ընդհանուր արտահայտչական համակարգի մեջ:

Ըստ Մ. Բախտինի՝ հեղինակի կերպարն իրապես ունի հեղինակ, որ ստեղծել է իրեն: Հեղինակի իրական տեղը կյանքն է, իսկ հուշագրության մեջ «գործում է ոչ թե հեղինակը, այլ հեղինակի կերպարը»:

Զգալի չափով տեղ հատկացնելով ինքնակենսագրական էատարրերին՝ հուշագրության հեղինակն ինքն է որոշում ստեղծագործության լեզվական արտահայտչաձևը, գույները, հիմնարար գծերը:

Ինչպես նկատելի է, գեղարվեստական վավերագրության տիրույթում առաջին ջութակը նվագում է հեղինակը, որն իբրև պատմող՝ հաճախ է տրվում հիշողության դաշտին և փորձում ներկայացնել անցյալի պատկերները. «Անվերջ հիշատակներ կզարթնեն իմ մեջ, և կտեսնեմ քեզի բարակ, նիհար, երիտասարդ սարկավագ, նոր ավարտած Էջմիածնի ճեմարանը, ուրախ, ծիծաղկոտ, պատրաստ մեկնելու Բեռլին» [Մ. Բաբայան]:

Արևելահայ գեղարվեստական–վավերագրական տեքստերում ինչպե՞ս են ընդելուզվում և վերարտադրվում իրականն ու գեղարվեստականը: Հուշային, ճամփորդական, օրագրային պատկերներում ի՞նչ կերպ ու եղանակով է հեղինակը կառուցում հուշագրական արձակը:

Բնականաբար, ամեն մի տեքստ, այդ թվում գեղարվեստավավերագրական ստեղծագործություն, ենթարկվում է կառուցվածքային որոշակի օրինաչափությունների:

Հուշագրության եզակի նմուշ է Ռուբեն Զարյանի եռահատոր «Հուշապատումը», որտեղ ընթերցողը ծանոթանում է այն գրողների, դերասանների, նկարիչների կերպարանագծումներին, որոնց հետ բախտ է ունեցել շփվելու հեղինակը: Գրական ստեղծագործության կառուցվածքի առումով Ռուբեն Զարյանը Նար-Դոսին նվիրված հուշագրության մեջ քննաբանում է մեծ գրողի մի հետաքրքրական հուշում. «*Ուշադիր լինենք, թե գրողն ինչպես է*

սկսում կամ ինչպես է վերջացնում: Լավ սկիզբ գտնելը մեծ բան է. պետք է կարողանալ և վերջացնել, գտնել հաջող մի կետ և կանգ առնել» [Ռ. Զարյան]:

Մարգո Ղուկասյանի «Անվերնագիր…1915» փաստագրությունը կառուցվածքային յուրահատուկ հյուսվածք ունի: Գրքի յուրաքանչյուր մաս սկսվում է բնաբանով: Մաղաքիա արքեպիսկոպոս Օրմանյանի «Կիլիկիոյ աղէտը» գրքից քաղված բնաբանը գեղարվեստական վավերագրության ներքին կաղապարն է ներկայացնում. «*Եղելություններ կան, որ չեն հիննար, հիշատակներ կան, որ չեն մոռացվիր, և Ձեր աշխատասիրած հատորները որչափ ևս երեք տարի առաջ կատարված գործեր կը պատմեն, սակայն իրենց ականատեսի շեշտովը և խղճմիտ ճշմարտությամբը այժմեության կենդանի կնիք կը կրեն*»: Նույն փաստագրության «Անցյալը վարագույրի հետևում» խորագրը սկսվում է երկու բնաբանով. «*Նա, ով ցանկանում է ապրել, պետք է ձգտի ապրել.* Քսենոֆոն», «*Թշնամին միայն զարկողից կվախենա ու կպատկառի.* Ավետիք Իսահակյան»:

Գեղարվեստական-վավերագրական տեքստի կառուցվածքային հիմնական բաղադրամասերից է *սկզբնամասը*: Յուրաքանչյուր հուշ ունի մուտք, որ տրամադրում, նախապատրաստում է ընթերցողին: «Վաղարշ Վաղարշյան» հուշագրությունը հետաքրքրական սկիզբ ունի. «Կան մարդիկ, որ ոչ միայն բնագավառն են զարդարում, այլև քաղաքը, որի բնակիչն են: Երբ այդպիսի մարդիկ փողոցում հայտնվում են, ասես քաղաքը փայլ է առնում:

… Վաղարշյանն այդ մարդկանցից է» [Ռ. Զարյան]:

Հետաքրքրական կաղապարով է կառուցված Կարպիս Սուրենյանի «Օրագիրը…»: Սկզբում տրվում է թվականը, այնուհետև ներկայացվում օրը. «*1963 Այսօր 1963 թվականի օգոստոսի 1-ն է: Ահա նորից սկսում եմ օրագրի նման մի բան: Քանի՞երորդ անգամն է կյանքիս այս վերջին տարիների տակնուվրայության մեջ*»:

Գեղարվետական-վավերագրական տեքստերի ստվար մասի սկզբում առկա են «*նրան առաջին անգամ տեսա…* կամ *հանդիպել եմ*», «*ծանոթությունն սկսվեց…*կամ *տեղի ունեցավ*», «*հանդիպեցի* (*հանդիպեցինք…*)», «*տարիներ առաջ էր*» արտահայտությունները: «Մեծատաղանդ բանաստեղծ Եղիշե Չարենցին առաջին անգամ ես

տեսա Վենետիկում 1924 թվականին» [Ավ. Իսահակյան]: «Կոմիտասին առաջին անգամ հանդիպել եմ ճեմարանում 1902 թվին»: «Նրանցից մեկին ես հանդիպեցի Լաթաքիայում, մյուսին՝ Բեյրութում»: «Այդ օրվանից սկսվեց մեր ծանոթությունը, որ հետո փոխվեց մտերմության» [Մ. Մազմանյան]: «Տարիներ առաջ էր, ջահել էի դեռ, հանգամանքների բերումով հայտնվեցի Վիեննայում»[Գր. Գուրզադյան]:

Սովորաբար հուշագիրները ներկայացնում են իրենց առաջին տպավորությունը բնորդից: Այս առումով հետաքրքրական է Վաղարշակ Նորենցի՝ Չարենցին կերտած դիմանկարը. «*Կարճահասակ ու վտիտ մարմնով, մեկ ուսը մյուսից հազիվ նկատելի բարձր պահած և գլուխը թեքած ցած ուսի կողմը, իր նկարագրած հոր դեմքի պես՝*

Նրա դեմքը՝ արծաթե ափսե,

Վրան քիթը՝ կեռ մի դանակ.

փոքր, սակայն աշխույժով լի շագանակագույն աչքերը, անհատորոշ ինքնավստահության կնիքը դեմքին, գլխին ուզբեկական թասակ…Ահա առաջին անգամ այսպես եմ տեսել ես Եղիշե Չարենցին»:

Գեղարվեստական վավերագրության կառուցվածքային կարևոր բաղադրամասերից է *երկխոսությունը*, որի տարատեսակներից է զրույցը, ինքնազրույցը, հեռախոսազրույցը, միակողմանի երկխոսությունը և այլն: Էսսեներում հեղինակը հաճախ է կառուցում երկխոսության յուրահատուկ կաղապար. առաջադրում է հարցը ու տալիս պատասխանը. «Բայց կա՞ր լուծում, կա՞ր այլ հնարավորություն: Այո՛, կար, այն էլ Հռոմի ճիշտ կենտրոնում. ես նկատի ունեմ Պանթեոնը»[Գր. Գուրզադյան]:

Երբեմն հիշողությունները «հերոսին» ներկայացնում են տարբեր իրավիճակներում, և ասես թուլանում է հուշագրական հատվածների տրամաբանական կապը: Հուշագիրները գտնում են լուծման բանալին՝ հատուկ վերնագրով զատելով հատվածները միմյանցից. այսպես՝ «*Երկրորդ հանդիպում. Դերենիկ Դեմիրճյանենց բնակարանում*» [Վ. Բալյան]:

Էսսեներում հեղինակները քննում են դրույթներ և հաճախ հետևություններ անում. «*Ո՞վ է ստեղծել Զվարթնոցը՝ հայտնի է, ո՞վ է ստեղծել Անիի Գագկաշենը՝ հայտնի է, ո՞վ է ստեղծել Բանաքը՝ հայտնի չէ*»: «*Ես գրեթե համոզված եմ. Բանաքը եղել է առաջինը, Ներսես կաթողիկոսը եղել է Բանաքում, տեսել է նրա շինարարությունը, տեսել է մակետը ու ոգևորված վերադարձել է Էջմիածին հաստատ որոշմամբ. ստեղծել Զվարթնոցը ճիշտ և ճիշտ Բանաքի նման*» [Գր. Գուրզադյան]:

Առաջադիր ժանրի տարբեր տեսակներում պատումն առավել ընդգրկուն և ամբողջական ներկայացնելու համար հաճախ խոսքը լրացվում է մեծերի մտքերի հոսքերով. «Մտաբերեցի Չայկովսկու խոսքերը. «Չլիներ Հայդնը, չէր լինի Մոցարտը, չէր լինի Բեթհովենը…»: Ուժեղ է ասված»: «Տվեք ինձ հենարան՝ երկրագունդը շուռ տամ» (Արիստոտել) [Գր. Գուրզադյան]:

Գեղարվեստական վավերագրությունը թևավոր խոսքերի, առած-ասացվածքների, շրջասույթների շտեմարան է, օրինակ՝ «*ռուբիկոնն անցնել*»-վճռական, աննահանջ քայլ կատարել. «Ռուբիկոնն անցել էինք արդեն: Ես նշանակված էի…գյուղի դպրոցի վարիչ, իսկ Չարենցը՝ նույն դպրոցի ուսուցիչ» [Գ. Աբով]: «*Մեֆիստոֆելյան ծիծաղ*»-սատանայական չար ուժ: Քրքիջ (առավելաբար չարախինդ). «Սեղանի շուրջը մնացինք երեքս: Ծիծաղում էր մեֆիստոֆելյան ծիծաղով» [Գ. Մահարի]: «*Հոմերական ծիծաղ*»-անզուսպ քրքիջ (առավելաբար զանգվածային). «Դահլիճում՝ հոմերական ծիծաղ և ծափահարություններ» [Գ. Մահարի]: «*Հոմերական ոճ*»-առասպելական պատմելաձև. «Օհաննեսի նախահայր պապը Լոռվա ձորերի և անտառների նահապետ քաջ Հովակիմն է,…որի մասին հոմերական ոճով գրում է Խաչատուր Աբովյանը» [Ավ. Իսահակյան]: «Բաբելոնյան խառնակություն»-ծայրահեղ խառնաշփոթ վիճակ. «Չնայելով այն բաբելոնյան խառնակությանը՝ ես էլ ուրախ էի, որ մասամբ ազատվեցա անձրևից» [Րաֆֆի]: «Սֆինքսյան խորհրդավորություն» - խորհրդավոր, առեղծվածային, դժվար վերծանելի երևույթ (կարող է բնութագրել անձին). «Բայց իր (Ավետիք Իսահակյանի-Ա.Գ.) ծերությունն էլ նույնքան անպատկերանալի էր: Սֆինքսյան խորհրդավորություն: Իրոք, նա չէր էլ ծերանում» [Լ.

Հախվերդյան]: Առած-ասացվածքների օրինակները քաղել ենք Պ. Պռոշյանի «Հուշիկներից». «Մեղր ծախողը մատը կլպստի», «Կճուճը գլորվել էր ու խոփը գտել», «Ջոռով արջին կալ լծել չի լինի», «Երկաթը տաք-տաք կծեծեն», «Մեծն ամեն բանի մեջ մեծ կլինի», «Մի ձեռք, որ չես կարող կտրել, պաչիր դիր ճակատիդ»: «Խոփդ սուր է, բայց հանդը բաժանովի է»: «Շատ հեռու ես բարեկենդանից»:

Շրջասույթներ՝ *Հայոց երկրի սուրբ սար*-Արարատ, *մտքերի հսկա*-Վազգեն Առաջին կաթողիկոս, *Արցախի արծիվ, նոր Նժդեհ*-Մոնթե Մելքոնյան, *մեծ սրտի տեր կին*-Անգելա Մերկել և այլն:

Կառուցվածքային նոր հնար է նամակի գործածությունը գեղարվեստական վավերագրության մեջ: Նամակը լրացնում, ամբողջացնում է խոսքաշարը, ի հայտ է բերում նամակագրի լեզվամտածողությունը, ցուցադրում խոսքի կառուցվածքը:

Պատկերավորման ու արտահայտչական միջոցները, որոնք ինքնաբերաբար և անկեղծ մղումով հայտնվում են նամակներում, առաջադիր ժանրի լեզուն դարձնում են տպավորիչ ու բանաստեղծական: Օրագրության հեղինակն այսպես է մեկնում նամակի ձուլումը պատումի ընդհանուր շղթային. «*Ուզում եմ արտագրել այս օրագրումս նամակը հատվածաբար, ավելի մոտեցնելու համար իր ձայնը, ավելի երկարացնելու ժամանակից ու տարածությունից դուրս այս պահը…*» [Կ. Սուրենյան]: Հաճախ հուշերում մեջբերվում է նամակից հատվածներ. օրինակ՝ «*Անմիջապես մի նամակ եմ գրում Իսահակյանին. «Միրելի՛ Վարպետ, մի թե դեռ տվայտելու եմ այս ավազոտ երկրում և արժանի չեմ լինելու հայրենիքիս և Ձեր կարոտն առնելու*» [Վ. Բյուրատ]:

Միջբնագրային այս դրսևորումները տեքստի ոճաբանության մեջ անվանում են տեքստը տեքստում, որի դեպքում պիտի գործ ունենանք միջբնագրային կապերի հետ: Տվյալ դեպքում նամակը գեղարվեստական վավերագրության մեջ ունի ամբողջական նշանակություն և որպես լեզվական որակ՝ ընկալվում է բնագրի լեզվատիրույթում:

Գեղարվեստական վավերագրության հեղինակը երբեմն շեղվում է բուն նյութից և ընթերցողին հաղորդում հավելյալ փաստեր, որոնք քաղել է ականատեսների պատմությունից և տարբեր աղ-

բյուրներից: Օրինակ՝ Մարգո Ղուկասյանի «Անվերնագիր…1915» փաստագրության մեջ ներկայացվում է Սիմեոն Դպիր Լեհացու «Ուղեգրությունից» մի հատված, որտեղ ներկայացվում է Ս. Նշան եկեղեցին: Փաստագրության հեղինակը հաջորդ պարբերության մեջ հետաքրքիր ակնարկ է հյուսում Սուրբի մասին. «Սուրբ Նշան: Հայ ժողովրդի կողմից որքա՛ն սեր ու հարգանք, որքա՛ն գորովանք, եթե միայն հիշենք նրան տրված անունները՝ Արեգա՛կ Սուրբ Նշան, Ս. Հովնան Ոսկեբերա՛ն, Սեբաստիայի Սուրբ Նշան…

Վանքը Փոքր Հայքի Մարագում լեռան փեշին էր, մոտակայքում բազում աղբյուրներ կային, զառ-վառ ծաղկահովիտներ»:

Սույն փաստագրության մեջ քաղաբերվում են Առաքել Պատրիկի «Պատմագիրք հուշամատյան Սեբաստիո և գավառի հայության» Ա հատորից, տարբեր գրություններ, հատվածներ գեղարվեստական գրականությունից՝ Լևոն Զավեն Սյուրմելյանի «Ձեզ եմ դիմում, տիկիններ և պարոններ» վեպից, Վահան Թեքեյանի «Եկեղեցին հայկական» և Հովհաննես Թումանյանի «Հոգեհանգիստ» բանաստեղծություններից:

Փաստագրությունն ունի միջանկյալ խորագրով հատվածներ, որոնք ավելի ամբողջական են դարձնում պատումը. «(*Միջանկյալ՝ թերևս կարող էր նաև չգրվել: Ո՞վ տեղյակ չէ այս ամենին: Բայց չգսպեցի ինձ: Նախորդ էջերում ես էլ անցա Տեր Զորի դաժան ճամփաներով…Ալմաստի հետ: Դժվար է վերապրելը այդ ամենը, թեև անցել է մոտ մեկ դար: Մանավանդ որ լուսանկարը սեղանիս է:*)»:

Ընդհանրապես փաստի միջանկյալ հիշատակումը հատուկ է նաև հուշագրությանը, որն ավելի լրացնում և ամբողջական է դարձնում պատումը:

Գուրգեն Մահարու «Չարենց-Նամե» հուշագրության յուրահատուկ կառուցվածքում առկա է «Փակագծերում պիտի ասենք» վերտառությունը: Իսկ վերջում՝ «Փակենք փակագիծը…»:

Կառուցվածքային հետաքրքրական ձև ունի Նվարդ Թումանյանի «Հուշերը…»: Երբեմն հեղինակային խոսքն ընդմիջվում է «Աշխեն Թումանյանի հուշերից» կամ «Մայրս է պատմել» խորագրերով: Նման մեջբերումներն ավելի բովանդակ և հետաքրքրական են

դարձնում պատումի շղթան, այն հավելում լրացուցիչ մեկնաբանություններով:

Հուշերի տարբեր հատվածներում գործածվում են «այսօրվա նման (պես) հիշում եմ», «հիշում եմ, ինչպես այսօր», «տարիներ են անցել» արտահայտությունները. «Լիքն էր Լենինականի շուկան. այսօրվա պես հիշում եմ տանձը, խնձորը» [Հ. Շիրազ]: «Այսօրվա պես հիշում եմ մի ուրիշ պատկեր ևս (անմոռանալի՛ օրեր սուրբ մանկության)» [Ռ. Պատկանյան]: «Մի անգամ՝ փորձի ժամանակ, հանդիսասրահում, հիշում եմ, ինչպես այսօր, երգում էինք «Զիգ տու, քաշ երգը» [Վ. Փարսադանյան]: «…Տարիներ են անցել, այդ ժպիտը, ճերմակ մազերը աչքիս առաջ են. դա չի անցնի երբեք» [Գր. Գուրզադյան]:

Հուշերում և ուղեգրություններում ուշագրավ է *հանդիպում* և *հիշողություն* իմաստային դաշտերի հաճախակի գործածությունը «Մեր հաջորդ հանդիպումը տեղի ունեցավ 1919 թվականին…»: «Մեր հանդիպումը սրտառուչ էր, կարոտագին» [Ա. Փալանջյան]: «Իմ հիշողության մեջ էլ նրանք հալվում են արդեն՝ մայրամուտին հալվող շողերի նման» [Ս.Արզումանյան]: «Իհարկե ժամանակը հիշողությունիցս ջնջել է մեր հանդիպումների մանրամասնությունները» [Մ. Քորելի]: «Աղայանը հիշողություններ էր պատմում և գովում էր սիրած հեղինակներին»: «Նա հաճախ էր պատմում լոռեցիների հիշողությունների մասին» [Դ. Դեմիրճյան]:

Ուսումնասիրելով գեղարվեստավավերագրական արձակի կաղապարային բաղադրիչները՝ նկատում ենք հայի տեսակին բնորոշ հիմնաբառեր: Ուշագրավ է *կարոտ* բառի հաճախակի գործածությունը. «Չգիտեմ՝ ուրիշներն ինչպես, բայց ես կարոտս առնում եմ աղբյուրներից»: «Կարոտիս ծարավը քիչ-քիչ էի հագեցնում»: «Ու ծանր հոգոցին խառնվում է կարոտը» [Ս. Արզումանյան]:

Գեղարվեստական վավերագրության բնագրերում շատ են տարեթվերը և այն վայրի հիշատակումը, որտեղ տեղի է ունենում հանդիպումը. սրանք հույժ կարևոր են փաստական նյութը հաղորդելու համար և ունեն աղբյուրագիտական արժեք. «1871 թվականի ամառն էր: Ավետիք Բաբայանցը Թիֆլիսում սպասում էր ինձ» [Ղ. Աղայան]:

Գեղարվեստական վավերագրության պատումներում հեղինակները հաճախ են մեկնում այս կամ այն բառը, տալիս բառիմաստի հավելյալ բացատրություններ. «Սաղ գյուղը չրաղվան էր արել (չրաղվան, այսինքն՝ բոլոր տներում վառել էին նավթի լամպերը, բոլոր մոմերը)» [Վ. Պետրոսյան]:

Այս երևույթը գեղարվեստական վավերագրության կառուցվածքային հատկանիշներից է: Այս առումով կարելի է շեշտել՝ առաջադիր ժանրը ձեռք է բերում բառարանային գործաբանական արժեք:

Այսպես՝ հուշագրության մեջ երբեմն տրվում են որոշ բառերի բառարանային բացատրություններ: Հրաչյա Աճառյանի «Կյանքիս հուշերից» երկում թուրքերեն մի շարք անունների դիմաց տրվում են հայերեն բացատրություններ. այսպես՝ «Քաղաքի թաքիրդաղ թուրքերեն անունն առաջացել է հայոց Սուրբ Թագավոր եկեղեցու անունից»: Կամ՝ չիչակչի - «վաղահաս ընտիր մրգեր ծախող պտղավաճառ», խոնախ «ապարանք, մեծ տուն», դաչկա-«երկանիվ սայլ», մուխթար «թաղապետ», խովուշ «մեծ սրահ» և այլն:

Լեզվաբան Արտեմ Սարգսյանը «Հազար ու մեկ օր ևս…» հուշագրության մեջ մեկնում է բառերի բառակազմական կաղապարները, տալիս դրանց բարբառային համարժեքները. «*Գրական հայերենի ձվածեղ (կամ ձու+ած+եղ) բառի համարժեքը մեր բարբառում յուղուծուն է,-նշում է հուշագիրը:-Ինչպես տեսնում ենք, եթե գրական լեզվում սկզբից դրվում է ձու-ն, հետո ավելացվում է յուղը, ապա մեր խոսվածքում բուն ձվածեղի գործընթացը նկարագրվում է ռեալ հաջորդականությամբ*»:

Վերջին ժամանակներում լեզվաբան-ոճագետները գեղարվեստական հուշագրության մեջ տեսնում են գերբնագրերի ներժանրային դրսևորումներ: Ըստ Ն. Լեյդերմանի՝ մի քանի ընդհանուր կառուցվածքային սկզբունքներ երևում են առնչակից ժանրերում [2]: Օրինակ՝ հուշագրության կառուցվածքային որոշ հատկանիշներ դրսևորվում են Սիլվա Կապուտիկյանի «Քարավաններում...»:

Սփյուռքի հնագուն հաստատություններից մեկը՝ Գալուստյան վարժարան ացելությունը ներկայացնելու համար ուղեգրողը սկսում է հուշագրական պատումից. «Դեռևս 1956 թվականին Ամե-

նայն հայոց կաթողիկոս Վազգեն վեհափառը սփյուռքի երկրներ կատարած իր առաջին ճամփորդությունից հետո հրավիրեց ինձ Էջմիածին և հանձնեց թանկագին մի նվեր՝ Կահիրեի Գալուստյան ազգային վարժարանի աշակերտների տասնմեկ նամակները» [Ս. Կապուտիկյան]: Այստեղ հուշագրությունը դառնում է ուղեգրության հիմքը, լեզվական կաղապարի մի մասնիկը:

Ժամանակակից հուշագրական արձակում ցայտուն դրսևորվում են խոհագրության ժանրի հատկանիշներ՝ ազատ կառուցվածք, անսյուժե շարադրանք, վերլուծումներ և խոհեր:

Ժամանակակից հուշերը թեթև ոճով շարադրված պատումներ են, որոնք չեն պահվել հատուկ նոթատետրերում, չեն գրվել օրագրերում: «Կարևորը, որ բարությամբ եմ հիշում բոլորին, անցյալի ու ներկայի իմ կյանքի ուղեկիցներին, շրջապատիս մարդկանց, ովքեր բարի հետք են թողել իմ հուշաշխարհում» (Ա. Սարգսյան): Հուշագրողը նախաբանում հնչեցնում է ինքնահարցադրումը՝ «Ինչո՞ւ են գրվում նման գրքերը» և փորձում անկեղծ պատասխանել. «Իրենց ապրած ջերմությունից մի փոքրիկ մաս ընթերցողներին փոխանցելու համար»:

Գրականություն

1. Գալստյան Ա., Գեղարվեստական վավերագրության տեսակները և դրանց լեզվաոճական կառուցվածքը, Ջահուկյանական ընթերցումներ, Եր., 2013, էջ 24-33:
2. Бахтин М. М., Эстетика словестного творчества, М., 1979:
3. Лейдерман Н., Движение времени и законы жанра: (Жанровые закономерности развития советской прозы 60-70-е годы), Свердловск, 1982:

Форма языковых выражений восточноармянской художественной документалистики

Ашот Галстян
к.филол.н., доцент
Армянский государственный педагогический
университет им. Х. Абовяна

Резюме

Первичное значение в направлениях современного языковедения имеет изучение основ художественно-документальных оригиналов языковых выражений.

В центре исследования – языковая реализация «человек-личность» в доминирующих видах жанра. Существенными компонентами художественной документалистики являются эпиграф, строение мысли, портрет, проявления диалогов и т.д. Крылатые слова обогащают основы языковых выражений этого жанра.

В художественном мемуарах заметны внутрижанровые проявления оригиналов.

The Matrix of linguistic expression in eastern Armenian fiction documentary

Ashot Galstyan
Candidate of Philological Sciences,Associate Professor
Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan

Summary

The investigation of the bases of original fiction documentary has a first-rate importance among the directions in contemporary linguistics. The linguistic realization of a human-personality is in the center of posed investigations. Epigraph, construction of entry, portrait of the poser, dialogue expressions form the essential components of fiction documentary matrix. Quotes and idioms enrich the bases of linguistic expression.

Intergenre displays of originals are also noticed in fiction documentary.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ: КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Валерий Ефремов
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ключевые слова: *концептуализация, когнитивная картина мира, когнитивные признаки, образо-схемы, языковая картина мира*

Проблема соотношения когнитивной и языковой картин мира, природа и сущность концептуальных систем и языковых структур, роль языка в процессах познания и осмысления мира, а также в его концептуализации и категоризации – вот те вопросы, которые занимают когнитивную лингвистику и стимулируют возникновение новых способов и методик их решения. И если исходить из того, что «языковая структура зависит от концептуализации, которая, в свою очередь, является результатом опыта в освоении человеком себя и окружающего пространства, а также отношений к этому внешнему миру» [1, 30], то необходимо определить, что представляет собой концептуализация как когнитивный процесс и как ее можно исследовать с помощью лингвистического инструментария.

Термин «концептуализация», активно использующийся в отечественной лингвистической литературе с начала 1990-х годов, относится к разряду востребованных и актуальных, но, как и большинство терминов когнитивной лингвистики, не имеет четкого и однозначного определения. В самых общих чертах под концептуализацией понимают осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов как фиксированных в сознании человека смыслов.

В современной лингвистической науке можно выделить как минимум шесть разных, хотя и неизбежно пересекающихся, точек зрения на концептуализацию.

1) Концептуализация – это «классифицирующий процесс, в результате которого минимальные ментальные единицы упорядочиваются в целые когнитивные системы» [2, 4]. Сторонники такой точки зрения рассматривают концептуализацию как некоторый «сквозной» для разных форм познания процесс структурирования уже имеющихся знаний и возникновения разнообразных когнитивных структур новых знаний на базе сформированных ранее минимальных концептуальных единиц. Однако такой подход, апеллирующий исключительно к «классифицирующей функции» когнитивных единиц и практически игнорирующий языковые структуры, характерен прежде всего для логиков и некоторых философов (см., например, сборник «Концептуализация и смысл» (1990).

2) Концептуализация – это членение отраженной сознанием действительности с помощью языка. Такой подход также подразумевает обращение к классифицирующей функции концептуализации: «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира» [3, 350], однако первичными объявляются языковые знания, которые и структурируют действительность с помощью концептов. Этот взгляд характерен для представителей Московской семантической школы, в рамках которой концептуализация рассматривается скорее как набрасывание «классификационной сетки» языка на отражаемый мир. «Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина, мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [4, 3].

3) «Термин концептуализация используется для обозначения любого аспекта человеческого опыта, включая понимание природного, лингвистического, социального и культурного контекстов. Семантические структуры – это акты концептуализации, используемые в лингвистических целях как значения лингвистических выражений, например, слов, словосочетаний, предложений» [5, 15]. В лингвистике наиболее широкое представление о концептуализации характерно именно для когнитивной грамматики, в которой она приравнивается к значению в целом: согласно американскому ис-

следователю Р. В. Лэнгакеру (в иной, более ранней, но менее верной, транскрипции – Лангаккер), процесс концептуализации характеризует субъективную природу значения и представляет собой комплексное понятие, включающее в себя сенсорные, эмотивные и кинестетические ощущения, а также социальную и лингвистическую информацию. При этом концептуализация охватывает не только уже сформировавшиеся концепты, но и «новые концепции и впечатления в момент их появления» (там же).

Одновременно Р.В. Лэнгакер пытается связать концептуальную деятельность с нейрофизиологическим механизмами, утверждая, что «в концептуализации, по сути, нет ничего таинственного: это просто когнитивная обработка (нейрологическая деятельность). Осуществление конкретной концептуализации или обладание определенным ментальным опытом характерно для некоторого сложного «когнитивного события» (сводящегося в конечном итоге к координированному взаимодействию нейронов)» [6, 10].

5) Наиболее общий лингвистический подход к концептуализации представлен в статье «Когнитивная лингвистика», написанной для «Энциклопедии языка и лингвистики» (N.Y., 2006) американским лингвистом-когнитологом Л. Талми: «Концептуализация, обнаруживаемая в языке, в широком смысле рассматривается как продукт мыслительных процессов человека и "привязывается" к экстралингвистическим явлениям (там, где возможно такое отношение), а не выводится из предполагаемых структур, свойственных подобным экстралингвистическим явлениям, и действительно принимается языком» [7, 544].

6) В последнее время для того чтобы разграничить индивидуальный и социальный (обусловленный во многом этнолингвистической спецификой) процессы познания окружающей действительности, в ряде работ западных этнопсихологов, когнитологов и лингвистов вопросы концептуализации связывают с так называемой «социальной когницией» (social cognition) – совокупностью процессов в сознании индивидуума, которые протекают под влиянием внешних факторов, связанных с результатами деятельности социума. Прин-

ципиально важно, что социальная когниция – это процесс трансформирующийся, способный видоизменяться под влиянием различных факторов (так, именно она обусловливает существование социальных (гендерных, этнических, религиозных) стереотипов). Социальная когниция представляет собой схематизацию социального окружения индивида, облегчающую ориентацию во внешнем мире. Одновременно она оказывает существенное влияние и на ментальные схемы, культурная детерминация которых очевидна. При таком подходе социальную (в иных терминах – коллективную, культурную) концептуализацию интерпретируют не столько как когнитивный процесс, сколько как результат этого процесса во всем его многообразии. Так, в исследованиях современного австралийского ученого Ф. Шарифяна такие понятия, как когнитивная схема, когнитивная категория и метафора, интерпретируются как различные типы («культурной») концептуализации.

В его же работах соотношение ментального и лингвистического интерпретируется следующим образом: «Язык служит в качестве «банка памяти» для культурных концептуализаций его носителей, как в прошлом, так и в будущем» [8, 109]. При таком подходе социальная когниция рассматривается как «сложная адаптивная система», а концептуализация интерпретируется как «способ толкования людьми, принадлежащими различным культурным группам, собственного опыта и разнообразных точек зрения на мир» (там же). Интересно, что при подобного рода интерпретации взаимодействия языка и когниции Ф. Шарифян активно ссылается на работы Л. С. Выготского.

При этом исследователь, в отличие от логиков и лингвофилософов, подчеркивает, что культурная концептуализация существует в первую очередь благодаря языку: «лексические элементы человеческих языков следует рассматривать как способы «схватывания» и хранения культурных концептуализаций» [8, 116].

5) Концептуализация – это объективация в каждом конкретном высказывании элементов концептуальной картины мира и отдельных концептов. При таком, когнитивно-коммуникативном, подходе

под процессом концептуализации понимается «определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент представляет – и вот эти представления как раз и называются концептуализацией» [9, 7]. Как отмечает сама Е. В. Рахилина, данная интерпретация концептуализации как исключительно коммуникативно значимого процесса не является чем-то неожиданным, так как и в Московской семантической школе, и в Школе логического анализа языка широко используется представление о «наивной картине мира», служащей своеобразным медиатором между действительностью и смыслом.

6) Однако самым распространенным в современной отечественной когнитивной лингвистике является понимание концептуализации как процесса когнитивной деятельности человека, приводящего не только к возникновению ментальных единиц, отражающих информацию и фрагменты реального мира как через язык, так и через другие ментальные репрезентации, но и к «образованию концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [10, 93]. Таким образом, концепт – это всегда результат концептуализации. Вместе с тем итогом концептуализации могут становиться и иные единицы ментальной природы: как более мелкие, чем концепт (например, концептуальные признаки), так и более крупные (например, суперконцепты, фреймы, категории и др.).

Так как когнитивные исследования по природе своей носят междисциплинарный характер, необходимо упомянуть и современные психологические исследования, в которых выделяют несколько этапов формирования концепта:

1. Накопление сенсорных данных, получаемых от органов чувств, при помощи которых воспринимается конкретный объект познания;

2. Формирование психического образа познаваемого объекта на основе этих сенсорных данных;

3. Категоризация психических образов при помощи имеющихся знаний (наличных концептов), которые функционируют в качестве перцептивных эталонов [11, 11].

Нетрудно заметить, что представления современных психологов о структурировании знаний в человеческом мышлении не противоречат, а скорее дополняют концепцию когнитологов. Итак, в аспекте соотношения с системой естественного языка можно выделить три слоя концептуальной системы человека:

- «первичные» концепты, появляющиеся путем обобщения информации еще на довербальном уровне развития человека; эти простейшие ментальные репрезентации складываются в актах непосредственного восприятия окружающего мира и в онтогенезе вербализуются (если вообще вербализуются) первыми;
- невербальные концепты, часть которых в естественном языке так и не реализуется, по-видимому, в силу неактуальности для говорящих (ср.: «На этих стадиях <становления сенсомоторного интеллекта. – *В. Е.*> возможны перебор, комбинация схем действия в «психологическом пространстве» ребенка, возможен феномен инсайта (существенный признак интеллекта как такового). Схемы действия фактически и представляют собой первые ментальные модели, которые очевидным образом полностью независимы от языка» [12, 13]);
- «первичные» и позднее вербализованные концепты, которые служат базой для образования новых концептуальных структур, соответствующих неким воображаемым, гипотетическим и/или абстрактным сущностям [13, 14].

Таким образом, концептуализацию можно представить, с одной стороны, как процесс структурирования знаний, включающий в себя выделение относительно простых концептуальных составляющих общего представления об объекте, выявление отношений и взаимосвязей между этими составляющими, а с другой стороны, как динамичный процесс усложнения ментального мира человека за счет «наращивания» сложности вновь образуемых элементов, которые дополнительно выстраиваются в комплексные иерархические единицы.

Как уже было отмечено выше, пути исследования концептуализации зависят от природы и структуры самого концепта: знания, образующие концептуальную систему человека, имеют различные источники формирования, и это обусловливает разнообразие типов, структур и содержания концептов. В качестве строительного материала сложных когнитивных единиц называются разные когнитивные элементы: от когнитивных признаков (например, работы З.Д. Поповой, И. А. Стернина и их учеников) до прототипов (А. Вежбицкая) и образо-схем (Дж. Лакофф).

Весьма показателен тот факт, что еще в самом начале исследования концептов в отечественной науке была выдвинута мысль о том, что большое число ментальных и социально обусловленных явлений человеческой жизни так или иначе восходит именно к концептуальной системе индивида: «Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире «понятий», «образов», «поведенческих стереотипов», «ценностей», «идей» и других тому подобных привычных феноменологических координат своего существования (сравнительно легко фиксируемых уже на уровне обыденной рефлексии), одновременно на глубоком уровне бытия он живет, общается, мыслит, действует в мире *концептов,* по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами» [14, 11].

Резюмируя, можно утверждать, что практически общим для всех современных подходов к концептуализации становится представление о том, что ее следует понимать как сложный двусторонний процесс структурирования знаний и усложнения ментального мира человека, во многом определяемый спецификой самих концептуализируемых объектов. При этом важную роль в исследовании механизмов концептуализации играет современная лингвистика с ее обширным и разнообразным инструментарием.

Литература:

1. Демьянков В.З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой / Отв. ред. Н. К. Рябцева. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 27–37.
2. Концептуализация и смысл / Отв. ред. И. В. Поляков. Новосибирск: Наука, 1990. 239 с.
3. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю. Д. Апресян. Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. С. 629–650.
4. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
5. Лэнгакер Р. В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 15–27.
6. Лангаккер Р. В. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН РАН, 1992. 56 с.
7. Talmy L. Cognitive linguistics // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. New York: Elsevier, 2006. P. 542–546.
8. Sharifian F. On collective cognition and language // Language and social cognition. Ed. H. Pishwa. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2009. P. 109–135.
9. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 3. С. 3–15.
10. Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 93–94.
11. Мазирка И.О. Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2008. 38 с.
12. Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М.: Наука, 1989. С. 8–18.

13. Кубрякова Е.С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
14. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1997. Вып. 1. С. 11–35.

Հասկացույթացում. ճանաչողական և լեզվաբանական տեսանկյուններ

Վալերի Եֆրեմով
բ.գ. դ., պրոֆեսոր
Ա.Գերցենի անվան Ռուսաստանի պետական մանկավարժական համալսարան

Ամփոփում

Հասկացույթացման մասին ժամանակակից մոտեցումները իրենց մեջ ընդգրկում են այն պատկերացումների համակարգը, ըստ որի այն պետք է հասկանալ որպես գիտելիքների կառուցվածքային վերլուծության և մարդու մտածողական աշխարհի բարդացման երկկողմանի գործընթաց, որը շատ դեպքերում որոշվում է հենց հասկացույթացվող օբյեկտների առանձնահատկություններով: Ընդ որում հասկացույթացման մեխանիզմների ուսումնասիրությունում կարևոր դեր է խաղում արդի լեզվաբանությունը իր լայնարձակ և բազմաբնույթ գործիքակազմով:

Conceptualization: Cognitive and Linguistic Aspects

Valery Yefremov
Doctor of Philology, Professor
Russian State Pedagogical University after A. Herzen

Summary

The paper describes basic ways of categorization existing in contemporary Russian and Western cognitive linguistics. Categorization is considered as a complex bilateral process of (1) knowledge structuring and (2) complexity of the mental world of the person. This process is largely determined by the specifics of the conceptualizing objects.

ԱԾԱԿԱՆԱԿԱՆ ՀԱՄԵՄԱՏՈՒԹՅՈՒՆ-ԴԱՐՁՎԱԾԱՅԻՆ ՄԻԱՎՈՐՆԵՐԸ ԳՐԱԲԱՐՈՒՄ

Հալիկ Խաչատրյան
Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան

Առանցքային բառեր՝ *դարձվածք, համեմատություն-դարձվածային միավոր, ստորադաս բաղադրիչ, ածականի արժեք, գունանուն բաղադրիչ, նախադրություն*

Համեմատություն-դարձվածային միավորները (ՀԴՄ) պատկերավոր արտահայտություններ են և, որպես պատրաստի վերարտադրելի կառույցներ, լեզվի դարձվածային ֆոնդի մեջ զգալի կշիռ ունեն: ՀԴՄ-ների հիմքում ընկած է պատկերավոր համեմատությունը, որ, իբրև փոխաբերության մի տեսակ, արտահայտում է համեմատելի հատկանիշ՝ երկու տարասեռ առարկաների և նրանց հատուկ ընդհանուր հատկանիշի հարաբերության միջոցով: Այստեղից հետևում է, որ պատկերավոր համեմատության իրացման համար անհրաժեշտ են երեք անդամներ. առաջին անդամը համեմատության առարկան է (սուբյեկտը), երկրորդը՝ համեմատության հենակետը՝ պատկերավորությունը կրողը, երրորդը պարունակում է այն ընդհանուրը, որ հատուկ է թե սուբյեկտին և թե համեմատության հենակետին [11, 112]:

Չնայած պատկերավոր համեմատության իրացման համար լեզվի մեջ առաջին բաղադրիչի (սուբյեկտի) առկայությունն անհրաժեշտ է, այնուամենայնիվ լեզվի մակարդակում ՀԴՄ-ների պարտադիր (մշտական) անդամներ դիտվում են վերջին երկուսը: Համմտ. **խոյանալ իբրև զարծուոյ, չար քան զթոյնս իժից, որպէս լոյս առ խաւար** և այլն:

Մասնագիտական գրականության մեջ այս կարգի կապակցությունները կոչվում են համեմատական դարձվածային միավորներ

կամ համեմատություն-դարձվածային արտահայտություններ [11, 111-125, 194-199; 3, 126-127, 140, 260-263; 5, 50-51]։

ՀԴՄ-ները, որպես պատրաստի կապակցություններ, բնութագրվում են բառին հատուկ բառաքերականական հատանիշներով, և, ըստ այդմ, կարելի է խոսել նրանց ինչպես բառիմաստային հատկանիշների, այնպես էլ ձևաբանական արժեքների մասին։ Երբ խոսվում է դարձվածքի ձևաբանական արժեքի մասին, նկատի է առնվում կապակցության միջոցով ձևավորված հասկացությունը, այլ ոչ թե նրա՝ բառ խոսքի մասին համարժեք լինելը [5, 133]։

Գրաբարի անվանողական ՀԴՄ-ներում տարբերակվում են հիմնականում ածականական, բայական և մակբայական կապակցություններ։ Հմմտ.

ա) **ածականական.** քաղցր քան զմեղու խորիսխ, բազում քան զհեր գլխոյ, չար քան զթոյնս օձից, սուր՝ հատու՝ ազդու քան զսուր երկսայրի,

բ) **բայական.** սիրել իբրև զսուրբ, իբրև զջուր հոսել(իմ), քան զաւազ բազմանալ, իբրև զխոտան ի բաց թողուլ,

գ) **մակբայական**. որպէս լոյս առ խաւար, որպէս յորձան ինչ սաստիկ, զօրէն ի խաւարէն զերծեալ(ք) և այլն։

Ստորև կանդրադառնանք գրաբարի ածականական ՀԴՄ-ների քննությանը։

Այդ կարգի ՀԴՄ-ները հարաբերակից են ածականի դերով հանդես եկող հատկանշային այլ խոսքի մասերի, ունեն անվանողական արժեք և զուրկ են հաղորդակցական դերից։ Մյուս կողմից՝ ածականական ՀԴՄ-ները կարող են կազմված լինել նաև առանց ածականական բաղադրիչի [3, 128] և, կապակցության ընդհանուր իմաստով պայմանավորված, արտահայտել հատկանշային բովանդակություն, ինչպես՝ *իբրև զաշտարակն Դաւթի, իբրև զհոտ կնդրկի, իբրև զթել որդան* և այլն։

Հմմտ. **Իբրև զաշտարակն Դաւթի** պարանոց քո (Երգ .Դ. 4)։ Հոտ հանդերձից քոց **իբրև զհոտ կնդրկի** (Երգ. Դ. 11)։ **Իբրև զթել որդան** են շրթունք քո Եւ խօսք քո գեղեցիկ (Երգ. Դ. 3)։

Ածականի արժեքով հանդես եկող ՀԴՄ-ներում գերակշիռ մեծամասնություն են կազմում երկու լիիմաստ բաղադրիչով (երկանդամ) ստորադասական կապակցությունները, որոնց գերադաս բաղադրիչը հիմնականում ածական է։

Վերջինս ըստ կազմության կարող է լինել պարզ, ածանցավոր և բարդ։

Այսպես, **պարզ ածականներով** են կազմվել հետևյալ ՀԴՄ-ները.

որպէս զաղեղն հաստ — արի // քաջ արի քան զԱքիլլևս
քան զգայլ ագահ — թեթև առաւել քան զՊիգասոս
մաքուր որպէս զապակի — առատ քան զգինի
իբրև զլեառն բարձր — պիղծ իբրև զԵսաւ
հզօր իբրև զկաղնի — քաղցր քան զմեղու խորիսխ

տաք իբրև զհուր — բազում իբրև զաստեղս
լիրբ քան զշուն — չար քան զգլուխ օձի

Հմմտ. **Քացր** է նա **քան զմեղու խորիսխ** (Սաղ. ԺԸ. 11)։ Ոչ է գլուխ **չար քան զգլուխ օձի** (Սիրաք. ԻԵ. 22)։ Եւ ընդարձակութիւն քաղաքին ոսկի **մաքուր որպես զապակի պայծառ** (Յայտ. ԻԱ. 21)։

Ստորև բերվող կապակցությունների ածականական գերադաս անդամն ըստ կազմության բաղադրյալ է, տվյալ դեպքում՝ **ածանցավոր.**

ա) **նախածանցավոր.** որպէս ծառ անթարշամ, քան զգազան անգութ, քան զանապատս անպտուղ, իբրև զաւազ ծովու անչափ (անթիւ), իբրև զբերդ անմատոյց, իբրև զկանթեղ անշէջ, անխառն իբրև զօդ, անմխիթար մինչեւ ի մահ, քան զԱսորի անպիտան և այլն,

բ) **վերջածանցավոր.** ցանկալի քան զոսկի, ցանկալի քան զականս պատուականս, լուսաւոր որպէս ական բիբ, ուժեղագոյն քան զՀերակլէս, իբրև զվէմ հաստատուն, իբրև զմարգարիտ պատուական, սքանչելի իբրև զտեսիլ հրեշտակաց, կարծրագոյն իբրու յականս, վատթար(ագոյն) քան զշուն, պատուական քան

զոսկի, դառնագոյն քան զլեղի, սրեալ (հատու) քան զսուր երկսայրի, քան զջրհեղեղս յորդագոյնս, քան զԱսորի յետին և այլն։

Հմմտ. Եւ էր թիւ որդւոցն Իսրայելի **իբրեւ զաւազ ծովու անչափ և անթիւ** (Ովսէ. Ա. 10)։ **Ցանկալի** է նա քան զոսկի եւ **քան զականս պատուականս** (Սաղ. ԺԸ. 11)։ Քանզի զմիջոց հովտին մեծի լնու մարդկութեամբ և պայծառ շինուածովք՝ **լուսաւոր որպէս ական բիբ** (Խոր., 2, ԽԲ)։ Եւ ասէ Դաւիթ. Նա եւ **վատթար** եւս **քան զշուն** (Ա. Թագ. ԺԷ. 43)։ Բայց յետոյ **դառնագոյն** եւս գտանի **քան զլեղի**, եւ **սրեալ** առաւել **քան զսուր երկսայրի** (Առակ. Ե. 4)։

Հետևյալ տարբերակային ՀԴՄ-ների գլխավոր բաղադրիչները բարդածանցավոր են. *քան զեզն // զէշ պակասամտագոյն*։

Ածականական հետևյալ ՀԴՄ-ների գերադաս բաղադրիչները կազմությամբ **բարդ** են. *խորագէտք իբրև զօձս, միամիտք իբրև զաղաւնիս, քաղցրախօս // անուշաբարբառ իբրև զտատրակ, իբրև զապաառաժ խստաքար* և այլն։

Հմմտ. Եղերուք այսուհետեւ **խորագէտք իբրեւ զօձս եւ միամիտք իբրեւ զաղաւնիս** (Մատթ. Ժ. 16)։

Ընդհանրապես դերբայ գերադաս անդամ ունեցող ԴՄ-ների խոսքիմասային պատկանելության հարցում լեզվաբանական գրականության մեջ տարակարծություններ կան։ Ածականական ՀԴՄ-ների շրջանակներում կարող ենք դիտարկել անցյալ դերբայ գերադաս բաղադրիչով հետևյալ կապակցությունները. *խստացեալ իբրև զորձաքար, իբրև ի գոյն դալկան դեղնացեալ, վառեալ և ջեռեալ իբրև զհնոց*։

Հմմտ. Որք կապեալ էին ի կռապաշտութեանն անլուծանելի հանգուցիւք, **վառեալք և ջեռեալք իբրեւ զհնոց** առ այրել զուխտ սուրբ եկեղեցւոյ (Եղ., 1 Յեղանակ)։

Ածականական ՀԴՄ-ների ստորադաս (երկրորդական) բաղադրիչը կարող է արտահայտվել նախդիր-նախադրություններով և նրանց խնդիրներով։ Անվանողական ՀԴՄ-ներում զգալի թիվ են կազմում հայցական խնդիր պահանջող նախադրություններով (որպէս, իբրև, քան և այլն) կապակցությունները։

Այս դեպքում էլ, գործածության հաճախականությամբ առանձնանում է **զ** նախդիրը (հայցական հոլովի հետ)։ Նկատենք, որ որոշյալ առման ցուցիչ համարվող **զ** նախդրի առկայությունը կամ բացակայությունը ՀԴՄ-ների պարագայում որոշյալի և անորոշի իմաստային-քերականական հակարդություն չի ստեղծում. Այն քերականորեն չեզոք է, հմմտ. *քաղցր քան մեղր // զմեղր, որպէս ծառ // զծառ անթարշամ, մաքուր որպէս լոյս // զլոյս, քան ձիւն // զձիւն սպիտակ* և այլն։ Այնուամենայնիվ, կարելի է կարծել, որ առանց **զ** նախդրի գործածությունների **իբր, իբրև, որպէս** նախադրությունները հանդես են գալիս ոչ թե եզակի հայցական, այլ ուղղական հոլովի հետ։ Հոգնակի թվում վերջինս խիստ որոշակի է. **որպէս նապաստակք, իբրև շունք լիրբք**։

Հանդիպում են նաև նախադրության խնդրի՝ **զ** նախդրով և **ն** որոշիչ հոդով միաժամանակյա գործածություններ, հմմտ. *իբրև զմարգարիտ(ն) պատուական // իբրև զպատուական մարգարիտ(ն)։* Ն հոդն այս դեպքում ևս քերականորեն չեզոք է։

Ըստ նախդրով և տրական հոլովով կաղապարված միագագաթ *ըստ նմանութեան կաթինն, ըստ մարգարէիցն // առաքելոցն նմանութեան* ՀԴՄ-ներում տրական հոլովով խնդիրը հանդես է եկել **ն** որոշիչ հոդով։

Ըստ նմանութեան ատոք ցորենոյ, ըստ նմանութեան մանրամաղ փոշւոյ ՀԴՄ-ները՝ կազմված նույն կաղապարով, ձևավորվել են առանց որոշիչ հոդի։

Կան ածականի արժեքով ՀԴՄ-ներ, որոնցում եզակի-հոգնակի հակադրությունը քերականորեն չեզոք է. այդօրինակ ԴՄ-ների անվանական (գոյականական) բաղադրիչները կարող են գործածվել թե՛ եզակի, թե՛ հոգնակի թվով. *քան զանապատ // զանապատս անպտուղ, որպէս նապաստակ // նապաստակք* և այլն։

Կան այնպիսի ՀԴՄ-ներ էլ, որոնց անվանական բաղադրիչները հանդես են գալիս միայն հոգնակի թվով. *քան զամենայն խունկս անուշութեան, բազում իբրև զաստեղս* և այլն։ Այս շարքում կարելի է դիտարկել նաև անեզական գոյականներով կաղապարված

հետևյալ կապակցությունները. *նուրբ քան զմիտս, գերազանց քան զմիտս, իբրև զաստեղս երկնից։*

Կան նաև ածականական ՀԴՄ-ներ, որոնց անվանական անդամներն արտահայտվում են միայն եզակի թվով։ Այս շարքում հանդիպող միագագաթ ՀԴՄ-ների լիիմաստ անդամները անհոգնական գոյականներ են։ Հմմտ.

ուժեղագոյն քան զՀերակլէս	սպիտակ որպէս զձիւն
քաջ քան զԱքիլլևս	թեթև առաւել քան զՊիգասոս
իբրև զասր սպիտակ	գեղեցիկ իբրև զլուսին
ընտիր իբրև զարեգակն	տրտում մինչև ի մահ
անխառն իբրև զօդ	քան զԱսորի յետին
պատուական քան զոսկի	առատ քան զգինի

Հմմտ. Լուա՛, եւ **քան զձիւն սպիտակ** եղէց (Սաղմ. Ծ. 9)։ Եթէ իցեն մեղք ձեր իբրեւ զձանձախարիւթ՝ **իբրեւ զձիւն սպիտակ** արարից (Եսայ. Ա. 18)։

Գրաբարի ածականական ՀԴՄ-ների քերականական (ձևաբանական) քննության համատեքստում անդրադառնանք նաև այսպես կոչված «միջխոսքիմասային կապակցություններին» [4, 139] կամ խոսքիմասային (տվյալ դեպքում՝ ածական // մակբայ) տարարժեքություն դրսևորող միավորներին [6, 84-201]։

Այդօրինակ ՀԴՄ-ները հիմնականում միագագաթ կապակցություններ են, որոնց երկփեղկված խոսքիմասային (ած.// մկբ.) արժեքներն իրացվում են խոսքային միջավայրում։ Հմմտ.

որպէս ծառ (հաստատուն - ած., հաստատուն կերպով - մկբ.), որպէս նապաստակ(ք) (վախկոտ - ած., վախենալով - մկբ.),

որպէս յորդահոսանք բազմութիւնք ջրոց, նման յորդառատ անձրեւի (հորդառատ - ած., սաստիկ հորդելով - մկբ.),

մահու չափ (խիստ շատ, հմմտ. մահու չափ մեղք - ած., մահու չափ մեղանչել - մկբ., (հմմտ. նաև արեան չափ, ոգւով չափ, մահուամբ չափ, ի վերայ համբերութեան մարդոյն),

որպէս ոսկի ի բովս (շատ թրծված - ած., շատ թրծվելով - մկբ.),

որպէս հուր ինչ մոլեկան հրդեհի (խիստ այրող - ած., խիստ այրելով - մկբ.),

որպէս լոյս առ խաւար (խիստ լուսավոր - ած., խիստ լուսավորելով - մկբ.),

որպէս անգէտս (չափազանց անվարժ - ած., խիստ անվարժ կերպով - մկբ.),

նման առիւծու (շատ քաջ - ած., քաջաբար - մկբ.),

նման մեղուի (ժրաջան - ած., ժրաջանորեն - մկբ.),

նման Յուդայի (դավաճան - ած., դավաճանաբար - մկբ.),

նման Աստուծոյ (օգնող, պահպանող - ած., օգնելով, պահպանելով - մկբ.),

նման գայլոց (շատ ագահ - ած., ագահաբար - մկբ.),

իբրև զգառն (խիստ հնազանդ - ած., խիստ հնազանդվելով - մկբ.) և այլն։

Հմմտ. Են մեղք՝ որ **մահու չափ** են (Փարպ., 191),-ած.։ Եւ մեք ելցուք **մահու չափ** մարտնչել ի վերայ օրինացն (Բ. Մակ. ԺԳ. 14),-մկբ.։

Գրաբարի ՀԴՄ-ների շարքում որոշակի շերտ են կազմում այն կապակցությունները, որոնք արտահայտում են գունային հատկանիշ՝ իրենց կազմում ունենալով գունանուն որևէ բաղադրիչ։ Այդ կարգի կառույցների գերադաս բաղադրիչների դերում, որպես կանոն, հանդես է գալիս գունանվան համակարգի միջուկներից մեկը։ Գունանունների միջուկը կազմում են իմաստային տեսակետից անկախ արմատական ածականները, որոնց գունային նշանակությունն առաջնային է և չի բնորոշվում այլ գունանիշ ածականների միջոցով։ Միջուկ գունանուններն ունեն դարձվածականզմիչ արժեք և գործառական լայն ոլորտ [9]։

Հայերենի գունային համակարգի ներսում միջուկներ են դիտվում **սև, սպիտակ, կարմիր, կանաչ, կապույտ և դեղին** գունանունները [10; 12; 8]։

ՀԴՄ-ների բովանդակային պլանում միջուկ գունանունները կապակցություն են կազմում այնպիսի գոյականների հետ, որոնք իրենց հերթին իմաստաբանորեն ուղղագիծ հարաբերության մեջ

են գտնվում գունանուն բաղադրիչների հետ: Այդպիսի կապակցությունների իմաստային հիմքում ընկած է տվյալ միջուկի գունային ենթադաշտի և համեմատելի առարկայի գունային հատկանիշի ընդհանրությունը:

Այժմ դիտարկենք գունանուն բաղադրիչով ՀԴՄ-ների կառուցվածքային առանձնահատկությունները դասական հայերենում՝ հիմք ընդունելով Աստվածաշունչ մատյանի բնագրային վկայությունները:

Աստվածաշնչի գրքերում գույն նշանակող ածականական ՀԴՄ-ներում իբրև գունանուն բաղադրիչներ հանդես են գալիս **կարմիր, սեաւ, սպիտակ** գունանուն միջուկները՝ տարբեր հաճախականությամբ:

Կարմիր միջուկի գունային ենթադաշտին հարում է *արիւն* գոյականն իր գունային երանգով, որի հետևանքով հնարավոր է դարձել *կարմիր իբրեւ զարիւն* ՀԴՄ-ի բաղադրիչների իմաստային զուգորդելիությունը: Հմմտ.

Եւ ծագեաց արեւ ի վերայ ջրոցն, եւ ետես Մովաբ զջուրսն **կարմիր իբրեւ զարիւն** (Դ Թագ. Գ. 22):

Սեաւ միջուկի գունային եթադաշտին աղերսվում են *ագռաւ* և *կապերտ* (այծի) գունային երանգի գոյականները: Հմմտ. հետևյալ ՀԴՄ-ները.

Վարսք նորա կռածոյք՝ **սեաւ իբրեւ զագռաւ** (Երգ. Է. 11): Եւ արեգակն եղեւ **սեաւ իբրեւ զկապերտ** այծեայ (Յայտ. Զ. 12):

Երկրորդ ՀԴՄ-ում առկա է հավելադիր բառ, որ որոշակիացնում է *կապերտի* գունային նշանակությունը և նրան կապում **սեաւ** միջուկի գունային դաշտի հետ. դա *այծն* է, որ մեր նախնիների գիտակցության մեջ ընկալվել է իբրև *սեաւի* խորհրդանիշ:

Աստվածաշնչի գրքերում կենսունակ գործածություն ունի **սպիտակ** գունային միջուկը, որին զուգորդվում են *ձիւն, կաթն, եղեամն* և *լոյս* բառերը:

Այսպես, հանդիպող կառույցներում *հանդերձանքը* համեմատվում է *ձիւնի* հետ: Հմմտ. Եւ էր տեսիլ նորա իբրեւ զփայլակն, եւ

հանդերձ նորա **սպիտակ իբրեւ զձիւն** (Մատթ. ԻԸ. 3)։ Հինաւուրցն նստէր. հանդերձ նորա **սպիտակ իբրեւ զձիւն** (Դան. Է. 9)։

Կամ՝ գեղեցիկ *ատամները* համեմատվում են *կաթի* հետ. հմմտ. Զուարթագին են աչք նորա ի գինւոյ և **սպիտակ ատամունք քան զկաթն** (Ծննդ. ԽԹ. 12)։

Կամ՝ *մազերը* համեմատվում են մերթ՝ *ձիւնի,* մերթ՝ *սպիտակ բրդի* հետ. հմմտ.

Եւ գլուխ նորա եւ հերքն **իբրեւ զասր սպիտակ եւ որպէս զձիւն** (Յայտ. Ա. 14)։

Կամ՝ ավազահատիկները՝ եղյամի հետ. հմմտ. Ի վերայ երեսաց անապատին մանր իբրեւ զգինձ, **սպիտակ իբրեւ զեղեամն** ի վերայ երկրին (Ելք. ԺԶ. 14)։

Ածականական ՀԴՄ-ներում գունանվան միջուկային անդամները հանդես են գալիս *եմ, լինել, առնել* վերացական բայերի (խոնարհված) ձևերի հետ։ Հմմտ.

Հանդերձք նորա եղեն **սպիտակ իբրեւ զլոյս** (Մատթ. ԺԷ. 2)։ Արեագակն եղեւ սեաւ իբրեւ զկապերտ այծեայ (Յայտ. Զ. 12)։

Գունանվան միջուկին հարաբերակցող անդամներն ունեն պատկերավոր-արտահայտչական դեր, որ, սակայն, երբեմն կարող է նվազել, հաճախ էլ՝ չեզոքանալ։ Այս դեպքում այդպիսի բաղադրիչներն ունենում են ոչ այնքան համեմատության գործառույթ, որքան գունային նշանակությունը սաստկացնող դեր։

Այդպես, երբ երբ ասվում է *կարմիր իբրեւ զարիւն,* նկատի է առնվում մի բանի ոչ այնքան *արյան նման կարմիր լինելը,* որքան նրա *չափազանց՝ սաստիկ կարմրությունը։*

Այդպիսի կապակցությունները քերականորեն արտահայտում են ածականի գերադրական աստիճանի իմաստ։

Միևնույն գունանուն բաղադրիչով մեկից ավելի ՀԴՄ-ները միևնույն նախադասության մեջ ստեղծում են աստիճանավորում (գրադացիա)։ ՀԴՄ-ներից երկրորդն ընդգծում է առաջինի գունային նշանակությունը՝ նրան հաղորդելով սաստկական իմաստ։ Հմմտ.

Եւ գլուխ նորա եւ հերքն **իբրեւ զասր սպիտակ եւ որպէս զձիւն** (Յայտ. Ա. 14)£

ՀԴՄ-ների բաղադրիչների շարադասությունը գրաբարում համեմատաբար կայուն է. այդպիսի կառույցներում գունանվանը հաջորդում է նախդրավոր կապակցությունը. սպիտակ իբրեւ զձիւն: Ս.Գրքում, սակայն, հանդիպում են այնպիսի կապակցություններ, որոնց շարադասությունն այլ պատկեր ունի. հմմտ.

Սպիտակ ատամունք քան զկաթն (Ծննդ. Խթ. 12): Փոխանակ՝ **Ատամունք սպիտակ քան զկաթն**:

Այսպիսի կառույցներում կարող է զեղչվել գունանուն բաղադրիչը. նման դեպքերում նախադրության խնդրի դերում հանդես են գալիս գունանվան միջուկի եզրային անդամները: Հմմտ.

Եւ հեր գլխոյ նորա **իբրեւ զբոց հրոյ** (Դան. Է. 9)։ Այստեղ զեղչվել է *կարմիր* գունանունը, փոխանակ՝ *կարմիր իբրեւ զբոց հրոյ* (հրոյ ձևը սեռականով ավելադրություն է) – «կրակի (բոցի) նման՝ պես կարմիր, կարմիր ինչպես կրակը՝ բոցը՝ կրակի բոցը» և այլն:

Ահա թե ինչպիսի պատկեր են վեր հանում ածականական ՀԴՄ-ները գրաբարի մակարդակում, և կառուցվածքային ինչ օրինաչափություններ են դրսևորում դրանք Աստվածաշնչի գրքերում: Հին հայերենի մատենագիտական երկերի ընդհանուր տվյալների հիման վրա քննություն կատարելով միայն՝ հնարավոր է բացահայտել ածականական ՀԴՄ-ների ձևաբանական առանձնահատկությունները, գործառական արժեքն ու սերիչ կաղապարները:

Գրականություն

1. Ա.Աբրահամյան, Գրաբարի ձեռնարկ, Ե., 1976:
2. Դ.Առաքելյան, Գրաբարի քերականություն, հ. 1, Ձևաբանություն, Ե., 2008:
3. Բադիկյան, Ժամանակակից հայերենի դարձվածային միավորները, Ե. 1986:
4. Պ.Բեղիրյան, Ժամանակակից հայերենի դարձվածաբանություն, Ե., 1973:

5. Պ.Բեղիրյան, Ժամանակակից հայերենի ոչ փոխաբերական կայուն բառակապակցութունները, Ե. 1990:
6. Լ.Խաչատրյան, Գ.Բ.Թոսունյան, Գրաբարի դասագիրք, Ե., 2003:
7. Ալ.Մարգարյան, Ժամանակակից հայոց լեզու, Ե., 1990:
8. Григорян С.А. Семантическое поле цветообозначений армянского языка, АКД, Е., 1989.
9. Кругликова Л.Е. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с цветовыми прилагательными, АКД, Л., 1977.
10. Корсунская Т.Г. О системе цветообозначения в русском, английском и немецком языках, Горький, 1963.
11. Назарян Г. Фразеология современного французского языка, М., 1987.
12. Сараджева Л.А. Сравнительно-типологическое исследование цветовых обозначений («Պատմա-բանասիրական հանդես», Ե., 1976, N 4).

ՍԿԶԲՆԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐ

(համառոտագրություններով)

Խոր. – Մովսէսի Խորենացւոյ Պատմութիւն Հայոց, Տփխիս, 1913:
Փարպ.-Ղազարայ Փարպեցւոյ Պատմութիւն Հայոց, Տփխիս, 1904:
Աստուածաշունչ մատեան հին եւ նոր կտակարանաց. վկայված են.
Առակ.- Առակք Սողոմոնի:
Դան.- Մարգարէութիւն Դանիէլի:
Եսայ.- Մարգարէութիւն Եսայեայ:
Երգ.- Երգ երգոց:
Թագ.- Գիրք թագաւորութեանց Ա.:
Ծննդ.- Ծնունդք:
Մակ.- Գիրք Մակաբայեցւոց Բ.:
Մատթ.- Աւետարան ըստ Մատթէոսի:
Յայտ.- Յայտնութիւն Յովհաննու:
Ովսէ. Մարգարէութիւն Ովսեայ:
Սաղմ.- Գիրք Սաղմոսաց Դաւթի:
Սիրաք.- Գիրք Սիրաքայ:

Адъективные фразеологические единицы с элементом сравнения в древнеармянском языке

Лалик Хачатрян
д.филол.н., профессор
Армянский государственный педагогический
университет им. Х. Абовяна

Резюме

В СУО со значением прилагательного составляют подавляющее большинство, составленные со двумя знаменательными компонентами (двучленные) подчинительные связи, у которых доминантный компонент в основном является прилагательным, как: քաղցր քան զմեղու խորիսխ («слаще, чем нектар пчелиный»), բազում քան զիեր գլխոյ («больше, чем влас на главе»), չար քան զթոյնս օձից («злобнее, чем яд змеиный»), հատու քան զսուր երկսայրի («рубящее, чем меч обоюдоострый») и т.д.

В ряду СУО определенный слой составляют те связи, которые обозначают качество цвета и в их составе имеют какой-нибудь компонент имени цвета, как: սպիտակ իբրեւ զձիւն («белый как снег»), սեաւ իբրեւ զկապերտ այծեայ («черный как очи серны»), կարմիր իբրեւ զբոց («красный как пламя») и т.д. В авторских текстах СУО имеют стилистически-выразительную ценность.

Relativel fixed expressions with the value of adjective in old Armenian

Lalik Khachatryan
Doctor of Philology, Professor
Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan

Summary

In RFE with the value of the adjective the categorematic words with two significant components (binomial) subordinate link-words compose overwhelming majority in which the dominant component is basically an adjective, as քաղցր քան զմեղու խորիսխ, բազում քան զիեր գլխոյ, չար քան զթոյնս օձից, հատու քան զսուր երկսայրի and so on. Among RFEspecific layer represent those link words that denote the color quality in their composition they have the component of colorname, as սպիտակ իբրեւ զձիւն, սեաւ իբրեւ զկապերտ այծեայ, կարմիր իբրեւ զբոց and so on. In the author's text RFEs have underlined stylistically-expressive value.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII – XVIII ВВ.

Андрей Котов
ФГБОУ ВПО Петрозаводский государственный университет

Ключевые слова: *краткие прилагательные, славянские языки, предикат, сема, сгущение форм, параллелизм.*

Функционирование и соотношение в грамматической системе русского языка полных и кратких предикативных прилагательных исследуется давно. И хотя этот вопрос «собрал вокруг себя большую литературу, но по-прежнему остаётся открытым» [1, 89]. Предикативные прилагательные «занимают весьма обширное и все еще недостаточно обработанное поле синтаксических исследований... картина представляется нам лишь в резко обозначенных контурах, а многие ее фрагменты... не имеют необходимого освещения» [2, 42]. Две серии противопоставленных друг другу форм имен прилагательных существуют не только в русском, но и в некоторых других славянских и неславянских языках – например в немецком (краткие прилагательные в нём являются неизменяемыми предикатами), чешском (литературном) и отчасти польском. В русском языке краткие прилагательные хотя и тяготеют к книжно-письменной сфере, но сохраняют при этом высокую активность употребления в языке в целом. Особенностью польского языка является почти полное отсутствие кратких форм прилагательных. В польских грамматиках отмечается, что в краткой форме в позиции предиката могут выступать лишь несколько прилагательных: wesół, zdrów, gotów, łaskaw, godzien, ciekaw, winien и некоторые другие. Поэтому, согласно мнению А. В. Исаченко, если в чешском и русском языках говорящий обладает возможностью выбора между полной или краткой формой прилагательного в позиции предиката, то в отношении польского

языка говорить о такой возможности почти не приходится.

В данной статье мы рассматриваем грамматико-стилистическое явление, свойственное русскому языку XVII – XVIII вв. Язык этой эпохи выбран нами не случайно, поскольку, во-первых, она всё ещё недостаточно изучена в лингвистическом отношении, во-вторых, его изучение крайне важно для понимания базовых принципов организации современной грамматической системы. В семнадцатом столетии идет активный процесс формирования элементов единого национального русского языка, начавшийся в предыдущем, «восемнадцатое столетие - эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [3, 13].

Известно, что в истории русского языка начиная с ранних эпох в роли предиката исконно использовались краткие прилагательные. Исследованный нами материал - около 1500 разножанровых прозаических текстов XVII-XVIII вв., объём выборки – более 10000 словоупотреблений, доля полных прилагательных составляет около 30%. Это свидетельствует о том, что именно в эпоху XVII – XVIII вв. идет процесс активного проникновения в состав предиката полных прилагательных, хотя краткие по-прежнему доминируют. В языке XVII - XVIII вв. при характеристике человека (реже - какого-либо объекта) активно используются грамматические конструкции, осложненные синтаксической однородностью предикативных кратких прилагательных - в пределах простого (имеющего один предикативный центр) предложения или в его составе в сложном.

Отличительной чертой этих прилагательных является наличие в их лексико-семантической структуре оценочной семы «хорошо/плохо» (+ / --). «Прилагательные по своей семантике составляют непрерывный ряд от собственно оценочных (хороший / плохой) до П [прилагательных. - *А. К.*], лишенных оценочного значения (относительные прилагательные), причем промежуточную сферу составляют П, которые совмещают указание на признак и собственно ква-

лификацию по качеству (семы «хорошо / плохо») или по количеству (семы «много / мало»). Так, например, прилагательное *интересный* включает оценочную сему «хорошо» + еще некоторый признак, прилагательное *глупый* - сему «плохо» + еще некоторый признак» [4, 8]. В «Теории функциональной грамматики» класс прилагательного «по отношению к функции выражения качеств-свойств» рассматривается как «полевая структура»: «центр поля» составляют «"чисто" атрибутивные» прилагательные, свободные «в употреблении от неизбежно субъективно несколько колеблющейся "мерной" зависимости»: *живой, зрячий, зеленый, пустой, полный* и т. п.; «периферию поля» - «качественно-оценочные» прилагательные, «обозначающие качества-свойства как таковые, но такие, которые закономерно вызывают положительные или отрицательные эмоциональные реакции»: *грязный, рваный, злобный, глупый, пьяный, пушистый, ароматный, искренний, ласковый* и т. п.; «крайнюю периферию поля» - «собственно оценочные прилагательные типа *хороший, плохой*» [5, 23].

В отношения синтаксической однородности вступают прежде всего качественно-оценочные прилагательные. Возможность обозначать оценку отражается на роли прилагательных в высказывании: они «имеют оценочную шкалу, на которой краткая и полная форма располагаются следующим образом: полная соответствует норме, а краткая - отклонению от нормы со знаком плюс для признаков, характеризуемых прилагательными» [6, 6], причем точка отсчета может устанавливаться говорящим произвольно и индивидуально. В данном случае «норма» (или «оценочный стереотип») - это «социальное представление, что такое хорошо и плохо для данного объекта» [7, 98].

Т. Г. Винокур рассматривая специфические свойства категории, стиля, говорила о том, что «некоторые явления стилистики имеют экстралингвистическую природу» [8, 60-61]. «Значит, способ создания "выразительной" ценности сообщения и характер восприятия, т. е. стилистические различия, определяются ... социально-психологичес-

кой принадлежностью говорящих и слушающих. А реализуются они специфическими свойствами единиц различных уровне языка, несущих свою информацию», причем состав этих единиц подчиняется определенному «общественно-целенаправленному стандарту» [8, 61].

В зависимости от лексической семантики краткая форма предикативного прилагательного усиливает (интенсифицирует) отрицательную или положительную оценку; в исследуемом нами материале мы обнаруживаем многочисленные примеры конструкций, в которых наблюдаем нагнетание однородных кратких прилагательных-предикатов. С их помощью происходит интенсификация степени предикативного признака, которая выражается движением оценки по шкале в стороне «+» или «--»; таким образом в сознании адресанта текста, носителя русского языка, формируется необходимое автору определенное представление, картина. В нашем материале представлены многочисленные конструкции, в которых количество предикативных кратких прилагательных колеблется от 3 до 14; мы можем утверждать, что во всех этих случаях такая «концентрация» кратких прилагательных-предикатов используется с определенной коммуникативной и эстетической целью. При этом следует помнить, что «на функционирование оценки в тексте влияет ряд общих особенностей речевого поведения, и в частности, законы, по которым разворачивается аргументация» [7, 103]. Опираясь на это положение, мы выделяем 3 группы конструкций, в которых используется принцип «сгущения форм».

I. Краткие прилагательные-предикаты содержат оценочную сему «хорошо» (+). Коммуникативная цель - усиление в соответствующем контексте характеристики со знаком «+», что используется говорящего в качестве аргумента. Как правило, сгущение кратких форм в этом случае используется для создания «положительного образа» героя или какого-либо явления - либо со стороны, либо из уст самого героя (примеры 4, 5, 6, 7). В повестях с ориентацией на житийную традицию такая «интенсифицированно положительная» ха-

рактеристика является этикетной, требуемой жанровым каноном конструкции (примеры 1, 2, 3). В сатирических произведениях может происходить контекстуальная энантиосемия лексической семантики прилагательных-предикатов (пример 8).

1. Бh бо измлада *кротка и молчалива, небуява и невеличава*, от смhха и всякия игры отгребашеся [Повесть об Ульянии Осорьиной. 9, 98]

2. <...> намъ подобает множайшее тщание <...> и... усердие явити ко изъявлению... монастыря свята и пречюдна, его же яко начало *свято и избранно*, тако жительство *преподобно и боголюбезно*, тако конецъ *богоугоденъ и предивенъ* [Повесть об осаде Соловецкого монастыря. 9, 155].

3. Бяше бо девица сия *благочестива и кротка, смиренна и весела*, и разум имhя великъ зhло, хождаше во всhхъ заповhдехъ господнихъ <...> [Повесть о Тверском отроче монастыре. 9, 113].

4. Ах, какой он негодной человек, он не любит свою жену, несмотря на то, что она *разумна, добронравна, домовидна, хороша* и сама его любит [Живописец 1772. 11, 318].

5. Она *смиренна*, яко агнец, *трудолюбива*, яко пчела, *прекрасна*, яко райская птица (вздыхая), и *верна*, яко горлица. [Д. И. Фонвизин. Бригадир. 12, 91].

6. Какого почтения достоин этот человек! *Тих, снисходителен, разумен*; [М. Н. Муравьев отцу. 13, 288].

7. Христина родилась в сорочке, ты это мне сама сказывала; а Молокососов и *хорош, и пригож, и богат, и знатен*, так чего же этого лучше; она и будет *счастлива* [Екатерина II. О время! 14, 266 – 267].

8. Я *хорош, разумен, честен, добродетелен*, а прочие нет [Трутень 1769. 11, 109].

II. Краткие прилагательные-предикаты содержат оценочную сему «плохо» (-). Коммуникативная цель - усиление в соответствующем контексте характеристики со знаком «--». Сгущение форм используется для создания «отрицательного образа» героя или явле-

ния, в том числе в сатирическом ключе (пример 2). В полинегативной конструкции происходит инверсия оценочного значения от «минуса» к «плюсу» (7).

1. Азъ есми *нагъ, нагъ и босъ, голоденъ и холоденъ*, съести нечаво [Азбука о голом и небогатом человеке 10, 185].

2. Достоинства ее суть следующие: *дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива*, играет в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два <...> [Трутень 1769. 11, 61].

3. Присмотрит eh , что она *глупа*, или на лицо *дурна*, или на очи не *добра*, или *хрома*, или *безъязычна*, и тот жених от тоh невhсты отстанетъ прочь и болши того свататца не учнет [Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия. 10, 278].

4. Но не пропусти юношу, опасными лепоты прелестями облеченного; улови его в твои сети. Он *горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ* кажется.; Он *был корыстолюбив*, копил деньги, *жесток* от природы, *вспыльчив, подл*, а потому над слабейшими его *надменен* [А. Н. Радищев. 15, 64; 15, 38].

5. Розыск тут строгий по селениям особливо в настоящее время, *будет* всегда *притснителенъ*, иногда *возмутителенъ*, и чаще всего *безуспhшенъ*. Возлагать же за утечки оныя отвhственность на помhщиков, или Начальства сельскія, волостныя и мhщанскія, было бы творить виноватыхъ [Записки И. В. Лопухина. 16, 177].

6. Одна его внешность уже не располагала к нему: он *был мал* ростом и очень *нескладен, недалек* и крайне *вспыльчив*, к тому же *руководим* своими приближенными, которые сами ничего собой не представляли [Записки Екатерины II. 14, 43].

7. Девица дет осмнадцати, лицом *не дурна*, *не глупа, не самолюбива, не своенравна*, умеет отдавать справедливости другим и самой себе <...> [Трутень 1770. 11, 191].

8. Ерема был *крив,* а Фома з бельмом, Ерема был *плешив*, а Фома *шелудив, брюхаты, пузаты, вельми бородаты*, лицем оба *ровны*... [Повесть о Фоме и Ереме. 17, 36].

III. В пределах синтаксической конструкции находятся краткие предикативные прилагательные с разными оценочными семами «хорошо» / «плохо» (+/--). С помощью «сгущения форм» достигаются различные коммуникативные и стилистические цели: 1) создаётся намеренное противоположение (антитеза) характеристик двух субъектов/ объектов по логически тождественным признакам с оценочным отличием «+»/«--», что служит основой аргументации, которая далее разворачивается говорящим (примеры 1 - 3); 2) создается особый семантико-стилистический «перелом», необходимый для усиления экспрессивности и/ или формирования особого смысла (примеры 4 - 6).

1. Рассуди благоразумно и увидишь, что М-в не может быть твоим мужем. Он *беден, бесчиновенн, незнатен*; ты *богата, знатна, прекрасна*. Соединение ваше может обесславить тебя; [А. И. Клушин. Несчастный М-в. 18, 133].

2. И рече ему отецъ его: «<...> Не смhю учинить сего понеже Франчюжское королевство издавна *велико и славно, и честно, и богато*, а наше кралевство пред нимъ *мало, и убого, и неславно.* И франчюжский король не дастъ за тя, лише срамоту примешъ себh и мнh <...> [Повесть о Василии Златовласом. 9, 390].

3. Потому, хотя *мала* вещь, а будетъ по чину *честна, м*h*рна, стройна, благочинна* – никто же зазритъ, никто же похулить, всякий похвалитъ... [Урядник сокольничьего пути. 10, 236].

4. Ибо простолюдины *безрассудны*: они *справедливы, верны, набожны*, исполняют многие похвальные дела; [Смесь 1769. 11, 84].

5. Эта дочь не была ни *красива*, ни *мила*, ни *стройна*, ибо она была *горбата и мала* ростом, но у нее были красивые глаза, ум и необычайная способность к интриге; [Записки Екатерины II. 14, 100].

6. Тебе должна есть исправление, красоту и толикую силу свою; тебе должна всю толь дивную и славную измену свою, что *презренна* прежде и *поруганна* всем, ныне *славна и страшна* всем есть, на мори и на земли побеждает [Ф. Прокопович. Слово о флоте российс-

ком. 19, 111 – 112].

Обратимся к интереснейшему письменному памятнику эпохи – «Уряднику сокольничьего пути», являющегося «ярким образцом светского делового стиля, литературно обработанного и сближающегося с языком беллетристики и публицистики XVII столетия» [20, 284]. Один из фрагментов текста «Урядника» мы рассматриваем как образцовый пример, демонстрирующий воплощение принципа «сгущения форм».

«Урядник» - свод правил, устав, регламентирующий порядок (чин) проведения соколиной охоты, - «возможно, создан при живейшем участии самого царя» [10, 620]. Будучи на первый взгляд государственным официально-деловым документом, «Урядник» - это не просто устав («чиновник»), это «первый русский собственно эстетический трактат», включенный в парадигму «церемониальной эстетики, активную роль в организации которой ... играл царь Алексей Михайлович» [21, 345]. «Церемониальная эстетика имеет давнюю традицию, восходя к древнейшим культовым ритуалам и церемониям при дворах восточных владык» [21, 345]. В России эпохи XVII века она впервые была теоретически проработана в «Уряднике сокольничьего пути», создававшем «новый "чин", рукотворный в целом, не связанный с "чином" универсума, хотя и подражающий ему в деталях» [21, 350]. Для Алексея Михайловича и всего царского окружения церемония соколиной охоты носила не развлекательный, но «символический и почти сакральный характер» [21, 349], «воспринималась даже самим ее организатором Алексеем Михайловичем почти как мистическое выражение и воплощение его царского достоинства» [21? 346]. «Раз утвердив ее, он и сам не осмеливался на нарушение чина, который как бы обретал самостоятельность и довлел над всеми его участниками. Нарушение чина понималось как оскорбление самого монарха; тех, кто осмеливался на это, предписывалось "казнити смертию безо всякаго милосердия"» [21, 346]. Приводим два интересных отрывка из текста «Урядника».

Безмhрна *славна и хвальна* кречатья добыча. *Удивительна* же *и утhшительна* и челига кречатья добыча. *Угодительна же и потhшна* дермлиговая перласка и добыча. *Красносмотрительно же и радостно* высокова сокола летъ. Премудро же челига соколья добыча и летъ. *Добровидна же и копцова* добыча и летъ. По сих же *доброутhшна и привhтлива* правленыхъ ястребов и челигов ястребьих ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание [10, 287].

А будет учнешь быть не *охочь и нерадhтелен* и во всякомъ нашем государевом дhле *непослушливъ, ленивъ, пьянъ, дуренъ, безобразен* и к потскольничему и къ своей братье, к начальнымъ сокольникамъ *непокорен, злосовловен, злоязычен, клевеливъ, наносливъ, переговорьчив* и всякого дурна *исполнен* – и тебh не токмо связану быть путы желhзными или потписану за третью вину, безо всякие милостивые пощады быть сослану на Лhну. [10, 293].

В первом фрагменте мы наблюдаем сгущение кратких предикативных прилагательных с положительной оценочной семой «+». С их помощью описываются нормы церемониальной эстетики государя Алексея Михайловича на примере его любимой забавы – соколиной охоты. Торжественность чина на языковом уровне поддерживается на уровне лексики (используется определенный набор качественно-оценочных прилагательных), грамматики (однородность кратких прилагательных-предикатов), а также на уровне организации микротекста (расположение конструкций в определенной последовательности, параллелизм).

Второй фрагмент более интересен как с грамматической, так и коммуникативно-семантической точек зрения. Перед нами синтаксическая конструкция, оформленная в границах одного сложного предложения (сложноподчиненное предложение расчлененной структуры с придаточным сопоставительным). Это официальная формулировка, не допускающая возражений, реализующая речевой акт угрозы, не случайно главное предложение в составе конструкции является инфинитивным, передающим особую императивную

семантику со стороны адресанта адресату. В составе придаточного – 14 однородных кратких прилагательных-предикатов, имеющих отрицательную оценочную сему; такое «сгущение» форм максимально усиливает отрицательную семантику признака (интенсифицированный «минус»), что придаёт высказыванию в целом явно ощущаемый носителями языка оттенок жесткой категоричности и непреклонности; используя слова А. М. Пешковского, можно сказать, что так создаётся цельность и общность характеристики [23, 204].

Теоретически, если не принимать во внимание возможные семантические расхождения, вполне допустима замена кратких форм прилагательных соответствующими полными. Однако в этом случае нивелируется интенсифицированность признаков, заложенных в прилагательных, и, кроме того, в значительной мере снимается та безусловная категоричность и императивность, которая является непременным условием восприятия данного высказывания адресатом. Заметим, что «категоричность» семантики отмечается исследователями современного языка как особая семантико-стилистическая черта, свойственная кратким прилагательным-предикатам. На это в 1918 г. впервые указала Е. С. Истрина. Изучая I Новгородскую летопись, она выявила следующую особенность: согласно ее наблюдениям, в тексте летописи краткие прилагательные-предикаты часто означают признак, который применяется к объекту «как результат акта мысли, результат умозаключения» [23, 52]. «В связи с этим краткие формы прилагательных более естественны, чем полные, в формулировках, определениях, выводах и т. д., не допускающих возражений» [24, 12]. Проанализированное нами высказывание, с точки зрения и восприятия тех, кому предназначался «Урядник», исходит из уст самого царя Алексея Михайловича и в соответствующем смысловом и эстетическом контексте «Урядника» должно восприниматься соответствующе. Приводим таблицу-схему, демонстрирующую реализацию экстралингвистических установок на различных уровнях языка.

Адресующийся (один)	⇒	**Адресат** (много)

⇓ ⇓ ⇓ ⇓

Экстралингвистические установки	**Языковая реализация**	**Языковой уровень**
Предостережение: если сокольничий будет вести себя неблаговидно (т. е. *нарушит* своим поведением утвержденный *чин* и тем самым *оскорбит царское достоинство*) последует суровое наказание.	Сложноподчиненное предложение расчлененной структуры с придаточным сопоставительным, организованное по схеме: [(если...), (то...)]	синтаксический
Неблаговидное поведение характеризуется большим набором отрицательных признаков: *лень, пьянство, злословие, нерадивость* и т. п., которые нарушают эстетическую нормативность чина соколиной охоты - «*честность, мерность, стройность, благочинность*».	Придаточное осложнено синтаксической однородностью сказуемых, выраженных качественно-оценочными прилагательными, имеющими отрицательную оценочную сему.	синтаксический морфологический лексический
Предостережение исходит, возможно, от самого царя Алексея Михайловича, принимавшее участие в создании «Урядник». Это обязательно для исполнения, ослушание недопустимо.	Используются краткие формы прилагательных-предикатов, что придает высказыванию большую категоричность и усиливает отрицательную лексическую семантику.	морфологический

В заключение следует сказать, что мы обнаруживаем многочисленные примеры использования принципа «сгущения форм» в языке более поздних эпох в художественных текстах разных жанров. Приводим несколько показательных примеров из книги «Окаянные дни» И. А. Бунина.

1) Служит чуть не двадцать лет и всегда был *неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен* к нам.

2 *Сед, лохмат, зол.* — И пожалуйста, без всяких китайских церемоний! Околею — тотчас же в яму, в канаву! Что это, как не упоение своим воображаемым унижением, мечтой, что люди будут поражены твоим позором?

3) Конечно, была и доля искренности, хотя и весьма низкого свойства: Камилл был *заика, безобразен лицом, нищ, честолюбив, жаден* до благ земных, «*сладкоморд*», как говорят русские мужики. (И. Бунин).

Формируемый этими высказываниями семантико-прагматический эффект хорошо ощущается носителями русского языка на уровне восприятия, вызывает у адресатов особые эмоционально-эстетические впечатления, что, конечно, просчитывается и прогнозируется автором. Описанное нами явление может рассматриваться как одна из слабых (в терминологии Ю. Д. Апресяна) этноспецифичных черт русского языка, в очередной раз демонстрирующая семантический и стилистический потенциал русского языка.

Литература:

1. Коммуникативная грамматика русского языка/ Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. М., 2004.
2. Чернов В.И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке. М., 1985
3. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978
5. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность /ИЛИ РАН. СПб, 1996.

6. Казавчинская Н.А. Функции кратких и полных форм прилагательных в позиции предиката в современном русском языке. Автореферат... канд. филол. наук Л., 1990.
7. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо, плохо» // Вопросы языкознания. 1986. №5. С. 98 – 106.
8. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. М., 1971.
9. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. /Вступ. статья Д.С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева. М., 1988.
10. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга 2./Сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1989.
11. Сатирические журналы Н.И. Новикова/ Под ред. П.Н. Беркова. М.; Л., 1951.
12. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. М. - Л., 1959.
13. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
14. Сочинения Екатерины II./ Сост. О. Н. Михайлова. М., 1990.
15. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992.
16. Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990.
17. Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд. М., 1977.
18. Русская сентиментальная повесть/ Сост. П. А. Орлова. М., 1979.
19. Ф. Прокопович. Сочинения/ Под ред. И. П. Еремина. М.-Л., 1961.
20. Ольшевская Л.А., Травников С. Н. Умнейшая голова в России... // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697-1699. М., 1992. С. 251-292.
21. Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI - XVII в. М., 1996.
22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935.
23. Истрина Е.С. Употребление именных и местоименных имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи // Известия ОРЯС РАН за 1918 год. Т. XXIII. Кн. 1. Петроград, 1919.
24. Мясников Г.Ф. Стилистическое использование кратких и полных прилагательных в составе сказуемого // Русский язык в школе. 1958. № 1. С. 12-15.

Կարճ ձև ունեցող ածականներ-պրեդիկատների առանձնահատկությունները 17-18 դարերի ռուսերենում

Անդրեյ Կոտով
բ.գ.թ., դոցենտ
Պետրոզավոդսկի պետական համալսարան

Ամփոփում

Հոդվածում ուսումնասիրվում են 17-18 դարերի ռուսերենի ածականներ-պրեդիկատների լրիվ և կարճ ձևերը: Վերլուծվում են 17-18 դարերի տեքստերի ածականներ-պրեդիկատների կարճ ձևերի օգտագործման օրինակներ, նկարագրվում են դրանց իմաստային և պրագմատիկ առանձնահատկությունները և ձևակերպվում է «ձևերի կոնդենսացիա» սկզբունքը:

The parity of short forms of Adjectives Predicates in the Russian Language of XVII – XVIII centuries

Andrey Kotov
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Petrozavodsk State University

Summary

In article the parity of full and short forms of names of adjectives-predicates in Russian is considered. Examples of use of short predicative adjectives in texts of the XVII-XVIII centuries are analyzed, semantic and pragmatical features are described, the principle of "a condensation of forms" is formulated.

ԱԶԳԱՆՈՒՆՆԵՐԻ ՄԻ ՇԵՐՏ ՀԱՅՈՑ և ՌՈՒՍԱՑ ԱՆՁՆԱՆՎԱՆԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐՈՒՄ
(համեմատական քննություն)

Հասմիկ Հարությունյան
Հ. Թումանյանի անվան Վանաձորի պետական համալսարան

Առանցքային բառեր՝ *ազգանվանակերտություն, արտալեզվական հանրույթ, տեղանուն, տեղանվանական հիմքեր, տեղանվանագիտություն*

Գաղտնիք չէ, որ անձնանվանական համակարգի քննությունն արժեքավոր է ոչ միայն ներլեզվական, այլ նաև արտալեզվական բազմաթիվ իրողությունների բացահայտումների առումով, քանզի այն հաճախ իր մեջ ամփոփում է նաև ժողովրդի աշխարհընկալման, լեզվամտածելակերպի առանձնահատկությունները, նյութական և հոգևոր մշակույթի պատմությունը: Լեզվի բառային կազմը, ի տարբերություն մյուս համակարգերի, արագ է արձագանքում հասարակական կյանքում տեղի ունեցած փոփոխություններին, ինչը արդյունք է ճանաչողության զարգացման. «…..հասարակական կյանքի բոլոր բնագավառների անմիջական, ուղղակի կապը իրականանում է հենց բառային կազմի կրած փոփոխություններով» [1, 387]: Ամենայն նորը ստանում է իր բառային պատկերը, իսկ «….հին երևույթների վերացումը իր հետ լեզվի բառային կազմից հանում է նաև համապատասխան բառերը» [1, 387]: Համընդհանուր գործածությունից դուրս եկած այդ բառերը կարող են պահպանվել հատուկ անունների մեջ՝ դառնալով հաճախ անլուծելի թվացող ճանաչողական խնդրի լուծման բանալին: Ասվածն առաջին հերթին վերաբերում է տեղանուններին, որոնց ստուգաբանությունը լեզվաբանության ամենաբարդ խնդիրներից է: Այս առումով բացառություն չեն նաև տեղանվանական հիմքերով կազմված ազգանունները, որոնցում առկա տեղանվանական բնորոշիչի քննությունը հաճախ դուրս է գալիս մեկ լեզվի սահմաններից՝ ձեռք բերելով և՛ ընդհանուր լեզվաբանական, և՛ էթնոմշակութային արժեք: Այս լեզվանյութի մանրակրկիտ քննությունը կարող է հանգեցնել

տարբեր ժողովուրդների լեզվամտածողության, մշակույթների և պատմահասարակական կյանքի ընդհանրությունների և տարբերությունների վերաբերյալ արժեքավոր դիտարկումների:

Մարդանվանական համակարգի շրջանաբաժանված քննությունը ցույց է տալիս, որ արդեն հնագույն շրջանում տեղանուն բաղադրիչը ակտիվորեն սկսել է հանդես գալ անձի անվան ազգային բանաձևերում՝ դառնալով անվանակերտության կարևոր միջոց: Դեռևս հնագույն ժամանակներից մարդկանց տրվող անունները շատ հաճախ կապվում էին այն վայրերի անունների հետ, որտեղ ծնվել, ապրել են նրանք, կամ որտեղից սերում են նրանց նախնիները: Տիպաբանորեն նմանատիպ օրինակներ հատուկ են բոլոր լեզուներին, ինչպես ռուսերենում՝ *Беломорец, Киевский, Пензин, Тверской,* գերմաներենում՝ *von Breslau, von Reichenau*, անգլերենում՝ *Claucester*, *Northumberland*, հոլանդերենում՝ *van Nieuwenburg, van den Vondel* և այլն: Քանի որ ազգանունների մեծամասնությունը պատմականորեն հանգում է այնպիսի բառերի, որոնք բնութագրում են մարդկանց՝ համաձայն այս կամ այն տոհմի պատկանելության կամ էլ որոշակի տարածքից սերվելու, ազգանունների ձևավորման գերակշռող միջոց են դառնում այն ձևույթները, որոնք արտահայտում են կամ պատկանելություն, կամ տարածական հարաբերություն: Մասնավորապես ռուսերենում, ինչպես նշում է Ա.Վ. Սուպերանսկայան, որոշակի ընտանիքից, տոհմից ծագումը արտահայտվում էր ստացական *–ов, -ев, -ин* ածանցներով, իսկ որոշակի վայրից սերումը՝ *-ский (-ской)* ածանցներով: Գերմաներենում տոհմային պատկանելությունը արտահայտվում էր *-er, -sohn, -sen, -son, -sØn* ձևույթներով, իսկ ծագումը որևէ վայրից ցույց տալու համար կիրառվում էր յուրահատուկ շարահյուսական կառույց [2, 75-76]:

Հետաքրքիր է, որ այս մասնիկներով կազմված ազգանուններն աչքի էին ընկնում դասային անհամասեռությամբ. ռուսական *Իվանով, Գրիշին, Լապշին, Վոլկով* ազգանունները կրել են ստորին դասերի ներկայացուցիչները, ինչպես և գերմանական *Bucher*, անգլիական *Davidson* ազգանունները, իսկ *Մեշչերսկիյ, Տվերսկոյ* ազգանունները պատկանել են իշխանների և բոյարների, ինչպես և

գերմանական *von Breslau, von Reichenau* ազգանունները [2, 75-77]: Տարբեր հասարակական խմբերի մոտ պաշտոնական ազգանունները տարբեր ժամանակներում են ի հայտ եկել: Տրամաբանական է, որ առաջինը անձի անվանման անհատականացման պահանջը ծագել է ազնվականության, իշխանական դասի, հոգևորականության մոտ: Ռուսական իրականության մեջ ևս առաջինը ազգանուն են ստացել իշխանները, բոյարները, որոնց ազգանունները հաճախ հանդիսանում էին իրենց սեփականությունը համարվող տարածքների անվանումները:

Ժամանակագրորեն ավելի ուշ ազգանուն են ստանում առևտրականները և պետական ծառայողները: Նրանց ազգանուններում ևս հանդիպում են աշխարհագրական անվանումներ, սակայն դրանք ոչ թե իրենց սեփականությունը հանդիսացող օբյեկտների, այլ այն վայրերի անուններն էին, որտեղից սերում էին այդ մարդիկ [3,158]: Հատկանշական է, որ այս երևույթը դրսևորվում է նաև հայ իրականության մեջ. ի սկզբանե տեղանուն տարրը եղել է հոգևորականների, ինչպես նաև ազնվական դասի ներկայացուցիչների անվան բանաձևերում օգտագործվող ամենագործածական բաղադրիչը: Անձի անվան հայոց բանաձևի հնագույն և հին շրջանները ներկայացնող տեղանվանական հիմքերով անվանումների կրողները հոգևորականներ կամ էլ ազնվական դասի ներկայացուցիչներ են, ընդ որում՝ մեզանում ևս -ունի ազգանվանակերտը, որ կցվում էր իշխանական ծագում ունեցող անձանց տոհմանուններին, հիմնականում տեղանվանական արժեք ունեցող հիմք էր ենթադրում՝ *Արծրունի, Վարաժնունի, Ամատունի*:

Ազգանվանակերտության գործընթացում տեղանունը հանրայնորեն չեզոք տարր է դարձել շատ ավելի ուշ՝ XVIII – XIX դարերում:

Փաստորեն, ի սկզբանե, տեղանուն տարրի ամրակայումը անձնանվանական կաղապարում մենաշնորհ է դիտվել՝ պայմանավորված հողի նկատմամբ սեփականության իրավունքի, ազնվական ծագման հաստատման, ինչպես նաև հոգևորականության դասին պատկանելու իրողությամբ: Ավելի ուշ, երբ նշված իրողությունը կորցնում է իր հասարակական հնչեղությունը, տեղանունը անձնանվանական համակարգում սկսում է ձեռք բերել սեփական

տոհմի ու հայրենիքի, անուղղակիորեն նաև ազգային պատկանելության հաստատման վկայագրի արժեք:

Այս կապակցությամբ անդրադառնանք մեկ հետաքրքիր փաստի: Ջավախքի՝ էրզրումահայերով վերաբնակեցված գյուղերի անուններում, ինչպես ցույց են տալիս դիտարկումները, չեն հանդիպում Էրզրումի նահանգի այն գյուղերի անունները, որտեղից արտագաղթել են նրանք: Այս երևույթը թվում է անսովոր, քանի որ բնօրրանը լքած հայերը սովորաբար բնակության նոր վայրը վերանվանում էին իրենց նախկին բնականունով:

Կոնկրետ այս դեպքում ավանդույթի խախտումը մենք փորձում ենք կապել վերաբնակեցվող գյուղերի բնակչության՝ տարբեր վայրերից սերված լինելու փաստի հետ: Նույն գյուղում միաժամանակ բնակություն էին հաստատում Էրզրումի նահանգի տարբեր գյուղերից գաղթած հայեր, և այս պատճառով հնարավոր չէր նոր բնակատեղին վերանվանել բնօրրանի անվամբ (Մասնավորապես Ախալքալակի շրջանի Ալաստան գյուղը վերաբնակեցվել է Էրզրումի նահանգի Արածաթի, Թվանջի գյուղերից, Դամալան՝ Էրզրումի Շիփեկ, Գառնակոթ և Դերջանի գավառի կենտրոն Ռաբաթ ավանից, Էխտիլան՝ Էրզրումի Ջիթահանք, Կարակյոպեկ, Բասենի գավառի Ալվար գյուղերից, Գոնդուրան՝ Էրզրումի Թարգունի, Նորշեն և այլ գյուղերից եկած գաղթականներով: Այս շարքը կարելի է շարունակել, որով էլ հիմնավորվում է վերը հայտնած մեր տեսակետը (Ա.Ա. Մելքոնյան, Ջավախքը XIX դարում և XX դարի առաջին քառորդում, Ե., 2003, էջ 194): Կարծում ենք, սակայն, որ չպետք է բացառել նաև պատմաքաղաքական անբարենպաստ պայմանները: Ահա թե ինչ է նշում այս կապակցությամբ Ա.Մելքոնյանը. «Գաղթականները փորձեցին իրենց նախկին ծննդավայրի անունով այն (նկատի ունի Ախալցխան, Հ.Հ.) կոչել Էրզրում, սակայն ռուսական իշխանությունները, այդ թվում Ի. Պասկևիչը, ձգտելով վերաբնակիչների մեջ մոռացության մատնել նախկին հայրենիքի գաղափարը, արգելք հանդիսացան նման ձեռնարկմանը» [4, 122]: Կարծում ենք, որ նաև այս իրավիճակն է ոչ ուղղակիորեն պատճառ դառնում XIX դարավերջին ջավախահայերի կողմից անձի անվան բանաձևի

երրորդ բաղադրիչի՝ ազգանվան ձևավորման գործընթացում բնօրրանի անվան գործածության բացառիկ ակտիվության համար:

Ի սկզբանե աշխարհի հնագույն մարդանվանական համակարգերում տեղանունն ամենագործուն բաղադիչներից մեկն է եղել, և անձի անհատականացման ներլեզվական արտահայտության մեջ այդ գործունության հենքը արտալեզվական այն ներուկությունն էր, որը կարևորվում էր նշված ժամանակաշրջանում: Պատահական չէ, որ սկսած 16-17-րդ դարերից նրա տեսակարար կշիռը նկատելիորեն սկսում է նվազել, քանի որ դադարում են գործել այն ազդակները, որոնք արդիական էին դիտվում նախորդ դարերում, և որոնց մասին խոսվեց վերևում: Հայերենում ևս նշված հիմքերով կազմությունների թիվը սկսում է նվազել՝ կազմելով ազգանունների ընդհանուր թվի մոտ 7.5 տոկոսը: Պատկերը մի փոքր այլ է արևմտաեվրոպական անձնանվանական համակարգերում, որտեղ նշված հիմքերի տեսակարար կշիռը բավական բարձր է: Ռուսական անձնանվանական համակարգում ևս տեղանվանական հիմքերը չափազանց սակավ են հանդես գալիս և որակ չեն կազմում: Այս փաստի համոզիչ բացատրությունը տալիս է հայտնի անվանագետ Բ. Ունգեբաունը իր «Ռուսական ազգանուններ» աշխատության մեջ: Նա գրում է, որ *-ский/ -ской, -цкий/-цкой*-ով անվանումների կրողները ազնվականության դասի ներկայացուցիչներ էին, ովքեր ստացել էին դրանք իրենց կալվածքների անվանումներից՝ Վյազեմսկիյ, Տրուբեցկոյ և այլն: Սակայն այդ կազմությունները, որոնք կարելի է համարել ռուսական ազգանունների նախակարապետները, շատ քիչ էին, քանի որ քիչ էին նաև ժառանգություն ստացած կալվածքները: Գերակշռում էին ցարի կողմից շնորհվող կալվածքները զինվորական կամ քաղաքացիական ակնառու ծառայությունների համար, որոնք տիրոջ մահվանից հետո վերադարձվում էին պետական գանձարան՝ հետագայում այլ անձանց շնորհվելու նպատակով: Հենց այս փաստը խանգարում էր ազնվականության դասի անվանման կաղապարում տեղանվան գործուն կիրառությանը: Ավելի ուշ՝ 17-րդ դարից սկսած, երբ կալվածքները հավասարեցվեցին վոտչինաներին (հայրենակալվածք), ազնվականության նոր ներկայացուցիչներն արդեն ունեին իրենց ազգանուն-

ները գերազանցապես հայրանվանական հիմքերով: Տեղանվանակերտ հիմքերով կազմություններն այս շրջանում արդեն կորցրել էին իրենց հասարակական հնչեղությունը և այլևս դեր չէին խաղում [5, 19]: Լիովին կիսելով այդ տեսակետը՝ փաստենք, որ իրականում ժամանակակից ռուսական ազգանուններում տեղանուն տարրը այդքան էլ պասիվ չէ, ինչի ապացույցն է Վ.Ա. Նիկոնովի՝ 1993թ. հրատարակած «Ռուսական ազգանունների բառարանի» տվյալները, որի 1241 ազգանուններից 106-ը կազմված են տեղանվանական հիմքերով, ինչը կազմում է ընդհանուր թվի 8.6 տոկոսը: Համեմատության համար նշենք, որ Տ.Ավետիսյանի «Հայոց ազգանունների բառարանի» 17051, և հետագայում նրա կողմից «հայտնաբերված» 400 ազգանուններից տեղանվանական հիմքեր ունեն 1312-ը, ինչ կազմում է ընդհանուր թվի 7.5 տոկոսը:

Տեղանունների ընդհանուր քննությունը ցույց է տալիս, որ դրանցում, որպես հիմք, հանդես են գալիս ձևեր, որոնք արտացոլում են տեղանքի երկրաբանական, աշխար-հագրական օբյեկտների առանձնահատուկ կողմերը՝ հաճախ երանգավորված սուբյեկտիվ վերաբերմունքով: Հասարակական տարբեր խավերի համար պատմական տարբեր ժամանակաշրջաններում այդ հատկանիշները բնականաբար տարբեր են: Հնագույն շրջանում հիմնականում քոչվոր կյանքով ապրող խաշնարածների համար չափազանց կարևոր էր տեղանքում կողմնորոշվելու խնդիրը, ավելի ուշ՝ հողի սեփականության հաստատման հանգամանքը, նոր և նորագույն շրջանում՝ պատմական դեպքերի, իրադարձությունների, անվանումների ամրակայումը: Ժամանակակից տեղանվանագիտության մեջ լայն տարածում ունեն հայտնի անվանագետներ Վ.Ա. Նիկոնովի, Ա.Վ. Սուպերանսկայայի, Ն.Վ. Պոդոլսկայայի դասակարգումները, որոնք հանգում են հետևյալին 1.բնականուններ (քաղաքանուն, գյուղանուն, գավառանուն, երկրանուն), 2.լեռնանուններ և դաշտանուններ, 3.ջրանուններ, 4.տեղագրական արժեք ունեցող բնորոշիչներ, 5.ժողովրդանուններ, 6.աշխարհագրական եզրույթներ: Առաջնորդվելով այս դասակարգմամբ՝ ազգանվանակերտ տեղանուն հիմքերի համար հանգում ենք հետևյալին.

1. բնականուններ-Բասենցյան, Երևանցյան, Հայաստանյան, Ամերիկյան, Դաղստանյան, Իսրայելյան–Елецкий, Нижегородцев, Ростовцев, Слуцкий, Европин, Американов

2. լեռնանուններ և դաշտանուններ - Արագածունի, Մռավյան, Շիրակցյան - Ø (Այս իմաստային ենթախմբին պատկանող ազգանվանկերտ հիմքեր մեր ձեռքի տակ եղած ռուսական աղբյուրներում չեն հանդիպում):

3. ջրանուններ - Արաքսյան, Հորդանանյան, Սևանցյան – Ваганов, Донцов, Волгин, Черемшинский, Волконский, Охтомский, Ергольский, Онегин,

4. տեղագրական արժեք ունեցող բնորոշիչներ - Բնիկյան, Նորեկյան, Կռոյան - Новожилов, Новоселов, Старосел, Заграничный,

5. ժողովրդանուններ - Աղվանյան, Հայոցյան, Ռուսյան, Սոմխյան, Վրացյան, Քրդյան - Шведов/Швед, Немцов, Цыганов, Французов,Турецкий/Турок, Китаев,

6. աշխարհագրական եզրույթներ - Սարեցյան, Դաշտենց, Դաղլյան, Քաղքցյան - Горин, Лугов, Озеров, Болотин, Луганский, Городецкий, Степнов, Южаков, Островский, Заозерский, Запольский, Запрудный, Зарецкий, Забродский, Зачесломский –за рекой Чеслом (Ռուսերեն ազգանունների օրինակները քաղված են՝ 1. Унбегаун Б.О. Русские фамилии, М., 1989, 2. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. М., 1991, 3. В.А. Никонов, Словарь русских фамилий, М., 1993):

Եթե բովանդակային պլանի խմբերը առավելապես կապվում են սոցիալ-պատ-մական իրողությունների հետ, ապա բառակազմական հատկանիշներն առաջին հերթին պայմանավորված են լեզվի կառուցվածքով և տարբեր լեզուներում կարող են իրարից էապես տարբերվել: Կառուցվածքային տեսակետից տեղանվանական հիմքերով ազգանունները ձևավորվում են գերազանցապես /հիմք+տեղանվանակերտ ածանց+ազգանվանակերտ ածանց/ կաղապարով: Սակայն այս օրինաչափությունը բացարձակ ընդգրկում չունի և հայկական կազմություններում տրոհվում է երեք, իսկ ռուսական կազմություններում՝ չորս ենթատիպերի՝

1. [հիմք+–ց /ցի-ացի-եցի/-լ(ի)+յան] համապատասխանաբար՝

//[հիմք+ц,с(ец,як, цк, ск)+-ов/ев,ин,ий,кой/] կաղապարով կազմություններ՝ Երևանցյան, Էրզրումցյան,Լոռեցյան, Վանցյան, Թոխաթլյան - Архангельский, Донской, Москвич, Пермяков, Уфимцев, Сызранкин,

2. [հիմք+յան] համապատասխանաբար՝ [հիմք+ов/е] կաղապարով կազմություններ՝ Ալաշկերտյան, Բռնակոթյան, Հալեպյան - Бузулуков, Валдаев, Ямайкин,

3. [հիմք+–ցի/-ացի,-եցի] համապատասխանաբար՝ [հիմք+ц (ец, як)] կաղապարով կազմություններ՝ Դաշտենց, Այունեցի, Մշեցի, Տաթևացի, Ջուղայեցի, Երզնկացի (Նշված կազմությունները կամ հնացած ձևեր են, կամ էլ կեղծանվան արժեք ունեն): **- Беломорец, Москвич, Пермяк,**

4. [հիմք+0+0] կաղապարով կազմություններ՝ Ø (Կաղապարի այս տարբերակը հայերենում դատարկ է): **- Америка, Волга, Ростов:**

Ավարտելով տեղանվանական հիմքերով ազգանունների զուգադրական քննությունը՝ փաստենք, որ դրանց ձևավորման և գործուն կիրառության պատճառները պատմահասարակական բնույթ ունեն և նույն են համեմատվող լեզուներում: Թեպետ յուրաքանչյուր լեզվում կոնկրետ պատմական ժամանակաշրջանում տեղանվանական հիմքերը կազմվում են իրենց յուրահատուկ ձևերով ու միջոցներով, իսկ բովանդակության պլանում դրանք դրսևորում են զգալի ընդհանրություններ՝ զերծ չմնալով որոշակի տարբերություններից, այնուամենայնիվ, դրանց համար տիպական է այն, որ ցանկացած լեզվում դրանք նշանակում են արտալեզվական հանրույթներ:

Գրականություն

1. Աղայան Է.Բ., Լեզվաբանության հիմունքներ, Երևան, 1987:
2. Суперанская А.В. Структура имени собственного. М., 1973.
3. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. М., 1991.
4. Ա.Ա.Մելքոնյան, Ջավախքը XIX դարում և XX դարի առաջին քառորդում, Ե., 2003 թ.:
5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии, М., 1989.
6. В.А. Никонов, Словарь русских фамилий, М., 1993.

Один из пластов в системе образования армянских и русских фамилий

Асмик Арутюнян
к.филол.н., доцент
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Резюме

В статье методом сравнительного анализа исследуется пласт фамилий, образованных от топонимических основ, в указанных языках. Представлены процесс формирования композитов с данными основами, семантические и структурные особенности в общем лингвокультурологическом контексте.

One of the layers in the education system of the Armenian and Russian surnames

Hasmik Harutyunyan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vanadzor State University named after H. Tumanyan

Summary

The article discusses some issues on some family within the framework of the Armenian and Russian names with toponymic stems through comparative analysis method. The paper presents the subject matter development process, semantic and structural peculiarities according linguocultural standpoint.

DIFFERENCES IN MALE AND FEMALE SPEECH
(with special reference to D. H. Lawrence's «Sons and Lovers»)

Hayastan Mashakaryan
Basic School N 2 named after D. Ter-Simonyan

***Key Words**: speech, male, female, difference, language, society, culture*

The division of human race into male and female is so fundamental and obvious that it is also reflected in all human languages. It has been proved empirically that men and women differ considerably in their lexical and grammatical choice. It has always been a matter of curiosity for people how, why, and how differently the genders are perceived to express themselves while communicating. That men and women are different everyone knows. Our brains are essentially like those of our ancestors of 50000 and more years ago, and we can gain some insight into sex differences by studying the differing roles men and women have played in evolutionary history. Men were responsible for hunting and scavenging, defending the group against predators and enemies, and shaping and using weapons. Women gathered food near the home base, tended the house, prepared food and clothing, and cared for small children. Such specialization would put different selection pressures on men and women.

The purpose of the given article is to study the difference between male and female speeches, reveal the reasons of diversity and to give interpretation. Any behavioral differences between individuals must somehow be mediated by the brain. Sex differences have been reported in brain structure and organization. And studies have been done on the role of sex hormones in influencing human behavior. But questions remain

regarding how hormones act on human brain systems to produce the sex differences; such as in play behavior, in cognitive pattern and in speech.

Most people believe that language is reflection of prejudices. There are some words in English that have been sexually biased against women. For example, «chairman» takes the male dominance over women. If we look up a dictionary we will notice «chairman» as the main word, and «chairwoman» in subtitles (some dictionaries even don't include «chairwoman»). This example illustrates clearly the gender bias. Another example of gender bias we can find in some expressions where the masculine word is put before the feminine word. For example, as it is in Mr. and Mrs. Brown. In this expression we can see that Mr. comes first and Mrs. later. This somehow shows the privilege and dominance of male over women. Therefore, the first step of language discrimination starts in the family. For instance, think of both a girl and a boy. The families of these children would obviously be inclined to shape the language usage of their children differently, in the direction of culturally accepted norms. Some communicative behavior, which is considered acceptable for boys, might be considered inappropriate for girls. The boy might be allowed to use harder and rougher language, however, girl might not be allowed to use the same rough language the boys use; additionally they might be demanded to use a lady-style language. To sum up, girls are shaped with having a greater moral responsibility in their language usage than boys. But it should be taken into account that the above-mentioned factor may differ from culture to culture.

Gender differences in language also occur as a result of the effect of «culture and society» in a great extent. Therefore, «gender differences» in one society may not be the same as those of another society. For instance, in the Western world females participate more in arguments, discussions and can speak more

freely and comfortably in the presence of males. However, in Middle East or Eastern word the gender differences in language are more obvious. Women cannot easily participate in arguments, discussions and even in daily conversations and they will feel themselves uncomfortable to speak in the presence of male. This is because of the way they were brought up in childhood. This situation shows us again that the biological aspect doesn't affect the gender differences in language very much. The biggest and strongest impact on gender differences have culture and society, superstitions and taboos, traditions and habits.

In the modern world of globalization both women and men use expressions that are common for the opposite sex. There are more women today that are engaged in business, politics; and men are more likely to be interested in fashion, hairdressing, etc. So it's quite natural that today already the boundary between glossaries of both sexes is not very distinct. Gender is an important division in all societies. It has enormous significance for human beings. Being born male or female has far reaching consequences for an individual. It affects how we act in the world, how the world treats us. This includes the language we use and the language is used about us. Gender differences are not only expressed in everyday communication, but also in a creative writing, that is the style of writing, the vocabulary and many other things that emphasize the differentiation of gender speech. This is mainly expressed by the emotively coloured words, interjections, linking words, long sentences, etc.

D. H. Lawrence, who is unique by his style of writing and by the structure of his novels, put a part of himself in his writings. During his writing he passed this individuality to the characters of his novels. The speech of male and female characters is unique and inimitable. Each of these male or female speeches is peculiar and is not repeated by the other characters. Here are the differences of his individual characters and their unique speech in

«Sons and Lovers».

Gertrude Morel and Walter Morel: Just as Paul Morel was accurate detailed portrait of the young Lawrence, Gertrude Morel is an excellent portrait of Lydia Lawrence, the author's mother. A strong-willed, refined, puritanical, middle class girl who has been shocked and disappointed by her marriage to a mine, a man of a class lower than hers, Gertrude Morel is a fascinating compound of faults and virtues. Hard-working, thrifty, uncomplaining, and, most importantly possessing exceptional intelligence and strength of will, Gertrude Morel makes the most of the difficult situation in which she finds herself. She speaks the Standard English of the educated middle class. Her speech is grammatically more correct than Mr. Morel's speech. Her speech is semantically completed. She is used to reading books and likes to discuss everything from different aspects, which she can't do with her husband. Her nature is also expressed by her speech. Like her nature her speech is also strict, mainly brief, and what is very important her role and the influence she had on everybody in her family and people surrounding her.

Lawrence also uses dialect to accurately convey his working class character's conversation. The Midlands dialect is quite different from Standard English and we may have some difficulty understanding its slang terms, as well as his constructions of words. To Lawrence, this sort of language was warmer and more intense than the Standard English. Walter Morel speaks in dialect, emphasizing his social background and his sensuality. Gertrude Morel, on the other hand, speaks the Standard English of the educated middle class. So here is the main difference of their speech and this differentiation emphasizes the conflict between the unskilled, ill-educated working class and the rigidly moral, emotionally and sexually inhibited middle class in «Sons and Lovers».

It's interesting to note that in D. H. Lawrence's «Sons and

Lovers» the frequent use of tag questions both by women and men is obvious. It is difficult to say which sex uses more tag questions. But one thing is obvious: they do it in different situations and the aim of the tag question used by them is also different. To make it clear we'll bring a couple of examples and then we'll discuss them:

Tag questions used by women in «Sons and Lovers»

- *You love me, don't you? She murmured.* [p. 203 Miriam]
- *It's only an old umbrella, isn't it?* [p. 217 Miriam]
- *I didn't know that he was a famous dancer, did he?* [p. 48 Mrs. Morel]
- *We'll go, -she said and looked at Reep's and Boot's, and one or two places, -shall we?* [p. 140 Mrs. Morel]

Tag questions used by men in «Sons and Lovers»

- *«I'll bet»! still staring at the photo. «A lady», is she?* [p. 142 Mr. Morel]
- *«There, you see», said Paul. «It doesn't hurt, does it?»* [p. 195. Paul]
- *They are not much burned! It doesn't matter, does it?* [p. 195. Paul]
- *Oh, little woman, you'd say anything now you're disagreeable with me, wouldn't you?* [p. 212 Paul]
- *You don't mind me Miriam, do you?* [p. 207 Paul]
- *He is awfully nice-looking. But he doesn't fetch the girls like William, does he?* [p. 235 Paul]

As we know, tag questions are used to get affirmation of the words of the interlocutor. Men do it insistently, as if making the person who listens to them agree with the man he/she is obliged to respond positively. On the other hand, women use tag-questions, qualifiers, and fillers in order to avoid direct, rough and threatening language. Using tag-questions is for women some kind of means to soften their speech, while men speak in a higher, rougher and direct tone without hesitating whether to soften their speech or not. When men use tag-questions, they put certain goals

in front of them. They ask tag-questions with the purpose to get he answer they want to know. With asking this question they are ready to get the answer that is not implied in the tag-question.

Interjections are words we use to express our feelings strongly and which may be said to exist in language as conversational symbols of human emotions. It shows how the logical and emotive meanings interact, ascertain their general functions and spheres of application. There are various types of interjections, the choice of interjections and the aim of using them by male and female are also different. Men use interjections as a technique to resist contributing to topics under development by the women. Women use interjections largely as indicators of attention and support during brief pauses within the men's turns, or using them they signal their active involvement in the conversation to support the speaker. The interjections uttered before and after a lapse, can be understood differently. It can also be seen as a rather formidable indicator of lack of interest in the talk under development. So all of these can depend on the way of pronunciation and, of course, on the context of the conversation.

Interjections «oh» and «ah» are used by women in «Sons and Lovers» very often to attract attention towards themselves, by the use of which they want to stress their famine, fragile nature. It's not accidental that we almost never come across this phenomenon in men's speech. Besides, these kinds of interjections are used by women to soften their speech, or when they don't know what to say. Women use them also when they want to express their surprise, happiness and sorrow, in other words, their feelings. For example:

Hello mother!» He kissed her hastily, then stood aside to present a tall, handsome girl, who was wearing a costume of fine black-and-white check, and furs. «Here is Gyp!» Miss Western held out her hand and showed her teeth in a small smile. «Oh, how do you do, Mrs. Morel!» she exclaimed. «I'm afraid you will

be hungry,» said Mrs. Morel. «Oh» no, we had dinner in the train. Have you got my gloves, Chubby?[p. 159]

- *«They drew near to the city. Both were at the window looking for the cathedral lying couchant above the plane. «Ah!» she (Mrs. Morel) exclaimed «So she is»* [p. 297]

Quite the contrary is the fact that interjections such as «h'm» and «eh» are used mainly by men in «Sons and Lovers». «H'm» makes men sound very important, serious. When a man says «h'm» before starting his speech, we usually get tensed, because what he is going to say is expected to be something serious. Using interjection «h'm» and «eh» are somehow means of expressing surprise and disappointment. But very often it depends on how the speaker utters that interjection, seriously, cunningly, or else way. For example:

- *«Well, did you go?» said Paul o his mother when he came home. «I did». «And could you see him?» «Yes». «And what did he say?» «He blubbered when I came away». «H'm!» «And so did I, so you» needn't h'm!»*[p. 182]
- *He wondered why Miriam crouched there brooding in that strange way. It irritated him. «You don't really like her, do you?» he asked the girl. «I do», she said. «You don't – you can't – not really!» «Then what?» ,she asks slowly. «Eh, I don't know – perhaps you like her because she's got a grudge against men».* [p. 240]

The number of similes is especially abundant in D. H. Lawrence's «Sons and Lovers». The author compares two features; he expresses his perception of the surrounding world and attracts the reader's attention to the extraordinary phenomenon or the situation. Vividness in objects and phenomena, when creating them, is the main aim of the writer when he uses similes. His choice of similes like metaphors is very appropriate and suitable in the context. In «Sons and Lovers» we can meet similes used mainly by men. For example:

- *Her hair is treat of a color, - said Paul. That coldish color,*

like earth, and yet shiny. It's like bog-water. [p. 155]

- *But even your joy is like a flame coming off of sadness, he said.* [p. 202]
- *Mrs. Morel – The world is a wonderful place and wonderfully beautiful. Paul – And so's the pit; -like something aline almost – a big creature that you don't know. And all the trucks standing waiting like a string of beasts to be fed.* [p. 167]

In fact, it is quite natural that men are more inclined to use similes than women. When men speak, they often want or need to explain what they say comparing the topic with different phenomena or situations. So for this purpose they need to use similes. Besides, similes are used to by men more often when they write intimate letters especially to women or when making them proposals. They need to compare the beauty, the wisdom, the wittiness of women with different things, in order to prove their love, admiration towards women. They confirm their statements quite often by similes. This is our conclusion drawn from the analysis of «Sons and Lovers».

The reason that women use similes less frequent is connected with the fact that their imagination in this sense is not o bright, as, hardly ever women will compare men and their advantages with anything. Women rarely use similes in everyday speech and also when speaking about the beauty of the nature.

So, gender is a very important division and it also has its impact on our speech. Consequently, gender differences are expressed not only in everyday communication, but also in creative writing. Not only the content and the style of writing of piece of work written by male and female writers are different but also the speech of male and female characters. Lawrence introduced the difference of male and female behavior also by means of their speech. That is also how men and women were accepted during the Victorian era. Besides, in «Sons and Lovers» Lawrence's characters use various ways of communication as well

as different vocabulary when communicating with different people. So, it also depends on the attitude the hero has towards that particular person he or she is talking to, which emphasizes once more the peculiarity of speech.

Having carried out the research aimed at studying differences between male and female speeches we came to the following conclusions:

1. Men talk to give information or to report. They talk about things business, sports, and food more than women do. They convey facts, not details. They focus on solving problems and are less likely to ask for help or directions. Men compete. Women, on the other hand, talk to get information and to collect or gain report. They talk about people rather than things; they convey feelings and details rather than rough information. They are relationship oriented. They are quicker to ask for and accept help or directions. Women cooperate. The differences of their speeches, consequently, are conditioned by the reasons mentioned above.

2. Women tend to use more standard form of English. But they like to put emotions in their speech and as a result, it gets filled with structures and patterns which by themselves convey a positive or a negative set of feelings. As far as men compete for dominance they tend to construct their speech on a logical platform highlighting the fact that emotions and hence emotional speeches cannot be applicable for the ones born to be leaders. Their speech as a rule reflects the strength of a potential problem solver, bread winner and the one who wants his word to be the decisive one. But in our article we have also highlighted the fact that the drawn conclusions cannot be considered universal and may differ from culture to culture depending on the role of men and women in that particular society.

3. It's not a secret that jokes are a priority and a great weapon for men. It's the tool that mainly men succeed to use properly and show their superiority. Very few women may be

able to possess this power. And this is the reason that we witness men telling jokes more than women.

4. And last but not least male and female speeches differ primarily due to the fact that men focus on what to say but women on how to say.

This canvas of contrasts no way comes from biological differences of both genders but from the demands and norms of the society and culture. The following research doesn't intend to diminish the role of either of them anyhow. We just attempt to show the widely spoken difference of the gender speech is conditioned by the motives and aspirations of men and women and the role they draw for themselves either in the society, community or within their families.

References:

1. Barrie, Thorne «Language, Gender and Society», London, 1976
2. Coates, Jennifer, «Women, men and language», 2nd edn. Longman 1993
3. DeFransisco, Victoria L. «The Sounds of Silence: How Men Silence Women in Marital Relations. Discourse and Society», 1991
4. Fairclough, Notman L. «Discourse and Social Change», Cambridge: Polity Press 1992
5. Fishman, Pamela »Interjection: The Work Women do». In Thorne, Kramarae and Henley 1983
6. Fishman, Pamela «Conversational insecurity». In Cameron, 1998
7. Lawrence D. H. «Sons and lovers» «Penguin Books Ltd, Harmondsworth, Midlesex, England. 1981
8. Lakoff, Robin, «Language and Women's Place». New York: Harper and Row. 1975

Գենդերային խոսքի տարբերությունը (Դ. Հ. Լորենսի «Որդիներ և սիրեկաններ» գրքի ուսումնասիրության հիման վրա)

Հայաստան Մաշակարյան
Բանասիրության մագիստրոս
Դ. Տեր-Սիմոնյանի անվան № 2 հիմնական դպրոց

Ամփոփում

Սույն հոդվածում փորձ է արվել անդրադառնալ գենդերային խոսքի տարբերության առանձնահատկություններին՝ հիմնվելով Դ.Հ. Լորենսի «Որդիներ և սիրեկաններ» գրքի ուսումնասիրության վրա: Հոդվածի թեման՝ թե ինչու, ինչպես և որքանով է տարբեր տղամարդու և կնոջ խոսքը, բազմիցս քննարկված լինելով հանդերձ մեր օրերում չի կորցրել իր արդիականությունը: Հոդվածի նպատակն է վերոհիշյալ ստեղծագործության շրջանակներում ուսումնասիրել վերը նշված տարբերությունը, բացահայտել դրանց պատճառները և տալ մեկնաբանություն:

Дифференциация гендерлекта (на материале произведения Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники»)

Айастан Машакарян
Магистр филологии
Базовая школа № 2 им. Д. Тер-Симоняна

Резюме

В данной статье исследуются отличительные особенностей гендерлекта на материале романа английского писателя Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники». В частности, исследуется специфика речевого поведения мужчины и женщины, причины отличия и их проявления. Эта тема остается актуальной и в наши дни. Цель данной статьи – выявить, исследовать и прокомментировать особенности мужской и женской речи в рамках произведения Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники».

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՀՆՉՅՈՒՆԱԿԱՆ ԱՅԲՈՒԲԵՆԸ ԵՎ ՆՐԱ ՏԵՂԱՅՆԱՑՈՒՄԸ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ

Հեղինե Մելքոնյան
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Առանցքային բառեր՝ *հնչյունական այբուբեն, Միջազգային հնչյունաբանական միություն, տեղայնացում, տարբերակիչ նշաններ*

Լեզուների համար համընդհանուր տեսություն ունենալը եղել և մնում է լեզվաբանության նպատակների նպատակը, ինչի իրագործումը լեզվաբանական տիպաբանության առանցքային խնդիրներից է: Համընդհանուր չափանիշներով առաջնորդվելը կարևորվում է հատկապես հնչյունաբանության ոլորտում, քանի որ ընդունված է կարծել, որ լեզուներն առավել սերտություն են դրսևորում հնչյունական մակարդակում՝ պայմանավորված արտասանական գործարանի՝ տարալեզու մարդկանց մոտ նույնական լինելու հանգամանքով:

Հնչյունաբանական ոլորտի համընդհանրացման քայլերից մեկն էլ միջազգային հնչյունական այբուբենի մշակումն է, համակարգ, որ միտված է համընդհանուր գրանշաններով արտացոլելու բոլոր լեզուների արտասանական պատկերը: Մեր օրերում այդպիսի համակարգերից տարածված են հատկապես երկուսը: Դրանցից մեկը ստեղծվել է Միջազգային հնչյունաբանական միության կողմից (անգլ.՝ International Phonetic Alphabet, հապավմամբ՝ IPA, այստեղ՝ ՄՀԱ), մյուսը՝ Ամերիկյան հնչյունաբանական այբուբենը (անգլ.՝ Americanist phonetic notation// (North) American[ist] Phonetic Alphabet, հապավմամբ՝ APA)՝ եվրոպական և ամերիկյան լեզվաբանների ու մարդաբանների կողմից: Դրանցից առաջինում գերակշռում են լատինական այբուբենի տառերը՝ իրենց ձևափոխություններով հանդերձ, երկրորդում՝ քիչ չեն նաև հունական այբուբենի տառերը:

Միջազգային հնչյունաբանական միությունը միջազգային հնչյունական այբուբեն ստեղծելու փորձեր արել է սկսած 1888թ.-ից: ՄՀԱ-ի վերջին տարբերակը մշակվել է 2005թ.:

Սույն հոդվածի շրջանակներում կփորձենք վերլուծաբար ներկայացնել ՄՀԱ-ի վերջին վերամշակված տարբերակը [5]՝ հայերենի և հայերենագիտության օրինակով փորձելով պարզել դրա տեղայնացման հնարավորությունները:

Նախ նշենք, որ ՄՀԱ-ում տեղ են գտել այսպիսի բաղադրիչներ՝ 1) թոքային բաղաձայններ, 2) ոչ թոքային բաղաձայններ, 3) երկհոդաբաշխ բաղաձայններ, 4) ձայնավորներ, 5) վերգծային միավորներ, 6) տարբերակիչ նշաններ, 7) փակագծեր:

«Թոքային (Pulmonic) բաղաձայններ» կոչված աղյուսակում տեղ են գտել այն բաղաձայնները, որոնք արտաբերվում են թոքերից մղված օդի մասնակցությամբ: Այն, որ այդպիսի եզրույթ չկա հայ լեզվաբանության մեջ, ոչ թե բացթողում է, այլ այն բանի ապացույցը, որ հայերենում բաղաձայնների թոքային–ոչ թոքային տարբերակում չկա. բոլորն էլ թոքային են: Թոքային բաղաձայններն աղյուսակում դասավորվել են երկու սկզբունքով՝

I - ըստ արտաբերման տեղի (հորիզոնական)՝

1. շրթնային (Labial)՝
   1.1. երկշրթնային (Bilabial),
   1.2. շրթնատամնային (Labiodental).
2. առաջնալեզվային (Coronal)՝
   2.1. ատամնային (Dental),
   2.2. ալվեոլային// վերատամնային// լնդերքային (Alveolar),
   2.3. քմա-ալվեոլային (Palatoalveolar),
   2.4. շրջական (Retroflex).
3. մեջքալեզվային (Dorsal)՝
   3.1. քմային (Palatal),
   3.2. հետնաքմային (Velar),
   3.3. լեզվակային (Uvular).
4. արմատական (Radical)՝
   4.1. ըմպանային (Pharyngeal),

4.2. հետերախային (Epiglotal).

5. կոկորդային (Laryngeal) (* - կոկորդային՝ Glottal).

II - ըստ արտաբերման եղանակի (ուղղահայաց)՝

6. ռնգային (Nasal),
7. պայթական (Plosive),
8. շփական (Fricative),
9. կիսաձայն// ձայնորդ (Approximant),
10. թրթռուն (Trill),
11. հարվածային (Tap, flap),
12. կողքային շփական (Lateral fricative),
13. կողքային ձայնորդ (Lateral approximant),
14. կողքային հարվածային (Lateral flap):

Ստորև բերում ենք թոքային բաղաձայնների աղյուսակը՝ տեսակների անունները տնտեսման նպատակով փոխարինելով վերոբերյալ դասակարգման համարակալմամբ, իսկ մգացված տարածքներում նկատի ունենալով հայերենի՝ տվյալ աղյուսակում համապատասխանություններ ունեցող [1, 47-60, 79-113] բաղաձայնները:

Աղյուսակ 1.

Consonants (pulmonic) Թոքային բաղաձայններ	1.		2.				3.			4.		5.
	1.1.	1.2.	2.1.	2.2.	2.3.	2.4.	3.1.	3.2.	3.3.	4.1.	4.2.	*
6.	m	ɱ	n			ɳ	ɲ	ŋ	N			
7.	p b		t d			ʈ ɖ	c ɟ	k g	q G		ʔ	ʔ
8.	ɸ β	f v	θ ð	s z	ʃ ʒ	ʂ ʐ	ç ʝ	x ɣ	χ ʁ	ħ ʕ	ʜ ʢ	h ɦ
9.		ʋ	ɹ			ɻ	j	ɰ				
10.	ʙ	ⱱ	r						R		ʀ	
11.			ɾ			ɽ						
12.			ɬ ɮ									
13.			l			ɭ	ʎ	ʟ				
14.			ɺ			ɺ						

Ինչպես երևում է, այստեղ համապատասխանություններ ունեն հայերենի 30 բաղաձայններից 21-ը միայն՝ [բ], [պ], [գ], [կ], [դ], [տ], [վ], [ֆ], [ղ], [խ], [զ], [ս], [ժ], [շ], [հ], [մ], [ն], [յ], [ր], [ռ], [լ], այսինքն՝ կազմությամբ պարզերը՝ խուլերը, ձայնեղները և ձայնորդները: Դժվար չէ նկատել, որ առնչակից հնչյունները դասավորված են խուլ - ձայնեղ հաջորդականությամբ:

Պայթաշփականների համապատասխանությունները գտնելու ուղին մատնանշվում է ՄՀԱ-ի՝ «Երկհոդաբաշխ բաղաձայններ» (Consonants co-articulated) կոչված մասում, համաձայն որի՝ դրանք պետք է արտահայտել բաղադրիչ հնչյունատարրերի նշաններով՝ վերևից կամ ներքևից դնելով աղեղաձև միացման գիծ (Տե՛ս 2-րդ աղյուսակը): Ինչ վերաբերում է հայերենի շնչեղ խուլերի համապատասխանություններին, ապա դրանք գտնելու համար անհրաժեշտություն է զգացվում դիմելու ՄՀԱ-ի մյուս բաղադրիչին՝ «Տարբերակիչ նշաններ» (Diacritics) վերտառությամբ, համաձայն որի՝ շնչեղ խուլերն արտահայտվում են «խուլ հնչյունի նշան^{h}» կաղապարով (Տե՛ս 2-րդ աղյուսակը):

Ժամանակակից հայերենի հնչյունական համակարգի առանձնահատկություններից է [ր]- [ռ] հնչույթների տարբերակումը, ինչը հատուկ չէ շատ լեզուների: Հայերենագիտության մեջ դրանց համար ընդունված «միաթրթիռ» ([ր]-ի համար) և «բազմաթրթիռ» ([ռ]-ի համար) հատկանիշները ՄՀԱ-ում բացակայում են՝ փոխարինվելով «թրթռուն» և «հարվածային» հատկանիշներով: Պայմանականորեն հայերենի [ր]-ն համապատասխանեցրել ենք հարվածային տեսակին, [ռ]-ն՝ թրթռուն:

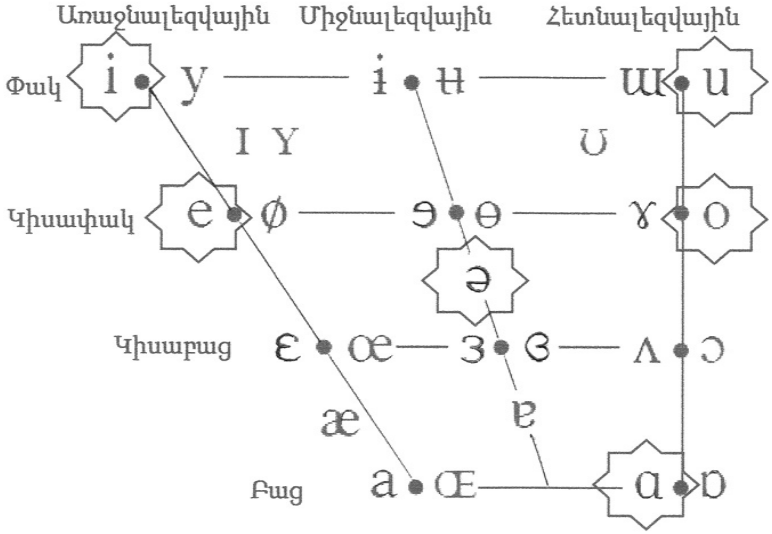
Բաղաձայնական համակարգում, ինչպես երևում է, տեղ են գտել հայերենագիտության ոլորտում անծանոթ կամ քիչ շրջանառվող եզրույթներ: Այսպես՝

1. **«Approximant»** կոչվածները շատ ձայն պարունակող բաղաձայններ են, որ իրենց որակով մոտ են ձայնավորներին: Դրանք համապատասխանում են հայերենի կիսաձայնին կամ որոշ ձայնորդների, ուստի թարգմանելիս պետք է հաշվի առնել իրադրությունը:

2. **Կողքային** (Lateral) են դիտվում այն բաղաձայնները, որոնց արտասանության ժամանակ լեզվի ծայրը հպված է լինում քիմքին, և օդն անցնում է լեզվի կողք(եր)ով [2, 154]:
3. **Ալվեոլային// վերատամնային// լնդերքային** (Alveolar) են դիտվում այն բաղաձայնները, որոնց արտաբերման ժամանակ լեզվի ծայրը կամ առաջամասը հպվում է ալվեոլներին, լնդերքին, ատամների արմատից դեպի քիմքն ընկած մասին [2, 4]:
4. **Քմա-ալվեոլային** (Palatoalveolar) են դիտվում այն բաղաձայնները, որոնց արտաբերման ժամանակ լեզվի ծայրը ալվեոլներից բարձրանում է դեպի քիմքը [2, 310]:
5. **Շրջական// ներդարձիկ// քմա-ատամնային// կակումինալ// գագաթնային** (Retroflex) են դիտվում այն բաղաձայնները, որոնց արտասանության ժամանակ լեզվի ծայրը վերև է բարձրանում ու մի փոքր հետ թեքվելով՝ դիպչում կոշտ քիմքի գագաթին (լատ.՝ cacumen – «գագաթ») [2, 245]:
6. **Լամինալ** (Laminal)**// թիթեղաձայն// շերտավոր** (թարգմանությունը մերն է՝ ՀՄ) հատկանիշով է բնութագրվում կլիքսների երկու տեսակ:
7. **Ապիկալ// ծայրային// լեզվածայրային** են դիտվում այն բաղաձայնները, որոնք արտաբերվում են լեզվի ծայրի (լատ. apex «ծայր»), առաջամասի մասնակցությամբ [2, 25/ 3, 83]:

Անդրադառնալով ձայնավորներին՝ նշենք, որ դրանք ՄՀԱ-ում ներկայացված են ըստ երեք հատկանիշի՝ բացվածության աստիճանի (հայերենագիտության մեջ սրանց համապատասխանում են լեզվի բարձրացվածության աստիճանները), լեզվի դիրքի և շրթնայնացվածության (ուղղահայաց գծերից աջ շրթնայնացվածներն են, ձախ՝ ոչ շրթնայնացվածները): Դրանց հայերեն համապատասխանությունների [1, 36-47, 66-78] բացահայտումն անհամեմատ դյուրին գործընթաց էր, ինչի արդյունքներն արտահատված են 1-ին գծապատկերում՝ աստղաձև տարածքներում:

Գծապատկեր 1.

Աղյուսակ երկրորդում ներկայացնում ենք ժամանակակից հայերենի հնչույթների համապատասխանությունները ՄՀԱ-ում:

Աղյուսակ 2.

Հայերենի հնչյունների տառադարձումն ըստ ՄՀԱ-ի

Բաղաձայններ												
Եռաշարք						Երկշարք				Միաշարք	
բ	b	պ	p	փ	p^h	վ	v	ֆ	f	մ	m
գ	g	կ	k	ք	k^h	ղ	ʁ	խ	x	ն	n
դ	d	տ	t	թ	t^h	ժ	ʒ	շ	ʃ	յ	j
ձ	d͡z	ծ	t͡s	ց	t͡s^h	զ	z	ս	s	ր	ɾ
ջ	d͡ʒ	ճ	t͡ʃ	չ	t͡ʃ^h	-		հ	h	ռ	r
										լ	l

Ձայնավորներ			
ա	ɑ	ի	i
օ	o	է	e
ու	u	ը	ə

Մինչ օրս հայերենագիտական ուսումնասիրություններում շրջանառվում է հյուբշմանյան տառադարձումը (Տե՛ս աղյուսակ 3-րդ), ինչը, պետք է խոստովանել, որ համեմատաբար պարզ համակարգ է, և դրա համար կան մի շարք պատճառներ՝

1. Այն մշակված է հայերենի փաստերի հենքով:
2. Նրանում տարբերակիչ նշանների քանակը հասցված է նվազագույնի:
3. Երկհոդաբաշխ հնչույթներն արտահայտվում են մեկ նշանով:

Աղյուսակ 3.

Հայերենի հնչյունների տառադարձումն ըստ Հ. Հյուբշմանի											
Բաղաձայններ											
Եռաշարք						Երկշարք				Միաշարք	
բ	b	պ	p	փ	p´ (ph)	վ	v	ֆ	f	մ	m
գ	g	կ	k	ք	k´ (kh)	ղ	γ	խ	x	ն	n
դ	d	տ	t	թ	t´ (th)	ժ	ž	շ	š	յ	y
ձ	j	ծ	c	ց	c´ (ch)	զ	z	ս	s	ր	r
ջ	ǰ	ճ	č	չ	ç	-		հ	h	ռ	ṙ
										լ	l

Ձայնավորներ			
ա	a	ի	i
օ, ո	o, o (vo)	է, ե	ē, e
ու	u	ը	ə

Կարծում ենք՝ հյուբշմանյան համակարգին ծանոթ լինելը պետք է կարևորել այնքանով, որ նրա գործադրմամբ են շարադրված նախորդ սերունդների հայերենագիտական աշխատանքները: Այսօր, սակայն, պետք է ճանաչել նաև և նոր աշխատանքներում նախապատվությունը տալ տառադարձման միջազգային համակարգերին, քանի որ դա կնպաստի միջմշակութային շփման դյուրինացմանը:

ՄՀԱ-ում ոչ թոքային են դիտվում այն բաղաձայնները, որոնց արտասանությանը թոքերը չեն մասնակցում (Տե՛ս աղյուսակ 4-րդ): Դրանք իրենց հերթին ներկայացված են երեք խմբով՝

1. Կլիքսներ *(Clicks)*. սրանք ներշնչական պայթական հնչյուններ են, որ բնութագրվում են տևական և ինտենսիվ աղմուկով և բարդ կազմությամբ: Դրանք հատուկ են հարավաֆրիկյան բուշմենական և հոտենտոտյան լեզուներին: Շրթնային կլիքսի տեսակ է համբույրի ձայնը [2, 153]:

2. Իմպլոզիվ *(Implosives)* // ***ներպայթական*** բաղաձայններ. այսպես են կոչվում ներշնչական բաղաձայնները, որոնց արտասանության ժամանակ օդի հոսանքն առաջանում է խռչակի վերևներքև շարժվելու հաշվին: Սրանք պայթական բաղաձայնների դիրքային տարբերակներ են, որ կից հնչյունի հոդաբաշխման պատճառով արտասանվում են առանց պայթյունի:

3. Էյեկտիվ *(Ejectives)* կամ ***աբրուպտիվ*** *(Abrupt)* բաղաձայններ. այսպես են կոչվում այն ոչ թոքային բաղաձայնները, որոնց արտասանության ժամանակ ձայնածերպը փակ է լինում, խռչակն արագ վեր է բարձրանում, ապա թուլանում է բերանի հպվածքը: Ճնշման ավելցուկն առաջանում է ոչ թե թոքերից մղված օդից, այլ փակ ձայնածերպի և բերանի հպվածքի միջև առաջացած օդի ճնշումից: Էյեկտիվ հնչյունները հատուկ են լեզուների 20 %-ին միայն: Դրանք նշանակվում են ապաթարցով (օր.՝ p’, s’):

Աղյուսակ 4.

Clicks *Կլիքսներ*	*Implosives* *Իմպլոզիվներ*	*Ejectives* *Էյեկտիվներ*
ʘ – Bilabial Երկշրթնային	ɓ – Bilabial Երկշրթնային	’ *examples:*
ǀ – Dental Ատամնային	ɗ – Dental or alveolar Ատամնային կամ ալվեոլային	pʼ – Bilabial Երկշրթնային
ǃ – (Post)alveolar Հետալվեոլային	ʄ – Palatal Քմային	tʼ – Dental or alveolar Ատամնային կամ ալվեոլային
ǂ – Palatoalveolar Քմաալվեոլային	ɠ – Velar Հետնաքմային	kʼ – Velar Հետնաքմային
ǁ – Lateral alveolar Կողքային ալվեոլային	ʛ – Uvular Լեզվակային	Sʼ Alveolar fricative Ալվեոլային շփական

ՄՀԱ-ում տեղ են գտել նաև վերգծային միավորները (Suprasegmentals) (Տե՛ս աղյուսակ 5-րդ):

Աղյուսակ 5.

ˈ Հիմնական շեշտ	ˑ Միջին երկարության – eˑ	‖ Զգալի դադար
ˌ Երկրորդական շեշտ ˌfoʊnəˈtɪʃən	˘ Շատ կարճ – ĕ	. Վանկային դադար
ː Երկար – eː	| Աննշան դադար	‿ Միացած, առանց դադարի

Երկրորդական շեշտի նշանը, կարծում ենք, արժի կիրառել հայերենի՝ երկրորդական շեշտ ունեցող բաղադրյալ բառերի տառադարձման ժամանակ (օր.՝ [usumnəmetʰodakaˊn]): Հնչյունների արտասանության երկարությունը մատնանշող նշանները հայերենի համար կիրառական չեն. դադարների նշանները կարող են տեղ գտնել ուսումնական բնույթի որոշ տեքստերում միայն:

Վերգծային միավորների շարքում տեղ են գտել նաև առոգանական նշանները (Տեˊս աղյուսակ 6-րդ): Նման նշանները կարող են կարևորվել տոնային լեզուներում (օր.՝ չինարեն, վիետնամերեն, լաոսերեն, բիրմաներեն, բանտու...): Ինչ վերաբերում է հայերենին, ապա այս նշաններից կարող են կիրառական լինել միայն հնչերանգային ելևէջների համար նախատեսվածները, այն էլ՝ ուսումնական բնույթի տեքստերում:

Աղյուսակ 6.

ȅ or ˥	Շատ բարձր	ě or ˩˥	Բարձրացում
é ˦	Բարձր	ê ˥˩	Իջեցում
ē ˧	Միջին	e᷄ ˦˥	Շատ բարձրացում
è ˨	Ցածր	e᷅ ˩˧	Ստորին բարձրացում
ȇ ˩	Շատ ցածր	e᷈ ˧˦˧	Բարձրացում- իջեցում
↓	Մեկ տոն իջեցում	↗	Ընդհանուր բարձրացում
↑	Մեկ տոն բարձրացում	↘	Ընդհանուր իջեցում

ՄՀԱ-ի մյուս բաղադրիչն ընդգրկում է տարբերակիչ նշանները (Diacritics), նշաններ, որ կարող են դրվել հնչույթի նշանի վերևում կամ ներքևում (Տե՛ս աղյուսակ 7-րդ)։ Դրանցից ժամանակակից արևելահայերենի համար կիրառելի է միայն շնչեղության նշանը, իսկ մյուս նշաններից մի քանիսը կիրառական են հայերենի բարբառների հնչյունները տառադարձելու համար (օր.՝ քմայիննե-րի համար՝ gʲ, kʰʲ, kʲ, կոկորդայինների համար՝ ʁˀ, kˀ և այլն) [4, 45-50, 63-69]։

Աղյուսակ 7.

◌̪	Խուլ	n̪ d̪	◌̟	Խոպոտ ձայնով	b̟ a̟
◌̯	Ձայնեղ	s̯ t̯	◌̰	Ճղճղան ձայնով	b̰ a̰
ʰ	Շնչեղ	tʰ dʰ	◌̺	Լեզվաշրթնային	t̺ d̺
◌̜	Առավել կլորացված	ɔ̜	ʷ	Շրթնայնացված	tʷ dʷ
◌̹	Պակաս կլորացված	ɔ̹	ʲ	Քմայնացված	tʲ dʲ
◌̪	Առաջ մղված	u̪	ˠ	Հետնաքմային	tˠ dˠ
◌̱	Հետ մղված	e̱	ˤ	Կոկորդային	tˤ dˤ
◌̈	Կենտրոնացված	ë	◌̠	Հետնաքմային կամ կոկորդային	ɬ
◌̽	Կիսակենտրոնացված	e̽	◌̙	Բարձրացած	e̙
◌̩	Վանկարար	n̩	◌̝	Իջած	e̝
◌̯	Ոչ վանկարար	e̯	◌̴	Լեզվարմատը առաջ մղված	e̴
◌̃	Շրջական	ə̃ a̰	◌̞	Լեզվարմատը հետ մղված	e̞
◌̼	Ատամնային	t̼ d̼	◌̃	Ռնգայնացված	ẽ
◌̻	Ապիկալ	t̻ d̻	ⁿ	Ռնգայնացված	dⁿ
◌̪	Լամինալ	t̪ d̪	ˡ	Կողքային	dˡ
◌͡◌	Համր	d͡			

ՄՀԱ-ի վերջին բաղադրիչը փակագծերն են (Brackets): Դրանք չորս տեսակի են՝ //ձևահնչույթաբանական//, /հնչույթաբանական/, [հնչյունաբանական], <ուղղագրական>:

Ամփոփելով սույն վերլուծությունը՝ կարող ենք արձանագրել, որ ՄՀԱ-ը մարդկային լեզվի արտասանական պատկերը բազմակողմանիորեն ներկայացնող և տեսական ու գործաբանական կարևոր արժեք ունեցող համակարգ է, ինչի տեղայնացումը, սակայն, զերծ չէ մասնավոր անհարթություններից: Կարծում ենք՝ այն կարիք ունի վերամշակման, գործընթաց, որում պարտադիր պետք է ընդգրկված լինեն տարբեր լեզուների լեզվակիր մասնագետներ: Համակարգն առավել համոզիչ ու կիրառական կլինի, եթե հնչյունի յուրաքանչյուր տեսակի համար այն ունենա սպառիչ սահմանում և ձայնագրություն:

Գրականություն

1. Առաքելյան Վ., Խաչատրյան Ա., Էլոյան Ս., Ժամանակակից հայոց լեզու, հ. I, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1979, 487 էջ:
2. Պետրոսյան Հ., Գալստյան Ս., Ղարագյուլյան Թ., Լեզվաբանական բառարան, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1975, 316 էջ:
3. Պետրոսյան Հ., Հայերենագիտական բառարան, Երևան, 1987, «Հայաստան» հրատ., 686 էջ:
4. Ջահուկյան Գ., Հայ բարբառագիտության ներածություն, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1972, 345 էջ:
5. http://www.langsci.ucl.ac.uk/ipa/

Международный фонетический алфавит и его локализация в армянском языке

Эгине Мелконян
к. филол. н.
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Резюме

В рамках данной статьи сделана попытка анализа Международного фонетического алфавита (IPA – 2005), поочередно касаясь семи составляющих компонентов этой системы. На примере армянского языка и армянской лингвистики уточняется вопрос о возможностях локализации МФА. По ходу затрагивается также вопрос терминологических соответствий.

International phonetic alphabet and its localization in the Armenian Language

Heghine Melkonyan
Candidate of Philological Sciences
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

An attempt is made analytically in the scopes of this article to present International Phonetic Alphabet (IPA – 2005) touching upon its seven components. An attempt is made with the example of the Armenian language and Armenian studies to clarify its chances of localization. We have touched upon also the problem of terminological correspondences.

КОНЦЕПТ «ВЕРА / НЕВЕРИЕ» В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Эгине Саакян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *абстрактная единица мышления, вербализация концептов, интерпретационное поле концепта, смысловые зоны, этнокультурная специфика социумов, культурные прототипы.*

Национальная концептосфера рассматривается как совокупность концептов, общих для представителей той или иной нации. Предполагается, что национальная система концептов, выраженных в сознании индивидов, является основой их ментальности и передает видение мира у разных народов. Выявление особенностей концептуализации имеет немаловажное значение для изучения языка и культуры нации. Особая роль в концепции языковой картины мира отводится рассмотрению процесса вербализации концептов в разных языках, который способен отразить образ мышления нации.

Однако национальные культуры являются частью мировой культуры, из которого наследуют определенные общечеловеческие идеалы и нормы. Сказать, что представления о данной концептуальной паре, например, у представителей русской и армянской лингвокультур полностью идентичны – не будет правильным, однако нельзя умалять воздействие христианской веры на обеих этнокультурных социумов. В то же время, следует подчеркнуть важность христианства для представителей анализируемых культур. Наличие похожих этапов развития государственной религии в двух культурах (централизация государственной власти через религию, борьба против языческой веры, начальный этап принятия религии – т.н. период ‘‘двуверия’’) свидетельствуют о возможности и необходимости сравнительно-сопоставительного анализа концепта "Вера/Неверие" в русской и в армянской языковой картине мира.

Исследование проводится в рамках оппозитивной модели (вере противопоставляется неверие) языковой картины мира так как по Рудневу «в основе описания любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер».[9]

Лексическое значение корневого компонента исследуемого концепта в наивысшей степени выявляется при выстраивании антонимичных рядов. Начерчиваются потенциальные поля оппозиционной пары, которая сама выражает «противоположность внутри одной сущности». [10]

Вера – Безверие, вера – неверие, верующий – неверующий, вера – безверие, поверить – разувериться, уверять – разуверять, уверение – разуверение, уверенный – неуверенный, уверенно – неуверенно, уверенность – неуверенность (сомнение):

(*Все в тебе таится – вера и безверье. Все в тебе птицы, все в тебе звери)[6]*.

Верно – Неверно (*Верно отмечено*) //Верность – Измена (*Верность Родине*)

Верность – Неверность (*Верность принципам*) // Верность – Предательство

Верный – Неверный (*Не/Верные сведения; не/верное решение*) // Правильный – неправильный (*Правильный ответ*)

Верный – Ошибочный, верно – ошибочно, верность – ошибочность (*Верная мысль; ошибочный вывод*) // Вероятность – Невероятность((*Не)Вероятность события*)

Вероятный – Невероятный ((*Не)Вероятные последствия*) // Верующий – Неверующий (*Дай, Боже Господи, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего!)* [3]

Продуктивное словообразование и большие сочетаемостные возможности концепта «Вера/Неверие» свидетельствуют о его заметном месте в русской и армянской языковой картине мира. Широкий ряд образов-ассоциантов раскрывает смысловое содержание исследуемого концепта в сознании носителей языка, выявляя частные и общие семантические признаки полей веры и неверия.

Определение смыслового наполнения концепта «Вера/Неверие» в сознании носителей языка и моделирование ассоциативного поля концепта, описание формальных, содержательных и функциональных признаков может осуществляться на основе изучения пословично-поговорочного фонда, фразеологических единиц, текстов разных стилей, с целью определения сходств и различий в концептуальных полях «Вера» и «Неверие» в русском и армянском языках.

Пословицы и поговорки отражают двойственность человеческой сущности. Рассматривая смысловые поля веры и неверия в аспекте русской и армянский паремии, были выявлены пословицы, с оппозиционными признаками, указывающие на общность смысловых зон концепта. Тем самым подтверждается мысль о сложной структуре концепта. В анализируемых языках концепт выявляет сложное сплетение противоречивых семантических значений. С одной стороны вера в пословицах и поговорках представлена как добродетель, которая определяет нравственные устои людей, модели поведения. (Нпр., *Богу молиться – не вовсе разориться; Без веры Господь не избавит, без правды Господь не исправит*; *Коротка молитва "Отче наш", да спасает; Ամենքս էլ աստծու տակ ենք ապրում; Հավատքն իրմե պետք ա, վրա քսվածը հավատք չէ*). С другой – осуждается, как сверх доверчивость сродни глупости. (Нпр., *Не верь брату родному – верь своему глазу кривому; Тихо море, поколе на берегу стоишь; Ով որ ասէ՝ մատս խիար է, աղը կառնի, կվազի; Գառներդ գելին (գայլին) պահ չեն տա, կաղամբն՝ այծին*).

Вера как положительное явление и в русских и в армянских пословицах и поговорках рассматривается с религиозной позиции (вера в бога, религиозное поведение), неверие же (в значении атеизма, безбожия) толкуется исключительно как явление отрицательное. (Нпр., *Беден бес, что у него Бога нет; Грехи любезны доводят до бездны; Грех сладок, человек падок; Бог любит праведника, а черт ябедника; Անհավատ բանին մի հավատա; Մարդը քուն, մեղրը զարթուն).*

Что касается доверия/недоверия, то это весьма любопытная сторона репрезентации данной темы, полностью не причисляемая ни к положительному ни к отрицательному полюсу. Это значение концепта наиболее субъективное, зависящее от конкретного, и нераспространяющееся на остальные случаи (*Доверяй, но проверяй!; Не всякому верь, запирай крепче дверь!; Не верь тишине морской; Շան հետ ընկերացիր, բայց փայտը ձեռքիցդ վայր մի գցիր; Փորձված թանն անփորձ մածունից լավ է).* Стандартно-положительно оценивается только доверие к Богу, что на семантическом плане выражается признаками приближающими его к надежде. (Нпр., *Виноватого Бог найдет; На людей, что на Бога, а на себя, что на черта; С богом хоть за море а без бога ни до порога; С верой нигде не пропадешь; Աստված մեծ է // Աստված ողորմած է; Հույսդ Աստծու վրա դիր*).

Данная концептуальная пара выявляет также и значение правда/неправда, истина/ложь, причем первая часть перечисленных коррелятивных пар в русской и армянской паремиологии встречается реже антонимирующей второй, которая в народном менталитете вызывает ассоциации с неверием (Нпр., *Врал в молодости, не поверят и в старости; Доверие в жизни теряют только раз; Ամեն մի (ամենքի) խոսքի (ասածի) չեն հավատա; Լեզվի տակ ոսկոր չկա; Սուտասանի տունն այրվեց՝ չհավատացին*).

Большинство пословиц и поговорок эмоционально окрашены, передают оценку объекту речи или его действию, а также настроение и эмоциональное состояние говорящего, часто восклицательны, произносятся с соответствующей интонацией и относятся к просторечному стилю речи. Причем как русские пословицы и поговорки (Нпр., *Бог его накажи!; Бога ты не боишься! Бога бойся!; Ну, умная голова, разбирай божьи дела! Сей, рассевай, да на небо взирай!; На Бога надейся, да и сам не плошай; Что бы ни пришло, все молись!; Постись духом, а не брюхом!;* Кабы не бог, кто бы нам помог?*),* так и армянские *(Ես մեղավոր, դուն մեղավոր, արքայություն ո՞վ էրթա; Աստված արու էգ արար, վարդապետին ո՞վ արար; Դուզ (ուղիղ) խոսողի գլուխը / գդակը ծակ ա; Ղորթը ստի ականկալն (թոնրի ակը փակելու շոր) ա; Խոսացողին մարդ գիտենք, հաչացողին՝ շուն).*

Мы предлагаем свою классификацию обширного русско-армянского паремиологического материала, исходя из того, что пословично-поговорочным фондом данной тематики покрываются явления относящиеся к самым разным смысловым зонам.

Под первым пунктом мы объединили пословицы и поговорки с общим семантическим значением *вера/неверие (в Бога, в загробную жизнь).* В данных пословицах отражается семантика религии – религиозный культ, понятие греха, ритуальное и духовное значение молитвы, отношение к духовенству.

В русских пословицах и поговорках чаще отмечается важность молитвы, а в армянской паремии все больше находит отражение народная мудрость о клятвах благословениях и проклятиях. В обеих анализируемых языковых сознаниях отмечается необходимость избежания от греха, так же подчеркивается, что за всякий грех ожидается наказание. Вера в Бога и в божескую милость неразрывно влечет за собой и веру в загробную жизнь. В обоих паремиологических фондах нашла свое отражение и тематическая линия духовенства, к которому отношение часто не очень доброжелательное, а подчас издевательское.

"Господи, помилуй!" – не грех говорить и не тяжело носить. // Аминем беса не отшибешь. // Аминь человека спасает. // Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь. // Без креста и молитвы не будет ловитвы. // Бог видит, да нам не сказывает. // Бог души не вынет, сама душа не выйдет. // Бог за худое плательщик. // Бог и слышит, да не скоро скажет. // Бог не дремлет – все Слышит. // Бог не как свой брат, скорее поможет (или: проси, так поможет). // Бог не Мокошь (языческое божество), чем-нибудь да потешит. // Бог не свой брат, не увернешься. // Бог не убог; у бога милости много. // Бог поберег вдоль и поперек. // Больше бога не будешь. // Велик бог милостию. // Богат бог милостию. // Бог пристанет (или: наставит) и пастыря приставит. // Бог тебя суди! // Бог тебе судья! // Бога ты не боишься! Бога бойся! // Богу молиться – вперед пригодится. // Богу молиться – не вовсе разориться (т.е.надо заняться и мирским). // Божеское не от человека, а человек от бога. // Божье забудешь, и своего

не получишь. // Божье тепло, божье и холодно. // Божьи невольники счастливы. // Вашими молитвами живем. // В делах человеческих сам бог послух (свидетель). // В мале бог, и в велике бог. // В небо приходящим отказу не бывает. // В тревогу – и мы к богу, а по тревоге – забыли о боге. // Всяк про себя, а господь про всех. // Не по грехам нашим господь милостив. // Дело не спорится – углам Помолиться. // Жив бог – жива душа моя. // Жить – богу служить. // Лихо думаешь – богу не молись. // Материнская молитва со дна морского вынимает. // Ничья молитва душу не утешит, и всяк своей рукою спину чешет. // Молись втайне, воздается въяве! // Молись иконе да будь в покое! // Молись, а злых дел берегись! // Молитва – полпути к богу. // Молитва места не ищет. // Мы с печалью, а бог с милостью. // На этом свете помучимся, на том порадуемся. // Не бойся никого, кроме (или: только) бога одного. //Не унывай, на бога уповай (или: а бога призывай). // Не хлебом живы, молитвою. // Ни отец до детей, как бог до людей. // Нужен путь бог правит. // Бог пути кажет. // Окрест боящихся бога ангел господень ополчается. // Перед богом все равны. // Перейти крест – грех на душу (т.е. Пройти впереди молящегося). // Пораньше просыпайся, да за бога хватайся! // С бога начинай и господом кончай! // С богом пойдешь – до блага дойдешь. // С богом хоть за море а без бога ни до порога. // С верой нигде не пропадешь. // Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы. // Сей, рассевай, да на небо взирай! // Страшен сон, да милостив бог. // У бога для праведных места много. // Удаляющиеся от бога погибают. // Хлеб ест, а креститься не умеет. // Хлеб-соль величай (т.е. молись после еды). // Человек так, а бог инак. // Человек так, да бог не так. // Человек по-своему, а бог по-своему. // Что народ увидит, то и бог услышит [5].

Пока гром не грянет мужик не перекрестится. // Заставь дурака Богу молиться он и лоб расшибет. // Бог любит троицу. // Где просто, там ангелов со сто. // На тебе, Боже, что нам не гоже. // Бог даст ребенка – даст и на ребенка [8].

Не смотри на себя – соблазнишься, не смотри на людей – усомнишься, смотри на

Христа – укрепишься. // На весь мир и сам Бог не угодит. // Добрый (нужный) путь Бог правит. // В небо приходящим отказу не бывает. // Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся! // Благословясь, не грех. // Что бы ни пришло, все молись! // Богу хвала, а вам (а добрым людям) честь и слава. // Вера животворит. // Бог дает путь, а дьявол крюк. Бог путь, а черт крюк. // Добро творить – себя веселить. // Бог даст денежку, а черт дырочку, и пойдет божья денежка в чертову дырочку. // Богу – пятак, а в кабак – четвертак. // На людей, что на Бога; а на себя, что на черта (надежа, говорится в сердцах). // Тяжело грехи носить. // Грешному путь вначале широк, да после тесен. // Беден бес, что у него Бога нет. // Грехи любезны доводят до бездны. // Грех сладок, человек падок. // Не стоит город без святого, селение без праведника. // Дома спасайся, а в церковь ходи. // Постись духом, а не брюхом! // Не нужны нам праведники, нужны угодники (т.е. нам угождающие). // Божьи невольники счастливы. // Мы с печалью, а Бог с милостью. // Жив Бог – жива душа моя. // Не торопись, сперва богу помолись! [6]

У попа товар – ад и рай, что хочешь, то и выбирай. // Поп и рай за деньги продавал. // И черт под старость в попы пошел. // Поп из тех чинов, что дрались из-за блинов. // Ряса просит мяса [2].

Աստված շուտ տեսնում է, ուշ բարկանում: // Հույսդ Աստծու վրա դիր: // Աստված մեծ է // Աստված ողորմած է: // Ամենքս էլ աստծու տակ ենք ապրում: // Ամենքն իր պատիժն Աստծուց կստանա: // Հավատքն իրմե պետք ա, վրա քսվածը հավատք չէ: // Անհավատ բանին մի հավատա: // Դատաստան կա գալու, պատասխան կա տալու:

Մեղքը սամուր քուրք ըլնի՝ վրադ մի՛ առնի: // Մարդը քուն, մեղքը զարթուն / Ես քուն, մեղքս արթուն: // Ես մեղավոր, դուն մեղավոր, արքայություն ո՞վ էրթա: // Մեղավորաց մեղքեն տանջի արդարն: // Ամեն մարդի մեղք իրանից կուզեն: // Աշխարհիքը մեղքեն ծանտր բան չկա: // Արդարն ու մեղավորը դատաստանին պելլի (հայտնի) կըլլա [4; 132]:

Էրթումը երկու բերնով թուր է, հեմ աստղին կտրե, հեմ անդին / Օխնանքն ու անիծքը էրկու բերանի թուր է, համ դեսն է կտրում,

համ դենը: // Էրթումը մեղք է, սուտ էրթումը կրակ: // Սար ու ձոր, տերտերի փոր: // Դու իմս գիտես, ես քումուն, տերտերն՝ մեր էրկուսուն: // Տերտերն առնելուն ղոչաղ (ճարպիկ) ա, տալուն նաչաղ (տկար): // Տեր էլավ տիրունն է, տեր չելավ՝ տերտերունն է: // Երբ իրիցկինը մեռնի, տերտեր էն պահ գինա որ մահ կա: // Կարգը օրհնած, ինքն անիծած: // Սատանին կու հավատան, տերտերին չեն հավատար: // Աստված արու էգ արար, վարդապետին ո՞վ արար [4; 302-304]:

Вторую группу составляют пословицы отражающие *веру человека в судьбу*, в предрешение, в Божью волю. Отметим, что и в русской и в армянской паремии Божья воля считается неоспоримой и неизменчивой. Долю (судьбу) человек не может изменить и совершиться то, на что есть Божья воля. Однако долю можно улучшить и собственными стараниями, не надеясь только на Божью милость.

Кабы не бог, кто бы нам помог? // Без бога и червяк сгложет. // Ну, умная голова, разбирай божьи дела! // Не скор Бог, да меток. // Суда Божьего околицей не объедешь. // Виноватого Бог найдет. // Бог отымет, бог и подаст. // Бог по силе и крест налагает. // Кто добро творит, тому Бог отплатит. // Он его бранит, а Бог его хранит. // Он Бога бранит, а Бог его хранит. // Бог видит, кто кого обидит. // Бог видит, кто куда идет. // Бог виноватого найдет. // Бог вымочит, бог и высушит. // Бог дал, бог и взял. // Бог даст, и в окошко подаст (т.е. далеко не ищи). // Божьей воли не переможешь. // Бог не даст – нигде не возьмешь. // Бог не захочет, и пузырь не вскочит. // Бог полюбит, так не погубит. // Бог свое строит. Ты свое, а бог свое. // Бог суди твои костыли (т.е. лукавство). // Бог попущает, и свинья гуся съедает. // Богу молись, а добра-ума держись! // Богу молись, а к берегу гребись! // Богу молись, а в делах не плошись! // Бог долго ждет, да больно бьет. // Бог его накажи! // Во времени подождать: у бога есть что подать. // Власть господня. //Воля божья. // Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом. // Не нашим умом, а божьим судом. // Все мы под богом ходим. // Все мы рабы божьи. // Все от бога. // Всяческая от творца. // Выше божьей воли не будешь (не станешь). // Господня воля – наша доля. // Господь богатит и вы-

сит, убожит и смиряет. // Грозную тучу бог пронесет. // Даст бог день, даст бог и пищу. // Друг обо друге, а бог обо всех (печется). // Друг по друге, а бог по всех. // Его бог благословил (детьми, богатством, досужеством, дородством и пр.). // Его сам бог пометил (или: запятнал, покарал). // Живем, поколе господь грехам нашим терпит. // За (На) кого бог, за (на) того и добрые люди. // За добро бог плательщик. Кто добро творит, того бог благословит. // Кабы бог послушал худого пастуха, так бы весь скот выдох. // Как бог попустит. // Как богу угодно. // Коли бог по нас, то никто на нас. // Коли богу угодно. // Коли бог велит. // Коли господь не построит дома, и человек не построит. // Коли господь не сохранит града, то всуе стража и ограда. // Кому на бою божья милость. // Кому на поле божья помощь. // От бога не уйдешь. // От божьей власти не уйдешь. // Отстанет бог, покинут и добрые люди. // Под богом ходишь – божью волю носишь. // Под богом ходишь, и власть его. // Святая воля его. //Сила господня в немощи (или: в немощах) совершается. //Сильна божья рука. // Божья рука – владыка. //Сколько ни мудри, а воли божьей не перемудришь. // Суди, господи, волю свою! // Тот не унывает, кто на бога уповает. // Ты к худшему, а бог к лучшему. // Чего бог не даст, того никто не возьмет. // Чего бог не нашлет, того человек не понесет. // Человек гадает, а бог совершает. // Человек ходит, бог водит. // Что богу угодно, то и пригодно. // Кто рано встает, тому Бог подает. // Кто любит бога, добра получит много. // Милостив бог, а я, по его милости, не убог. // На бога надейся, а сам не плошай! // На бога положишься, не обложишься. // На божье посягать – свое потерять. // На весь мир и сам бог не угодит. // На волю божью просьбы не подашь. // На человеческую глупость есть божья премудрость. // Нападай бог, нападут и добрые люди. // Не конь везет, бог несет. // Не по нашему хотенью, а по божью изволенью. // Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать. // Никто не может, так бог поможет. // Один воин тысячи водит, а бог и тысячи и воина водит. // И рано встал, да бог не пристал (о неудаче). // Бог лучше знает, что дать, чего не дать. // Бог люб – и в люди ведут. // Бог накажет, никто не укажет. // Бог не гуляет, а

добро перемеряет (говорится при перемене счастья). // Бог не даст, свинья не съест. // Коротка молитва "Отче наш", да спасает. // Который бог вымочит, тот и высушит. // Кто богу угоден, тот и людям приятен (или: пригоден). // Кто перекстясь работает, тому божья помощь [5].

Տախտես էրթամ, բախտես ուր պիտի էրթամ: // Էն թալեհն (բախտ) ունինք, որ վազող ջրին էրթանք կկտրի: // Ճակատի գրածը չի ջնջվի / Մորեն ծնվեցավ, գրվեցավ ճակտին / Թե ճակտին գրված ա, էլ ճար ու ճամփա չկա: // Գալուն՝ գուքա / Ըլլալուն՝ կըլլա: // Թե կգա աջալ (օրհաս) ՝ չի տալ մաջալ (հնարավորություն): // Ամեն մարդ իրա ղսմաթը (բաժին) կուտի: // Սուտն ու դուրթը աստուձ գիտե: // Աստծու պհած գառը գելը չի ուտի: // Աստված դարտ տվեր, դարման լե տվեր է: // «Աստված ողորմած է» ըսողը անոթի կմնա [4; 297-300]:

Третью группу составляют пословицы со значением <u>говорить *правду/ложь (обманывать)*</u>. Пословицы данной группы глубоко субъективны, что обусловлено их семантикой. В анализируемых языковых сознаниях одобряется правда и честность по отношению к людям и особенно по отношению к Богу, одновременно критикуется обман, ложь, нечестность, ведь все рано или поздно становиться известным. Однако любопытно, что особенно в армянских паремиях правда невсегда приветствуется. Инога лучше смолчать, чем сказать правду.

Без веры Господь не избавит, без правды Господь не исправит. // Бог любит праведника, а черт ябедника. // Душой кривить – черту служить. // И за молчанье гостинцы дают. // Кто правдой живет, добра наживет. // Врал в молодости, не поверят и в старости. // Бога не обманешь, хоть и пораньше нашего встанешь. // Не в силе бог, а в правде. // От людей утаишь, а от бога не утаишь. // Бог всякую неправду сыщет. //Ни он (бог) тебя, ни ты его не обманешь. // Перед попом утаишь, а перед богом не утаишь [5].

Անողը պրծնում ա, ասողը կրակն ընկնում: // Դուզ (ուղիղ) խոսողի գլուխը / գդակը ծակ ա: // Ճիշտ խոսողի ձին պիտի թամքած ըլնի: // Շիտակ ասողը տեր չունի: // Ղորդ զուրցողը տեղ չունենար:

// Ամեն բան դրուստ չի ասվի: // Ծուռ նստինք, շիտակ խոսինք: // Շիտակ մարդը ծուռ բան չսիրեր, ծուռին ալ շիտակ չսեր: // Դյուզին պատիժ չկա: // Հազար սուտ մեկ ղորդ չարժե: [4;8]// Սուտ ասողի տունը կրակ ընկավ, չհավատացին: // Սուտ խոսողի վաստակն էն է, որ ղորթ (ճշմարիտ) էլ ասի՝ չեն հավատա: // Սուտին ճրագը մինչև կես գիշեր վառի կու: // Սուտ ասողի երեսն ի սև, հոգին ի դև: // Սուտ խոսողի լեզուն կարճ կլի: // Սուտը սուտ ասողի տունն ա քանդում: // Յալանչի (խաբեբա), դիլանչի (բամբասող), թալանչի(կողոպտիչ): // Ստին ունկ չունի: // Սուտը տեղ չունի: // Սուտը ճամբա չունի: // Ստի ոտները կարճ են: // Ստի մանկզիլը (տարածություն) կարճ կլի: // Սուտը կնտնավորի, համա առաջ չի գնա: //Սուտը սատանին կվայելե / Սուտը սատանինն է / Սուտը սատանան է / Սուտը սատանի փեշակ է / Սուտը սատանային վերկի (տուրք) է: // Ստի տոպրակի բերան բաց է: // Ղորթը ստի ակնկալն (թոնրի ակը փակելու շոր) ա: // Ստի տակը փութ (փտած) ա: // Լեզվի տակ ոսկոր չկա [4; 40-41]:

Четвертую группу составляют пословицы имеющие значение *доверия (доверчивость), неверности (предательство) и фальшивости (двуличие)*. В анализируемых паремиологических фондах превалируют пословицы о доверии в меру. Сверх доверчивость воспринимается как глупость, предательство и фальшивость резко критикуются, в некоторых случаях выражается уверенность в предстоящем наказании. Важным сходством русских и армянаких пословиц этой группы является уверенность в сохранени человеком присущих ему отрицательных черт.

Доверие и жизнь теряют только раз. // Не всякому верь, запирай крепче дверь! // Не верь тишине морской. Тихо море, поколе на берегу стоишь. // Не верь брату родному – верь своему глазу кривому. // Доверяй, но проверяй! // Потерял – не сказывай, нашел – не показывай! // Не покупай поросенка в мешке. // Не всякую думу на людях думать. // Кушанье познается по вкусу, а святость по искусу. // Черт не возьмет его, а Богу не надо. // Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит. // Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились. // Змеей извивается. // Кабы на

твою хитрость да не моя простота. // Лисица хитра, да шкуру ее купцам продают. // И Богу, и черту заодно угодить хочет. // Ни Богу свечка, ни черту кочерга.[5]

Սառած օձը առաջ տաքացնողին կխածե: // Ուտող – ուրացող: // Հավի պես կուտե, կտուցը գետնին կքսե: // Նստեմ գոքիդ, առնիմ հոգիդ: // Հացը ծնկանը, աչքը կնկանը: // Աղն ու հացը ծունկին վրա է: // Աղբյուրը որ մուռտառես, ջուրը ո՞րտեղից պիտի խմես:[4; 28-29] // Ով որ ասե՝ մատս խիար է, աղը կառնի, կվազի: // Ամեն բարև տվողը իրեն բարեկամ կկարծե: // Բերանը կուտմ աղ դիր՝ խաբե:[4; 43] // Փորձված թանն անփորձ մածունից լավ է: (Лучше проверенный черт, чем непроверенный ангел.) // Գառները գելին(գայլին) պահ չեն տա, կաղամբն՝ այծին:(Не верь козлу в капусте.[1]) // Ուրիշի պարանով փոսը մի իջիր:(Не спускайся в яму по чужой веревке.[7]) // Շան հետ ընկերացիր, բայց փայտը ձեռքիցդ վայր մի գցիր: // Ամեն մի (ամենքի) խոսքի (ասածի) չեն հավատա: // Խոսացողին մարդ գիտենք, հաչացողին՝ շուն: (Груб. простореч.) // Ջու գողացողը ձի էլ կգողանա: // Երեսանց հայելի, տակևանց ածելի: // Էրեսեն վլի-վլի, ետևեն սուր ածելի: // Տանը՝ հայելի, դուսը՝ ածելի: // Էրկու երես, մեկ դերես: // Երսանան քահանա, տակնահան սատանա: // Ներսը սուրբ, դուրսը սատանա: // Ներսեն խնամի, դրսեն թշնամի: // Գիշերը գողություն ա անում, ցերեկը «տեր ողորմյա» ասում: // Գիշերը մարդ կմորթե, ցերեկը ճամբա կհարդե: // Մեկ ձեռոք խաչ կհանե, մեկալով գողություն կնե: // Վրեդ գառան մորթի էս առել, տակից գազան ես: // Դանկով կզանեն, բամպկով կկալնեն: // Գելի հետ գառն ա ուտում, տիրոջ հետ վա՛յլուկ անում: // Մարդի ալեն (խայտաբղետ) ներսն ա տավարինը՝ դրսնը: // Սուտ ճգնավոր՝ դառել, վանքի հավերը կուտե: // Շան կաղալուն մի հավատա: // Շան կաղալը մինչև գիլու / աղվեսի տեսնալն է: // Շատ անուշ է տակը փուշ է: // Մորուքը եպիսկոպոսի, սիրտը Հուլիանոսի: // Կակուղ / անուշ լեզվով օձը բունեն կհանե: // Լեզուն մեղր, սիրտը լեղի / Լեզուն արդար, սիրտը չար:[4; 29-31]

И в отдельную – пятую группу объединчются пословицы и поговорки выявляющие *несоответствия внешнего вида и внутреннего содержания*. Пословицы этого разряда еще раз предостерегают от

обманчивого впечатления. В русских и в армянских пословицах и поговорках осуждается и приравнивается к обману такого рода притворство.

Согрешили попы за наши грехи. // Волк в овечьей шубе. // Грех под лавку, а сам на лавку.[5] // Говорит прямо, а делает криво. // Горько плачет, а вприсядку пляшет. // Душа кривая, все принимает. // Железный кулак в бархатной перчатке. // За пазухой плеть, а на устах молитва. // Много кающих(ся), да мало воротящих(ся). // Черное от стирки не белеет. // Черную душу и мылом не отмоешь. // И Богу молится, и с чертями водится. // И взлает, и хвостиком повиляет. // И из петли выдернется. // И на елку бы лез, и ног бы не драл. // И рыбы наловит, и ног не замочит. // Исподтишка собака скорее укусит. [5]

Գդակը մեծ, ակը դատարկ: // Անունը կա, ամանումը չկա: // Թուփն աղեկ, պտուղ չկա: // Ավեր քաղաքին, շեն անուն: // Սև սիրտ, սպիտակ ատամ: // Դրսից պսպղա շորս, սովից դռդռա փորս: // Բոյին եմ մտիկ անմ՝ խելքս ա գնմ, խելքին եմ մտիկ անմ՝ զահլես ա գնմ: // Էշն էլի է՛ն էշն ա, փալանն ա փոխած: // Ամեն կլոր խնձոր չի / Ամեն պսպղացող ոսկի չի / Ամեն սև հագնող տերտեր չէ: // Ներսը ինձ է վառում, դուրսը՝ ուրիշին: // Օձի սնն էլ անիծվի, սպիտակն էլ: // Տյուսը հյուրուֆարի (հուրի փերի) նեսկուսը (ներսը) փթած գյարի: // Կաթուղիկեն մենձ, զորությունը փոքր:[4; 70-72]

Данная концептуальная пара отражает семантику внутреннего мира человека и соотносится с его морально-нравственным миром, определяет модели поведения и ментальное отношение к окружению, исходя из собственного субективного отношения и собственной субективной оценки явлениям и фактам. По Талаповой содержание концепта определяется психофизиологической и социальной организацией человека. А наличие общих компонентов в признаках свидетельствует об общности смысловых зон, что отражает сложность структуры концепта, размытость границ. По своему содержанию и характеру концептуальной информации исследуемый концепт является комплексной, целостной функциональной мысли-

тельной структурой, упорядочивающей многообразие отдельных признаков в сознании человека.[10] С данной позицией мы полностью согласны, отметим также, что сказанное полностью подтверждается анализом паремиологического материала,причем как для русского, так и для армянского языкового сознания.

Литература:

1. Армянский фольклор | *Армянские пословицы* | *Пословицы о вере*. // Режим доступа: http: *folkarm.ru/text* /*свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус*
2. Атеистический сайт Белорусии Русские пословицы и поговорки о вере.// Режим доступа: http: a-theism.com //*свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус*
3. Балашов Д. *Верующий* – ГРАМОТА.РУ // Режим доступа: http: *gramota.ru/slovari/dic* // свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус
4. Ганаланян А.Т. Армянские пословицы, Ереван 1960 (на армянском языке).
5. Даль В.И. Русские *пословицы о вере*. // Режим доступа: http: *rozamira.org /lib/| свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус*
6. Евтушенко Е. Избранное // Режим доступа: http:rupoem.ru/evtushenko/all.aspx / /свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус
7. Пословицы народов мира Пословицы и поговорки про грех и веру. Доверие/ Вера. // Режим доступа: http:foxdesign.ru //свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус
8. Пословицы и поговорки о Боге и вере // Режим доступа:http: 12mesyatcev.ru/narodnye-poslovicy-i...i-bog-vera //свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус
9. Руднев В. Словарь культуры XX века. // Режим доступа: http: lib.ru/ CULTURE /RUDNEW /slowar.txt//*свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус*
10. Талапова Т.А. Концепт "Вера/Неверие" в русской языковой картине мира. // Режим доступа: http: *dissercat.com*/ /свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.

«Հավատ / անհավատ(ություն)» հասկացույթը ռուս և հայ լեզվական նկարագրերում

Հեղինե Սահակյան
Մանկավարժության մագիստրոս, դասախոս
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Ամփոփում

Ազգային հասկացութաոլորտը դիտարկվում է որպես այս կամ այն ազգի ներկայացուցիչների համար ընդհանուր հասկացույթների ամբողջություն: Հասկացութայնության յուրահատկությունների բացահայտումը պակաս կարևոր չէ ազգի լեզվի և մշակույթի ուսումնասիրման համար:

Հավատ/անհավատ(ություն) հասկացույթի ուսումնասիրությունն իրականացվում է լեզվական նկարագրի ընդդիմադիր մոդելի սահմաններում (հավատին հակադրվում է անհավատությունը):

Ասույթներն ու ասացվածքները արտացոլում են մարդկային էության երկակիությունը: Վերլուծվող լեզուներում (հայերեն, ռուսերեն) հասկացույթը դրսևորում է հակադիր իմաստային նշանակությունների բարդ միահյուսում, ինչից ելնելով մենք ասույթներն ու ասացվածքները խմբավորել ենք հետևյալ կերպ.

1)հավատ/անհավատ(ություն) (առ Աստված և հանդերձյալ կյանք); 2)հավատ ճակատագրի, նախասահմանության, Աստծո կամքի հանդեպ; 3)ճիշտ/սուտ(խաբել) խոսել; 4)վստահություն (դյուրահավատություն), անհավատարմություն (դավաճանություն), կեղծավորություն (երկերեսանիություն); 5)Արտաքին տեսքի և ներքին բովանդակության անհամապատասխանելիություն:

«Faith / infidels» consept in Russian and Armenian linguistic descriptions

Heghine Sahakyan
Master of of Pedagogy, Lecturer
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

National conseptosphera is the whole for representatives this or that nation. The detection of conseptualiti specificity is not less important for national language and culture researching.

The consept researching realized by the oppositional model of linguistic description(faith is opposed to infidels).

Sayings and proverbs reflects duality of human nature. In the analyzed languages (Russian, Armenian) consept displayed a complex splice the opposed semantic meanings.

We grouped sayings and proverbs in the following way: 1) Faith / infidels (to God and futurity); 2) Faith / infidels in fate, prejudges, God's will. 3) to speak true / false (cozen); 4) confidence (credulity), disloyalty (adultery), insincerity (ambidexterity); 5) the mismatch of appearance and internal content.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФИЗМОВ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ирина Третьякова
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Ключевые слова: *анималистические образы, зооморфизм, волк, медведь, фразеологические единицы, языковая картина мира*

«Язык есть собственность нераздельная целого народа. … Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём», – так размышлял о языке известный русский лингвист И.И.Срезневский [1, 19]. Именно в языке отражаются исторически сложившиеся в обыденном сознании народа представления о мире, об организации жизни, о системе ценностей. Глубинное изучение языка – его лексикона, структуры, речевого поведения носителей языка – позволяет описать самобытность мышления и психики этноса, своеобразие его национальной культуры. Каждый представитель этноса как носитель языка является и носителем культуры. Поэтому «языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры» [2, 63].

Ярким репрезентантом языковой картины мира, национально-культурного опыта того или иного этноса является фразеология национального языка. Именно во фразеологизмах запечатлена народная мудрость, выражаются ценностные ориентиры этноса.

В рамках данного исследования рассмотрены фразеологические единицы (далее ФЕ, фраземы), в состав которых входят компоненты-зоонимы, именующие животных, определяемых как культурные феномены русского этноса, – это, в первую очередь, *медведь* и *волк.*

Медведь и волк – одни из самых распространённых диких зверей, обитающих в обширной лесной зоне России. Издавна их жизнь была тесно связана с жизнью людей. Именно эти звери являлись

объектом охоты человека. Русские люди наблюдали за особенностями существования этих диких животных, за их повадками, поведением. Дикие звери невольно вписывались в круг жизни людей, становились неотъемлемой частью их мира. Образы медведя и волка вошли в русский фольклор, превратились в культурные феномены русского этноса. Также лексемы *медведь* и *волк* вошли в состав фразеологизмов, став значимыми элементами образной основы устойчивых единиц языка.

Медведь относится к числу русских мифологических образов. В прошлом – это тотемный зверь многих восточнославянских племен, которые занимались охотничьим промыслом. Образ медведя является одним из главных фольклорных образов; медведь часто становится героем русских сказок и басен. В фольклорных произведениях медведь представляется как большой, неповоротливый, медлительный зверь, своей неловкостью разрушающий предметы, обстановку (сказка «Теремок») – в этом случае подчёркиваются внешние качества животного. В сказках и баснях проявляются и его внутренние качества: медведь может быть жадным, глуповатым, часто становится жертвой обмана (см. сказки «Вершки и корешки», «Маша и медведь», «Кот Котофеевич»). Тем не менее, несмотря на отрицательную оценку, медведь не воспринимается как агрессивное либо страшное животное, его отрицательные черты вполне «безобидны», и отношение к этому сказочному персонажу скорее насмешливое, ироничное, иногда – сострадательное, нежели негодующее, презрительное. Также следует заметить, что медведь – единственный из анималистических персонажей русских сказок, имеющий полное человеческое имя – Михаил Иванович (Потапович) Топтыгин, а также прозвище Косолапый, связанное – опять же – со своеобразной походкой медведя.

Медведь выступает как типичный представитель фауны России, встречающийся почти повсеместно и хорошо знакомый представителям как русского этноса, так и других этносов полиэтнического государства. Русские отличают в медведе следующие черты: это крупный зверь, обладающий большой силой, неуклюжий, неповоротливый. В представлении русских медведь ленив (всю зиму

проводит в спячке в своей берлоге, при этом сосет лапу), незлоблив (никогда не нападает первым), однако умеет постоять за себя: рассерженный медведь способен разрушить все преграды и одолеть любого противника. Такие особенности животного импонируют русским людям, они видят в медведе анималистический образ, воплощающий в себе ряд национальных черт русских людей. Очевидно, поэтому медведь часто воспринимается как символ России [3, 120].

Слово *медведь* употребляется в речи как зооморфная метафора – для характеристики человека. При этом обращает на себя внимание актуализация внешних черт, присущих животному и человеку. *Медведем* называют человека крупного, сильного, но неуклюжего («–Ты что, не можешь по нормальному пройти? Стул опять уронил, стол сдвинул, лампа упала. Ну *медведь*!» (разг.); человека грубого, малокультурного, неделикатного, не умеющего вести себя в обществе («– Я не желаю разговаривать с нахалами! … Вы грубый *медведь*!» (Чехов. Медведь).

Лексема *медведь* (и её производные) входит в состав нескольких фразеологических единиц в качестве компонента: *медведь на ухо наступил, медвежий угол, медвежья услуга, делить шкуру неубитого медведя*.

Фразеологизм *медведь на ухо наступил* употребляется для характеристики человека, не имеющего слуха, музыкальных способностей, фальшивящего при пении. «Андрей Андреевич неплохо исполняет «Марсельезу», «Интернационал». Петь любит, но слуху нет: Нина Николаевна над ним смеётся: – Вам *медведь на ухо наступил*» (В. Шишков. Угрюм-река). Фразеологический образ соотносится с зооморфным и телесным кодами культуры [4, 375]. Медведь воспринимается как существо большое, тяжёлое, грузом собственного тела невольно производящее необратимые разрушения; уничтожая человеческий орган слуха – ухо, медведь лишает человека способности слышать, в частности, звуки, улавливать тональность, ритм и др. и правильно воспроизводить мелодию. Вновь обращает на себя внимание тот факт, что в компоненте-зооними актуализированы, в первую очередь, внешние признаки животного. Медведь в образной основе

данной ФЕ выступает как стереотипный образ существа, имеющего большой вес, способного своим большим телом невольно уничтожить что-либо более мелкое.

Известно, что фразеологические единицы употребляются в речи не только в узуальном, но и в трансформированном виде. Фразеологизм *медведь на ухо* наступил относится к группе устойчивых знаков, способных подвергнуться окказиональным преобразованиям. Основной способ трансформации данной ФЕ – замена компонента *медведь* окказиональными компонентами-заместителями – также зооморфизмами, содержащими в своём языковом значении семы ‘большой’, ‘грузный’, ‘тяжёлый’: *бегемот*, *мамонт, слон*. «Весело подпеваем, а кому *бегемот наступил на ухо*, подтанцовываем» (operate.ucoz.ru); «Потом мать вышла замуж за писателя Рыкачёва, которому не то что медведь – *мамонт на ухо наступил*» (Ю Нагибин. Певучая душа России. «Звезда» 1981, №13). «Кому *слон на ухо наступил* – счастливые люди (в плане восприятия любых звуков). Не надо скрежетать зубами при диссонансе и не только» (neizvestniy-geniy.ru/forum).

Фразеологическая единица *медвежья услуга* содержит производный компонент *медвежья*; во фразеологическом образе находит отражение зооморфная метафора: действия и поступки человека уподобляются действиям и поступкам, соответствующим типичному (стереотипному) образу животного. *Медвежьей* называют *услугу*, помощь ‘неумелую, неуместную, способную навредить, приносящую неприятности человеку, которому она оказывается’. «Началось с того, что наш депутат решил благоустроить двор. … Сняли первый слой асфальта, появились горы асфальтированной крошки. … Квартал заканчивается, а ничего не сделано. … Надоело прыгать через ямы. Вот уж поистине *медвежью услугу* оказали нам муниципалы («Ведомости» 2001, №23). Неуклюжесть, неделикатность медведя приводят к плачевным последствиям, к разрушению не только физических объектов, но и человеческих взаимоотношений, намеченных планов: «В Кировской и Курганской областях социологи прочили победу губернаторам, которые не сумели пройти во вто-

рой тур! Надо ли говорить, какую *медвежью услугу* оказывали такие социологи губернаторам, расслабляя их в тот самый момент, когда им надо было напрягать последние силы» («Московский комсомолец» 2009, №6). Компонент *медвежий* в данном фразеологизме является ключевым в семантическом плане, то есть несёт основную смысловую нагрузку. Этот компонент не подлежит окказиональным трансформациям, фразеологизм функционирует в речи в узуальном виде, так как замена компонента приведёт к дефразеологизации сочетания слов (‘неумелая услуга’, ‘неуместная услуга’, ‘вредная услуга’).

Во фразеологизме *медвежий угол* – ‘глухое, труднодоступное место’ – содержится адъективный компонент *медвежий*, репрезентирующий в значении ФЕ семы ‘глухое’, ‘труднодоступное’. «В нынешнем году вступает в строй федеральная дорога на Пермь. И уже сейчас местные предприниматели вплотную занялись организацией автосервиса, платных стоянок. Район перестаёт быть «*медвежьим углом*»» («Вятский край» 2011, №22). Как известно, медведь живёт вдалеке от жилища человека; именно качество места проживания медведя явилось актуальным для формирования значения данной ФЕ. Компонент *медвежий* в данном фразеологизме определяется как семантически ключевой, фразема функционирует в речи в узуальном виде, так как замена компонента приведёт к дефразеологизации сочетания слов (‘глухой угол’, ‘труднодоступный угол’).

Фразеологизм *делить шкуру неубитого медведя* не относится к собственно русским, первоисточником ФЕ является басня Ж. Лафонтена «Медведь и два товарища». Однако далеко не все носители русского языка, употребляя фразеологизм в речи, знают о его литературном источнике. Тем не менее, прозрачность образа и мотивированность значения фразеологизма обусловливают относительную частотность и широту употребления ФЕ.

Фразеологическая единица *делить шкуру неубитого медведя* имеет значение ‘преждевременно планировать успех, положительно оценивать результаты, распределять прибыль от ещё неосуществлённого предприятия, какого-либо трудно выполнимого или не-

выполнимого дела'. Образ медведя не проявляет в этом случае каких-либо ярких стереотипных внутренних или внешних качеств, присущих этому животному. Компонентом образной основы становится не сам медведь, а шкура медведя, которая представляется как нечто ценное, как то, что может принести выгоду, дивиденды, успех. Такая слабая связь образа медведя с семантикой ФЕ обусловливает, наряду с использованием фразеологической единицы в узуальной форме, широкое использование в речи трансформированных вариантов ФЕ. Значительная часть употреблений представляет собой окказиональные варианты языкового фразеологизма, в которых произошла замена компонента *медведь*.

Окказиональные компоненты-заместители образуют несколько тематических групп.

1. Компонент *медведь* заменяется словами тематической группы «Животные». Так, в целях конкретизации значения ФЕ в текстах функционируют фразеологические компоненты *шкура бобра, шкура собаки, шкура жирафа, шкура мамонта*. «В деревне Клинцовка Саратовской области *делят шкуры неубитых бобров*. … Ликвидация бобров стала делом государственной важности: животные буквально изрешетили защитную дамбу. Местный скорняк Виктор Ильич заготовки для шапок достаёт. Он, пожалуй, ждёт поимки бобров больше, чем кто-либо… Но, судя по всему, ему ещё долго придётся строчить обычные рукавицы: ни один из известных способов, будь то капканы или ружья, пока не сработал. (TV 1 канал, «Новости» 20.03.13); «Депутаты *делят шкуры неубитых собак*. В Хабаровской городской думе до сих пор не могут решить, кто же будет заниматься отловом бродячих собак» (Hab.kr/ru/daily/25640/); реплика об охотниках на жирафов в саванне: «*Делят шкуру неубитого жирафа*» (x-top.orj\prikol/11482); о выборах президента в Беларуси: «Вашингтон, Варшава и Берлин *делят шкуру неубитого зубра*» (блог Алеся Волынского. 27.07.14. emigrant-ussr.ru/blog/vashington/). Языковой компонент *медведя* может находиться с окказиональным компонентом в отношениях гиперо-гипонимических: «В очередной [футбольной] игре французам нужно сконцентрироваться на ней-

трализации Коноплянки и Ярмоленко. Украинцы обладают боевым духом и сыгранной линией атаки. Поэтому французам не стоит пока *делить шкуру неубитого зверя*» (News.meta.ua).

2. Компонент *медведь* заменяется словами тематической группы «Человек». Целая серия иллюстраций таких замен представлена на сайте News.meta.ua: «Кличко, Тягнибок и Яценюк *делят шкуру неубитого Азарова*»; Томенко отказывается *делить шкуру неубитой Тимошенко*»; «*Битва за шкуру неубитого премьера*»; «Соратники *делят трон неубитого Бен-Ладена*». В ряд замен входят существительные, обозначающие совокупность людей, называющие людей по профессии, роду занятий и др.: «Ярошевский попозировал на фоне *«шкуры неубитого застройщика»*; «В Партии регионов *делят шкуру неубитой коалиции*»; «Турчинов надеется, что Кличко в состоянии прочитать Соглашение о *разделе шкур неубитого парламента*».

3. Компонент *медвежий* заменяется словами тематических групп, называющих различные предметы, географические объекты, абстрактные понятия и др.: «В штабе второго Майдана депутаты и их помощники активно *делят шкуру неубитого народного признания*»; «Представители партии «Батьківщина» *делят шкуру неубитых выборов*»; «Как *поделить шкуру неубитого евро*?» (News.meta.ua); о дележе рынка авиаперелётов в Челябинске: «Экспансия «Сибири» на Южный Урал. Авиакомпании *делят шкуру неубитого «Энкора»*. (News.74mail.ru. 26.05.04.); И на фоне всего этого кто-то ещё *делит шкуру неубитой Украины*» (rusistka.livejounal.com/646476); о борьбе доменов в Интернете: «Для чего *делят шкуру неделегированного домена*?» (internet.UA/com 2.12.09).

Фразеологизмы с компонентом *медведь* (*медвежий*) активно функционируют в речи, актуализируя элементы значения и фразеологического образа, связанные со стереотипными представлениями носителей языка о поведении, внешнем виде медведя, условиях его обитания.

Волк так же, как и медведь, относится к группе типичных русских мифологических образов, однако в представлении русского человека волк своими чертами существенно отличается от других

представителей биологического мира, близких русскому этносу. На первый план в образе волка выходят внутренние качества, тогда как внешние черты, поведение остаются малозначимыми.

В русских народных бытовых сказках, в сказках о животных, в баснях волк предстаёт глупым, жадным, голодным, он часто становится жертвой обмана (сказка «Волк и лиса», «Кот Котофеевич»). Из внешних черт подчёркивается окрас шерсти – серый волк, однако какой-либо особой значимости этот внешний признак не получает.

В представлении русских волк – это, в первую очередь, хищник, умный, жестокий и беспощадный, признающий только силу. Это враг, агрессор, способный напасть на другое животное, на человека и умертвить его. Волк вызывает в человеке страх, поэтому в большинстве своём образ этого зверя сопряжён с негативной оценкой. Вместе с тем образ волка неоднозначен: он может связываться с представлением о независимости и свободе.

Слово *волк*, также как и слово *медведь*, употребляется в речи как зооморфная метафора – для характеристики человека. Главное внимание уделяется внутреннему сходству человека и животного, проявлениям в человеке звериной сути. Волком называют человека злого, жестокого, кровожадного: «Чеченские дети видели более страшных волков, чем четвероногие. Они видели двуногих волков, живущих по волчьим законам» (НТВ, «Сегодня», 2008).

Лексема *волк* (и её производные) употребляется в качестве компонента ряда ФЕ: *волк в овечьей шкуре*, *смотреть волком, волчьи законы, старый волк, морской волк, одинокий волк, голоден как волк, волком выть*. В семантике и образах устойчивых единиц, характеризующих в основном человека, ярко проявляются черты стереотипного образа волка.

ФЕ *волк в овечьей шкуре* имеет значение ‘жестокий, свирепый человек, притворяющийся кротким, безобидным’. Фразеологизм восходит к евангельскому тексту о лжепророках; в образе волка находят отражение древнейшие мифологические представления об оборотничестве [3, 133]. В составе фразеологизма имеется также компонент *овца*, и вся ФЕ построена на противопоставлении, анта-

гонизме двух образов. При этом волк выступает как символ хищности, жестокости и агрессивности, а овца – как символ кротости и смирения. Данный фразеологизм в речи широко подвергается окказиональным преобразованиям, однако трансформации затрагивают в основном синтаксическую структуру оборота: происходит расширение компонентного состава, замена глагольного компонента *натягивать*, субстантивного компонента *шкура*, синтаксические модификации ФЕ; может быть существенно изменён смысл фраземы (при ролевой инверсии), но два компонента-антагониста неизменно присутствуют в окказиональных вариантах и окказиональных фразеологизмах. См. ряд трансформов – иллюстраций активного преобразовательного потенциала оборота с компонентами *волк – овца* и их производными; *волк под овчиной; надев овцы наряд, волки рыскают; обрядить волка в овечью шкуру; овечью шкуру на свою волчью шерсть не напяливать; выволочь волков из овечьей шкуры; под овечьей шкурой спрятаны волчья шерсть и волчьи зубы; волчий хвост вылезает из-под овечьей шерсти; овца, натягивающая на себя шкуру волка* [5, 120]. Широкое употребление фразеологизма *волк в овечьей шкуре* в узуальной и окказиональной формах в разных стилях и коммуникативных ситуациях свидетельствует о распространённости в обществе явлений, ситуаций с участием людей, которые могут быть охарактеризованы фразеологизмом с ключевыми словами – зооморфными метафорами *волк* и *овца*.

Во ФЕ *смотреть волком* (‘глядеть на кого-либо со злобой, агрессией’) также мотивирующим признаком значения становятся внутренние качества волка. Компонент *волком* репрезентирует качества, характеризующие стереотипный образ волка как зверя злобного, агрессивного. «Гляжу на него – человек вроде как человек. Фуражка красивая, бритый, одеколоном от него пахнет, а сам на меня *волком смотрит*» (В. Астафьев. Дикий лук).

Те же самые типичные черты волка как стереотипного образа – злоба, агрессия – стали мотивирующей основой при образовании ФЕ *волчьи законы*. Семантика фразеологизма – ‘нормы поведения, основанные на праве сильного совершать то, что ему вздумается, не

считаясь ни с чем, кроме своих желаний' – связана с восприятием волка как существа сильного не только физически, но и внутренне: волк – зверь агрессивный, нападающий, побеждающий и устанавливающий свои жесткие, жестокие правила существования: «– Я же с младенчества в детдоме. Там всё просто: не украдёшь – с голоду сдохнешь, потому что твою собственную пайку уже давно кто-то другой украл. Там, мамуля, *законы* были *волчьи* (А. Маринина. Имя потерпевшего – никто).

Во фразеологизмах *смотреть волк*ом и *волчьи законы* компоненты *волком* и *волчьи* являются ключевыми в смысловом плане, а потому при окказиональной трансформации фразеологизмов в речи фактически не подвергаются замене во избежание дефразеологизации.

Волк вызывает в человеке, помимо страха, уважение к внутренней силе – стойкости, воле. Представления о волке как зверевоителе, переживающем в схватках много трудных моментов и выходящем победителем, обусловили появление в русском языке фразеологизмов *травленый волк* ('человек, перенёсший всяческие трудности, невзгоды; обладающий большим жизненным опытом; искушённый в жизненных испытаниях'), *старый волк* ('человек, обладающий большим жизненным опытом'), *морской волк* ('опытный, бывалый моряк'). Данные фразеологизмы, имея одинаковые семы в значениях, являются синонимами и в процессах речевой реализации часто функционируют в трансформированном виде, объединяя посредством контаминации-расширения свой компонентный состав: *старый травленый волк, старый морской волк, травленый морской волк*. В состав языковых фразеологизмов часто включаются окказиональные компоненты, конкретизирующие фразеологизм относительно коммуникативной ситуации, контекста: *старый торговый волк, старый театральный волк, старый редакционный травленый волк, старые автомобильные волки* и под. [5, 122]. Такое расширение компонентного состава не меняет значения фразеологизма, лишь уточняя характеризуемого человека относительно рода занятий, профессии, в которой человек проявил свои положительные качества. Следует отметить, что в анализируемых фразеологизмах

ключевыми являются оба компонента – и субстантивный, и адъективный. Каждый компонент репрезентирует значимые в семантике фразеологизмов семы. Так, в компоненте *волк* имплицитно проявляются семы, репрезентирующие качества волка, – силу, бесстрашие, способность противостоять трудностям. Значимость компонента *волк* проявляется при окказиональной трансформации фразеологизмов посредством замены этого компонента. Окказиональный компонент-заместитель должен содержать семы, называющие свойства (человека или животного), сходные с качествами волка. Так, компоненты-заместители могут входить в тематическую группу «Человек [какой-либо] профессии», причём профессии должны быть связаны с определёнными трудностями, возможным риском для жизни: политик, моряк, военный: «Я *старый политик*, и не нужно учить меня прописным истинам» (novpol.ru). Возможна замена компонента *волк* окказиональным компонентом *человек* (гиперо-гипонимические отношения слов), однако в этом компоненте не проявляется необходимых для актуализации фразеологического значения сем, поэтому контекстное окружение фразеологизма должно актуализировать семы ‘опытный’, ‘много переживший’: «Знаешь, я *человек травленый*. И смерть видел, и побегать по жизни пришлось, и деньги были, и в тюрьму чуть не загремел. Всякого повидал. Тебе такой жизни не пожелаю» (Т/ф «Менты»-2). При замене компонента *волк* окказиональным компонентом-зоонимом в последнем также должны быть актуализированы характеристики, сходные с чертами, отмечаемыми носителями языка у волка, – умением, пусть разными способами, преодолевать трудности. «Это был *старый, травленый лис*, попортивший не одно поколение кур и переживший не одну облаву охотников» (lila-krik.livejiornal.com). Следует заметить, что окказиональные замены компонента *волк* нечастотны, и препятствием к этому виду трансформаций является именно ключевая роль компонента в образовании семантики и образа фразеологизма.

Фразеологические единицы *хоть волком вой* (‘тосковать, испытывать чувство безысходности’) и *голоден как волк* (‘испытывать большое чувство голода’) основываются на представлении о поведе-

нии и состоянии волка как анималистического образа. Вой волка вызывает в человеке беспокойство, страх, тоску; в представлении человека голодный волк поглощает большое количество убитой добычи, голодный человек способен съесть много пищи, не разбираясь в её качестве. При этом оба фразеологизма содержат в коннотации отрицательную оценку, обусловленную негативной реакцией человека на поведение волка.

Медведь и волк – как типичные анималистические образы – являются неотъемлемой частью языковой картины мира русского этноса. Изучение особенностей семантики и функционирования подобных слов в русском, равно как и в других языках, несомненно, обусловливает глубокое понимание национально-культурной специфики различных этносов, способствует установлению прочных межкультурных связей между народами.

Литература:

1. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – М., 1959.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
3. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2004.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
5. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.

Կենդանակերպությունների մշակութային և ազգային առանձնահատկությունները ռուսերենի դարձվածքաբանությունում

Իրինա Տրետյակովա
բ.գ. դ., պրոֆեսոր
Կոստրոմայի Ն. Նեկրասովի անվան պետական համալսարան

Ամփոփում

Արջը և գայլը՝ որպես տիպիկ կենդանական պատկերներ, կազմում են ռուս ժողովրդի լեզվական աշխարհընկալման անբաժանելի մասը: Նման բառերի իմաստաբանական և գործառույթային առանձնահատկությունների ուսումնասիրությունը ռուսերենում, ինչպես նաև այլ լեզուներում, ակնհայտորեն պայմանավորում է տարբեր էթնոսների մշակութային և ազգային յուրահատկությունների խորը ըմբռնում և ստեղծում է ժողովուրդների միջև ամուր միջմշակութային կապեր:

National and cultural peculiarities zoomorphism in Russian Phraseology

Irina Tretyakova
Doctor of Philology, Associate Professor
Kostroma State University named after N. Nekrasov

Summary

The article reveals peculiarities of semantics and functioning of Russian phraseological units with zoonym-components that are defined as cultural phenomena of the Russian ethnos. Phraseological semantics is determined by internal and external features of stereotyped anomalistic images, which is demonstrated with the zoonyms *bear* and *wolf.*

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ԼԵԶՎԻ ԵՎ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԴԱՍԱՎԱՆԴՈՒՄ

TEACHING LANGUAGE AND LITERATURE

ТРУДНОСТИ В УСВОЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ УЧАЩИХСЯ АРМЯНСКИХ ШКОЛ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ЕГЭ 2013, 2014 ГГ.).

Жанна Анастасян
Арцахский государственный университет

Ключевые слова: *ЕГЭ, банк тестовых заданий, фразеологические сочетания, архаизмы, активный и пассивный словарный запас, трудности в усвоении, этимологический материал, выпускник-абитуриент*

В последние годы Единый государственный экзамен продолжает оставаться наиболее обсуждаемой и спорной темой, при том что на сегодняшний день только он, как считают, является главным критерием и формой контроля полученных в школе знаний при поступлении в вуз.

Думается, основная цель Банка тестовых заданий 2013-2014 гг. в трех частях (далее – Штемаран) [1; 2; 3] – помочь старшеклассникам и абитуриентам самостоятельно подготовиться к ЕГЭ, содействовать более глубокому осмыслению и систематизации полученных в школе знаний по русскому языку. Указанные тестовые задания опираются на все разделы русского языка, что дает учащимся возможность не только повторить изученные в школе материалы, но и познакомиться с новыми и обобщить их.

Декларируется, что тестовые задания соответствуют требованиям действующей Программы по русскому языку для общеобразовательных школ РА (Ереван,1999), что они разработаны на основе материалов, представленных в школьных учебниках. Оставив в стороне дискуссионность этого утверждения, нельзя не приветствовать пропорциональную представленность в них заданий по всем уровням языка: по фонетике, лексике, фразеологии, словообразованию, морфологии, синтаксису, орфографии, пунктуации, композиционному построению текстов.

Учитывая коммуникативную направленность преподавания русского языка на всех уровнях образования: начальном, основном и полном среднем, для развития разнообразных речевых умений, для активизации и пополнения словарного запаса старших школьников-армян, в конечном счете – для повышения их общекультурного уровня большое внимание в Штемаране уделено разделу Фразеология русского языка.

Фразеология как раздел школьного курса русского языка содержит в себе огромный образовательный и воспитательный материал. Употребление фразеологизмов усиливает выразительность фразы; знание семантики фразеологизмов, их наличие в активном словаре придает речи яркость, меткость, образность; использование фразеологизмов делает речь эмоциональной и воздействующей на окружающих. Разумеется, уважаемые высококвалифицированные авторы-составители тестов знают эти прописные истины, но подобранные ими материалы по фразеологии делают некоторые задания невыполнимыми. Содержание и уровень сложности тестов признаются не только абитуриентами, но и школьными учителями. Не секрет, что, не зная значения фразеологизма, учащиеся не умеют использовать их в речи, что не раз отмечалось в методической литературе. А ведь чем больше человек познает мир и самого себя в том числе, тем больше он открывает нового и все новое называет соответственно как словами, так и фразеологизмами. Русский язык по запасу слов и фразеологизмов является одним из богатейших в мире. Но значит ли это, что предъявленный в Штемаране материал по фразеологии весь «по зубам» выпускнику армянской школы, в большинстве и не столичной? А потому известны случаи, когда поступающие в вуз, при полном незнании материала, методом «тыка» случайно угадывали верный ответ.

Получается, что составители тестов попытались «объять необъятное». Нереально поэтому надеяться на то, что выпускник

армянской школы использует в своей речи такие устаревшие лексико-семантические факты, как фразеологические архаизмы: *притча во языцех, портить обедню, во время оно, петь Осанну, глас вопиющего в пустыне, благим матом, почивать на лаврах*; или известные не каждому даже русскоязычному школьнику: *висеть на плечах, архимедов рычаг, малиновый звон* [1; 2; 3] (кстати, их нет и в школьном русско-армянском фразеологическом словаре) [4]; или зачем школьнику «обогащать» свой лексикон жаргонно-просторечными: *приказать долго жить, сыграть в ящик, дать прикурить, лыка не вяжет, дело в шляпе, без царя в голове, втирать очки и др.* Согласимся, что *«лучше меньше, да лучше"*.

Практика показывает, что в условиях дефицита времени, с которым сталкивается учитель русского языка в армянской аудитории, более продуктивной представляется работа с фразеологическими сочетаниями, поскольку это такие устойчивые единицы, в которых одно слово имеет свободное, а другое - фразеологически связанное, закрепленное в своем употреблении. И даже при том, что один из компонентов ФС не знаком ученикам, то, что «целостное значение фразеологического сочетания складывается из смысла того и другого компонента" [5], облегчает его понимание и усвоение, а следовательно, и использование: *мелкая сошка, коломенская верста, с гулькин нос, тянуть канитель (волынку), от горшка два вершка, аршин с шапкой, гусь лапчатый, филькина грамота, живые мощи, вернуться к своим пенатам, рассыпаться мелким бесом, провести на мякине, через пень колоду, сивый мерин, сонная тетеря, извиваться ужом, волосы дыбом, белены объелся, отрезанный ломоть, подсластить пилюлю, прокатить на вороных, лебединая песня, от аза до ижицы, гомерический хохот, сирота казанская.*

Конечно, похвально, если выпускник армянской школы знает семантику, а тем более употребляет в своей речи фразеологизмы книжного характера, такие, *как синий чулок, курить фи-*

миам , уповать (почивать) на лаврах, перековать мечи на орала, петь дифирамбы, подвести под монастырь, земля обетованная, блоху подковать и др. Но поскольку книжные фразеологизмы имеют особую сферу употребления - строго нормированная литературная речь, научные и публицистические произведения и художественная литература, то как часто учащийся встречал их на уроках русского языка в армянской школе? А фразеологизмы, заимствованные из древнегреческой мифологии, – так ли легко запоминаются (да и объясняются) *прокрустово ложе, ящик Пандоры, нить Ариадны, сизифов труд, танталовы муки, пиррова победа, гордиев узел, дамоклов меч, авгиевы конюшни, поцелуй Иуды, тридцать сребренников.*

Известно, что у части этих да и других фразеологизмов имеются армянские эквиваленты и учитель часто переводит их. Но как другой прием, направленный на эффективное запоминание таких фразеологизмов, мы рекомендуем использовать популярный этимологический материал в виде небольших текстов, например: 1. *Прокруст – по-гречески «растягивающий» – прозвище разбойника Полипемона. Всех, кто попадал к нему, он укладывал на специальную кровать (ложе); тем , кому оно было коротко, обрубал ноги, кому же было длинно,–растягивал их.* Выражение означает мерку, под которую насильственно подгоняют что-либо, для нее не подходящее.

2. Дамокл, один из приближенных сиракузского тирана Дионисия Старшего, стал завистливо говорить о нем как о счастливейшем из людей. Чтобы проучить завистника, Дионисий посадил его на свое место. Во время пира Дамокл увидел, что над его головой висит меч на конском волосе. Дионисий объяснил, что это – эмблема тех опасностей, которым он, как властитель, постоянно подвергается, несмотря на кажущуюся счастливую жизнь. Выражение означает нависшую угрозу, опасность.

3.Тантал, царь Фригии, был любимцем богов, которые часто приглашали его на свои пиршества. Но, возгордившись своим положением, Тантал оскорбил богов, за что и был жестоко наказан. Наказание состояло в том, что, низвергнутый в Тартар (ад), он вечно испытывал нестерпимые муки голода и жажды: он стоял по горло в воде, но вода отступала от него, как только он наклонялся, чтобы напиться; над ним нависали ветви с роскошными плодами, но как только он протягивал к ним руки, ветви отклонялись. Отсюда – значение: нестерпимые муки от невозможности достигнуть желаемой цели, несмотря на ее близость.

Подобные популярные тексты повысят интерес к изучаемому предмету- русскому языку. Между скучным уроком и захватывающим рассказом о мифах, из которых «вышли» перечисленные фразеологизмы , ученик, несомненно, выберет второе.

Обогащение речи учащихся армянских школ фразеологизмами, усвоение их значения требуют специально организованной работы и совершенно очевидно, что их изучение заслуживает гораздо большего внимания в курсе школьной программы. Между тем в учебниках по русскому языку для армянских школ дается в основном толкование пословиц и поговорок.

По поводу пословиц: стоит ли давать школьнику задания такого типа, как

Укажите предложение, в котором есть фразеологизм:

1.*Любишь кататься, люби и саночки возить.*

2. *Близок локоть, да не укусишь.*

3. Все работали спустя рукава.

4. Не все коту масленица?

Ведь по вопросу о сущности фразеологического оборота как лингвистической единицы среди авторов до сих пор нет единого мнения. Об этом говорят не только теоретические разногласия по поводу объема Фразеологии, но и характер конкретных языковых фактов, трактуемых как фразеологический оборот. А соглас-

но классификации фразеологизмов академика В.В. Виноградова, принимаемой сегодня большинством лингвистов, в число фразеологических оборотов на одинаковых правах включаются как раз и пословицы и поговорки, и крылатые выражения [6].

Отмеченные нами положения, конечно, дискуссионны, но одно несомненно: фразеологизмы следует включать в учебный процесс органично, поэтапно, помогая учащимся с самого раннего школьного возраста овладеть техникой работы с тестами по фразеологии, постепенно готовя их к формату Единого государственного экзамена.

Литература:

1. Банк тестовых заданий ЕГЭ, 2013 թ. պետական ավարտական և միասնական քննությունների առաջադրանքների շտեմարան, 1 մաս, Երևան, 2013թ.
2. Банк тестовых заданий ЕГЭ, 2013 թ. պետական ավարտական և միասնական քննությունների առաջադրանքների շտեմարան, 2 մաս, Երևան, 2013 թ.
3. Банк тестовых заданий ЕГЭ, 2014թ. պետական ավարտական և միասնական քննությունների առաջադրանքների շտեմարան, 3 մաս, Երևան, 2014 թ.
4. Школьный русско-армянский фразеологический словарь
5. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986.
6. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972.

Դարձվածքների յուրացման և գործածման դժվարությունները հայկական դպրոցների սովորողների խոսքում (2013-2014 թթ. Միասնական պետական քննությունների թեստային հանձնարարությունների նյութերի հիման վրա)

Ժաննա Անաստասյան
մանկավարժական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Արցախի պետական համալսարան

Ամփոփում

Վերջին տարիներում ՄՊՔ-ն շարունակում է մնալ ամենաքննարկվող և վիճելի թեմաներից մեկը, որովհետև ներկա դրությամբ փաստացի միայն այս համակարգն է համարվում դպրոցում ստացած գիտելիքների ստուգման գլխավոր չափանիշը և հսկողության ձևը բուհ ընդունվելու համար: Ռուսաց լեզվի թեստային հանձնարարությունները ընդգրկում են ռուսերենի բոլոր բաժինները, սակայն դարձվածքաբանության նյութերը դարձնում են որոշ վարժություններ դժվար կատարելի: Թեստերի բարդության բովանդակությունը և մակարդակը հանձն են առնում ոչ միայն դիմորդները, այլև դպրոցի ուսուցիչները:

Learning difficulties and the use of phraseological units in speech students of Armenian schools (based on the use of test tasks 2013, 2014.)

Zhanna Anastasyan
Candidate of Pedagogical Sciences. Associate Professor
Artsakh State University

Summary

The difficulties in the assimilation and use of phraseology in speech of Armenian schools students

In the article "The difficulties in the assimilation and use of phraseology in speech of Armenian schools students " the author dwells on the analysis presented in the bank of phraseological material test tasks of Unified State Exam in Russian language.

Key words: phraseological combinations, archaisms, active and passive vocabulary, the degree of difficulty, etymological material, entrant (graduate).

ОБУЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Агнешка Блажек
Университет имени Адама Мицкевича

Ключевые слова: *межкультурное понимание, терминология университета, Болонский процесс, Европейское пространство высшего образования*

Болонский процесс был предназначен для гармонизации различных систем европейского высшего образования. В статье утверждается, что гармонизация систем не привела к тому самому лингвистическому и культурному эффекту, и би- или мультилингвистическая работа над университетской терминологией по-прежнему остается актуальной. Всестороннее объяснение концепций национальных университетов может повысить взаимодействие и усилить эффективность в сфере межкультурного университетского сотрудничества. Так, статья рассматривает два образца университетских словарей, которые были использованы или используются для сотрудничества международных университетов с университетами Германии.

Европейская интеграция оказалась не только политической, институциональной и общественной сложностью, также она ставит людей перед языковой задачей, с которой постоянно нужно справляться. Принимая во внимание социолингвистическую перспективу предметообразующей функции языка, она относится к важнейшим, поскольку является политически, институционально и общественно образующей. Учреждения в сфере высшего образования это институты, в которых можно словно сквозь лупу наблюдать европейский процесс интеграции. Высшее образование в Европе в первую очередь ассоциируется с Болонским процессом, направленным на создание европейского образовательного пространства. На сегодняшний день в этом процессе задействовано 47 государств-участников,

которые провели или проводят реформы гармонизации различных национальных образовательных структур в Европе, и стоят перед проблемой уравнивания качества квалификаций. Сфера высшего образования образует тем самым динамичное поликультурное и мультиязыковое направление деятельности, которое необходимо учесть лингвистически адекватно в целях успешного международного и межкультурного сотрудничества университетов.

Тот, кто в последние десять лет начал свое академическое развитие в государстве, включенном в Болонский процесс, должен был учитывать, что параллельно процессу интеграции предметы, процессы и учреждения частично переименовывались или назывались по-новому. Данные языковые изменения казались экспертам и сторонникам Болонского процесса потребностью, многим задействованным в университете ученым как непосредственно участвующим в профессиональном общении университета расстройством коммуникации. Как бы то ни было, надеяться, что Болонский процесс сделал бы доступнее для международных и межкультурных проектов структуру, организацию, способы действия вузов, кадрового состава и т.д. посредством определенных переименований, было бы не только упрощенно, но и просто неверно. С одной стороны, болонские директивы имеют только статус рекомендаций, с другой стороны, они интегрируются в соответствующие правовые системы и системы высшего образования и перенимаются не полностью. Это имеет определенные (языковые) последствия относительно понимания соответствующих систем высшего образования и успешного международного и межкультурного сотрудничества в сфере высшего образования.

С лингвистической точки зрения язык университетов вместе со своей профессиональной лексикой (также вместе с новым болонским словарным фондом), который отображает вуз как институт [5], представляет собой профессиональный язык. Терминология сферы высшего образования (здесь, по мнению Шедера [там же] обозначения научных областей, предметов, дисциплин, и их соответствующая профессиональная лексика принимаются во внимание так же

мало, как и студенческий язык и словарь языка преподавания), которую следует трактовать как ядро понимаемого профессионального языка, сегодня развивается на границе национальной терминологии вуза и языка/языков европейской интеграции, таким образом, она одновременно закрепляется и в политическом мире. Терминология вуза также обнаруживает многие параллели с юридической терминологией, представленной в значительной мере посредством правовых систем [6, 1867]. Не без влияния на развитие терминологии университета остается также история и традиция вуза, а также актуальный образовательный дискурс [2, 35]. Рассматривая в сравнительно-историческом аспекте, в языках университетов различных стран можно установить параллельную, но не параллельно структурированную профессиональную лексику [там же], значительно больше, однако, терминология университета соответствующего языка выделяет большое число культурно-специфических понятий, осложняющих выполнение межкультурно благоприятных действий или общих международных университетских инициатив. Проблематика корректного использования терминологии университета в период перемен и правового и административного преобразования университетов согласно Болонскому процессу образует не только сложность для органов управления университетами, но также имеет большое значение для обучающихся, институтов, которые работают совместно с вузами, для людей с высшим образованием и, наконец, для общественного мнения задействованных в реформе стран [4, 5]. Это имеет колоссальную значимость для межкультурного понимания в сфере высшего образования, под чем понимается знание о своей собственной и незнакомой (на языке перевода) сфере высшего образования и способность действовать в международной (на языке перевода) сфере высшего образования.

Исходя из классического семантического треугольника Огдена и Ричардса (1923), согласно которому слово является лишь определенной языковой формой и стоит для определенного понятия (концепта или значения), который в свою очередь стоит для предмета или же количества предмета, классическая терминологическая ра-

бота ориентированная на би/мультилингвизм состоит в том, чтобы давать определения понятиям (би\мультилингвистическим) и корректно связывать их друг с другом, а также находить названия и их эквиваленты в обоих (или нескольких) языках.

Германской службой академических обменов уже в 1993 году был опубликован словарь «*Немецко-английский/англо-немецкий. Понятия из области науки и высшей школы*», для того чтобы облегчить взаимопонимание между студентами и стипендиатами на международном уровне высшей школы. В языковой паре немецкий-русский также появился словарь под редакцией Грегора Бергхорна и Татьяны В. Юдиной [1]. Под расположенными в алфавитном порядке ключевыми словами были, как это можно заключить из предисловия, обозначены «названия общеупотребительных учебных предметов и учебных курсов, а также понятия из области высшей школы». В основе выбора заглавных слов здесь лежит несколько расплывчатая ссылка на повседневную практику ДААД, где чаще всего происходит сопоставление с переводом представленных в немецких университетах специальностей – они и составляют большую часть ключевых слов, среди которых находятся настолько экзотические, как например, *переднеазиатская наука о древнем мире.* Так как все заглавные слова снабжены своими целевыми языковыми эквивалентами и, по возможности, дополняются описанием, серия ДААД-словарей предложила иностранным студентам в Германии, несмотря на это, первое ознакомление со структурой высших школ Германии. Для понимания культурно-специфического контекста высшей школы и для способности к успешной межкультурной коммуникации в данной области, такое произведение оказывалось часто недостаточным, поскольку представленные при помощи обозначений (и эквивалентов) понятия остались необъясненными.

Иной подход преследует университетский немецко-польский словарь [3], который охватывает прагматические цели эффективного образования международного студенческого обмена между немецкими и польскими университетами в целях межкультурного понимания. В ходе анализа проводимого в целях составления словаря,

должно было быть установлено, что устав, структура и финансирование немецких и польских высших школ, структура персонала университетов, кроме этого специальности и завершение обучения, равно как и область исследований имеют, несмотря на стремление к гармонизации, существенные отличия, поэтому данных целевых речевых эквивалентов заглавных слов в значительной степени не хватает для того чтобы обеспечить заинтересованных лиц инструментами для беспрепятственного понимания целевой культурной университетской реальности. С одной стороны, объект словаря был ограничен признаками университета как учреждения, как это изложено в докладе Шедера [5]. Институциональный лексический состав языка немецкого университета охватывает, таким образом, не только терминологию правовой высшей школы (правовые основы, типичные для учреждения объекты, организацию, персонал), но и распространяется также на специфические для учреждения действия. Словарь ни в коем случае не претендует на то, чтобы раскрыть систему высшей школы на всем немецкоговорящем пространстве и однозначно указывает на то, что терминология зависит не только от языка, но также от правовой системы и культуры. С другой стороны, охваченной в словаре специальной лексике требуется понятийное определение и отношение к собственному предметно-специфическому контексту высшей школы (контрастное рассмотрение профессиональной лексики), так что она может служить, в целом, пониманию в целевом языковом контексте университета. Далее приводится пример из словаря:

Promotion, die; -, -en <lat. promotio = Beförderung>: *ein durch die →Promotionsordnung geregeltes Verfahren zum Nachweis der Befähigung zu selbständiger wissenschaftlicher Forschung, das nach erfolgreichem Abschluss zur Verleihung des →Doktorgrades führt. Zur P. gehören die Anfertigung einer →Dissertation als schriftliche Leistung und das Absolvieren eines →Rigorosums bzw. einer →Disputation als mündliche Leistung.*

przewód doktorski/„robienie doktoratu»: *postępowanie określone regulaminem postępowania w przewodach doktorskich*

(→Promotionsordnung), którego celem jest potwierdzenie umiejętności samodzielnego prowadzenia pracy naukowej. Pozytywne zakończenie p.d. prowadzi do nadania stopnia doktora (→Doktorgrad). P.d. obejmuje przygotowanie rozprawy doktorskiej (→Dissertation) oraz zdanie egzaminu z dyscypliny podstawowej (→Rigorosum) lub publiczną obronę rozprawy doktorskiej (→Disputation). **K**: W Polsce elementami przewodu doktorskiego są zarówno ustne egzaminy doktorskie (z dyscypliny podstawowej, dodatkowej i języka nowożytnego) jak i publiczna obrona rozprawy doktorskiej.

«Университетский немецко-польский словарь УНИЛЕКС» является в данном смысле своеобразным и направлен на успешную межкультурную коммуникацию, так что каждая статья словаря предлагает не только польский эквивалент, как это типично для специальных словарей, но, в дополнение к этому, дает перевод немецких определений и устанавливает очередность. Польские эквиваленты являются получившими качественную оценку, соответствующим образом маркированными и предлагают контрастивный комментарий, который формулируется, исходя из предпосылки успешной межкультурной коммуникации – чужое объясняется через отношение к собственному.

Если в становящейся все более сложной реальности, а также во все более сложной реальности международной высшей школы мы хотим создать предпосылки для успешного межкультурного диалога, или для межкультурного понимания, то путь к этому всегда является речевым. Инструмент, который облегчает обхождение с этой сложной реальностью и дает возможность задействованным лицам принимать активное участие в международно обусловленных инициативах университета, представляет собой методологически продуманную, ориентированную на использование работу с терминологией, а также ее результат в форме глоссариев и словарей.

Литература:

1. Berghorn, Gregor; Judina, Tat'jana V. Wörterbuch Deutsch-Russisch. Begriffe aus Wissenschaft und Hochschule. – Bonn: Deutscher Akademischer Austauschdienst 1996. – 123 с. [DAAD-Wörterbuch]
2. Błażek, A. Unilex – Universitätswörterbuch Deutsch-Polnisch als Unterstützung studentischer Mobilität // ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – 18 (624). – С. 29-40.
3. Błażek, A., Rapti, A., Schaeder, B. Unilex. Universitätswörterbuch Deutsch-Polnisch. – Warszawa: Fundacja Rozwoju Systemu Edukacji 2010. – 256 с. [UNILEX-Wörterbuch]
4. Ralli, N.; Stanizzi, I.; Wissik, T. Dizionario terminologico dell'istruzione superiore Austria – Italia / Terminologisches Wörterbuch zum Hochschulwesen Italien – Österreich. – Bozen: Athesia, 2007. – 1149 с.
5. Schaeder, B. Der Universitätswortschatz als lexikologisches und lexikographisches Problem: Rückblick auf ein einsprachig deutsches und Ausblick auf ein zweisprachigdeutsch-polnisches Universitätswörterbuch // L. Zieliński, K.-D. Ludwig, Lipczuk, R. Deutsche und polnische Lexikographie nach 1945 im Spannungsfeld der Kulturgeschichte. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. – С. 101-114
6. Werner, R. Das Problem der Äquivalenz im zwei- und mehrsprachigen Wörterbuch // L. Hoffmann, H. Kalverkämper, H.E. Wiegand (Hrsg.) Fachsprachen […] Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. – Berlin, New York: de Gruyter, 1999. – С. 1853-1884

Եզրույթաբանական բառապաշարի ուսուցումը որպես միջմշակութային հաղորդակցության գործոն

Ագնեշկա Բլաժեկ
բ.գ.թ.
Ադամ Միցկևիչի անվան համալսարան

Ամփոփում

Բոլոնյան գործընթացը կոչված էր համաձայնեցնել եվրոպական բարձրագույն կրթության տարբեր համակարգերը: Հոդվածում արձանագրվում է, որ համակարգերի ներդաշնակվածությունը չհանգեցրեց լեզվաբանական և մշակութային արդյունքի և երկ- կամ բազմալեզվական աշխատանքը համալսարանական եզրույթաբանության ուսուցման գործում մինչ օրս մնում է հրատապ: Ազգային համալսարանների հայեցակետերի բազմակողմանի բացատրությունը կարող է մեծացնել փոխգործունեությունը և բարձրացնել արդյունավետությունը միջմշակութային համալսարանական համագործակցության ոլորտում:

Education terminological lexicon as a factor in intercultural communication

Agnieszka Błażek
Candidate of Philological Sciences
Adam Mickiewicz University

Summary

The Bologna-Process was ment to harmonize various systems of European higher education. The article argues that the harmonization of systems did not lead to the same linguistic and cultural effect and that bi- or multilingual work on university terminology is still needed. The exhaustive explanation of national university concepts can raise the engagement and enhance the performance in the sphere of intercultural university cooperation. Specifically, the article discusses two examples of university dictionaries that were/are used in international university cooperations with German universities.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СРЕДСТВАМИ ИНТЕГРАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Оксана Куртева
Комратский государственный университет

Ключевые слова: *компетенции, коммуникативная компетенция, прагматическая компетенция, предметная компетенция, речевая компетенция, языковая компетенция*

На различных этапах изучения родного языка, исходя из потребностей современного общества, ведущая роль отводится формированию языковой и речевой компетенции. Повышению эффективности обучения родному языку как средству общения способствует коммуникативный подход, в связи с чем разработка модели формирования коммуникативной компетенции (в процессе изучения языка) является важным аспектом совершенствования данного процесса.

Утверждение в практике обучения родному языку понятия «компетенция» обусловлено достижениями современной психологической и лингвистической науки: теории речевой деятельности, коммуникативной лингвистики, исследующей общие закономерности речевого общения и функционирования языковых средств в реальных актах общения; соотнесённостью с мировой теорией и практикой определения целей и уровней владения языками. Компетенция в современной методике обучения родному языку понимается как совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения родному языку для обеспечения определённого уровня владения им. Она формируется взаимодействием основных своих базисных составляющих: языковой, речевой, лингвистической, предметной и прагматической.

Языковая компетенция младших школьников – это способность учащихся употреблять слова в правильной грамматической форме,

строить и употреблять синтаксические единицы в соответствии с нормами литературного языка, использовать лексические средства языка, говорить и писать в соответствии с нормами орфоэпии и орфографии.

Лингвистическая компетенция – знание основ науки о языке. Она формируется на среднем и старшем этапе обучения.

Речевая компетенция – способность учащихся осуществлять речевую деятельность в говорении, чтении, слушании и письме.

Предметная компетенция обеспечивает содержание плана высказывания: знания о том фрагменте картины мира объективной действительности, о том явлении событий, который является предметом речи.

Прагматическая компетенция – это формирование способности определять свои, чужие интенции (намерения) и реализовать их соответствующие вербальные (словесные) и невербальные средства (мимика, жесты) с учётом ситуации общения.

Коммуникативная компетенция – это знания, умения, навыки, необходимые для понимания чужой и порождения собственной речи, адекватной цели, сферы, ситуации общения с учётом адресата и стиля речи. Учиться общению, общаясь, - основная характеристика коммуникативности. Для формирования навыков общения необходимо в процессе обучения создать условия для речевого общения. Система работы должна вызвать необходимость общения и потребность в общении. Эффективность системы будет зависеть от организации учебного материала.

Современное развитие общества требует пересмотра, модернизации содержания и методических условий обучения родному (русскому) языку, перехода от традиционного обучения, при котором развитию речи отводилась второстепенная роль, к коммуникативно-ориентированному. Речевое развитие младшего школьника на современном этапе становится одним из приоритетных направлений начального образования в области родного языка. Изучение средств языка рассматривается в интересах речи. Знания в области системы

языка должны способствовать формированию и совершенствованию умений свободно, коммуникативно оправданно пользоваться родным языком в различных сферах, формах, жанрах речи.

В Республике Молдова разработана национальная программа – школьный куррикулум – по обучению языку учащихся начальной школы. Основные концептуальные положения куррикулума по русскому языку базируются на коммуникативно-деятельностном подходе к организации обучения данному предмету. В куррикулуме нашли отражение педагогическая функция родного языка, цели обучения, содержание и структура предмета «Русский язык» в 1-4 классах начальной школы [5].

Родной язык занимает ведущее место среди предметов гуманитарного цикла. Средствами языка формируется личность ребёнка, создаются условия для его интеллектуального, эмоционального, нравственного развития. Основной базовой целью обучения родному языку является собственно речевое развитие учащихся – совершенствование их навыков и умений в письменной и устной речевой деятельности (чтении, слушании, говорении, письме), овладение культурой речевого поведения.

Русский язык как предмет включает в себя:

а) речевую деятельность (слушание, говорение, чтение и письмо);

б) рече-языковой материал: тексты определённой тематической направленности;

в) языковую и речевую системы.

Содержательная сторона предмета включает речевой, тематически организованный материал, базирующийся на текстах, необходимый для формирования коммуникативной компетенции школьников, и языковой материал, включающий в себя знания о системе языка и речи, умения и навыки пользоваться языком в процессе речевого общения с соблюдением языковых норм. Ключевыми целями обучения русскому языку учащихся 4-ых классов, как и 1-3, являются:

1. развитие умения осмысленно воспринимать устное сообщение (формирование навыков аудирования);

2. развитие умения свободно и правильно выражать свои мысли в устной форме (совершенствование навыков говорения);

3. развитие умения осмысленно воспринимать письменной сообщение (формирование навыков чтения);

4. развитие умения свободно и правильно выражать свои мысли в письменной форме (формирование навыков письма).

С точки зрения рече-языковой компетенции в куррикулуме по русскому языку для 4-ых классов рекомендуется: усилить речевую направленность благодаря повышенным требованиям к качествам связной речи (содержательность, композиция – построение, правильность и выразительность). Сведения по теории языка охватывают ключевые темы грамматики (в плане их углубления, обобщения и закрепления. Это уже известные по 3-му классу части речи, синтаксис простого предложения. Рече-литературная тематика охватывает самые близкие детям этого возраста темы окружающей их жизни (школа, семья, природа, дружба и др.). Знания о языке рассматриваются не как самоцель, а как средство, с помощью которого осуществляется речевая деятельность.

Речевая деятельность, как известно, является своеобразной деятельностью человека, которая представляет собой активный, целенаправленный процесс создания и восприятия высказываний, осуществляемый с помощью языковых средств в ходе взаимодействия людей в различных ситуациях общения.

В связи с тем, что речь – это двусторонний процесс, т.е. что речевая деятельность предполагает наличие отправителя (адресанта) и адресата, появилась необходимость целенаправленно обучать школьников созданию высказываний (высказывание – это самостоятельная единица речи и относительно законченная) и их восприятию. Но чтобы высказывание не носило искусственный характер (высказывание ради высказывания), следует создать коммуникативную потребность, мотив [2], желание вступить в речевое общение.

Речевое общение – это взаимодействие между людьми с помощью языка в процессе речевой деятельности, т.е. общение – передача и восприятие смысла. Одна из важнейших задач речевого общения – научить понимать смысл высказывания и облекать свои мысли в собственную форму. Кроме потребности вступить в общение, необходимо создать конкретную ситуацию общения, т.е. осмысление школьниками того, с кем, зачем, при каких обстоятельствах должно происходить общение.

Речевая деятельность, как уже было отмечено, может быть направлена на выражение собственных мыслей говорящего и на восприятие чужих мыслей. При продукции и рецепции из долговременной памяти участников коммуникации вызываются языковые единицы, которые воспроизводятся из языковой компетенции. Но они ещё не представляют собой продукт речи. Чтобы стать продуктом речи, языковые единицы должны по определённым правилам объединиться, чтобы совершить акт внутреннего порождения речи.

Говорящий или пишущий при возникновении мысли совершает на основе репродукции известных единиц языка свободное внутреннее порождение фразы, которая реализуется во внешней речи. - Читающий (слушающий) также совершает акт внутреннего порождения на основе репродуцирования языковых единиц, заложенных в готовом тексте.

Содержание высказывания говорящего или пишущего должно располагать значимым, содержательным, систематизированным, отобранным материалом. Содержание должно быть подчинено авторскому замыслу, выражать авторский взгляд, должно быть логично расположенным.

В речевой деятельности, как и любой другой, можно выделить одинаковые структурные элементы. По мнению А.А.Леонтьева, «Чтобы полноценно общаться, человек должен в принципе располагать целым рядом умений. Он должен, во-первых, уметь быстро и правильно ориентироваться в условиях общения. Он должен, во-вторых, уметь правильно спланировать свою речь, правильно выб-

рать содержание акт общения. Он должен, в-третьих, найти адекватные средства для передачи этого содержания. Он должен, в-четвёртых, уметь обеспечить обратную связь. Если какое-либо из звеньев акта общения будет нарушено, то говорящему не удастся добиться ожидаемых результатов общения – оно будет неэффективным» [4].

Таким образом, развитие и совершенствование речевой деятельности младшего школьника предполагает формирование четырёх обобщённых умений:

1) ориентация в ситуации общения и осознание своей коммуникативной задачи;

2) планирование содержания сообщения;

3) оформление собственных мыслей и понимание чужих;

4) осуществление самоконтроля за речью.

Обозначенные явления реализуются во всех видах речевой деятельности: аудировании, чтении, говорении, письме.

С точки зрения коммуникативной направленности указанные обобщённые умения можно сформулировать следующим образом:

1) умение ориентироваться в условиях общения, в речевой ситуации для регулирования своего речевого поведения (кому – кого – зачем – что – как я буду говорить, писать, слушать;

2) умение ставить, осознавать коммуникативные задачи (сообщить, узнать, пробудить, согласиться, отказать, возразить, попросить, предложить, пригласить, поздравить), в соответствии с ними использовать этикетные формулы обращения, приветствия;

3) умение планировать речевые действия: при создании высказывания намечать ход развития мысли, выбирать ведущий тип речи (повествование, описание, рассуждение), жанр, стиль (что и как скажу, напишу);

4) реализовывать замысел речи: при создании высказывания развивать тему, не теряя из виду основную мысль, отбирать необходимое содержание, отбирать языковые средства с учётом коммуникативной задачи и условий речи; при восприятии прослеживать логику развития мысли говорящего (автора);

5) осуществлять контроль за речью (оценивать соответствие замыслу).

Овладение речью – это способ познания окружающей действительности. Совершенствование речи зависит не только от языкового материала и оформления, но и от объёма общественно-значимого, фактического материала, который в значительной мере находит, наряду с другими компонентами речевой среды, своё место в художественных текстах.

Школа учит литературному языку в его художественном, научном и разговорном вариантах. Это огромный объём языкового материала: сотни новых слов и новых значений уже известных слов, множество различных сочетаний, синтаксических конструкций, которые не употреблялись ребёнком до прихода в школу. В процессе обучения литературному чтению школьники обогащаются знаниями об окружающем мире, формируются как личности. Подсистемы обучения родному (русскому) языку (языковое образование, литературное развитие, речевое развитие) взаимосвязаны. Основной единицей этой связи, связующим ядром является художественный текст.

Обучение русскому языку в начальной школе предусматривает одновременное и параллельное обучение всем видам речевой деятельности: чтение – говорение (чтение и пересказ прочитанного текста, беседа по нему, дискуссия), аудирование – говорение (диалоги по заданной ситуации, беседы, дискуссии по прослушанному тексту), аудирование – письмо (диктант, изложение, запись информации со слуха); чтение – письмо (составление плана прочитанного текста, составление текста по плану, по опорным словам и др.).

Овладение языком, грамотной речью – необходимое условие формирования социально активной личности. В начальной школе закладываются основы владения необходимым кругом знаний в области системы языка, формирования на основе языковой компетенции речеведческих умений и навыков: осознанно пользоваться формами устной и письменной речи, диалогической, монологической, знать специфику каждой из них; соблюдать требования, предъявля-

емые к речи. Какой же речи должен обучаться младший школьник? Каковы критерии речи?

Как известно, к требованиям, критериям речи относятся: содержательность, логичность, точность, чистота, правильность, выразительность, ясность, богатство. Обозначенные требования к речи младших школьников должны формироваться комплексно. Их внедрение осуществляется особой организацией учебного материала, системой речевых упражнений.

Развитие речи учащихся осуществляется по трём направлениям: работа над словом, работа над словосочетанием и предложением, работа над связной речью (текстом). Успех работы по каждому из названных направлений зависит от эффективности системы речевых упражнений. Важнейшие требования к речевым упражнениям – это систематичность, целенаправленность, разнообразие видов упражнений. Задачи учителя в процессе формирования языковой и речевой компетенции школьников:

– создание хорошей речевой среды для учащихся, грамотная речь учителя и окружающих взрослых;

– чтение, анализ высоко художественных произведений детской литературы;

– создание речевых ситуаций, побуждающих желание высказаться;

– обеспечение усвоения школьниками достаточного словарного запаса слов, усвоение грамматических форм, синтаксических конструкций – языкового материала, необходимого для грамотного построения собственных высказываний;

– осуществление интегрированной формы обучения.

Современная система изучения родного языка должна быть построена на исходных понятиях: слово как универсальная по характеру и уникальная по объёму единица языка и текст как произведение «речетворческого процесса, единица коммуникации и феномен культуры»[1].

В Республике Молдова обучение русскому языку и литературному чтению осуществляется на интегрированной основе. Интеграция русского языка и литературного чтения осуществляется через художественный текст, который является интегрирующей единицей, основным дидактическим средством. Именно в тексте «интегрируются, объединяются, синтезируются все элементы языковой системы» [3]. Художественный текст как интегративная дидактическая единица позволяет учащимся обогатить свой словарный запас, совершенствовать собственную речь, культуру, получать представления о различных сторонах жизни, приобщаться к этическим нормам и эстетическим взглядам своего времени. Текст выполняет роль основной дидактической единицы: в тексте проявляется текстообразующая функция языковых единиц – способность единиц языка участвовать в создании текста, связывать все его части и отдельные предложения с учётом коммуникативной направленности говорящего (пишущего), общего замысла текста. На содержательном уровне – это способность языковых единиц передать различные оттенки смысла содержания текста при его создании; на структурном уровне – это участие единиц в организации определённой композиции текста в соответствии с коммуникативными намерениями автора.

При изучении языковых единиц обязательным условие является знакомство с их текстообразующей функцией и текстообразующими возможностями. Этапы изучения таковы: ознакомление с обнаруженными в тексте языковыми явлениями (понятиями), осознание их текстообразующих функций, изучение структурно-семантических и языковых особенностей, тренировка в использовании, применении в собственных высказываниях с определённой коммуникативной направленностью.

В художественном тексте грамматические формы, помимо своего основного назначения – быть средством коммуникации, несут дополнительную нагрузку, являясь художественным средством изображения действительности. Без работы с художественным текстом трудно себе представить современный урок русского языка.

Главная проблема текста – это проблема его понимания. Обучение пониманию текста зависит от целого ряда условий: извлечение информации из каждого слова, словосочетания, предложения; создания установки; умения сравнивать, прогнозировать; способность сохранить в памяти поступившую текстовую информацию.

Использование художественного текста в качестве дидактической единицы учебного материала является особенностью коммуникативного подхода к обучению родному языку. На основе текста учащиеся наблюдают факты языка, усваивают речеведческие понятия, на базе авторского текста формируются навыки порождения собственного текста. Обучение восприятию и порождению текста станет наиболее эффективным, если усвоение единиц языка и речи, предусмотренных программными требованиями, будет осуществляться на текстовой основе, и если авторский текст станет основной моделью в процессе построения собственного текста.

Таким образом, на современном этапе развития начального школьного образования текст становится центром внимания при обучении родному языку, фактически текстовая деятельность — это цель лингвистического, литературного, речеведческого образования, формирования коммуникативной компетенции учащихся. В тексте фокусируются практически все вопросы курса русского языка, приобретая большую глубину и насыщенность.

Основной формой интеграции является интегрированный урок. Структура интегрированных уроков отличается от обычных уроков следующими особенностями:

– чёткостью, компактностью учебного материала;

– логической взаимообусловленностью, взаимосвязанностью материала интегрируемых предметов на каждом этапе уроков.

В интегрированном уроке очень важно правильно определить главную цель урока. Для интегрированных уроков характерна смешанная структура, которая включает в себя и линейную, и концентрическую, и спиральную структуры. При реализации содержания

урока такая структура позволяет отдельные части урока проводить различными способами.

Интегрированный курс родного (русского) языка и литературного чтения в начальной школе характеризуется блоковой подачей материала (в основу блоков положен тематический принцип подачи материала) и реализуется в классно-урочной форме обучения. Интегрированные уроки проводятся в системе. В уроки включаются дополнительные игровые формы, проблемные ситуации, что, несомненно, способствует активизации мыслительной деятельности учащихся, расширению их знаний. Так в процессе изучения того или иного художественного произведения дети знакомятся не только с сюжетной линией произведения, главными героями, их поступками, но и помощью изучаемых (изученных) языковых средств могут определить, как автору удалось описать то или иное событие, какие слова он использовал, в какой форме. Опираясь на знания из области языковой системы, дети без труда высказывают своё мнение о прочитанном, дополняют авторский текст своим началом, концом или до вставки в сюжетную линию.

Таким образом, содержательные и целенаправленные интегрированные уроки, в основе которых лежит художественный текст вносят в привычную структуру школьного обучения новизну и оригинальность. Их преимущество заключается в следующем:

– повышают мотивацию, формируют познавательный интерес, что способствует самообразованию, повышению уровня обученности и воспитанности учащихся;

– способствуют формированию целостной картины объективной действительности, систематизации знаний, представлений о предметах, явлениях, описанных в литературе или наблюдаемых в реальной жизни;

– способствуют максимальному развитию устной и письменной речи, помогают глубже понять лексическое значение слов, их возможную сочетаемость с другими словами, понять эстетическую сущность, заключённую в слове как основной единице языка и речи;

– способствуют развитию, в большей степени, чем обычные уроки, эстетического восприятия, воображения, внимания, памяти, мышления учащихся (логического, художественно-образного, творческого);

– развивают творческую деятельность учащихся, результатом которой могут быть собственные сказки, стихи, рисунки, поделки, что является отражением личностного отношения восприятия мира.

Отбор и структурирование содержания интегрированных курсов создают условия для того, чтобы к концу начального обучения дети владели бы не суммой знаний, а сознательно оперировали связями между ними.

Литература:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
2. Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи. – В сб.: В защиту живого слова. – М., 1966.
3. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: Учеб. пособие для студентов пед. вуза. – М., 1998.
4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Красанд, 2010. 216 с.
5. Дрозд Г., Курачицкая А., Демченко Т. Школьный куррикулум для I-IV кл. Русский язык. М-во Просвещения РМ. – К.: Б. и., Tipografia Centrală, 2011. С. 17-52.

Ռուսաց լեզվի ուսուցման գործընթացում կրտսեր դպրոցականների մոտ ինտեգրման միջոցով հաղորդակցական կոմպետենտության ձևավորումը

Օքսանա Կուրտևա
մ.գ.թ.
Կոմրատի պետական համալսարան

Ամփոփում

Մայրենի լեզվի ուսուցման տարբեր փուլերում, ելնելով ժամանակակից հասարակության պահանջներից, կարևոր դեր է խաղում լեզվական և խոսքային կոմպետենտության ձևավորումը: Մայրենի լեզվի՝ ինչպես հաղորդակցման միջոցի, ուսուցման արդյունավետության բարձրացմանը նպաստում է հաղորդակցական մոտեցումը: Այդ առումով հաղորդակցական կոմպետենտության ձևավորման կաղապարի մշակումը լեզվի ուսուցման գործընթացում դառնում է տվյալ գործընթացի կատարելագործման կարևոր հարացույց:

Forming communicative competency integration tools Learning Russian language for Elementary school children

Oxana Kurteva
Candidate of Pedagogical Sciences
Comrat State University of Moldova

Summary

On various stages of studying of a native language the leading part is taken away to formation of the language and speech competence. The increasing of learning efficiency of a native language as a means of communication is promoted by the communicative approach. The national program - school curriculum - on training pupils' language in elementary school is developed in Moldova, its basic conceptual positions are based on communicative approach to the training organization of the given subject. Thanks to curriculum training of Russian and literary reading is carried out on the integrated basis that is carried out through the art text which is integrating unit, the basic didactic means. The basic form of integration is the integrated lesson for which material is given in blocks (a thematic principle is put in basis of blocks).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАССКАЗА И. БУНИНА «ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ» (НА ЗАНЯТИЯХ ПО «ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА»)

Наира Маркарян
Арцахский государственный университет

Ключевые слова: *литературоведческий анализ, жанр произведения, исторический экскурс, смысловая доминанта текста, повторы, внутритекстовые семантические связи, реминисцентное прочтение отрывка, идейный замысел автора, лейтмотив, художественное время и пространство, интертекстуальные связи.*

Основы филологического анализа литературного произведения заложены в трудах выдающихся лингвистов, литературоведов (А.А. Потебня, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Л.П. Якубинский, М.М.Бахтин, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов и др.) и философов, постоянно обращавшихся к вопросам формы, неоднократно подчеркивавших взаимообусловленность содержания и формы художественного произведения и отмечавших необходимость его многоаспектного рассмотрения.

Филологический анализ объединяет литературоведческий и лингвистический анализы, поскольку и тот и другой обращаются к образному строю текста в его динамике [3, 110].

Литературоведческий анализ – это прежде всего анализ идейно-эстетического содержания текста, рассмотрение проблематики, жанровой специфики, системы образов литературного произведения, определение его места в ряду других текстов, *интертекстуальные* связи художественного текста [6].

С этих позиций предлагаем примерный филологический анализ произведения И. Бунина «Холодная осень». Учитывая тот факт, что рассказ И.Бунина «Легкое дыхание» входит в список изучаемых произведений русской литературы в старших классах армянской школы и его анализ, как показала практика, вызывает

определенные трудности, мы посчитали целесообразным со студентами, будущими учителями русского языка в армянской школе, остановиться на еще одном произведении И. Бунина (тоже непростом как по своему художественному построению, так и по символике) .

Работу над текстом рекомендуем начать с повторения понятия «жанр» и определения жанра предлагаемого произведения, ведь рассмотрение категории жанра есть отправной пункт анализа литературного произведения. Студенты дают традиционную классификацию жанра с учетом фактора рода – драматический (трагедия, комедия, фарс, водевиль и др.) и эпический (рассказ, новелла, повесть, роман, очерк) [4; 8] и приходят к заключению, что перед ними рассказ, но с элементами лирического размышления и рассуждения. Далее проводится небольшой экскурс по истории создания данного произведения. В цикле рассказов И.Бунина «Темные аллеи» нет, наверное, ни одного произведения, посвященного счастливой любви. Так или иначе, это чувство кратковременно и заканчивается драматично, если не трагично. Но Бунин утверждает, что, несмотря ни на что, любовь прекрасна. Она, пусть и на короткий миг, освещает жизнь человека и дает ему смысл дальнейшего существования. И. Бунин писал этот рассказ в эмиграции, в Ницце; он записал в дневнике 1 января 1945 года: «…очень самого трогает «Холодная осень».

При прочтении начала текста студенты обращают внимание на семантический повтор слов [5, 68], выделяют смысловую доминанту текста и находят , что доминантными являются слова самого заглавия рассказа*: холодная осень, какая холодная осень!* Необходимо обратить внимание студентов на то, что заглавие произведения несет очень важную коммуникативную нагрузку, определяя содержание произведения посредством развертывания в тексте тех смысловых компонентов, которые составляют лексическое значение заглавия. С доминантой текста (тематической, композиционной, концептуальной, эмоциональной) обычно свя-

зано заглавие художественного произведения, которое занимает сильную позицию и не случайно рассматривается исследователями как «аббревиатура смысла» всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации. Находясь вне основной части текста, заглавие занимает абсолютно сильную позицию в нем. Заглавие активизирует восприятие читателя и направляет его внимание к тому, что будет изложено далее. Заглавие создает эффект ожидания. Оно в конденсированной форме выражает основную тему текста, определяет его важнейшую сюжетную линию. Между заглавием и текстом существуют особые отношения: открывая произведение, заглавие требует обязательного возвращения к нему после прочтения всего текста.

После прочтения первого отрывка у студентов возникают вопросы по определению лексического значения некоторых историзмов, архаизмов и онимов текста, поэтому, по нашему глубокому убеждению, анализу должна предшествовать определенная словарная работа, то есть необходимо дать толкование непонятных им слов:

кронпринц – титул наследника короны; принц короны;

Фердинанд – наследник австро-венгерского престола – убит в Сербии тайной организацией «Черная рука», чьей целью было объединить южных славян и создать Великую Сербию. Убийство стало поводом для начала Первой мировой войны;

Петров день – народный праздник, окончание летних свадеб, подготовка к сенокосу;

пасьянс – карточная игра для одного человека;

капот – накидка с капюшоном;

зипун – верхняя одежда крестьян, полукафтан, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов;

Ницца – средиземноморский город и порт на юге Франции;

Константинополь – ныне Стамбул;

Екатеринодар – ныне Краснодар.

Далее студенты обращают внимание на фразы, свидетельствующие об эмоциональном состоянии героев. В художественном тексте выделяются ключевые для выражения его смысла и соответственно для понимания знаки, которые играют особенно важную роль в установлении внутритекстовых семантических связей и организации читательского восприятия. Как ключевые знаки в тексте могут выступать не только слова, но и словосочетания и даже предложения. Ключевые слова обладают рядом существенных признаков, которые позволяют дифференцировать их на фоне других лексических единиц: высокая степень повторяемости слов в тексте, частотность их употребления (*холодная осень, холодный осенний вечер, какая холодная осень)*, ведущие к возникновению своеобразной эвфонии (благозвучия); способность знака конденсировать, свертывать информацию, выраженную целым текстом, объединять его основное содержание *(…все-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень , очень люблю тебя… Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне… Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду).* Ключевые слова образуют в тексте семантические комплексы: вокруг них группируются синонимичные им единицы, слова, ассоциативно с ними связанные, наконец, однокоренные слова, повтор которых в том или ином контексте, как правило, не случаен. Эти повторы служат не только созданию связности и цельности повествования , но и « повышают семантико-стилистическую напряженность текста и, следовательно, усиливают его выразительность» [8, 53]. И здесь кажется уместным акцентировать внимание студентов на явное реминисцентное прочтение первых четырех строк стихотворения А.Фета, цитируемых героем И.Бунина:

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот…
Смотри – <u>меж чернеющих</u> сосен
Как будто пожар восстает…

И.Бунин не точно приводит третью строчку отрывка: у Фета написано*: «Смотри* – из-за дремлющих *сосен»,* Бунин же изменил на «*меж чернеющих сосен*». Важно обратить внимание студентов на то, что Бунин намеренно изменил эти слова, ведь если слово *дремлющий* ассоциируется с состоянием покоя, безмятежности, то слово *чернеющий* в данном контексте синонимично словам умирающий, мрак, смерть, нагнетание мрачного состояния.

Следующий шаг анализа – студентами выделяются словосочетания и фразы, которые помогают раскрытию психологии героини и отношения автора к героине, что является одним из способов выражения авторской позиции в художественном тексте: *это было трогательно и жутко; на душе делалось все тяжелее; поспешно ответила, испугавшись своей мысли; я горько заплакала; роковой мешочек; с каким-то порывистым отчаянием; постояли в отупении; вошли в опустевший дом…* Таким же образом передается отношение героини к приемной дочери: *зарабатывала на себя и на девочку очень тяжелым и черным трудом; очень миленькая и совершенно равнодушная ко мне; холеные ручки с серебряными ноготками; а я жила и все еще живу чем бог пошлет…*

Важное место в понимании идейного замысла автора занимает, конечно же, *лейтмотив* произведения - преобладающее настроение, основной идейный и эмоциональный тон литературно-художественного произведения; конкретный образ или оборот художественной речи, настойчиво повторяемый в произведении в качестве постоянной характеристики героя, переживания, многократно упоминаемая деталь: *… тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то?* С помощью преподавателя студенты вспоминают похожие лейтмотивы из уже пройденных произведений, таких как «Клим Самгин » М.Горького: *«…А был ли мальчик? – а может, мальчика-то и не было?»*, А Блока «В ресторане»: *«Никогда не забуду, он был или не был – этот вечер…»*

Приведенные примеры доказывают, что любой текст не существует изолированно, вне связи с другими. Он часто возникает

как отклик на уже существующее литературное произведение, как реакция на него, ответная «реплика» в диалоге текстов, он включает и преобразует «чужое» слово, приобретая при этом смысловую множественность. Художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту только благодаря его соотнесенности и взаимодействию с другими в общем межтекстовом – *интертекстуальном* – пространстве культуры, в котором текст оказывается «эхокамерой», где новые строки появляются поверх существовавших. «Каждый текст является *интертекстом,* другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах».

Важным этапом работы над текстом является выявление литературного времени и пространства. Понятие пространственно-временной неразрывности явлений существенно для филологического анализа текста, так как и время, и пространство служат конструктивными принципами организации литературного произведения. Проблема художественного времени давно занимала теоретиков литературы, искусствоведов, лингвистов. Так А. Потебня, подчеркивая, что искусство слова динамично, показал безграничные возможности организации художественного времени в тексте. В анализируемом нами тексте указано точное календарное время – *Петров день, 19 июля 1914года*, начало Первой мировой войны. Далее акцентируется внимание студентов на следующих строчках: *«И вот прошло с тех пор целых 30 лет. И многое, многое было пережито за эти годы».* Не случайно автор указал именно на этот срок: он проводит аналогию главной героини с собой – он сам прожил на чужбине более 30-ти лет.

Ведущую текстообразующую роль играет художественное время, неразрывно связанное с художественным пространством. Осознание пространственно– временного синкретизма («переплетение параллельных миров») позволило выделить категорию *хронотопа,* отражающую их единство. В анализируемом нами тексте пространство конкретное, героиня рассказа повторяет мар-

шрут эмиграции И.Бунина (Константинополь – София – Белград – Париж). Героиня перебирается в Ниццу, находящуюся недалеко от места жительства Бунина во время фашистской оккупации Франции. Именно в это время в условиях фашистской оккупации Бунин писал «Темные аллеи» – повесть о любви.

В заключение студенты возвращаются к заглавию текста и с помощью преподавателя приходят к выводу, что название рассказа символично и что оно особо значимо для организации всего текста рассказа: это и конкретное обозначение временных рамок происходящего в рассказе; это и символ первого и последнего вечера в жизни героев; это и символ всей жизни героини; это и обозначение жизни всех эмигрантов, потерявших после 1917 года свою родину… Это и символ состояния, которое наступает после потери любви-вспышки…

Холодная осень… Она неизбежна, но и она обогащает человека, потому что у него остается самое ценное – воспоминания.

Литература:

1. Бунин И.А. Избранное. М., 1998.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.
4. Самвелян Г.К. Материалы к лекционному курсу по лингвистическому анализу художественного текста. Ереван, 1987.
5. Стрельцова И.Д. Мотивация обучения и работа над художественными текстами в армянской аудитории (из опыта преподавания русского языка на факультете журналистики ЕГУ) // Русский язык в Армении. № 2, 1999.
6. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом. М.,1987.
7. Google.ru; [www. litmir. net] – Электронная библиотека.

Ի. Բունինի «Ցուրտ աշունը» պատմվածքի մեկնաբանությունը («Գեղարվեստական տեքստի բանասիրական վերլուծություն» դասընթացի ժամանակ)

Նաիրա Մարգարյան
Արցախի պետական համալսարան

Ամփոփում

Հաշվի առնելով այն փաստը, որ Ի. Բունինի «Թեթև շնչառություն» պատմվածքը ընդգրկված է հայկական դպրոցների բարձր դասարանների ռուս գրականության ստեղծագործությունների ուսումնասիրության ցանկում, և նրա վերլուծությունը, ինչպես ցույց է տալիս փորձը, առաջացնում է որոշակի դժվարություններ, մենք նպատակահարմար ենք գտել ուսանողների՝ ապագա ուսուցիչների հետ, ուսումնասիրել Ի. Բունինի ևս մեկ ստեղծագործություն՝ «Ցուրտ աշուն» պատմվածքը: Հոդվածում առաջարկում ենք այդ ստեղծագործության մոտավոր բանասիրական վերլուծությունը:

Interpretation of the story of I. Bunin " Cold Autumn" (in the classroom for the philological analysis of the work art)

Naira Margaryan
Artsakh State University

Summary

The author tells about his experience and his experience of leading a class with students philologists of ASU on the subject (philological analysis of the work of art). The author explains why the choice stopped on Bunin's story "Cold Autumn".

Key words: intertextual relations, fiction time and space, dominant words, title of the work, a strong position, archaisms, onims, aphorisms.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

Арен Сантоян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна
Софья Бабаян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна
Татевик Брутян
Школа «Эврика»

Ключевые слова: *Болонский процесс, глобализация, социальное пространство, образование, реформирование высшей школы*

Глобализация – безальтернативная реальность современности.

Цивилизация вышла за пределы отдельных стран и перешла в фазу глобального социального пространства. Это явление многомерно, имеет разные ипостаси и затрагивает все сферы общественной жизни, имея экономическое, политическое, культурное, социальное преломление. Практически ни одна сфера человеческой деятельности не может избежать влияния глобализации в той или иной степени.

Глобальные трансформации коснулись и сферы образования. По утверждению патриарха кибернетики Норберта Винера, «человек проводит 40 % нормальной жизни в качестве ученика». Это не просто констатация длительного периода научения. Это означает, что мы всю жизнь учимся, учим или наблюдаем за процессом научения своих детей, родных, знакомых. В Армении это проявляется особо зримо, т.к.

- испокон веков у нас констатируется приоритетность образования как важной национальной ценности и трансмиссии – передаче знаний, традиций, ценностей одного поколения к другому.

- армяне являют собой высококонтекстную нацию, где сеть социальных связей тесна (концепция американского культурантро-

полога Э. Холла) и плотность неформальных информационных сетей позволяет нам быть всегда информированными, кто где учится, какие инвестиции вложены в образование, какая от них отдача.

«Образовательный бум» происходит во всем мире. Он отражает потребность современного общества в профессионально компетентных людях, готовых к освоению новых знаний и технологий, принятию решений в постоянно меняющейся социальной реальности.

Образование – многомерное понятие, которое являет собой и сферу социокультурной практики, и специально организуемый процесс «превращения» природного человека в культурного, и определенный результат деятельности.

Это важнейший социальный институт, имеющий специфичные функции. К ним относятся

- трансляция знаний, ценностей, традиций, культуры от поколения к поколению,
- аккумуляция и хранение культуры,
- социализация личности и ее интеграция в обществе,
- определение статуса личности,
- обеспечение профессиональной ориентации,
- создание базы знаний для последующего непрерывного образования,
- создание социокультурных инноваций, идей, теорий, открытий,
- социальный контроль,
- социальная селекция.

Образование – это пока замаскированный, но четко работающий механизм социальной стратификации и иерархии, который обеспечивает индивидуальную мобильность человека, воспроизводство и изменение социальной структуры общества. Впервые на это обратил внимание П.А. Сорокин: «В настоящее время очевидно, что … школа является частью социального механизма, который апробирует способности индивида, просеивает их, селекционирует и определяет будущие социальной позиции … Вся школьная система с ее препятствиями и барьерами … представляет собой сложное си-

то, которое отделяет будущих «хороших» граджан от «плохих», … «подходящих для высоких социальных позиций» от «негодных»» [2: 409-410].

Социальная природа системы образования описана и в концепции воспроизводственной функции образования П. Бурдье. Вопреки устоявшемуся мнению, Бурдье считает, что успехи и провалы в образовании связаны не столько с природными способностями, сколько с тем культурным капиталом, временем, ценностями, этосом, которые вкладываются в ребенка его родителями.

Концепция П. Бурдье приближает, но не раскрывает сути современного раскола образования на элитное и массовое. Раскол, который углубляется и набирает силу, и связан он не столько с интеллектуальным и культурным капиталом, вложенным родителями в ребенка, сколько с капиталом финансовым.

В результате образование становится институтом, далеким от демократических ценностей. Фактически функции образования расщепляются на открытые (освоение знаний, социализация и т.д.) и латентную (воспроизводство социального неравенства и социальной стратификации).

Тут уместно вспомнить идею децильного коэффициента: соотношение 10 % самых богатых к 10 % самых бедных. Коэффициент этот в Армении очень высок, т.к. наблюдается резкая имущественная поляризация общества.

Вот и получается, что верхняя «десятка» имущественной пирамиды имеет возможность получать качественное платное образование у нас и за рубежом, образование же широких масс будет консервироваться на весьма низком уровне. И, как следствие, дети из богатых семей, в образование которых вкладываются значительные инвестиции, заведомо «обречены» на доступ к рычагам власти в экономике и политике.

Это очень серьезный вызов наших дней, который усугубляется конкретными реформами в системе образования РА: введение старшей школы лишает многих детей, особенно из деревень, возможности получать не только качественное, но и полное среднее образова-

ние. Иногда создается впечатление, что законы разрабатываются только для столицы: например новый Закон об аспирантуре и соискательстве перерекрывает кислород аспирантам и соискателям из регионов, так как многие из них не смогут набирать необходимые кредиты, для чего необходимо длительное время находиться в Ереване.

Реформирование высшей школы (ВПО) идет под дамокловым мечом Болонской декларации. Время бурных споров и дискуссий как будто прошло, хотя только перечень использованных терминов и названий статей свидетельствует о том, как кипели страсти: Анти-Болонья, Болонья – азартная игра, ставка – будущее стран, оболонивание. Достаточно привести цитату из статьи ректора Тверского государственного университета, профессора Белоцерковского: «Слышите ли вы низкий рокот, подрагивание почвы, вибрацию. Система ВПО находится под сильнейшим стрессом. «Мощная глыба», с богатыми достижениями и традициями в прошлом, очутилась в условиях возрастающей ограниченности всех ресурсов, давления меняющихся внешних условий функционирования и растущего внутреннего напряжения. Как у всякой сложной системы, у нее есть некоторый диапазон эластичности, в пределах которого реагирование на стресс не требует изменений в структуре. Если же стресс выйдет за эти пределы, в системе произойдет структурная перестройка, что может сопровождаться частичными разрушениями и элементами хаоса, затем приспособлением к изменившимся условиям … Судя по всему наше высшее образование подошло к пределу эластичности, и в его теле начинают возникать трещины» [1: 3-9].

Сегодня уже ясно, что Болонский процесс – уже безальтернативная реальность. Болонья – не просто фактор реформирования образования, это политический, экономический, социальный, культурологический фактор. Болонья – это результат борьбы объединенной Европы и США в первую очередь за рынки труда и сбыта. В этой борьбе будет успешен тот, кто обеспечит высокое качество образования и конкурентоспособность выпускника.

В начало 20 века доминировало европейское континентальное образование. Затем победило и заняло ведущие позиции, оказалось более успешным англо-американское профессиональное образование с его ограниченной ролью государства, рыночными стратегиями развития, ориентацией на коммерциализацию результатов научных исследований.

Чтобы уравновесить конкурентные позиции на мировом рынке образовательных услуг, объединенная Европа ввела Болонскую систему, которая вобрала в себя многие черты более мобильного американского образования, которое создает предпосылки для интернационализации европейских вузов, интреграции науки, образования и предпринимательства (рынка труда) евроинтеграции, консолидации европейской идентичности, унификации и гомогенизации в результате глобализации.

Болонский процесс четко очертил свои целевые ориентиры. Это создание единого образовательного пространства, взаимное признание дипломов и квалификаций, внедрение парадигмы непрерывного образования, повышение уровня мобильности, принятие двухуровневой системы бакалавр-магистра с кредитной системой, введение системы сертификации качества образовательных программ, двойные (double) и совместные (joint) дипломы.

Перечислим и прокомментируем те проблемные зоны, которые, на наш взгляд, осложняют процесс реформирования образования в Армении и ее интеграцию в европейское образовательное пространство:

- коллапс рынка труда, социального заказа,
- низкая информированность не только общественности, работодателей, студентов, но и преподавателей о приоритетах Болонского процесса,
- недостаточная разработанность национальной квалификационной системы (NQF),
- отсутствие традиций и механизмов социального партнерства с работодателями и рынком труда,

- отсутствие традиций и механизмов мониторинга экономической судьбы выпускников, что даст четкую картину инвестиционной привлекательности вуза и образовательных программ (далее ОП),

- перегруженность учебной сетки многопредметьем,

- недостаточный уровень финансовой поддержки вуза со стороны государства (например, суммарные расходы в год одного студента в России 1.5 тысяч долларов, в США и Канаде - 23-24 тысячи, в Англии и Франции – 11-12 тысяч, в Армении значительно меньше).

- отсутствие механизмов взаимоувязки разработки ОП с экономическими и социальными потребностями, т.е. с социальным заказом.

- чрезмерная централизованность и иерархичность вузовского управления, что порождает пассивность, безынициативность, а следовательно, неэффективное использование человеческих ресурсов, отсутствие инновационной и креативной среды.

- старение академического сообщества, перегруженность преподавателей многопредметьем, совместительством, дополнительной нагрузкой по Тюнингу учебно-методических документов.

- консерватизм образовательной системы в целом, традиционная настороженность к инновациям и тяготение к привычным методам работы.

- неустоявшаяся терминология, вызванная часто неэффектным переводом европейских дефиниции.

- отсутствие должного сопряжения триады наука - образование – рынок труда.

Более того, сегодня образование, несмотря на декларативную автономию и самоуправляемость, все еще регулируется государством, а рынок труда – уже нет, поэтому тандем «вуз – рынок труда» затруднён». Невозможно спрогнозировать, какие специальности востребованы сегодня, а какие через несколько лет. По результатам очень серьезного международного исследования, к 2020 г. будет востребовано 100 тысяч новых специальностей. Как в Армении? Кто может сделать этот прогностический маркетинговый анализ рынка?

Трансграничная образовательная мобильность все расширяется и охватывает весь мир. Можно говорить о формировании глобального образовательного пространства. Сегодня страны-лидеры поставляют на мировой рынок не только и не столько артефакты (электронику, станки, товары), сколько необходимые для их производства знания и технологии. Более того, мировое лидерство закрепляется за производством производителей знаний. И это высококачественное, элитное образование, т.е. образование становится экономически значимой и приносящей большой доход отраслью. Так, американцам оно приносит 13 млрд. долларов в год. Мировой доход 100 млрд. долларов в год , что эквивалентно годовому обороту мировых рынков золота, алмазов и ювелирных бриллиантов вместе взятых.

На современном этапе глобализации развернулась стратегическая борьба за совокупный мировой интеллект. При этом экспорт образования все больше рассматривается принимающей стороной как способ подготовки кадров для самих себя (причем, малозатратный). По оценке экспертов, в США 40% специалистов с докторской степенью, а в области информационных технологий и электроники – 57% не являются уроженцами страны.

Позитивно воспринимая новые возможности, которые позволяют нашим студентам продолжать свое образование в США и Европе, тем не менее хочется отметить, что одновременно возникает опасность невозвратной интеллектуальной миграции.

Литература:

1. Белоцерковский А.В. Образование и бизнес: шаг навстречу // Высшее образование в России, № 12, 2009.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 2000.

Կրթական տարածքը գլոբալացման համատեքստում. միտումներ և մարտահրավերներ

Արեն Սանթոյան
բ.գ.թ., դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
Սոֆյա Բաբայան
բ.գ.թ., դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
Տաթևիկ Բրուտյան
«Էվրիկա» դպրոցի ուսուցչուհի

Ամփոփում

Գլոբալացման արդի փուլում ծավալվել է ռազմավարական պայքար աշխարհի միագումար մտավոր ներուժի համար: Ընդ որում կրթության արտահանումը ընդունող կողմը դիտում է որպես կադրերի պատրաստում իրենց համար: Դրական գնահատելով նոր հնարավորությունները, որոնք թույլ են տալիս մեր ուսանողներին ուսումը շարունակել ԱՄՆ-ում կամ Եվրոպայում, այնուամենայնիվ պետք է նշել, որ միաժամանակ առաջանում է անվերադարձ մտավոր գաղթի վտանգը:

Educational environment in the context of globalization: trends and challenges

Aren Santoyan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vanadzor State University named after H. Toumanyan
Sophya Babayan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
Vanadzor State University named after H. Toumanyan
Tatevik Brutyan
Teacher of school "Eureka"

Summary

At the present stage of globalization unfolded strategic struggle for total global intelligence. The export of education is increasingly seen as a way to host a training for themselves. Positively perceiving new opportunities that enable our students to continue their education in the United States and Europe, however, we note that at the same time there is a danger of intellectual migration non-returnable.

УЧЕТ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ: СОЮЗ *И*

Валентина Тубин
Тартуский университет

***Ключевые слова**: компетентность обучающихся, межъязыковая интерференция, семантический анализ, союз «и»*

В представленной работе будут рассмотрены русский союз *И* и его эстонские эквиваленты с учетом преподавания русского языка как иностранного (РКИ) эстонским учащимся. Также будут показаны возможности использования результатов контрастивного исследования при разработке теоретического и практического материала для изучающих русский язык эстонцев (уровень 0 – A1 и последующие).

Союз *И* относится к группе непроизводных сочинительных соединительных союзов [1, 215-216]. В «Толковом словаре современного русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной приводятся 4 его функциональные разновидности употребления (грамматические значения), каждое из которых требует отдельного исследования В данной работе будет подробно рассмотрено употребление союза *И* в первом значении, когда он «соединяет однородные члены предложения, а также части сложносочиненного предложения между собой», например, «*Достижения науки и искусства. Воздух чист и свеж. Блеснула молния, и прогремел гром*» [2, 227].

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой, где союз *И* представлен 7 значениями, первое из них формулируется аналогичным образом: «употр. при соединении однородных членов предложения и целых предложений, представляющих собою однородные сообщения. // Употр. при перечислении однородных членов предложения или придаточных предложений» (автор словаря примеров не приводит) [3, 227].

Е. В. Урысон указывает на то, что наличие функции соединения однородных членов предложения и предложений в целом у союза

И, подвергает трудностям его семантический анализ [4, 281]. Исследователь приводит три примера для прояснения своей позиции:

(1) *Мне стало душно, и я вышел.*

(2) *Весной Петя и Маша поженились.*

(3) *С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно* (А. С. Пушкин).

На основе приведенных примеров утверждается, что «при этом союз *И* как будто не выражает никакого значения. Соединяя предложения, он, на первый взгляд, ничего не добавляет к значению всего высказывания. В позиции между членами предложения он предстает как практически десемантизированное служебное слово» [4, 281].

В первом, рассматриваемом нами значении, союз *И* действительно практически является десемантизированным служебным словом, поскольку в этом случае он не соединяет члены предложения или части сложного предложения, которые были бы связаны определенными логическими отношениями, например, временными, причинно-следственными и др.

В «Новом частотном словаре русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова лемма союза *И* находится на первой позиции – это самая употребляемая лемма, а также самый частотный союз русского языка [5, 418]. Этим определяется актуальность исследования данного союза в сопоставительном плане с последующим лингвометодическим осмыслением результатов и использованием их в практике преподавания русского языка как иностранного.

Основные эстонские соответствия русского союза *И* – это союзы *JA* и *NING*, например, «*Дождь прошел, И все вокруг засверкало*» – „*Sadu lakkas JA ümberkaudu lõi kõik särama*» [6, 493]. Необходимо отметить, что у союза *И* в эстонском языке имеются и другие эквиваленты, что подтверждает целесообразность лингвометодического описания данного русского союза на фоне эстонского языка. Эстонский союз *JA*, как и русский *И* – самый частотный сочинительный союз, который так же в первом значении реализует синтаксическую функцию соединения как членов предложения, так и частей сложного предложения, например, „*Ants JA Mäidu käivad koolis*» (*Антс И*

Мяйду ходят в школу) [7, 641-642]. Всего в «Толковом словаре эстонского языка» дается 5 функциональных разновидностей употребления союза *JA.*

Союз *NING*, как указано в «Словаре синонимов» эстонского языка, является синонимом союза *JA* [8, 117], хотя не всегда может служить ему заменой. В частности, он употребляется в конструкциях, где союз *JA* повторяется, например, „*Kokku tulid Mikud JA Mannid NING Eedud JA Annid*» (*Собрались Мики И Манни, И / А ТАКЖЕ Ээди И Анни*) [9, 664], при этом надо отметить, что в русском языке в данной конструкции можно употреблять как союз *И*, так и союз *А ТАКЖЕ*, который в свою очередь является одним из эквивалентов эстонского союза *NING* [10, 450]. Важно также, что эстонскому союзу *JA* в русском языке кроме союза *И* могут соответствовать также союзы *А, НО, ОДНАКО,* которые в эстонском языке имеют и другие собственные эквиваленты. Эти сложные межъязыковые пересечения представляют значительные трудности для эстонских учащихся.

Для того чтобы усвоить правильное употребление союза *И*, изучающие русский язык эстонцы должны точно запомнить, в каких контекстных условиях и в каких значениях данный союз функционирует. При этом преподаватель должен четко представлять себе возможности межъязыковой интерференции, которые выявляются в ходе сопоставительного анализа материала.

После того, как определены все возможные значения употребления одного или другого русского союза, а также найдены все их возможные эквиваленты в эстонском языке, необходимо сконструировать систему подачи имеющегося материала учащимся русскому языку эстонцам.

Таким образом, в лингвометодически направленном сопоставительном исследовании русских союзов и их соответствий в эстонском языке выделяется несколько этапов. Первый этап – функционально-семантическая классификация конструкций с союзами. Второй этап – определение эстонских соответствий русских союзов в том или ином значении. (Эти этапы были представлены выше на материале союза *И* в его первом значении). Третий этап – разработка

теоретического учебного материала на данную тему для эстонцев, изучающих русский язык.

Теоретический материал для ученика (русско-эстонские функционально-семантические параллели – в данном случае союз *И* с его эстонскими соответствиями) представляются в виде таблицы, которая в учебном пособии или поурочных разработках может предваряться следующим заданием: «Ознакомься с основным грамматическим значением (функцией) русского союза *И*, а также его эстонскими эквивалентами. Постарайся их запомнить».

Союз И в функции связи между членами предложения и частями сложного предложения, а также его эстонские эквиваленты (Vene sidesõna „И" põhitähenduses ja tema eestikeelsed ekvivalendid)

Tähendus (значение)	**Näide (пример)**	**Eesti vaste (эстонское соответствие)**	**Sidesõna (эстонский союз)**
lauseliikmete ühendamine	Катя *И* Петя хорошие друзья.	Katja *JA* Petja on head sõbrad.	ja
		Katja *NING* Petja on head sõbrad.	ning
	Друзья приехали *И* из Тарту, *И* из Нарвы, *И* из Пярну, *И* из Пскова.	Sõbrad tulid Tartust *JA* Narvast *JA* Pärnust *NING* Pihkvast.	... ja ... ja ... ning
	Друзья приехали *И* из Тарту, *И* из Нарвы, *И* из Пярну, *А ТАКЖЕ* из Пскова.	Sõbrad tulid Tartust *JA* Narvast *JA* Pärnust *NING* Pihkvast.	
osalausete ühendamine	На улице играют дети, *И* светит солнце.	Väljas mängivad lapsed *JA* paistab päike.	ja
		Väljas mängivad lapsed *NING* paistab päike.	ning

Таблица будет заполняться по ходу исследования других синтаксических конструкций с различными функционально-семанти-

ческими разновидностями употребления союза *И*. С учетом выявленных типов межъязыковых соответствий будет разработана система практических заданий и упражнений для учащихся (Четвертый этап лингвометодического сопоставительного исследования союзов – внедрение теоретических разработок в практику обучения русскому языку эстонцев).

Подобным образом будет решаться задача создания комплекса теоретического материала и практических заданий для изучающих русский язык эстонцев и по другим сочинительным, а затем и подчинительным союзам. В состав комплекса будет входить и представленный выше материал с союзом *И*. Сопоставительный подтекст и открытое сопоставление русского и эстонского материала в ходе изучения союзных синтаксических конструкций позволит предупредить межъязыковую интерференцию на данном уровне языка и повысит языковую компетентность обучающихся.

Литература:

1. Шелякин М. А. 2006 — Справочник по русской грамматике. М.
2. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. 2011 — Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо.
3. Ефремова Т. Ф. 2001 — Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.
4. Урысон Е. В. 2011 — Опыт описания семантики союзов. М.
5. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009 — Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник.
6. Леэметс Х., Саари Х., Кулля Р. 2000 — Русско-эстонский словарь 1. Таллинн.
7. Langemets M., Tiits M., Valdre T., Veskis L., Viks Ü., Voll P. 2009 — Eesti keele seletav sõnaraamat 1. Tallinn.
8. Õim A. 1991 — Sünonüümisõnastik. Tallinn.
9. Langemets M., Tiits M., Valdre T., Veskis L., Viks Ü., Voll P. 2009 — Eesti keele seletav sõnaraamat 3. Tallinn.
10. Lagle T., Liiv M., Kallas J., Romet A., Viks Ü. 2003 — Eesti-vene sõnaraamat 3. Tallinn.

Մայրենի լեզվի հաշվառումը ռուսերենի՝ որպես օտար լեզվի ուսուցման ժամանակ. *и* (և) շաղկապը

Վալենտինա Տուբին
Հումանիտար գիտությունների մագիստրոս
Տարտուի համալսարան

Ամփոփում

Հոդվածում դիտվում է *и* (և) շաղկապը և նրա էստոնական համակերպը ռուսաց լեզվի որպես երկրորդ օտար լեզվի դասավանդման տեսանկյունից. նշվում է նաև հետազոտությունների հակադրական արդյունքների հնարավորությունները տեսական և գործնական նյութերի մշակման գործում: Ռուսերենի շաղկապների և մասնավորապես *и* (և) շաղկապի համեմատական հետազոտությունները հիմնված են ռուս-էստոնական նյութի վրա և բաժանվում են հետևյալ փուլերի. 1. շաղկապակիր քերականական կառուցվածքների իմաստագործառութային դասակարգումը, 2. ռուսերենի շաղկապների էստոնական նմանօրինակների որոշումը իրենց տարբեր նշանակությամբ, 3. տեսական ուսումնական նյութերի ուսումնասիրումը ըստ թեմաների, 4. գործնական հանձնարարությունների և վարժությունների համակարգի ստեղծումը:

Considering of the native language in the process of teaching of Russian as a second language: the conjunction *И* (*AND*)

Valentina Toubin
Master of Human Sciences
University of Tartu

Summary

The article discusses Russian conjunction *И*(*AND*)and its equivalents in the Estonian language in the aspect of teaching .Russian as L2 for Estonian students. Also shows possibilities of using of contrastive research results in the elaboration of theoretical and practical materials (A0 – A1 and next levels). The whole, pedagogically oriented comparative research of Russian conjunctions and especially of the conjunction *И*(*AND*), based on Russian-Estonian material, is divided into the following stages: 1) functional-semantic classification of grammar construction with conjunctions; 2) determination of Estonian equivalents to Russian conjunctions in their different meanings; 3) making of theoretical training materials, based on this topic, for Estonian students, who learn Russian language; 4) creation of the system of practical tasks and exercises, based on this theoretical background.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

LITERARY STUDIES

ВОЗМОЖНОСТИ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нуне Аракелян
Арцахский государственный университет

Ключевые слова: *гипертекстовая беллетристика, Интернет, интернет-литература, сетература, фрилансер*

С развитием современных технологий многие стали поговаривать о конце традиционной культуры, литературы в том числе. Однако художественная литература не просто не умерла, но и нашла новые формы своего обитания, среди которых Интернет стал занимать одно из главных мест. Помимо того сегодня любое уважающее себя периодическое издание имеет свое представительство в Интернете. Все большее количество газет и журналов предлагают свои материалы посетителям Сети. Распространение практики ознакомления с новыми литературными произведениями через всемирную сеть интересен прежде всего потому что, это означает конец монополии печатного станка и конец трудностям, связанным с дальностью расстояния между центром и периферией. Как правильно выразился литературовед Сергей Корнев «с распространением Интернета теряется необходимость в этом посреднике между производителями и потребителями текстов и идей. Деятельность по распространению текстов, а значит, и по производству текстов, которое так или иначе ориентируется на читателя, на потребителя, больше не связана с книгоиздательским бизнесом и выработанными социумом механизмами его регулирования. По крайней мере, в одном, не столь уж несущественном аспекте, происходит эмансипация мира идей от социальной машины [1]. Интернет погружает нас в состояние перманентного конгресса, конференции, когда люди, разбросанные по разным концам Земли, имеют возможность собраться как бы в одном зале. Все происходит здесь и теперь – а значит, исчезает не только пространство, но и время. Если типичный срок публикации в толстых журналах – это месяцы, то в интернет идеи и тексты

поступают прямо в момент их рождения. Соответственно, дискуссия, которая в печати растягивается на многие месяцы и годы, в интернете может уложиться в считанные дни.

Что же такое сетевая литература? Вот как ее определяет Википедия. Сетевая литература (сетература) — понятие, предлагаемое некоторыми публицистами для обозначения совокупности литературных произведений, основной средой существования которых является интернет [2]. От вопроса о сетевой литературе (которая если существует, то именно в противопоставлении литературе несетевой, «обычной») необходимо отличать вопрос о дополнительных, чисто практических возможностях, предоставляемых Сетью любой литературе, — удобстве поиска текстов и по текстам, удобстве доступа к текстам из любой точки Земли и т. п.; существование этих возможностей уже привело к появлению множества сайтов, служащих интернет – представительствами бумажных литературных журналов, издательств, отдельных авторов.

Интернет-литература особо притягательна для молодых, никому не известных авторов, которые не имеют возможности издавать свои книги посредством книжных издательств. Это своеобразный литературный кружок, который действует круглосуточно и который помогает молодым литераторам найти свой стиль, языки приобрести круг читателей и даже почитателей. По сути, сетевая литература возродила давно забытую, известную еще с XIX века традицию литературного салона, в который мог зайти без приглашения и даже без рекомендации любой начинающий автор и литературный критик. Тут возникает проблема разделения профессионального писателя и дилетанта. Необходимость дифференциации текстов по качеству возникает не только в сетевой литературе. «Каждая культура неизбежно включает дихотомию текстов высокой и низкой ценности. Крайним проявлением её будет противопоставление того, что спасает, тому, что губит» [3, 219], – отмечает известный филолог и культуролог Юрий Михайлович Лотман. С появлением сетевой литературы появилась даже новая профессия «фрилансер» В англо-русском словаре Томпсон freelance объясняется как «журналист, не

принадлежащий к определенной редакции» [4, 391]. В профессиональном же обиходе фриланс – свободная, а в век интернета – нередко еще и удаленная работа. Вне штата, «вне» зарплаты – на одном только гонораре. Дело доходит до появления объявления на сайтах «Требуется писатель» т.е. «написатель» текстов.

Поэтому поначалу сетевой литературе часто вменялось в вину низкое качество, неизбежное при отсутствии редакторского вмешательства, аналогичного работе журнальных редколлегий, и чрезмерные амбиции авторов сетературы, на самом деле характерные для всех молодых литераторов всех времён. В то же время падение тиражей литературных журналов и фантастическая популярность сетевиков заставляла серьёзных писателей, поэтов и критиков задуматься о необходимости собственной стратегии в Интернете. Так был развеян миф об обязательном низком качестве сетевой литературы, тем более что низкокачественные произведения встречаются и в журналах и плохие романы даже нередко издаются огромными тиражами.

Сетевая литература значительно расширила границу знакомых жанров, особенно малой прозы. Некоторые писатели иногда становятся известными не столько благодаря интересным сюжетам и стилю, сколько технике работы над книгой (научно-фантастический роман Дмитрия Глуховского «Метро 2033»,например, стал популярным задолго до того, как был окончен, благодаря тому, что писатель публиковал роман в Интернете по частям – каждую новую написанную главу и читатели с нетерпением ждали ее) Самое интересное в таких случаях, что читатели могут не только в режиме онлайн комментировать произведение, но и предлагать свой вариант дальнейшего развития сюжета.

Сетература охватывает почти все традиционные жанры литературы, однако дольше всех в ней продвинулись такие жанр как фантастика и фэнтези. Это объясняется тем, что в интернет-читатели, как правило, молодые люди или подростки.

Отношение к сетевой литературе у читателей и профессиональных литераторов неоднозначное, от восторженного до полного ее неприятия. «Литература – совсем не то, чем она вам представляется,

– пишет современный критик Валерий Сердюченко. Это извлечение единственного грамма радия из тысячи тонн словесной руды, поиск в каждом слове, эпитете, запятой их инфракрасного и ультрафиолетового значения, потому что в художественном тексте и запятая глаголет. Оставьте поэтому. Если же гордыня ваша велика, увековечьте себя лучше в чем-нибудь другом, не менее достойном: капитальном ремонте квартиры, например» [5,78]. Критики сетературы единодушны в одном: все авторы Интернета пишут плохо. Как дебютанты, так и те, кто уже состоялся по ту сторону электронного зазеркалья. И тех и других искушает легкость возможности сетевой публикации. Набрал, щелкнул «мышкой» – и планетарный читатель гарантирован.(Хотя все не так просто, как это покажется на первый взгляд, ибо нужно еще уговорить хотя бы одного читателя зайти на определенный сайт и прочитать то, что там написано.)

«Ничего подобного. Не только планетарный, но и вообще никакой читатель не гарантирован. Читать литературу с экрана вообще довольно мучительное занятие. Слишком быстро исчерпывается эмоционально-психологический ресурс. Но это, так сказать, физические издержки компьютерного чтения. Много существеннее эстетические. Текст теряет энергетическую упругость, становится анемичным, «плывет», персонажи превращаются в «говорящие головы», глубина становится плоскостью. Экран преуменьшает достоинства произведения, укрупняя его недостатки.

После десятой страницы начинает рябить в глазах и ломить спину, абзацы прыгают, «мышка» пробуксовывает, время пользования истекает, какое уж тут наслаждение искусством слога.» [6].

Тем не менее ,возможности, которые предоставляет сетевая среда, делают ее идеальным местом для интерактивных жанров литературы, для разнообразных форм литературной игры и коллективного творчества. Это и коллективное создание гипертекстовой беллетристики, и интерактивные игры по стихосложению (вспомним знакомую с детства игру «буриме»), зачастую принимающие весьма изощренную форму, и просто групповое творчество, выливающееся в "виртуальный театр". Эти литературные игры, произведения, кото-

рые не могут быть перенесены на бумагу либо сильно обесцениваются при таком переносе. Здесь сетевая литература выступает сама как жанр, точнее – как совокупность жанров, которые полного развития достигают только во всемирной паутине.

Ситуация с сетевой литературой привела в настоящее время к тому, что в некоторых странах блоггеров даже хотят приравнять к профессиональным писателям и требовать от них уплаты налогов

Возникает вопрос «Можно ли считать интернет-литературу современным самиздатом?» Обычно такая параллель подразумевает, что в интернете, как и в самиздате, всякий желающий может сам себя опубликовать без какого-либо цензурного, редакторского и тому подобного вмешательства. Все это, на наш взгляд, довольно далеко от истины. Во-первых, какая-никакая цензура в Интернете уже есть, кроме того, произведения самиздата читались запоем, а произведения Интернета могут найти своего читателя в том случае, если на страничку сетевого писателя хоть кто-нибудь зайдет и прочитает.

Когда-то писатели шутили, что вскоре писателей будет больше, чем читателей, и в конце останется один единственный читатель, которому писатели и поэты будут устраивать овации. На сегодняшний день мы столкнулись благодаря Интернету с ситуацией, когда каждый пишущий может претендовать на роль писателя и эта ситуация меняет саму роль писателя в обществе. Будут читать его или не зависит от качества текста, который он произносит или пишет. Одно можно сказать совершенно определенно: люди продолжают писать, читать, анализировать текст. И пока это будет, художественная литература будет жить, и у нее будут читатели.

Литература:

1.Корнев С. Интернет как место обитания литератур http://www.netslova.ru/kornev/kornev.htm
2.Википедия.http://ru.wikipedia.org/wiki/
3.Лотман. Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв внутри мыслящих миров. СПб, 2000. С. 219.

4.Англо-русский словарь / Oxford Russian Minidictionary /... Редактор: Делла Томпсон ... Oxford University Press 2006
5.Сердюченко В. Прогулка по садам российской словесности // Новый мир. 1995. №5; 78
6.Сердюченко В. Жертвы аборта в садах изящной словесности // Русский переплёт. 2000. 6 июля
http://www.pereplet.ru/text/strela001.html и др.

Համացանցային գրականության հնարավորությունները

Նունե Առաքելյան
բ.գ.թ., դոցենտ
Արցախի պետական համալսարան

Ամփոփում

Հոդվածում դիտարկվում են ինտերնետ-գրականության բացառիկության բնութագրերը և նրա տարատեսակները: Վերջին ժամանակներում ինտերնետ-գրականությունը հստակորեն ամրագրվել է մեր կյանքում, կան հեղինակներ, որոնց ստեղծագործությունները զետեղված են միայն ինտերնետում: Հոդվածում հետազոտվում են այդ գրականության առանձնահատկությունները, առաջին հերթին կարելի է նշել այն հանգմանքները, որոնք հնարավորություն են ընձեռում երիտասարդ հեղինակներին տպագրվելու:

Available the Internet Fiction

Nune Arakelyan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Artsakh State University

Summary

The article examines the characteristics of the phenomenon of Internet fiction and its varieties. Recently, the Internet literature is firmly established in our lives, there were authors whose works exist only on the Web. The article studies the features of this literature, the main one of which is the ability to publish for young authors.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД Б.Л. ПАСТЕРНАКА СТИХОТВОРЕНИЯ А. АКОПЯНА «КАЗНЕННЫЕ»

Сергей Захарян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *переводческое мастерство, вольный перевод, подстрочник, соцреализм, пролетарская поэзия*

Как мы уже заметили, Л. Мкртчян в своей монографии «Армянская поэзия и русские поэты XIX-XX вв.» определил перевод Б. Пастернака стихотворения А. Акопяна «Казнённые» как «вольный». Для нас важно определить, что послужило основанием для формирования этого оценочного суждения, а также насколько изменилась переводческая манера Б. Пастернака и его отношение к армянской поэзии.

Стихотворение А. Акопяна (Հ. Հակոբյան «Նահատակները») было написано в 1909 году. В стихотворении армянский поэт заявил о себе как о пролетарском писателе, стороннике революционного преобразования жизни, в дальнейшем представителя соцреализма в армянской советской поэзии.

Заглавие стихотворения «Նահատակներ» переведено Б. Пастернаком точно, дословно как «казненный», «мученик», «страдалец», что нужно было воспринять как знак дословности перевода. Однако при первом же чтении перевода стихотворения бросается в глаза метрическая несоизмеримость как в организации стиха, так и в идейно-художественном плане.

Из 30 строк оригинала стихотворения А. Акопяна «Նահատակները» Б. Пастернак организует свой перевод 19 строками, сгущая краски ужаса казни до апокалипсической картины.

Его перевод ассоциируется с картиной Верещагина «Апофеоз войны» с пирамидально сложенными черепами казнённых жертв. Если А. Акопян от имени казнённых призывает к отмщению, то Б. Пастернак словно опускает эту тему мести, и лишь в конце своего перевода одной строкой: «И в нас // Без глаз», косвенно поддержива-

ет эту идею. Для иллюстрации расхождения оригинала и перевода, их несоизмеримости приведем наш подстрочник:

Перевод Б. Пастернака:	Հակոբ Հակոբյան
Идут, идут – и сонм голов, Как паводок без берегов, Из рвов и из могильных ям Идут – конца нет мертвецам. Волна взбегает за волной. Иной – с пробоиной сквозной, С отметиною кровяной – Иной. Казнённые. Лавина тел. Тот хвачен шашкой, тот висел, В том пригоршнею пуль засел Расстрел. Идут, и вопиет, как глас, Глухой укор, немой наказ Повисших рук, рубцов и язв, Отёков и пустых глазниц, Вперённых ниц. И в нас. Без глаз [3; 337].	Նահատակները Գալի՛ս են, գալի՛ս…Նայեք այն ձորին, Վերջ չկա ծայրին… Գալի՛սեն նրանք սև կմախքների Ծով գլուխներով, Գալիս են փրփրում բյուր ալիքների Հառաչանքներով. Նրանց բիբերը կախաղանների Չվանից պայթած, Նրանց կրծքերը համազարկերից Ծակոտված, ջարդված, Մեկի բերանից դեռ թարմ արյունը Կա՛թ-կա՛թ ծորալիս, Մյուսի ճակատին վերքի բերանը Սև-սևին տալիս՝ Գալիս են, գալիս… Գալիս են նրանք և ամպերի պես Կուտակվում, դիզվում, Վրեժ են ուզում… Նրանց բողոքից դահիճների դեմ Քարերն են հուզվում Ահռելի նրանց որոտումներից Ցնցվում է երկինք,
(подстрочник наш С.З) Идут, идут…смотрите на то ущелье, Нет конца и края… Идут они – чёрных черепов Как море голов, Идут, пенятся в хрустальных волнах –	Հողմը նոր դաղրած թևերն է պարզում- Գուժում փոթորիկ, Զգայուն ծովը թափով երազում Իններորդ ալիք Եվ մթնոլորտում ցասկոտ հրդեհի Կայծը բորբոքվում , Հզո՛ր,վիթխարի՛,անխուսափելի՛ Վրեժը կոփվում… [5; 89].

Возгласами. Их зрачки от виселичной Верёвки взорванные Их груди от залпа изрешеченные, сломленные У одного изо рта – ещё свежая кровь по капле капает. У другого лобная рана Черным-черно зияет. Идут-идут. Идут они и как облака Собираются, складываются Мести хотят… От их протеста против палачей Камни волнуются От страшного их грохотания Колыхается небо Буря, только что успокоившаяся, свои крылья распластала: Предвещает ураган, Чувственное море – в скором сне Девятый вал. И в атмосфере гневного огня Искра воспламеняющая, Сильного, могущего, неминуемого Гнева закалка…	

Как видно из подстрочника стихотворение А. Акопяна «Նահատակները» композиционно делится на две части, которые условно можно назвать: Реквием и Месть.

Для пастернаковского перевода характерно сохранение оригинала акопяновского рефрена «Գալի՛ս են, գալի՛ս», «идут, идут» с вариациями и перемещениями (1 строфа; 4 строфа). Пастернак указывает в своём переводе рефренное звучание и другого слова «Նրանց», «Иной» в 6 строке и 8-ой (укороченной).

Как видим, весь перевод стихотворения А. Акопяна «Казнённые» в исполнении Б. Пастернака отличается краткостью, обрывистостью строки, неполной рифмовкой в 4-ой строфе и её нарушением в 5-ой, что, по нашему мнению, соответствовало идейно-художественной задаче переводчика.

Несмотря на неполный перевод стихотворения А. Акопяна «Казнённые», Б. Пастернаку удалось создать реалистическую и эмоционально-яркую страницу армянской поэзии пролетарского периода.

Если обратиться к биографии Б. Пастернака, то к 1926 году в восприятии писателя произошли коренные мировоззренческие изменения. Вскоре после поэмы «1905 год» в печати вышла другая поэма писателя «Лейтенант Шмидт» (1926), где была заявлена «высокая болезнь» христианской жертвенности.

В образе Шмидта чётко воплотились пастернаковские представления о месте личности в истории, его понимание того, как далеко может простираться независимость человека от его эпохи и где находится счастье, в которой личность способна в полной мере проявить свою внутреннюю духовную свободу:

Всё отшумело. Вставши поодаль,
Чувствую всею силой чутья:
Жребий завиден. Я жил и отдал
Душу свою за други своя [2; 312].

В поэме «Лейтенант Шмидт» Пастернак выступил против «абстрактного гуманизма» – благополучия отвлечённого потомка, противопоставив ему библейские слова Христа, сказавшего, что нет большой любви, как любовь того, кто душу свою положит за «други своя».

Выбор реквиема в переводе стихотворения А. Акопяна «Казнённые» был не случаен: тема смерти с трудом входила в художествен-

ный мир Пастернака, мир оптимистический, весь пронизанный волей к жизни, и реквием стал словно указанием верного пути в осмыслении этой темы.

Два года спустя после перевода в 1928 г. Б. Пастернак написал оригинальное стихотворение «Рослый стрелок, осторожный охотник». Конец 1920-х гг. был исторически тяжёлым, жестким временем резкой идеологической критики. В «Охранной грамоте» 1929 год назван «последним годом поэта», в письмах того времени Б. Пастернак писал о «возобновлении террора» (О.М. Фрейдшберг, 10-20 мая 1928 г.) и «не оставляющем» его чувстве «близкого конца, либо полного, физического, либо частичного и естественного, либо же, наконец, невольно-условного» (Б.Л. Пастернак, 26 февраля 1930 г.). В стихотворении дан образ насильственной смерти и прощание с жизнью.

Рослый стрелок, осторожный охотник,
Призрак с ружьем на разливе души!
Не добирай меня сотым до сотни,
Чувству на корм по частям не кроши.
Дай мне подняться над смертью позорной.
С ночи одень меня в тальник и лед.
Утром спугни с мочежины озерной.
Целься, все кончено! Бей меня влет.

Трогательно последнее четверостишие стихотворения. Мысль о том, что самоубийство крадёт у творчества то особое восприятие действительности, которое даётся только после тягостного пути восхождения, стала заветным убеждением Пастернака и не раз останавливала его на краю гибельного решения.

За высоту ж этой звонкой разлуки,
О, пренебрегнутые мои,
Благодарю и целую вас, руки
Родины, робости, дружбы, семьи [2; 221].

По нашему замечанию, душевное состояние Б. Пастернака конца 20-х гг. XX века не позволило осуществить ему полный перевод

стихотворения А. Акопяна «Казненные», ибо в это время поэт требовал от своего поколения не мести, а христианского покаяния.

Как видим во второй части оригинала армянского поэта остаются огромные пласты идейно-художественного пространства, не реализованные Пастернаком-переводчиком.

А. Акопян в своём творчестве продолжит тему мести и сострадания к жертвам революции в таких стихотворениях как «Հեղափոխություն» (1905) («Революция»).

Տեսե՛լ ես, ընկե՛ր, ալեկոծումը ահեղ օվկիանի,
Ուր երկու ալիք շարժուն սարի պես իրար են վազում,
Իրար են վազում փրփուրը բերնին հովազի նման
Ու հոխորտալով՝ զարնվում,փշրվում ավազի նման…
Իսկ երբ անցնում է վրեժի րոպեն, հուզումը վայրի: [74;70]
Видел ли друг! Волнение огромного океана,
Где две волны, как подвижные горы набегают друг на друга
Набегают друг на друга, как барс с пеной на рту
И с грохотом ударяются, разлетаются как песок…
А когда проходит минута мести, волнение дикое… (подстрочник наш – С. З.)

«Մեռա՛ն՝չկորա՛ն» (1906) («Умерли – не пропали»)

Երբ խոսում էին ծով-ամբոխի մեջ
Վիշտ ու կարիքից
Վրեժի, ցասման հրով բորբոքված
Նրանք բեմ ելան՝
Եվ բեմը դարձավ արյունով ներկված
Զոհերի սեղան:
Ինչպիսի՛ հերոս ընկերներ մեռան… (Մեռան չկորա՛ն…)

«Հեղափոխական բալլադա» (1933) («Революционная баллада»)

Երդվել են թաղերն լուծելու վրեժ
Մահապարտների թափված արյունով:
(«Հեղափոխական բալլադա») [5; 191]:

Исследователь творчества Акопа Акопяна А. Асатрян в 50-ые гг. XX в. по поводу стихотворения «Казненные» («Նահատակները») писал восторженно-дифирамбные строки, что волне соответствова-

ло духу и времени эпохи: «Հոգու անհուն խորությամբ վերապրելով ռևոլյուցիայի զոհերի վիշտը, Հակոբյանը չընկճվեց այդ վշտի ծանրության տակ: Նա այն խոր համոզմունքն ուներ, որ «ազատության զինվորները անպարտ են» իրենց մահվան մեջ իսկ: Բանաստեղծը լսում էր և ժողովրդին լսելի դարձնում ռևոլյուցիայի նահատակների վրեժի կոչող ձայնը» [4; 81-82]: («Бесконечной глубиной души, переживая печаль жертв революции, А. Акопян не был подавлен грузом этой печали. Он имел глубокую убежденность, что ,,воины свободы непобедимы», даже в своей смерти. Поэт слушал и для народа делал услышанным зовущий к мести голос жертв революции»).

По замечанию А. Асатряна, Акопян этим стихотворением продолжает героическую линию своей поэзии в годы наступившей после первой русской революции 1905-1907 гг. реакции.

Исследователь творчества А. Акопяна 80-х годов XX века С. Манукян увидел в стихотворении «Казненные» несколько иную художественно-эстетическую картину: веру в обновление жизни: «Այս ամենի հետ միասին,բանաստեղծը տեսնում է ժամանակի էությունը, հին աշխարհը հիմնովին հեղաշրջելու կոչված պրոլետարիատի հաղթանակի պատմական անխուսափելիությունը: Ու մերթ փոխաբերական պատկերներով համոզում է, թե «մոտ է գարունը», շուտով պիտի երկինքը որոտա,գետը հեղեղ դառնա և քշի, տանի «հատակը ծովի տխմար այս ճահճին», մերթ «Նահատակները» ցասումնալից բանաստեղծության մեջ պարզորոշ ասում է.

Գալի՛ սեն, գալի՛ս…Նայեք այն ձորին,

Վերջ չկա ծայրին…» [6; 183]:

(«Вместе со всем этим, поэт видит сущность времени в основательном перевороте старого мира, необходимость исторической победы пролетариата. Иногда иносказательными изображениями убеждает нас, что мол «близка весна», что скоро небо должно содрогнуться, река превратится в поток и понесет, снесет «на морское дно бестолковое болото», иногда в яростном стихотворении «Казненные» определенно говорит – Идут, идут…смотрите на то ущелье, // Нет конца концу…») (перевод наш – С. З.)

Взаимовлияние русской и армянской поэзии, обусловленное новой социальной действительностью, начала XX века, привело к зарождению пролетарской поэзии, замкнутой на теме борьбы и протеста против царского самодержавия.

В русской поэзии одним из первых разработал идею социального протеста смоленский пролетарский поэт Алексей Михайлович Гмырёв. Он горячо воспринял ленинскую идею вооруженного восстания, стремился увлечь рабочие массы «на верх горящих баррикад» в стихотворениях 1905 года – «Призыв», «Набат», «Алая». С этого времени – первой русской революции 1905-1907 гг. – его жизнь была постоянно связана с риском. С декабря 1904 года поэта неоднократно арестовывали, а в мае 1906 года выслали в Архангельскую губернию.

Аресты были спутниками его жизни, тюремное начальство, зная свободолюбивую лирику Гмырёва, запрещало ему писать стихи, но они всё-таки попадали на волю. Находясь в самых тяжёлых условиях, Гмырёв оставался борцом. Это стихотворения – «Моим врагам», «Они победили», «Казненным». В возрасте 25 лет поэт скончался от чахотки в каторжной тюрьме в Херсоне.

Некоторые стихи Гмырёва появились в периодической печати и лишь в 1926 году был выпущен первый сборник поэта под названием «За решёткой».

Б. Пастернак в пятнадцатилетнем возрасте стал свидетелем вооруженного рабочего восстания 1905 г. на Красной Пресне. Увиденное потрясло юношу и наложило свой отпечаток. В это время формируются его взгляды, толстовское «непротивление зла насилием». Как итог духовных исканий Б. Пастернака стала вторая русская революция и послеоктябрьский период. Вот почему, переводя стихотворение А. Акопяна «Казнённые», Б. Пастернак оказался с армянским поэтом по разные стороны идеологической баррикады.

Б. Пастернак никогда не был пролетарским писателем, глашатаем революции, а темы его поэм «1905 год», «Лейтенант Шмидт», «Спекторский» лишь обозначали судьбу личности в дни тяжёлых испытаний.

У А.М. Гмырёва больше граней соприкосновения с армянским лириком в идейно-эстетическом плане.

В этой келье, тоскливой и душной,
Доживали последние дни
Два борца...
Узник, брат, преклони,
Зову горькой утраты послушный.
Преклони с тихой грустью колени.
Когда в сумраке серых углов
Пред тобой встанут черные тени
Двух безвременно павших борцов
(«Казненным») [1; 120].

Опыт первого перевода из армянской поэзии для Пастернака не прошел незамеченным. Им было создано цельное, законченное стихотворение с определёнными идейно-художественными задачами.

Возможно, тот переводческий пробел стихотворения А. Акопяна «Казненные», подсказал в дальнейшем Б. Пастернаку быть предельно внимательным в переводах собратьев по перу – Ав. Исаакяна, Е. Чаренца, Ам. Сагияна, Аш. Граши, в создании художественной картины мира армянских лириков.

Литература:

1. Гмырев А. Алые песни. Стихи. Письма. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1968, 318 с
2. Пастернак Б.Л. Собр. Соч. В 11-и тт. // Под. ред. Пастернака Е. Б. М.: «Слово/ Slovo», 2003.
3. Пастернак Б.Л. Собрание переводов: В 5 т. Т. 5. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004, 400 с.
4. Ասատրյան Ա. Հակոբ Հակոբյան, Երևան, «ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն», 1955, 177 էջ:
5. Հակոբյան Հ. Երկերի ժողովածու, Երևան, «ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն», 1955, հ. 1, 473 էջ:
6. Մանուկյան Ս. Հակոբ Հակոբյան, կյանքը և գործը, Երևան, «ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն», 1975, 386 էջ:

Հ. Հակոբյանի «Նահատակները» բանաստեղծության Բ. Պաստեռնակի ազատ թարգմանությունը

Սերգեյ Զախարյան
ավագ դասախոս
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Ամփոփում

Հ. Հակոբյանի «Նահատակները» բանաստեղծությունը գրվել է 1909 թվականին: Այս ստեղծագործությունում հայ բանաստեղծը ներկայացավ որպես պրոլետար գրող, կյանքի հեղափոխական բարենորոգման կողմնակից, իսկ հետագայում՝ որպես հայ խորհրդային գրականությունում սոցռեալիզմի ներկայացուցիչ: Թարգմանությունը աչքի է ընկնում տաղաչափական անհամաչափելիությամբ ինչպես չափածոտողերի կառուցվածքի, այդպես էլ գաղափարագեղարվեստական բովանդակության մեջ: Բնագրի 30 տողերի փոխարեն Բ. Պաստեռնակը ներկայացնում է 19 տող, խտացնելով մահապատժի սարսափի գույները՝ հասցնելով այն Հայտնության պատկերների:

B. Pasternak's free translation of H. Hakobyan's poem «Executed»

Sergey Zakharyan
Senior Lecturer
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

H. Hakobyan's poem "Executed" was written in 1909. In the poem Armenian poet said of himself as a proletarian writer, supporter of the revolutionary transformation of life in the future representative of socialist realism in the Soviet Armenian poetry. When reading a translation of the poem is striking metric incommensurability as the organization of the verse, and in the ideological and artistic terms. Of the 30 lines of the original poem by H. Hakobian "Executed" B. Pasternak organizes its translation 19 lines, exaggerated colors horror penalty to the apocalyptic paintings.

ГРИФЫ И БОЖЕСТВА ПЛОДОРОДИЯ

Тадевос Тадевосян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *англы, гриф, грифон, солярный культ, Тарку, Торк Ангех, тотем, тур, уличи*

Среди персонажей мифологического бестиария особое место занимают грифы (грифоны) – существа с телом льва, но с головой и крыльями орла. Надо отметить, что образ крупных хищных птиц, несмотря на видовой полиморфизм, дополняясь фантастическими деталями, часто выступает в идентичном функциональном контексте, что является следствием переноса значения и семантического расширения различных лексем: орел / гриф / грифон / сокол / коршун и т. д.

Изображения грифона встречаются на древних памятниках культуры от Индии до Ирландии. На шумерских глиняных таблицах грифон передает царю золотой жезл. Известно большое количество урартских печатей с изображением грифонов; грифона встречаем и на урартском бронзовом поясе из Кармир-блура. В Древнем Египте грифон считался самым могущественным животным, даже фараоны иногда изображались в его облике. Перо грифа было атрибутом богини Маат, а имя богини-матери Мут писалось иероглифом «гриф» / «коршун».

Черный гриф

В древнеиндийской мифологии известен Гаруда – царь всех птиц – с человечес-

ким телом, но с головой, когтями и клювом грифа. В древнеперсидской традиции Симург – птица с человеческим лицом, которая дарит волшебное перо молодому царевичу в эпосе «Шахнаме». Считалось, что Симург лечит, а перья его надо использовать при гадании и в магических целях. Ср.: по древнегерманским поверьям, от пера грифона слепые прозревали, а, если положить птицезверя на грудь женщине, то она исцелится от бесплодия. В немецкой сказке «Гриф-птица» перо грифа помогает герою разбогатеть и стать королем.

По свидетельству античных авторов, грифы на крайнем севере стерегут золото от одноглазых людей – аримаспов. По другим версиям, грифоны – хранители сокровищ Индии, Скифии и Бактрии. Вот, что пишет о золоте Индии и грифонах афинский писатель-софист II-III веков Флавий Филострат: «Что же до золота, добываемого грифонами, то существуют скалы, усеянные золотыми каплями, словно искрами, и золото это упомянутые твари высекают из камня силою клюва» [1, 71].

Римский писатель Клавдий Элиан дополняет картину описанием труда индийских златоискателей: «Местные жители, опасаясь силы этих животных, отправляются собирать золото не днем, а ночью, так как тогда надеются лучше спрятаться /.../. И если утаятся от грифов, то достигают двойной выгоды: и сами остаются живыми, и уносят домой ношу золота /.../. Если же окажутся схваченными – гибнут» [2, 241].

Описывая Скифию, средневековый монах-энциклопедист Бартоломей Английский отмечает: «Многие земли Скифии плодородны, но и многие необитаемы. Ведь, хотя во многих местах горы Скифии изобилуют золотом и драгоценными камнями, доступ к ним людей почти закрыт из-за свирепости грифов» [3, 80].

Действительно, широко известны древние изобразительные мотивы о борьбе людей с грифами. Особенно часто хищные птицы встречаются в скифском зверином стиле, где грифы иногда увенчаны рогами антилопы. Грифоны объединяют в себе земное начало, представленное в облике льва, и небесное начало, представленное в облике хищной птицы.

Эксцентричный англичанин Джон Мандевилль в своих знаменитых «Путешествиях», описывая Бактрию, резонировал: «Еще водятся в том краю многочисленные грифы. Говорят, что передняя часть туловища у них орлиная, а задняя – львиная. Это действительно так, у них и впрямь такая форма. Однако туловище грифа больше восьми львов, и он сильнее, чем сотня орлов. Гриф может поднять и унести в свое гнездо лошадь с всадником или пару волов, когда они находятся в одной упряжи, так как когти на его лапах огромные, из этих когтей изготовляют чаши для питья, а из его ребер делают луки» [4, 176]. В древности существовало поверье, что кубок из когтя грифона изменяет цвет, когда туда наливают яд.

Грифоны оберегают от людей сокровища и тайные знания, но в то же время они выступают как проводники в страну гиперборейцев, вестники богов и посредники между солнцем и землей. Неслучайно в алхимическом учении гриф символ сублимации, то есть перехода из твердого в газообразное состояние. Ср.: в современной городской мифологии Петербурга важное место занимает Башня грифонов – кирпичная труба во дворе бывшей аптеки Вильгельма Пеля: якобы владелец аптеки устроил в башне алхимическую лабораторию, которую охраняли грифоны.

По всей вероятности, грифы первоначально были богами-тотемами. Птицы-тотемы широко распространены у самых разных народов. Ворон был тотемом монголоязычных племен кереитов, ястреб – тотем айнов, беркут – тотем якутов, кречет – тотем эскимосов, коршун – эвенков и самагиров [5, 52].

Скифы (самоназвание «сколоты») и славяне (склавины) тоже, по-видимому, имели птичий тотем – сокола [6]. Вспомним русского сказочного героя Финиста – Ясного Сокола; соколом князь Игорь летал к морю; былинный Вольга также превращается в сокола.

Можно предположить, что у некоторых германских племен тотемом был ворон – не только священная птица Вальгаллы, но и постоянный спутник Одина (два ворона – Гугин и Мунин – всегда сопровождали верховного бога). Ср. с русским фольклорным персонажем Вороном Вороновичем. Орел являлся тотемом черкесов, этно-

нимическим «источником следует, по-видимому, считать осет. caergaes из *čarkas «орел»» [7, 344]. Орел, культ которого существовал в Древней Армении, в армянском эпосе выступает как посланец богов

Гриф (арм. – «angeł», «angł», «ankł») являлся тотемом у этнической группы армян, проживавшей в области Цахкотн. После того, как армяне восстали против владычества ассирийских царей, армянами стал править старший из сыновей хайкида Араменака – Зарех. После Зареха – Армог, затем – Сарханг, Шаваш, Парнаваз и, наконец, Багарат. О том, что образ правителя-предка Багарата слился с образом бога-тотема свидетельствует Себеос: «И сыновья Багарата унаследовали свое наследство в западной стороне, то есть в Доме Ангеха, потому что Багарат именовался и Ангехом, которого в то время варварский народ нарек богом» [8, 15]. В Древней Армении существовали город, крепость, деревня с названием Ангех (Ангх, Анкх). Дом Ангеха принадлежал нахарарскому роду Ангхян с центром в крепости Ангех. Интересно, что эта крепость «в период владычества Аршакидов была резиденцией епископов, одновременно здесь хранились сокровища царей династии Аршакуни» [9, 334]. Здесь достаточно вспомнить, что основной функцией мифологических грифов было хранение золота.

В дальнейшем, народная этимология связала имя бога Ангеха со словом «tgeł» («некрасивый»). Таким его и описал Мовсес Хоренаци: «/.../ муж с мрачным лицом и высокого роста, грубого сложения, со сплющенным носом и свирепым взглядом глубоко посаженных глаз» [10, 64], который топил вражеские корабли, кидая в море «холмоподобные скалы», и вырезал ногтями орлов на каменных плитах. Далее М. Хоренаци называет Ангеха «происходящим от некоего Паскама, внука Хайка» [10, 39]. Паскам – имя неясной этимологии, по всей вероятности, восходит к восточноиранскому *pas-q со значением 'пророк', 'вестник' и по своей функциональной характеристике тесно сближается с птицей Симург. Ср.: осет. Paskondi – мифическая птица-вещун. В армянском языке слово «paskuc‘» – другое название грифа; из армянского это слово перешло в грузинский язык:

«паскунджи» – 'грифон' и 'драконоподобная птица'. Получается, что Ангех – гриф, происходящий из рода грифов.

Гриф был тотемом не только у армян, но и у многих других народов, например, у индейских племен Северной Америки. По легенде майя, гриф отодвинул Солнце от Земли, иначе оно спалило бы все живое. Кроме того, перья грифа индейцы использовали в ритуалах оборотничества.

Однако гриф выступает тотемом не только у далеких американских индейцев, но и у родственных индоевропейских народов: германцев и славян. По нашему мнению, германское племя англов, не исключено, что и франки (возможность родства грифов-ангхов и англов допускал в свое время М. Абегян), а также славянское племя уличей имели грифа в качестве тотемного животного, что отразилось на их этнонимии.

В названиях германских и славянских племен следы тотемизма не редкость. Так, германские племена херусков, эбуронов, тюрингов берут свое начало от тотемных наименований «олень», «вепрь», «бык»; королевская династия Меровингов, по преданям, произошла от морского чудовища. Славянские племена вильцев и лютичей обнаруживают генетическую связь с волком (вильцы – «волчьи», лютичи – потомки «люта зверя», то есть волка – эвфемизм, появившийся в результате табуирования). Некоторые исследователи даже хороним «Русь» и этноним «русич» возводят к тотему рыси [11, 117]. Византийский император Константин Багрянородный называл южную Русь между Доном и Днепром, область, заселенную мадьярами, Лебедией (по эпониму-тотему от имени легендарного первого воеводы Лебедия). Ср. метафору В. Хлебникова: послереволюционная Россия – Лебедия будущего.

Лингвисты традиционно возводят название германского племени англов к топониму Ангул в Шлейзвиге, где искони проживал этот народ. А само слово «Ангул» (Angul) возводят к корням «ango» («крюк»), «angle» («угол») [12, 75]: имеется в виду кряжистый, изрезанный, «угловой» ландшафт первичного местообитания англов.

Подобное объяснение кажется маловероятным. Так, Саксон Грамматик свидетельствует, что народ англов пошел от Ангула, сына Хумли, а от его брата – Дана – образовались даны (датчане) [13]. Значение имени мифологического первопредка скорее надо искать в тотемных верованиях, чем в географическом строении прибрежного ландшафта. Зооним (орнитоним) мог стать и коллективным антропонимом, и этнонимом.

В английском слове «eagle» («орел») явно обнаруживается корень *angl - / *agl-, который М. Маковский сближает с общеиндоевропейскими корнями *agher- («свет» – орел как олицетворение Солнца и огня), *ar- («орел»), *el- («дерево» – орел как символ Мирового древа), *aleg- («скорбь», «печаль» – орел как божественный мститель) [14, 113]. Ср.: богиня возмездия Немезида путешествовала в колеснице, запряженной грифонами; гриф был птицей бога войны Марса.

Г. Ачарян слово «angł» («гриф») связывает со скифским αγλο («лебедь»), греческим αγγελος («ангел»), персидским αγγερος («царский гонец») [15, 184]. Ср.: у ассирийцев ангел смерти имел облик грифона; у бретонцев посланником смерти является бог Анку, глашатаем которого выступает черная птица. А бога Ангеха Г. Ачарян считает «грифоподобным богом, который впоследствии получил должность божественного гонца» [15, 184]. Ср.: лат. aquilus («темный», «серо-черный»), aquila («орел»), aquilo («северный ветер» – о связи хищных птиц и ветров см. ниже); рус. галка (от праславянского *gal- «черный»). Возможным, но все-таки сомнительным, кажется наличие в этом ряду шумерского anzu (Анзу, Анзуд – букв. «буря-ветер» – орел с головой льва в шумерской мифологии).

По всей вероятности, корень *a(n)gl- родственен праиндоевропейскому корню *gr- в значении «шея» («ожерелье» на шее – отличительная черта грифов), «горло» (крупные кости съеденной падали часто торчат из глотки грифа); ср.: рус. ворона, арм. agrav («ворона»), древнеинд. garutmant («орел Индры»), лат. gryps («грифон»), греч. γρύπας («грифон») и корню *kr- со значением «солнечный», «огненный», «божественный» (о солнечной функции грифов см. ниже).

По описанию многих античных авторов, грифы обитали на севере, гдн охраняли гиперборейские сокровища. Древнегерманское племя англов по отношению к Греции и Риму действительно располагалось далеко на севере: первые упоминания об англах принадлежат древнегреческому географу Птолемею и римскому историку Тациту. Англы жили на Ютландском полуострове: до сих пор один из районов Шлезвига называется Ангельн.

В середине V века англы в союзе с саксами, ютами и фризами двинулись на Британию и вскоре завоевали большую часть острова. Предводители англов – братья Хенгист и Хорза – «были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Водена, к которому восходят правящие роды многих провинций» [16, 21]. По Неннию, родословная Хенгиста и Хорзы заметно длиннее, но все равно восходит к богу Одину (Водену). Хорза в переводе означает «конь», а в имени Хенгиста явно проступает корень *ang-. Ср.: сводного брата франкского короля Пипина Короткого звали Грифон.

Как известно, среди англо-саксов существовали племенные кланы, которые, возможно, дифференцировались своим фратриальным тотемизмом. Неслучайно генеалогия Хенгиста и Хорзы восходит к Одину, которому посвящены вороны, по своей культовой функции сближающиеся с грифом (орлом), и демонический конь Слейпнир.

Особо стоит отметить популярность геральдических грифов (грифонов) на гербах английской аристократии и многочисленные англоязычные антропонимы и топонимы с корнем grif- (gryph-). В геральдике грифон – символ могущества, власти, бдительности и богатства. Самый ранний геральдический грифон появляется на щите английского рыцаря нормандского происхождения Ричарда де Риверса; грифон – щитодержатель на гербе Анны Болейн, супруги короля Генриха VIII; английский король Эдуард III поместил грифона на свой герб. Грифон до сих пор является символом лондонского района Сити. За убийство орла в средневековой Англии и Дании казнили. Ср.: в Древнем Египте убийство ибиса и сокола каралось смертью (ибис – воплощение бога Тота, а сокол – Гора).

Красный грифон изображен и на земельном гербе Мекленбурга – Передней Померании, граничащего с Шлезвиг-Гольштейном: в Померании с 12 века правила славянская династия Грайфенов (Грифичей). Любопытным представляется и наличие грифона на гербе Дома Романовых: «Герб Рода Романовых: в серебряном поле червленый гриф, держащий золотые меч и тарч, увенчанный малым орлом; на черной кайме восемь оторванных львиных голов, четыре золотые и четыре серебряные» [17, 176]. Не секрет, что после брака Анны Петровны (дочери Петра I) с герцогом Карлом Гольштейн-Готторпским род Романовых фактически перешел в род Гольштейн-Готторпов, ветви Ольденбургской династии, правившей в Шлезвиг-Гольштейне. Именно Шлезвиг-Гольштейн являлся исторической родиной грифов-англов, поэтому появление геральдического грифона на гербе Российской императорской фамилии кажется неслучайным.

Грифон Романовых фигурирует и в одной из центурий М. Нострадамуса:

Как грифон /гриф/ придет Король Европы
В сопровождении людей с Севера [в оригинале – Аквилона]
Поведет большое войско красных и белых
И выступит против короля Вавилона [18, 149].

Этот катрен трактуют так: грифон – император Александр I, Аквилон – Россия, красные и белые – англичане и австрияки, король Вавилона – Наполеон.

С тотемом грифа / хищной птицы связано, наверное, и название восточнославянского племени уличей (угличей), жившее, по «Повести временных лет», в низовьях Днепра и Южного Буга. Слово «уличи» («угличи») в древнерусских памятниках употреблялось с начальным юсом большим, то есть на месте [у] находилось носовое [ǫ]. Как известно, носовые гласные в праславянском языке образовались от ротовых гласных [a], [o], [e], когда те находились перед сонантами [m] или [n], за которыми следовал любой другой согласный, условно обозначаемый знаком [t]. Обычно этот процесс прохо-

дил в середине слова, но он был характерен также для начала и конца слова:

a/o/e + m/n + t

В таких ситуациях сочетание a/o/e + m/n + t переходило либо в o-m/n-t (звук [а] в результате назализации становился кратким и, таким образом, совпадал с [о]), либо в e-m/n-t. Так как в слове «уличи» («угличи») имеем [ǫ], следовательно, в историческом прошлом там находился гласный заднего ряда:

ǫgl < o-m/n-gl < o + m/n + g + l < a/o + m/n + g + l

В результате реконструкции получаем форму *a/o-m/n-gl, которая, по сути аналогична корням ang-l, ang-ł (с учетом корреляции увулярного [ł] и плавного [l]).

А русском фольклоре также известна Гриф-птица (Гриб-птица, Гром-птица, ее называют и по-другому: ног, ногуй, могуль). Гриф-птица помогает герою преодолеть бескрайнее море, усаживая его на свою спину. Пролетая через море, сказочный герой кормит Гриф-птицу припасенной говядиной. Когда запасы кончаются, он отрезает мясо с себя и продолжает кормить перевозчика. На берегу Гриф-птица, поняв, что ела человечину, отхаркивает съеденные части тела, которые снова прирастают к герою. В реальности грифы тоже кормят своих птенцов отхаркиванием пищи.

Но иногда Гриф-птица в русских сказках предстает как инфернальный персонаж: «А в том тридесятом государстве Гриб-птица много пакости делала, каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение, чтоб только в конец царство не запустошила» [19, 275]. Гриф-птица величиной с гору, она крыльями застилает солнце. Еще один интересный славянский фольклорный персонаж – Рарог – дух огня в облике сокола.

В целом, хищная птица часто символизирует солнце, ассоциируясь с солярными божествами. Только эти птицы могут долететь до солнца и смотреть на него. Орел похищает небесный огонь и дает его людям. «Так, на старинной королевской печати времен Армянского царства орел изображен рядом с символом пылающего солнца и несет на груди знак звезды» [20, 70]. Грифы охраняют

Солнце и его сокровища, поэтому они везут колесницу Аполлона по небу, поднимают туда же колесницу Александра Македонского. Индийского Гаруду, когда он родился, из-за сияния, исходящего от его золотого тела, приняли за бога огня Агни. Как отмечает Флавий Филострат: «Грифоны действительно обитают в Индии и почитаются посвященными Солнцу – потому индийские ваятели изображают колесницу Солнца запряженною четверкой грифонов» [1, 71].

Примечательно, что шумерский бог палящего Солнца Нергал (впоследствии – бог войны и болезней), один раз упомянутый в Библии (4 Цар. 17: 30) – кутийцы, переселившиеся в Самарию, стали поклоняться Нергалу – в армянском переводе назван Ангехом. В Священном Писании встречаются и крылатые львы, напоминающие грифонов-опиникусов, у которых все четыре конечности львиные. Так, в книге пророка Даниила описываются четыре «больших зверя», которые вышли из моря: «Первый – как лев, но у него крылья орлиные» (Дан. 7: 4). Евангелист Марк мог принять облик крылатого льва: именно в таком виде он предстал перед Иоанном Богословом. Поэтому и у Данте в «Божественной комедии» грифон становится символом двойственной природы Иисуса Христа, объединяющей Небо и Землю.

Любопытным персонажем представляется и гиппогриф – существо, у которого крылья и голова грифона, а спина и задние конечности – лошади. Считается, что гиппогриф – плод творческого воображения Л. Ариосто, который впервые вывел полуконя-полугрифа в своей поэме «Неистовый Роланд». Однако задолго до итальянского поэта византийский зоолог V века Тимофей из Газы описал грифона почти таким же образом: «У грифа грудь и верхняя [часть тела] как у лошади, клюв и крылья птицы, а хвост и спина льва» [21, 62].

Хотя хищные птицы отождествляются с солнцем, но в то же время они создают ветер, гром и молнию: от взмаха крыльев образуется ветер, от хлопанья крыльев – гром, от когтей, клюва и сверкания глаз – молния. Таким образом, хищные птицы получают дополнительную функцию покровителей грозы, небесных вод и плодо-

родящих сил. Показательно, что грифон первоначально был соединением не только орла со львом, но и орла с быком.

Многие боги грозы имеют в качестве постоянного атрибута быка, впрочем, и сами, по-видимому, генетически являются быками. В древнеегипетской мифологии бог-бык Апис (здесь тоже, наверное, мы имеем дело с пережитками тотемизма) оплодотворил небесную корову Хатор, которая родила Солнце и Землю. Бык становится символом стихийных проявлений природы и плодовитости.

Хеттский бог грозы и бури Тархунт (Тарх; хаттский – Тару) изображался стоящим на быке. Сын Тархунта – Телепину – бог-землепашец, пахавший на небесных быках. Хурритский бог грозы Тешуб имел двух быков – Хурри и Серри. В облике быка предстает индийский бог-громовник Индра. Тархунт, Тару, Тешуб, этрусские боги – устроитель городов Тархон и бог-пророк Таг, появившийся из земли во время пахоты, армянский бог растительности и плодородия Тарку, кельтский бог грома Таранис, древнегерманский бог грома и грозы Тор, эстонский верховный бог Таара, имя которого, по всей вероятности, древние эсты позаимствовали у своих соседей-викингов, скифский морской бог Тагимасад и первый человек Таргитай, русский сказочный слепой богатырь Тарх Тархович (он же – Бык Быкович) – все эти персонажи явственно соотносятся с образом оплодотворяющей силы природы – быком. «Общее название ‘дикого быка’, ‘тура’ засвидетельствовано по основным древнейшим индоевропейским диалектам: греч. ταυρος ‘вол’, ‘бык’, лат. taurus ‘вол’, ‘бык’, оск. ταυρομ, умбр. taruf, toru ‘tauros’, лит. taũras ‘тур’, ст-слав. turū ‘бык’, др.-рус. туръ ‘тур’, алб. tarok (ср. также галл. tarvos, ср.-ирл. tarb ‘бык’, др.-исл. þjorr ‘бык’): и.-е. *t[th]au̯ro-» [22, 519].

Бык (тур) был священным животным славянского бога грозы и грома Перуна, при этом Перун иногда представал в облике орла. Кроме того, в русской мифологии существовал бог Тур, «имя которого в первоначальном смысле означало быка, представителя бога солнца и обусловливаемого сим последним плодородия» [23, 233].

Недаром Тарх Тархович (Тур) живет на Сиянской горе, то есть Сионской горе, видоизменившейся под влиянием глагола «сиять», а

Баба-Яга постоянно воюет с ним и с пастухами быков. В «Слове о полку Игореве» князя Всеволода именуют «яр-тур» и «буй-тур», что А. Фаминцын комментирует следующим образом: «Слово ярый (буйный) и тур служили и эпитетами бога солнца (и войны) и весеннего плодородия, воспоминание о котором ныне в народной памяти сохранилось, между прочим, и под именем «Тура – удалого молодца»» [23, 235]. О боге-быке у других славянских народов А. Фаминцын пишет: «В Болгарии существует предание о совершавшихся в старину жертвоприношениях богу Торку» [23, 240].

Памятник Торк-Ангеху в Ереване
(скульптор К. Нуриджанян,1982)

Образ армянского бога Торк Ангеха возник в результате слияния богов Тарку (Торка) и Ангеха. Культ Торк Ангеха сформировал-

ся, по-видимому, в областях, граничащих с Хеттией, откуда распространилось почитание Тархонта (Тару) [24, 59]. Впоследствии народное сознание связало теоним «торк» со словом «turq» («дар»), и грифоподобный бог плодородия Торк Ангех превратился в безобразного дарителя.

Таким образом, мифологический гриф (грифон), хранитель золота, тайных знаний, символ могущества и беспощадности, первоначально являлся богом-тотемом, в частности, у некоторых армянских родов (о чем свидетельствуют мифы о боге-грифе Ангехе), а также, по нашей версии, у племенных кланов германского народа англов. Как крылатый бог-тотем, гриф стал ассоциироваться и с природной стихией: солнцем, ветром, бурей, дождем. В этой своей функции он сближается с божествами грозы и плодородия, атрибутом которых являлся священный бык. Ярче всего это проявляется в армянской мифологии, где бог Ангех объединяется с богом Тарку и выступает как интегрированный мифологический герой – Торк Ангех.

Литература:

1. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985.- 328 с.
2. Aelian. On the Characteristics of Animals.: In 3 v. London: William Heinemann Ltd, 1959. Books I-V.- 359 p.
3. Бартоломей Английский. О свойствах вещей // Английские средневековые источники. М.: Наука, 1979.- 80-87 с.
4. Mandeville J. The Travels of Sir John Mandeville. London, Published by the Penguin Group, 1983.- 208 p.
5. Ковальчук Н. Гербовые птицы // Сучасне Птахівництво, № 7-8, 2010.- 50-54 с.
6. Трусов С.В. Тотемные этнонимы индоевропейцев [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://skolo.ru
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.- 864 с.
8. Себеос. История. Ереван: Зангак-97, 2004.- 404 с. (на арм. яз.).
9. Хачатрян Г.К., Егиазарян В.А. Комментарии // Себеос. История. Ереван: Зангак-97, 2004.- 404 с. (на арм. яз.).

10. Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван: Айастан, 1990.- 291 с.
11. Гриневич Г.С. Праславянская письменность // Энциклопедия Русской Мысли. Т. I. М.: Общественная польза, 1993.- 328 с.
12. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. V I. Amsterdam – London – New-York: Elsevier Publishing Company, 1966.- 1776 p.
13. Саксон Грамматик. Деяния датчан [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://deyaniya-datchan_rulit_net_292266.pdf
14. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М.: Издательский дом «Диалог», 2000.- 416 с.
15. Ачарян Г. Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. I. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1971.- 698 с. (на арм. яз.).
16. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. СПб.: Алетейя, 2001.- 363 с.
17. Левандовский А.П. В мире геральдики. М.: Вече, 2008.- 184 с.
18. Пророчества Мишеля Нострадамуса. Киев: Либідь, 1991.- 186 с.
19. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М.: Наука, 1984-1985. Т. II.- 463 с.
20. Борейко В.Е., Грищенко В.Н. Экологические традиции, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. II. Птицы. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2004.- 172 с.
21. Тимофей из Газы. О животных // Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира. СПб.: Азбука-классика. Петербургское востоковедение, 2002.- 400 с.
22. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.- 1330 с.
23. Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1884.- 331 с.
24. Абегян М. Труды. Т. I. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1966.- 571 с. (на арм. яз.).

Անգղերը և պտղաբերության աստվածությունները

Թադևոս Թադևոսյան
բ.գ.թ., դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Ամփոփում

Դիցաբանական անգղը (արծվառյուծ)՝ ոսկու գաղտնախորհուրդ գիտելիքների պահապանը, զորեղության և անողոքության խորհրդանիշը, սկզբնապես հանդիսանում էր որպես աստվածություն-տոտեմ, մասնավորապես՝ հայկական որոշ տոհմերի մոտ (ինչի վկայությունն են Անգեղ աստվածության մասին առասպելները), ինչպես նաև ըստ մեր վարկածի, գերմանական անգլերի ազգի ցեղային կլանների մոտ: Լինելով թևավոր աստվածություն-տոտեմ՝ անգղը սերտորեն կապվում է ամպրոպի և պտղաբերության աստվածությունների հետ, որոնց մշտական պատկանելիքն էր սրբազան ցուլը: Այդ ամենը վառ արտահայտված է հայկական դիցաբանությունում, որտեղ Անգեղ աստվածը միավորվում է պտղաբերության ցուլ-աստվածության՝ Տարքուի հետ և հանդես է գալիս որպես ամբողջական հերոս՝ Տորք Անգեղ:

Griffins and Deity of Fertility

Tadevos Tadevosyan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

Mythological vulture (griffin), the keeper of gold, secret knowledge, a symbol of power and ruthlessness, was originally the god of the totem, for example, some Armenian delivery (as evidenced by the myths about griffin god Angegh), as well as our version, in tribal clans German people of Angles. As a winged god totem, griffin approaches the deities of thunder and fertility, which has attributes sacred bull. This is most clearly manifested in Armenian mythology, where god Angegh is united with god Tarku and acts as an integrated mythological figure – Tork Angegh.

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН: САТИРЫ СМЕЛЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Элеонора Тамразян
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Ключевые слова: *«Губернские очерки», «Пошехонская старина», сатира, сказки*

Перефразируя слова великого Пушкина, сказанные некогда в адрес другого великого сатирика, можно подчеркнуть и отметить ту преемственность сатирического духа, который всегда присутствовал в русской литературе. Но особенно он проявился в творениях таких корифеев сатиры, как Фонвизин, Грибоедов, Гоголь и, несомненно, великий властелин сатиры – М. Салтыков-Щедрин. Творения великого мастера актуальны и по сей день. Его критика направлена как на вечные пороки, присущие человеку со дня существования в обществе, так и пороки, свойственные данному общественному строю.

Особое место в истории русской литературы и общественной мысли занимают 4О-е годы – годы формирования демократического мировоззрения М. Салтыкова-Щедрина. Он высоко ценил деятельность «людей 4О-х годов» – Белинского, Герцена, Грановского и, несомненно, Петрашевского. Именно с Петрашевским в конце 4О-х годов он сближается и становится активным участником его кружка, с которого «берет начало создание социалистической интеллигенции в России» [4, 435]. «Социалистическом», в лучшем изначальном понимании этого слова.

Петрашевцы говорили об освобождении крестьян, о необходимости реформ, о будущих переустройствах в жизни общества на социально справедливых началах. Именно поэтому в «Губернский очерках» М. Салтыков-Щедрин с благодарностью называл Петрашевского «многолюбимым и незабвенным другом и учителем». Уже в первых своих произведениях – повестях «Противоречия» и «Запутанное дело» отразились философские и политические взгляды,

присущие передовой молодежи того времени. Хотя эти повести еще не написаны М. Салтыковым-Щедриным, они круто изменили жизнь и судьбу, чиновника Военного министерства. Революционные идеи в повестях привели в негодование реакционные круги. По решению Николая I автор был арестован и сослан в Вятку для продолжения службы, под надзор полиции.

Только в январе 1856 года, после смерти Николая I, он возвратился в Петербург с огромным багажом впечатлений: «...Я видел все безобразия провинциальной жизни, – рассказывал М. Салтыков-Щедрин, – но не вдумывался в них, а как-то машинально впитывал их телом и только по выезде из Вятки и по возвращении в Петербург, когда снова очутился в литературном кругу, я задумал изобразить пережитое в «Губернских очерках»» [1, 35].

«Губернские очерки» сразу встали в ряд с лучшими произведениями так называемого «гоголевского направления». В поэме Гоголя Россия видится издалека: «Русь, вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу», таким образом Гоголь взглядом охватывает как бы всю Русь.

В очерках же М. Салтыкова-Щедрина внимание сосредоточено «на одном из далеких углов России». Жизнь рассматривается с близкого расстояния, под определенным углом зрения. Если сравнить с «Записками охотника» Тургенева, где рассказчик-охотник в известной степени поднят над жизнью и свободен в отношениях с ней, то рассказчик Салтыкова – чиновник, «отставной надворный советник» Н. Щедрин. Жизнь литературному персонажу Салтыкова открывается «изнутри», как своему, в социальном и бытовом плане. И это не просто чиновник, а человек, который оставил в Крутогорске «часть самого себя». Так рождается великий сатирик Салтыков-Щедрин.

«Губернские очерки» – разностороннее и глубокое исследование провинциальной жизни на самых разных уровнях жизни: в рассказах, картинах, сценах, пейзажных зарисовках.

Интересно, что многие современники восприняли «Губернские очерки» в журнальной публикации как невыдуманные рассказы о

провинциальной жизни, написанные по «горячим следам». Восприятие достоверности было настолько сильным, что даже после выхода отдельного издания книги, по словам самого автора он был «завален всякого пода жалобами на несправедливые и несогласные с интересом казны действия различных ведомств. И жалобы эти были не голословные, но поддерживались фактами...» [4, 230].

Это ли не величайшее признание деятельности художника? К слову сказать, именно так поступали и читатели и почитатели Конана Дойля с ним, отождествляя сего литературным героем Шерлоком Холмсом.

С «Губернских очерков» начинается творческий путь Салтыкова-Щедрина, писателя-сатирика с обостренным восприятием времени, которые и определили и проблематику, и художественную структуру его произведений.

Почти все 60-е годы Салтыков-Щедрин находился на государственной службе. Это определялось не только личными обстоятельствами, но и принципиальной позицией писателя – он не считал себя вправе отстраняться и не принимать деятельного участия в судьбах русского общества, облегчить собственными усилиями положение тех, кому хоть в какой-то мере мог помочь. Неся свою службу безукоризненно и с высокой требовательностью к себе, Салтыков дошел до высоких постов – он занимал в разных местах должности вице-губернатора, управляющего казенной палатой. Своими действиями он поражал всех. Поэтому в кругу своих высокопоставленных сослуживцев он прослыл «вице-Робеспьером». Салтыков-Щедрин выбрал, как мне кажется, самый сложный жанр литературы – сатиру. Ведь сатира – это вид комического, наиболее беспощадно высмеивающий действительность и, в отличие от юмора, не дающий шанса на исправление. Писатель обладал даром чутко улавливать самые острые конфликты, назревающие в России, и выставлять их напоказ перед всем русским обществом в своих произведениях.

Труден и тернист был творческий путь сатирика. С ранних лет вошли в его душу жизненные противоречия, из которых впослед-

ствии и выросло могучее дерево щедринской сатиры. Можно сказать, что пушкинские строки «сатиры смелый властелин», сказанные в «Евгении Онегине» о Фонвизине, можно смело переадресовать М. Салтыкову-Щедрину.

Наиболее пристально М. Салтыков-Щедрин исследовал политическую жизнь России: взаимоотношения между различными классами, угнетение крестьянства высшими слоями общества

В конце 60-х годов М. Салтыков-Щедрин навсегда оставил государственную службу. В те же 60-е годы в полной мере проявились своеобразие таланта великого художника.

На рубеже 60-х и 70-х годов М. Салтыков-Щедрин дает происходящим явлениям в России абсолютно гениальное едва ли не «гоголевское» определение: появление в русской действительности и вытеснение «старого ветхого человека» «новым ветхом человеком». Проникая и предсказывая, Щедрин и сам принимал эстафету от своих предшественников. В «Помпадурах и помпадуршах» продолжали существовать Молчалин и Чацкий, Ноздрев и Коробочка, Рудин и другие. Ему было важно установить кем мог бы стать или даже обязательно станет Чацкий или Рудин в новые времена.

Как Л.Н. Толстой в своей романе «Анна Каренина» М. Салтыков-Щедрин остро запечатлел становление в русской действительности новых, доселе небывалых фигур и отношений. Это огромными шагами вступал в российскую действительность капитализм. Именно здесь читатель смог впервые увидеть как вчерашний крепостной незаметно для других, да и для себя тоже, неожиданно становится «миллионщиком», «столпом» и одним из немногих хозяев жизни.

Как известно «Губернские очерки» М. Салтыков-Щедрин считал началом своей литературной деятельности и вступления в «большую литературу».

Далее следует трудная, всепоглащающая литературная работа. В 60-годы (1869-1870) М. Салтыков-Щедрин создает главный свой труд этого периода книгу «История одного города». Именно так он назвал свое детище. Горька и страшна гротесковая история города

Глупова. Горек и щедринский смех, когда рассказывается, как лобызались обитатели Глупова при восшествии каждой из шести градоначальниц, бесконечной сменой градоначальников. Когда речь шла градоначальниках, то М. Салтыков-Щедрин отказывал им в праве существовать, «уцелеть» в каком бы то ни было виде. Как считал писатель, самой системе градоначальничества предстояло исчезнуть навсегда и безостаточно. Далее следуют «Помпадуры и Помпадурши», «Благонамеренные рвачи», «Господа Головлевы»

Но, несомненно, особое место в творчестве М. Салтыкова-Щедрина занимают сказки. Он по-разному относился к своим сказкам и их персонажам. Смех его, и гневный и горький, неотделим от страданий человека, обреченного «уставиться лбом в стену и в этом положении замереть». При всей симпатии к отдельным персонажам, он трезво смотрел на жизнь, и судьбой сказочных персонажей показал, что отказ от борьбы за право на жизнь, примирение с реакцией равносильны духовной и физической гибели человечества.

В «Премудром пескаре» мы видим жизнь обывателя, боящегося всего на свете. «Премудрый пескарь» постоянно сидит взаперти, боясь лишний раз выйти на улицу, с кем-нибудь заговорить, познакомиться. Он ведет жизнь замкнутую, скучную. Своими жизненными принципами он напоминает другого героя, героя А.П. Чехова из рассказа «Человек в футляре», Беликова. Только перед смертью задумывается пескарь о прожитой жизни: «Кому он помог? Кого пожалел, что он вообще сделал в жизни хорошего? Жил – дрожал и умирал – дрожал» [2, 347]. И только перед самой смертью осознает обыватель, что никому-то он не нужен, никто его не знает и о нем не вспомнит. В этой сказке писатель показывает страшную отчужденность обывателей друг от друга, замкнутость в своем маленьком мирке. Все сказки М. Салтыкова-Щедрина полны горечи и боли за русского человека.

Большинство «детей изрядного возраста» оценили творчество великого сатирика по достоинству: многие фразы стали крылатыми, а названия перешли в разряд общеупотребительных. Современным

людям читать М. Салтыкова-Щедрина довольно непросто. Но по-прежнему писатель дорог нам своей любовью к народу и Отчизне, честностью, желанием сделать жизнь лучше, верностью идеалам справедливости и свободы.

Трудно представить нашу классическую литературу без М. Салтыкова-Щедрина. Это во многом совершенно своеобразный писатель. «Диагност наших общественных зол и недугов» [4, 118] – так отзывались о нем современники. Жизнь он знал не из книг. Сосланный в Вятку за свои ранние произведения, обязанный служить Михаил Евграфович досконально изучил чиновничество, узнал нелепость и несправедливость порядков, жизнь разных слоев общества. Будучи вице-губернатором, убедился, что Российское государство прежде всего заботится о дворянах, а не о народе, к которому сам он проникся искренним уважением.

Жизнь дворянской семьи писатель емко изобразил в «Господах Головлевых», начальников и чиновников – в «Истории одного города» и других своих произведениях. Но наибольшей выразительности он достиг в своих небольших сказках «для детей изрядного возраста». Эти сказки, как правильно отмечали цензоры, — самая настоящая сатира.

В сказках Щедрина множество всяких господ: помещиков, чиновников, купцов и прочих. Часто это совершенно беспомощные, глупые, высокомерные типажи. Вот «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». С едкой иронией Салтыков пишет: «Служили генералы в какой-то регистратуре... следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали» [2, 317].

Разумеется, эти генералы ничего не умели делать и были способны жить только за чужой счет, полагая, что булки растут на деревьях. И в сегодняшней нашей жизни много таких «генералов», которые тоже считают, что должны иметь квартиры, машины, дачи, спецпайки, спецлечебницы и прочее, а простой народ обязан на них работать. Если бы и их всех отправить на необитаемый остров. Мужик показан «справным» работником: все умеет, все может, даже суп

в пригоршне сварит. Но и его не щадит сатирик. Генералы заставляют этого здоровенного мужчину вить для себя веревку, чтобы он, чего доброго, не убежал. И тот покорно исполняет приказ.

Если генералы оказались на острове без мужика не по своей воле, то дикий помещик, герой одноименной сказки, все время мечтал избавиться от несносных мужиков, от которых идет дурной, «холопий» дух. Наконец мужицкий мир исчез, и остался помещик один-одинешенек. И, конечно, одичал. «Весь он... оброс волосами.... а когти у него сделались как железные». Намек совершенно ясен – трудом крестьян живут баре, И потому у них всего вдоволь: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, а у крестьян всего мало» [2, 341].

Сказки писателя полны сетований на то, что народ слишком терпелив, забит и темен. Он намекает, что силы, стоящие над народом, жестокие, но не такие уж страшные. В сказке «Медведь на воеводстве» изображен Медведь, который своими бесконечными погромами вывел мужиков из терпения; и они посадили его на рогатину, «содрали шкуру» [2, 365].

Многие писатели и поэты обращались к сказке в своем творчестве. При помощи иносказания автор выявлял тот или иной порок человечества или общества. Сказки М. Салтыкова-Щедрина глубоко индивидуальны и не похожи ни на какие другие. Основная тональность его сказок – едкая сатира, которая была оружием М. Салтыкова-Щедрина в борьбе против социальной несправедливости. В ту пору из-за существовавшей строгой цензуры автор не мог открыто показать всю несостоятельность российского управленческого аппарата, вскрыть наболевшие проблемы общественной жизни. И все же с помощью сказок «для детей изрядного возраста» М. Салтыков-Щедрин смог донести до людей резкую критику существующего порядка и общественных нравов. Цензура пропустила сказки великого сатирика, не сумев понять их назначения, обличающую силу, вызов существующему порядку.

Для написания сказок автор использовал различные тропы: гротеск, гиперболу, антитезу. Также для автора был немаловажен эзо-

пов язык, который помог скрыть от цензуры истинный смысл написанного. Писатель любил придумывать неологизмы, характеризующие его героев, например такие слова, как «помпадуры и помпадурши», «пенкосниматель» и др.

Именно в период работы над сказками, особенно после закрытия «Отечественных записок» у М. Салтыкова-Щедрина случались минуты отчаяния. Но он никогда не отчаивался, не отступал от правды, пусть жестокой и горькой.

В последние годы жизни, больной и лишенный трибуны, М. Салтыков-Щедрин создает художественно-публицистический цикл «Мелочи жизни» и роман «Пошехонская старина». Пошехонье – это определенный «жизненный уклад», мироощущение, корни которого в самодержавно-крепостническом строе. Пошехонье – это «омут унизительного бесправья» [3, 466]. «Пошехонская старина», законченная за три месяца до смерти, – итоговое произведение М. Салтыкова-Щедрина, его исповедь. Так закончил свой жизненный путь великий и мудрый, нет, скорее, смелый властелин сатиры.

Литература:

1. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. Соч.: В 10 т. М.: Правда. Т. 1. 1988.- 544 с.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. Соч.: В 10 т. М.: Правда. Т. 8. 1988.- 576 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. Соч.: В 10 т. М.: Правда. Т. 10. 1988.- 576 с.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература. Т. 2. 1975.- 840 с.

Մ. Սալտիկով-Շչեդրին. երգիծանքի խիզախ տիրակալը

Էլեոնորա Թամրազյան
Ավագ դասախոս
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Անփոփում

Հոդվածում նշվում է երգիծական հոգու հաջորդականությունը, որը միշտ առկա է եղել ռուս գրականությունում: Երգիծական ուղղվածությունը արտահայտվել է երգիծանքի ականավոր վարպետների՝ Դ. Ֆոնվիզինի, Ա. Գրիբոյեդովի, Ն. Գոգոլի գրքերում և անկասկած երգիծանքի մեծ տիրակալ՝ Մ. Սալտիկով-Շչեդրինի ստեղծագործություններում: Իր քննադատությունը ուղղված էր ինչպես հավերժ արատներին, որոնք բնորոշ են մարդուն առաջին իսկ օրվանից, այնպես էլ այն արատներին, որոնք հատուկ են տվյալ հասարակարգի համար:

M. Saltykov-Shchedrin: Satire brave lord

Eleonora Tamrazyan
Senior Lecturer
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

The article notes the continuity of the satirical spirit that has always been present in the Russian literature. But it is especially evident in the works of such luminaries satire as D. Fonvisin, A. Griboyedov, N. Gogol, and, of course, the great lord of satire – M. Saltykov-Shchedrin. His criticism is directed at both the eternal evils inherent in the person of the date of existence in society and the vices inherent in the social order.

МОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. БОРХЕРТА («ПО ДЛИННОЙ, ДЛИННОЙ УЛИЦЕ»)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ («Романы Веймарской республики в контексте культуры кризисной эпохи», проект № 14-04-00312).

Наталья Платицына
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Ключевые слова: *импульсивный монолог, мотив возвращения, пережитое в речи, поиск-эксперимент, я-рассказчик*

Как известно, диахроническое исследование мотива возвращения («Heimkehrermotiv») даёт основание заключить, что едва ли не впервые он возникает в тексте «Одиссеи» Гомера, а в более позднее время – в Библии (притча о блудном сыне), организует художественное пространство романа «Парцифаль» (нач. XIII в.) В. фон Эшенбаха, проявляет себя в романе Г.Я.Х. Гриммельсгаузена «Затейливый Симплициссимус» (1669), в новелле К. Брентано «История бравого Касперля и прекрасной Аннерль» (1817), поэзии А.С. Пушкина, романе И.С. Тургенева «Новь» (1877), рассказе А. Платонова «Возвращение» (1946) и др. Наиболее мощное художественное выражение «Heimkehrermotiv» получил в произведениях о Первой мировой войне. Так, например, в творчестве Л.Н. Андреева, Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэя одной из центральных становится проблема духовных исканий человека, связанная с обретением утраченного счастья и жизненного смысла.

В литературном наследии художников, обратившихся к осмыслению и разрешению проблемы «человек и война» после окончания Второй мировой войны, мотиву возвращения сообщено принципиально новое значение. Герои Э. Боуэн, А. Зегерс, В. Кольбенхофа, Дж. (Дженис) Элиот и др. поставлены перед необходимостью обретения не смысла жизни, а самой возможности выжить. Смысловое переакцентирование мотива возвращения, безусловно, оказалось связано с той социокультурной действительностью, в которой воз-

никали произведения об обеих мировых войнах. Прибывавшие на родину солдаты Первой мировой, хотя и были жестоко искалечены и находились в состоянии глубокой апатии, всё же возвращались в *свои* дома и к *своим* семьям. Солдаты Второй мировой, вернувшись на родину, родины не нашли: разрушенные жилища и пропавшие без вести семьи – вот что ожидало их после окончания войны.

В творчестве молодых немецких писателей мотив возвращения занял прочное место (Г. Бёлль, В. Борхерт, З. Ленц и др.). В малой прозе Вольфганга Борхерта (Wolfgang Borchert, 1921-1947) мотив возвращения часто выступает в качестве сюжето- и структурообразующего элемента текста, как, например, в истории «По длинной, длинной улице» («Die lange lange Straße lang», 1947).

В отечественной и зарубежной литературоведческой науке, по-видимому, не существует однозначного определения жанра одного из самых известных борхертовских произведений. Одни исследователи склонны называть его *рассказом* (Ц.М. Гецене, Л.И. Мальчуков, Л.Н. Тимощук, Е. Виммер, С.Х. Кашиньски, К. Фрейданк), другие обнаруживают в нём жанровые признаки *истории / короткой истории* (В. Хельмих, М. Шмидт), третьи рассматривают повествование о лейтенанте Фишере как «*маленькую сцену*» или «*прозаический кусок*» (З. Кинцле, П. Рюмкорф). Тем не менее, наиболее продуктивной нам представляется точка зрения В.М. Кузурман, усматривающей в тексте «По длинной, длинной улице» признаки трёх жанровых дефиниций – рассказа, новеллы и «условно типично борхертовского короткого рассказа» [1, 74]. Действительно, едва ли возможно дать исчерпывающее определение жанра истории об одном из вернувшихся немецких солдат. Поскольку В.М. Кузурман не предлагает ёмкого, укладывающегося в один-два ключевых пункта, определения, а только указывает на наличие контаминации признаков трёх жанров в структуре рассматриваемого текста, мы считаем возможным использовать собственный вариант – *импульсивный монолог*. Важно уточнить, что предложенное нами определение носит, скорее, условный характер и принимается в качестве рабочего.

Композиция *импульсивного монолога* «По длинной, длинной улице» выстроена в строгом соответствии с названием и сюжетной линией: по бесконечно длинной улице возвращается с войны лейтенант Фишер. «Левой, два, три, четыре, левой, два, три, четыре, левой, два, дальше, Фишер! три, четыре, левой, два, вперёд, Фишер! молодцом, Фишер! три, четыре, дыши, Фишер! дальше, Фишер, дальше…» [2, 244], – обращение к военной лексике позволяет писателю передать то психологическое состояние, в котором находится герой, ещё не осознавший окончания войны и потому не освободившийся от её привычных речевых стандартов. Вместе с тем многократные повторы военной «терминологии» создают особый маршевый ритм, организующий весь текст Борхерта.

Повествовательная стратегия писателя предполагает введение в художественное пространство «По длинной, длинной улице» *я*-рассказчика «Ich-Erzähler» с тем, чтобы показать события из перспективы сознания самого героя. Однако образ рассказчика (в его общепринятом понимании) значительно трансформируется Борхертом: если исходить из убеждения в том, что *рассказ о себе* обладает определённой логикой и последовательностью, то приходится констатировать, что Фишер не *рассказывает,* а, скорее, *ретранслирует* собственные переживания. Причём эта ретрансляция осуществляется посредством внутреннего монолога, или «пережитого в речи» («erlebte Rede») – эффективного приема, имеющего целью «непосредственное подключение читателя к внутренней жизни героя, без помощи авторских разъяснений и комментариев» [3, 123].

Внутренний монолог лейтенанта Фишера образует *внешнюю* структуру «По длинной, длинной улице». Уже в начало монолога включены те сюжетообразующие лейтмотивы, которые в дальнейшем получат своё полноценное развитие, – лейтмотив голода («*Ich hab Hunger*», [2, 244]) и лейтмотив смерти пятидесяти семи солдат («*57 haben sie bei Woronesch begraben*», [2, 244]): «57 похоронены под Воронежем. 57, которые об этом не подозревали, – ни до, ни после. До этого они ещё пели … А один написал домой: … потом мы купим себе патефон. Но за четыре тысячи метров кто-то по

приказу нажал на кнопку. И загрохотало, как старый товарный вагон с пустыми бочками по булыжной мостовой: пушечный орга́н. Тогда и похоронили их под Воронежем» [2, 244].

57 погибших в России солдат – это рота лейтенанта Фишера. До войны каждый из них был представителем мирной профессии: автослесарем, садовником, продавцом, учителем или музыкантом. Но теперь они навсегда остались в чужой земле, под снегом, плотным, как стекло («…wie Glas», [2, 254]): «А меня они забыли. Я был не совсем ещё мёртв. … Я был ещё немного живой. Но другие, они похоронены под Воронежем» («Und mich haben sie vergessen. Ich war noch nicht ganz tot. … Ich war noch ein bißchen lebendig. <…>», [2, 244]). Воспоминания Фишера (равно как и его внутреннее состояние) становятся столь же символичными и характерными для «поколения вернувшихся» («Generation ohne Abschied»), что и воспоминания Септимуса Смита, героя романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» (1925), для «потерянного поколения». Ср.: «Со слова «время» сошла шелуха; оно излило на него (Септимуса – Н.П.) свои блага; и с губ, как стружка с рубанка, сами собой, белые, твёрдые, нетленные побежали слова, скорей, скорей занять место в оде Времени – в бессмертной оде Времени. Он пел. Эванс отзывался ему из-за вяза. Мёртвые в Фессалии, пел Эванс, средь орхидей. Там они выжидали конца войны. И вот теперь мертвецы, и сам Эванс… «Бога ради, не подходите!», – вскрикнул Септимус. Он не мог смотреть на покойников» [4, 75]. Как и Вулф, Борхерт неоднократно прибегает в своём творчестве к использованию приёма «потока сознания».

В *импульсивном монологе* «По длинной, длинной улице» писатель в очередной раз затрагивает проблему смерти на чужой земле (ср. «Ради») и вместе с тем поднимает вопрос о жизненных возможностях главного героя (ср. «Бледнолицый брат мой»). Не случайно Фишер называет себя «не совсем мёртвым» / «немного живым» – это ощущение разделяют многие герои Борхерта.

Воспоминания Фишера об уничтоженной роте перемежаются с мыслями о 86 русских солдатах: «За одну ночь мы прикончили 86 иванов. 86 иванов. С помощью пулемёта, мой дорогой, одного-

единственного пулемёта, за одну ночь. На следующее утро мы их пересчитали. Они лежали друг на друге. 86 иванов». – Старший ефрейтор целится своим костылём в старую женщину, сидящую напротив него на скамейке. Он целится в одну старую женщину, а попадает сразу в 86. Но те живут в России. А он об этом не знает. Хорошо, что не знает. Иначе что бы он делал? Сейчас, когда наступает вечер?» [2, 255]. В *импульсивном монологе* «По длинной, длинной улице» поднимается вопрос об участи русского солдата. Важно подчеркнуть, что этот вопрос связан с ощущением вины, которое испытывает Фишер не только перед своей погибшей ротой, но и перед русскими женщинам. Анализ *импульсивного монолога* «По длинной, длинной улице» даёт веские основания для опровержения позиции исследователя М. Харитонова, упрекающего Борхерта в «близорукости»: «…он (Борхерт – Н.П.) словно способен писать лишь о том, что видел совсем рядом, и здесь его реакция непосредственна, как крик. А видел он прежде всего немцев на войне и после неё, причём взгляд его был выборочен». «Вина отцов для Борхерта, – продолжает исследователь, – это прежде всего вина перед *своими* сыновьями. И ответственность, которой мучится Бекман, – это прежде всего ответственность за одиннадцать *своих* солдат. О том, что и отцы, и сыновья принесли страдания и гибель другим людям, писатель словно и не вспоминает» [5, 226]. Творчество Борхерта позволяет заключить, что война осмысливается художником не с точки зрения проигравшего войну поколения, а с точки зрения всех безвинно пострадавших в ней.

Болезненные воспоминания Фишера о собственной матери постепенно соединяются с отрывочными размышлениями о русских матерях, и вот уже возникает некий вселенский образ Матери, чьи дети вынуждены погибать в бессмысленной бойне. Особое значение образу матери в творчестве Борхерта придаёт Альфред Шмидт. С понятием «Mutter» как маркером национального сознания немецкий учёный связывает две концептуальные характеристики – «защищённость» («Geborgensein») и «теплоту» («Wärme») [6, 184]. При этом А. Шмидт указывает, что «возвращающиеся» герои (Бекман, Фишер)

глубоко одиноки и разочарованы, прежде всего, потому, что как раз душевной теплоты и защищённости больше не чувствуют. Во время «марша» к жёлтому трамваю лейтенант Фишер обращается к матери с горьким упрёком: «Мама, ты не должна была бросать меня одного. Теперь уж мы не увидимся. Никогда. Ты ни за что не должна была бросать меня. Ты ведь знала, что такое ночи. Ты ведь всё знала о ночах. Но ты с криком вытолкнула меня. Вытолкнула из себя в этот мир с его кричащими ночами» [2, 245] (ср. высказывания О. Мацерата в романе Г. Грасса «Жестяной барабан», 1959).

Для героя мучительны мысли о произошедшем в России, прерывающиеся воспоминаниями о погибших Эвелин и её ребёнке, о Тимме, ударившем русского старика с лицом, «как у его отца» («… er hat ein Gesicht gehabt wie sein Vater» [2, 248]), о девочке, мечтающей о ложке супа. Улица бесконечна, как бесконечны воспоминания Фишера. Война убила не только его товарищей, но и самого лейтенанта: «Моей юности 25 лет. И 57 миллионов лет моей старости. Это годы Воронежа. Годы матерей» [2, 259]. Кто-то рядом играет в скат, продаёт таблетки пирамидона, пишет стихи о «голубом цветочке на коричневой борозде пашни». Совершенно очевидно, что, вводя в текст мотив голубого цветка, писатель открыто полемизирует не только с Новалисом, но и с романтическим искусством вообще. Борхерт отвергает творчество тех поэтов, которые «всё время видят лишь голубой цветочек, повсюду лишь голубой цветочек»:

Auf dem Braun der Ackerkrume
weht hellgrün ein Gras.
Eine blaue Blume
lindert allen Haß [2, 254].

С точки зрения художника, «голубой цветок» – символ романтического мировосприятия – больше не способен «утолить ненависть». «Как поиск иной, более действенной позиции следует понимать так называемый «вещизм» В. Борхерта – попытку опереться на самые простые вещи и явления», – пишет Г.А. Фролов [7, 135]. Именно этой попыткой обусловлен призыв Борхерта к современным поэтам «пойти поучиться, как шьют обувь, ловят рыбу, заделы-

вают крышу» («В мае, в мае кричала кукушка», [2, 228]). Каждое из названных человеческих дел имеет для писателя «огромное гуманистическое и нравственно-этическое значение» вследствие своей «внутренней неспособности поддаваться извращённому влиянию фашизма» [7, 143].

Примечательно, что некоторые отечественные исследователи склонны рассматривать монолог «По длинной, длинной улице» как своеобразный *поиск-эксперимент* (Л.П. Антонова, Л.И. Мальчуков). По мнению Л.И. Мальчукова, это произведение не предлагало художественного разрешения главной проблемы творчества писателя – «выхода страстным, волевым и по-своему целеустремлённым поискам правды и справедливости» [8, 130]. При этом исследователь замечает, что в отдельных «картинах-ситуациях» мысль Борхерта «поднимается до обозрения кардинальных вопросов современной германской жизни – причин войны, непреодолённого прошлого и рокового развития событий в настоящем, лжи и виновности правителей страны» [8, 130]. Под «отдельными картинами-ситуациями» Л.И. Мальчуков подразумевает так называемые «вставные притчи» о шарманщике или о «хождении за правдой» 57 солдат:

«57 каждую ночь приходят в Германию. 9 автослесарей, 2 садовника, 5 служащих, 6 продавцов, 1 парикмахер, 17 крестьян <…>. 57 каждую ночь приходят к моей постели, 57 каждую ночь спрашивают: «Где твоя рота?». – «Под Воронежем, – говорю я. – Похоронена», – добавляю потом. 57 спрашивают один за другим: «За что?». И 57 раз я остаюсь безмолвен. <…>.

57 идут ночью к пастору. 57, и отец, и местный начальник, и я. 57 спрашивают ночью у пастора: «Пастор, за что?». И 57 раз остаётся безмолвен пастор. <…>.

57 идут ночью к генералу. 57, и отец, и местный начальник, и пастор, и школьный учитель, и я. 57 спрашивают ночью у генерала: «Генерал, за что?». А генерал – генерал ни разу не поворачивается. Тогда отец убивает его. А пастор? Пастор остаётся безмолвен.

57 идут ночью к министру. <…>. 57 спрашивают ночью у министра: «Министр, за что?». Тут министр очень пугается. Он прячет-

ся за ящиком с шампанским, за шампанским. А затем он поднимает свой бокал за здоровье всех присутствующих и, обведя рукой и юг, и север, и запад и восток, произносит: «За Германию, товарищи, за Германию! Вот за что» [2, с. 249-250].

Этот фрагмент, процитированный достаточно подробно, корреспондирует той сцене пьесы «На улице перед дверью», в которой унтер-офицер Бекман впервые посещает полковника и рассказывает ему о своём сне: «…они встают из братских могил в истлевших повязках и окровавленных мундирах. Они поднимаются из океанов, из степей и дорог, из лесов выходят они, из развалин и болот, почерневшие от холода, зелёные, истлевшие. <…>. И тогда генерал с кровавыми лампасами говорит мне: «Унтер-офицер Бекман, вы берёте ответственность на себя. Прикажите рассчитаться». И я со своей ответственностью стою перед миллионом оскалившихся скелетов, перед останками, обломками костей и приказываю рассчитаться» [2, 124].

Не случайно исследователи творчества Борхерта часто сопоставляют художественные образы Фишера и Бекмана как на основании очевидных родовых признаков героев, так и ввиду общности выражаемых ими мыслей и переживаний. Проблема «вины и ответственности», возникшая в социокультурном пространстве послевоенной Западной Германии, получает в прозе Борхерта едва ли не первостепенное значение. В *импульсивном монологе* «По длинной, длинной улице» проблема ответственности связана с образом шарманщика (der Leierkastenmann). Если в других *историях* писателя речь идёт только о солдатах-марионетках (die Marionette), то здесь появляется тот, кто этими марионетками управляет, и, что особенно символично, существительное «*die Marionette*» заменяется существительным «*der Hampelmann*»: «У шарманщика красивые пёстрые марионетки. Много красивых дёргающихся марионеток. Есть у шарманщика боксёр. <…>. Есть у шарманщика очень тучный человек. С толстым глупым мешком, полным денег. <…>. И генерал есть у шарманщика. В толстом глупом мундире. «Я командую, – постоянно кричит он, – я командую». <…>. Есть у шарманщика и доктор Фауст в белой-белой блузе и в чёрных очках» [2, 261].

Образ средневекового учёного Фауста подвергается в монологе художественному переосмыслению: Фауст XX века – это не стремящийся к постижению тайн природы учёный-гуманист, но человек, наделённый новым деструктивным знанием: «… он изобретает порошок, зелёный порошок, порошок зелёного цвета надежды. <…> одной ложечкой этого зелёного порошка можно убить целых 100 миллионов человек, если его вдохнуть…» («… er erfindet ein Pulver, ein grünes Pulver, ein hoffnungsgrünes Pulver. <…> mit dem hoffnungsgrünen Pulver kann man mit einem Löffelchen voll 100 Millionen Menschen totmachen, wenn man pustet…», [2, 261-262]). Особое смысловое наполнение в данном контексте приобретает существительное «das Pulver», переводимое как 1) *порошок* и 2) *порох*. Двойная семантика слова выстраивает эпизод с доктором Фаустом по правилам своеобразной игры с читателем, которому предстоит обнаружить в существительном «das Pulver» имплицитно заложенный смысл.

Вместо уничтоженной Фишером кукольной фигурки доктора Фауста тотчас же появляется новая, что, по мысли писателя, должно символизировать интенсивный и уже необратимый процесс военизирования науки и производства. Не случайно «человек в белом халате» снова появится в «Историях для хрестоматии» («Lesebuchgeschichten», 1947) в качестве одного из участников бесстрастного диалога:

– У всех людей есть швейная машина, радио, холодильник и телефон. Чем мы займёмся теперь? – спросил владелец завода.

– Бомбами, – сказал изобретатель.

– Войной, – сказал генерал. <…>.

А на бумаге стояли цифры. Они показывали, что полграмма могут за два часа уничтожить тысячу человек» [2, 315]. Образы шарманщика и его марионеток стали предметом пристального внимания многих зарубежных исследователей. Так Гюнтер Цвойдрак высказал следующее предположение: «Этот шарманщик – символ общества, государства, которое заставляет маршировать бездушных марионеток милитаризма, символ государства, которое натянуло ко-

лючую проволоку уничтожения. Именно это и пытается показать Борхерт. Он чувствует мифический маскарад силы, ему хотелось бы сорвать с неё пёстрые лохмотья, показать нагой и одержать над ней победу. Но ему не всегда это удаётся. Его видение ограничено развалинами и горами трупов» [9, 11].

С нашей точки зрения, многосмысленный образ уличного шарманщика – свидетельство постоянно присутствующей в сознании Борхерта мысли об истинных виновниках трагедии немецкого народа. В этом художественном образе оказались совмещены представления писателя о преступной власти немецкого государства, воплощением которой стал Адольф Гитлер. Герои малой прозы Борхерта часто выполняют игровые функции марионеток кукольного театра (das Puppentheater), которыми управляет *кукольник* (шарманщик). В разных прозаических произведениях под образом кукольника подразумеваются и различные персонажи. В *импульсивном монологе* «По длинной, длинной улице», по-видимому, имеет смысл говорить о творчески переосмысленном и субъективно воплощённом образе Адольфа Гитлера:

« – Но он (доктор Фауст – Н.П.) всё же так ужасно *движется*, – кричу я («Aber der *bewegt sich* doch so fürchterlich…»).

– Нет, он не движется, его *двигают* («…er wird er wird doch nur *bewegt*»).

– А кто его двигает, кто его двигает?

– *Я*, – говорит шарманщик так ужасающе, – *я*» (во всех случаях курсив мой – Н.П.) [2, 263].

Заложенная в образе шарманщика аллюзия подкрепляется следующей частью монолога Фишера. Непреодолимый ужас лейтенанта оказывается побудительным мотивом для того, чтобы ударить страшного шарманщика («… ich mach aus meiner Hand eine Faust und schlag sie … dem fürchterlichen Leierkastenmann in das Gesicht» [2, 263]). Но Фишеру не удаётся этого сделать, поскольку голова шарманщика расположена «высоко на шее» и до неё невозможно дотянуться: «Лицо его очень далеко и смеётся, так ужасно смеётся» [2, 263].

Ещё раз подчеркнём, что монолог лейтенанта Фишера выстраивается на лейтмотивах голода и «57 похороненных под Воронежем солдат». Однако важную смысловую нагрузку здесь выполняет и третий лейтмотив – мечта героя о «жёлтом трамвае» («Und Herr Fischer geht die Straße lang. Die lange Straße lang. Die ist grau. Er will zur Straßenbahn. Die ist gelb. So wunderhübsch gelb» [2, 246]), кажущаяся сначала лишь порождением болезненной фантазии. Но в итоге долгий мучительный путь Фишера получает необычное завершение. Жёлтый трамвай закрывает двери за лейтенантом. В нём едут женщина с фотографиями погибшей семьи, игроки в скат, девочка, для которой «у Бога не было ложки» («Er hat ja keinen Löffel» [2, 247]). Никто из пассажиров не знает, куда именно движется жёлтый трамвай, но внутренняя логика произведения позволяет предположить, что он уезжает прочь от длинной улицы тяжёлых воспоминаний, несбывшихся надежд, ледяного снега под Воронежем.

Образ трамвая в *импульсивном монологе* «По длинной, длинной улице» предстаёт метафорой новой жизни. Не случайно проблему «человек и война» Борхерт осмысливает здесь не с позиции проигравшего войну поколения, а с позиции всех безвинно пострадавших в ней. Речь в монологе идёт уже не столько о немецких или русских солдатах, но о человеке, духовно потерявшем себя. В душевном крике Фишера, человека, не принявшего оправдания смерти пятидесяти семи погибших лозунгом «За Германию!», слышится крик миллионов жертв войны, для которых смерть не может быть естественным событием. Национальные идеи не вдохновляют, если требуют жизни иванов и фишеров, а уничтожают физически и духовно. Человеческие жертвы, по Борхерту, недопустимы и не оправданы никакими гражданскими идеями. Ни в одной стране мира. В этом заключено высокое нравственное значение истории о лейтенанте Фишере. Именно эта идея положена в основу мотива возвращения, репрезентированного в творчестве В. Борхерта.

Литература:

1. Кузурман В.М. Полижанровость идиостиля как проблема перевода (на материале переводов прозы, поэзии, драматургии и публицистики Вольфганга Борхерта на русский язык): дисс. … к. филол. н. Магадан, 2004.
2. Borchert W. Draußen vor der Tür und ausgewählte Erzählungen. Mit einem Nachwort von Heinrich Böll. Hamburg: Rowohlt, 1995.
3. Пономарёва О.Н. Образ рассказчика как смыслообразующий центр коротких рассказов Генриха Бёлля 1950-60-х годов // Художественный текст: варианты интерпретации. Тр. XI Всероссий. науч.-практ. конф. Ч. II. Бийск, 2006.
4. Вулф В. Миссис Дэллоуэй / пер. с англ. Е. Суриц // Вулф В. Миссис Дэллоуэй. На маяке. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе: Сб. Пер. с англ. М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. Харитонов М. Вольфганг Борхерт, прочитанный сегодня // Иностранная литература. 1973. № 2. С. 226.
6. Scmidt A. Wolfgang Borchert. Sprachgestaltung in seinem Werk. Bonn: Bouvier Verlag Helbert Grundmann, 1975.
7. Фролов Г.А. Романтическое начало в прозе В. Борхерта // Проблемы романтизма в художественной литературе и критике. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976.
8. Мальчуков Л.И. Вольфганг Борхерт и литературная ситуация первых послевоенных лет в западной Германии (1947-1947) // Учён. зап. Пермского гос. ун-та «Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XX века». Пермь, 1968. № 188.
9. Kaszynski St. H. Typologie und Deutung der Kurzgeschichten von Wolfgang Borchert. Poznan: Univer. im. Adama Mickewicza, 1970.

Վերադարձի մոտիվը Վ. Բորխերտի ստեղծագործություններում («Երկար, երկար փողոցով»)

Նատալյա Պլատիցինա

բ.գ.թ., դոցենտ

Գ. Դերժավինի անվան Տամբովի պետական համալսարան

Ամփոփում

Վոլֆգանգ Բորխերտի փոքր արձակում վերադարձի մոտիվը հաճախ հանդես է գալիս որպես տեքստի կառուցաստեղծ տարր, ինչպես, օրինակ,

«Երկար, երկար փողոցով» պատմվածքում: Այս ստեղծագործության բուռն մենախոսության կոմպոզիցիան շարադրված է խստորեն պահպանելով վերնագրի էությունը և սյուժետային գիծը՝ անվերջ երկար փողոցով պատերազմից վերադառնում է լեյտենանտ Ֆիշերը: Գրողի պատումային ռազմավարությունը ներառում է գեղարվեստական տարածության մեջ «ես – պատմող»-ի, որպեսզի ցույց տա հերոսի գիտակցության հեռանկարների իրադարձությունները: «Մարդ և պատերազմ» հիմնախնդիրը Բորխերտը վերիմաստավորում է այստեղ ոչ թե պատերազմում պարտված սերնդի տեսանկյունից, այլ ռազմի դաշտում բոլոր անմեղ տուժվածների դիրքից: Մարդկային զոհերը, ըստ Բորխերտի, անթույլատրելի են ու չեն կարող արդարացվել որևէ քաղաքացիական գաղափարներով: Դրանով է արտահայտվում լեյտենանտ Ֆիշերի մասին պատմության բարձր բարոյական նշանակությունը:

Motive to return to the work of V. Borchert («On the long, long street»)

Natalya Platitsyna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Summary

In a small prose of Wolfgang Borchert motive returns often acts as a structure-forming element and text, such as in the history of "On the long, long street". Composition impulsive monologue "On the long, long street" built in strict accordance with the name and storyline: on an infinitely long street returns from war Lieutenant Fisher. Narrative strategy involves the introduction of a writer in the artistic space of this work, I-narrator in order to show the events from the perspective of the consciousness of the hero himself.

Problem of "man and war" Borchert comprehends here not from a position to lose the war generation, but with the positions of all the innocent victims of it. Human sacrifice by Borchert, unacceptable and not justified by any civil ideas. Herein lies the value of high moral stories about Lieutenant Fisher.

ДОМ-МУЗЕЙ СЛОВАЦКОГО ПОЭТА ПАВОЛА ОРСАГА ГВЕЗДОСЛАВА В ОРАВЕ

Антон Репонь
Университет имени Матея Бела

Ключевые слова: *Дом лесника, дом-музей, интерьер, Орава, экспозиция*

В Ораве – исторической области на северо-западе Словакии, изначально входившей в состав королевства Венгрии, расположена деревня Вишни Кубин – родной край и неисчерпаемый источник творчества одного из самых выдающихся словацких писателей – Павола Орсага Гвездослава (1849-1921). Здесь же находится и дом-музей П.О. Гвездослава, известный как «Дом лесника».

В доме лесника размещена экспозиция, воссоздающая атмосферу семейного уклада писателя, который именно здесь создавал свои лучшие лирические и эпические произведения, в которых нашли отражения и описания оравской природы, и горечь народных страданий, и история словацкого народа. Синтезом вышеуказанного является роман в стихах П.О. Гвездослава «Жена лесника».

Дом лесника

В произведении изображена судьба простой семьи лесника. Экспозиция литературного произведения начинается описанием

окружающей природы, знакомит нас с главными героями и их взаимоотношениями. Молодой семье лесника постоянно угрожает барин Артуш Виллани, которого, стремясь защитить свою честь, убивает Аня – жена лесника. Преступление берет на себя ее муж – лесник Михаил Чайка. Далее действия разворачиваются стремительно. Михаила отправляют в тюрьму, у Ани умирают мать и отец, а сама Аня сходит с ума. Во время судебного заседания Аня признается, что именно она является преступницей. Развязка имеет счастливый конец. Михаила освобождают, Аня рожает ребенка и выздоравливает. Герои произведения проходят ряд испытаний: от семейной гармонии через трагедию ко вторичным поискам семейного и морального благополучия и любви.

На создание поэмы Гвездослава вдохновила прекрасная природа, окружающая домика лесника под Бабьей горой, и жизнь простого народа. Природа и домик легли в основу произведения, которые вместе с изображением человеческих судеб и отношений является результатом раздумий самого автора.

Целью экспозиции является не только показ краеведческих картин области, а представление посетителям «Дома лесника» среду, которая сформировала произведение. Экспозиция начинается в экстерьере цитатами из «Жены лесника», которые размещены на природных артефактах и простираются вдоль аллеи Гвездослава, которая соединяет ручей Слана-вода с домиком лесника. Передняя воссоздает реальный фрагмент крестьянского жилища Верхней Оравы: здесь представлены народные костюмы, торжественная одежда, охотничье оружие. Первая комната является стилизованной реконструкцией подлинного оборудования жилой комнаты с использованием мебели, собственноручно вырезанной лесником, вместе с другими представленными предметами, олицетворяющими быт жены лесника, которая, кажется, вышла на минутку, но ее вещи говорят о ее присутствии: юбка, снятая ею, хлеб, лежащий на столе, нож – защитник ее чести. Комната – это свидетель домашнего уюта: точно так ее и воспел поэт.

Интерьер «Дома лесника»

Следующая комната оборудована как рабочий кабинет писателя: здесь расположен стол, на котором лежит копия подлинной рукописи поэмы, в углу – вешалка, на которой висят полупальто Гвездослава, его шапка и трость.

Среднее помещение с оригинальными нишами бывшей кухни перерастает в городской интерьер города Мартина с его учреждениями, которые помогли донести «Жену лесника» до словацкого читателя. Перед нами на столе словацкая литературная газета «Словацкие взгляды», макет здания первой культурной институции словаков «Матице словацкой», фотопортреты литературных критиков, писателей, публицистов, которые выступали с оценкой творчества Гвездослава – Я. Влчека, С.Г. Ваянского, Й. Шкультеты, а также другой фотографический и картинный материал.

Финальная часть экспозиции находится в последнем, самом большом помещении дома лесника, которое постепенно заполняется аудиовизуальной техникой. В этом маленьком театре встречаются два мира – настоящий и виртуальный, придуманный, чтобы посетители могли почувствовать и пережить атмосферу ушедшей эпохи.

Основой для возникновения Музея Гвездослава была прежде всего недвижимость, которую супруга Гвездослава Илона Орсагова после смерти поэта подарила библиотеке Чапловича.

Подлинным основоположником музея был Вавринец Чаплович, который в 1839 г. подарил 20 000 экземпляров книг своим родным со словами: «При основании этой библиотеки моей целью было помочь распространять образование, и тем самым счастье среди своих родных... Поэтому книги предоставлены не только для интеллигенции, но и для ремесленника и крестьянина» [1, 89].

Здание музея было построено в начале 20 века (1905-1907 гг.) как библиотека им. В. Чапловича. В 1980 г. музей становится интегральной частью Оравского музея Павла Орсага Гвездослава.

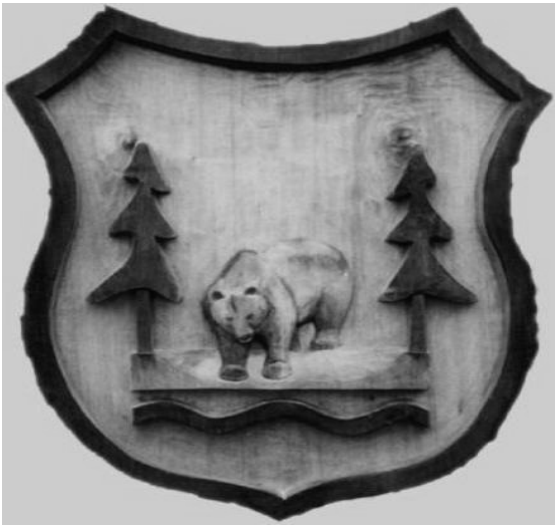

Вход в музей. Во дворе – памятник Гвездославу

Экскурсия по музею начинается у стеллажей, где хранятся самые старые экспонаты семьи Орсаг: шкатулка матери Гвездослава, торжественный костюм, серебряные пряжки, булавки из одежды, вышивки, изделия ручной работы и т.д.

На стене висит генеалогическое древо семьи и краткая биография писателя. На лестнице привлекает внимание посетителей герб Оравы, которая, как самостоятельная провинция, существует с 1360

г. Герб Оравы – медведь между двумя елями – символизирует самую северную провинцию в бывшей Венгрии, богатую лесами и зверями.

Герб Оравы

В личной библиотеке писателя имеется несколько десятков книг русских авторов на немецком, словацком, чешском, русском и венгерском языках. Здесь представлены такие писатели, как: Гоголь, Тургенев, Лесков, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Чехов, Короленко, из поэтов – Пушкин, Лермонтов, Некрасова, Никитин, Козлов, Крылов, Хомяков, А.К. Толстой, Фофанов, Полонский и много других. Названные имена говорят о большой демократической и художественной избирательности Гвездослава по отношению к русским писателям, о понимании истинных ценностей России. Писателя интересовало все – тема, содержание, скрытый смысл произведения, их форма, необычно яркие образы, впечатляющие и красочные художественные детали, собственные мысли и настроения, аналогичные наблюдениям в Словакии, жизненные ситуации и т.д. Об этом говорят многочисленные карандашные пометки Гвездослава на книгах.

В его библиотеке находится целый ряд книг немецких перево-

дов произведений Некрасова, Лермонтова, Никитина, Козлова, Полонского, Фофанова, а также сборник переводов «Русские поэты». Наибольший интерес и ценность представляют пометы Гвездослава на полях книги «Русская муза» (СПб., 1908), включающей в себя произведения 131 автора, отдельные издания которых в переводах и оригиналах имелись в библиотеке. Эти пометы по существу отражают отношение Гвездослава ко всей новой русской поэзии.

Гвездослав перевел на словацкий язык произведения величайших мировых поэтов, стремясь «одеть их в словацкую одежду». Писатель на практике доказал, что на словацком языке можно передать самые важные произведения не только славянской литературы (Пушкин, Лермонтов, Мицкевич, Словацкий), но и западноевропейской (Шекспир, Гете, Шиллер).

Исследование творческого воздействия русской поэзии на Гвездослава предполагает всестороннее знание его текстов, их датировку и историю создания. Наряду с услугами для посетителей музея, главная работа сосредоточена на исследовании истории литературы, театральных и музыкальных традиций Оравы. Музейный фонд стал неисчерпаемым источником для многих исследователей и студентов со всей Словакии.

Музей в настоящее время хранит историческую коллекцию, которая включает в себя почти 21 000 единиц. Это личные предметы многих литературных деятелей. Кроме того, это и обширный архив рукописей и оригинальные фотоматериалы, личные библиотеки многих словацких писателей, личная переписка, публикации работ отдельных авторов Оравской области. Исторический фонд библиотеки дома-музея Гвездослава актуален и сегодня, а его произведения не только продолжают волновать читателей, но и являются инспирацией для современных художников, музыкантов и композиторов.

Литература:

1. Hviezdoslav v kritike a spomienkach. Bratislava : SVKL, 1954.

Սլովակ բանաստեղծ Պավոլ Օրսագ Գվեզդոսլավի տուն-թանգարանը Օրավայում

Անտոն Ռեպոն
Փիլիսոփայության դոկտոր
Մատեյ Բելյի անվան համալսարան

Ամփոփում

Ներկայումս թանգարանում գտնվում է արժեքավոր պատմական հավաքածու, որն ընդգրկում է իր մեջ շուրջ 21000 միավոր: Դրանց թվում են Պ.Օ. Գվեզդոսլավի և բազում այլ գրական գործիչների անձնական իրերը, կահույքը և առօրյա գործածության առարկաներ: Բացի այս թանգարանում տեղ են գտել ձեռագրերի և ինքնօրինակ ֆոտոնյութերի մեծաթիվ արխիվը, Պ.Օ. Գվեզդոսլավի և սլովակ այլ գրողների անձնական գրադարանները, ինչպես նաև իրենց նամակագրությունը և Օրավայի շրջանի առանձին հեղինակների տպագրված աշխատությունները: Այցելուների սպասարկման հետ մեկտեղ՝ թանգարանի հիմնական աշխատանքը կենտրոնացված է գրականության պատմության, Օրավայի թատերական և երաժշտական ավանդույթների ուսումնասիրման վրա:

House-Museum of the Slovak poet Pavol Orszag Hviezdoslav in Orava

Anton Repon
Ph.D.
University of Matej Bel

Summary

The museum currently holds the historical collection, which includes nearly 21 000 units. These are personal items of many literary figures. In addition, this extensive archive of original manuscripts and photographs, personal libraries of many Slovak writers, personal correspondence, publications, works of individual authors of Orava region. Along with services for visitors to the museum, the main work focuses on the study of the history of literature, theater and musical traditions of the Orava.

ՀԱԿՈԲ ՕՇԱԿԱՆԻ «ՄՆԱՑՈՐԴԱՑ» ՎԵՊԻ ԵՎ «ԳԻՏԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՀՈՍՔԻ» ՈՐՈՇ ԱՌՆՉՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Հրաչյա Սարիբեկյան
ՀՀ ԳԱԱ Մ. Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտ

Առանցքային բառեր՝ *«գիտակցության հոսք», հեղինակային մեկնաբանություններ, հոգեբանական գործողություն, «Մնացորդաց» վեպը, սեռի և մահվան բնազդ*

Ինչպես ««Մնացորդաց» վեպում, այնպես էլ իր քննադատության մեջ Օշականը բազմիցս անդրադառնում է «գիտակցության հոսքի» կամ ինչպես ինքն է բնութագրում «ներքին» կամ «հոգեբանական գործողության» տեխնիկայի խնդիրներին: «Քանի մը խօսք *ներքին գործողութեան,* որմէ շքեղ նմոյշներ են Ճէյմս Ճոյսի «*Ուդիսեւս*»-ը, Թակորի *La maison et le monde*-ը [«Տունը և աշխարհը»]: Ճոյսի վէպը յեղափոխութիւն մըն է, վիպելու արուեստին մէջ: Կ'ըսուի, թէ ոչ մէկ վիպող կրնայ, անպատիժ՝ անգիտանալ այդ նորութիւնը: Թակորի վէպը նորութիւն մը չէ անշուշտ, բայց արեւմտեան վէպին մէջ խուլ, բանաստեղծական, խորունկ, արձագանգուն ապրումին արեւելեան զգայնութեան մէջ քաղցրացումը: Չենք փափաքիր, որ Թակորի մարդերը *գործեն,* քանի որ համոզուած ենք, որ յիմարութիւններ, տրտմութիւններ միայն պիտի ըլլային ընդունակ իրագործելու, ու կ'ուզենք, որ ներսէն ապրին: Ու այդ ներսեն ապրումը նոյնքան խռովիչ է, որքան ռուս վէպին անտարազելի ձգողութիւնը» [1: Ժ, 167]:

XIX դարում ֆրանսիացի բանաստեղծ և դրամատուրգ Էդուարդ Դյուժարդենը փորձում է վեպ գրել բացառապես «ներքին մենախոսությամբ», հավատալով, որ այն վեպի համար ավելի շատ խնդիրներ կարող է լուծել և առավել լայն հնարավորություններ բացահայտել, քան իրապաշտական մեթոդը: Ու թեև «գիտակցության հոսքի» առաջնության դափնին պատկանում է հենց Դյուժարդենին, ով առաջինն էր, `որ «ներքին մենախոսության» մեթոդով

գրեց մի ամբողջ, թեև ոչ ծավալուն վեպ՝ «Դափնիները կտրված են» (1888), սակայն XX դարում նույն տեխնիկայով իռլանդացի Ջեյմս Ջոյսը առավել մեծ հնարավորություններ բացահայտեց: Ջոյսը հասկացավ, որ այդ մեթոդով կարող է ստեղծել «բացարձակ» վեպ և, իրոք, «Դուբլինցիների» հեղինակն իր վեպի մասին խորհում էր որպես ամբողջ տիեզերքի հանրագումարի. «Հղացքի և տեխնիկայի մեջ,-գրում է Ջոյսը նամակներից մեկում,- ես փորձել եմ աշխարհը պատկերել այնպիսին, ինչպիսին մարդուց առաջ է եղել, և հետևաբար, կլինի նաև մարդուց հետո» [2, 84]:

Այս առումով Ջոյսի վեպն, իրապես, սխրագործություն էր կամ՝ «յեղափոխութիւն մը» «վիպելու արուեստին մէջ»: Մեկ ուրիշ նամակում Ջոյսը գրում է, որ իր վեպի խնդիրներից մեկը «Դուբլինցիներ»-ի հետևությամբ «իր երկրի բարոյական պատմությունը» ստեղծելն է. ««Ուլիսն» էպոպեա է երկու ազգերի՝ իռլանդացիների և հրեաների վերաբերյալ»,-գրում է Ջոյսը: Ոչ միայն տեխնիկայով, այլև խնդրադրումներով Օշականի «Մնացորդաց» վեպը, հայ վեպի ամենախոշոր իրողությունն ու ամենամեծ նվաճումը, մոտենում է Ջոյսի «Ուլիսին»: Օշականի խնդիրը փրկելն էր մի ամբողջ ժողովրդի «մնացորդացը,-այսինքն ինչ որ անոր բարքերէն ու ապրումներէն դեռ կը մնայ հողի երեսին, արժանի պահելու...», այսինքն՝ դարձյալ ցեղային ոգու ավազանի պատմության կերտումը և այն նույնպես հղացված է որպես վեպ-էպոպեա երկու ազգերի՝ հայերի և թուրքերի հարաբերության առանցքով, դարաշրջանի և իրականության «համապատկերը նուաճել»ու փորձ և Օշականի վեպը նույնպես վեպ-հանրագումար դառնալու միտում էր հետապնդում. «...անշուշտ 1915ի թուրքն է, բայց է նոյն ատեն բոլոր ժամանակներուն թուրքը» [1: Ժ, 131]:

Իր առջև դրված խնդիրները վիպական տարածության մեջ իրագործելու համար Օշականը դիմում է «գիտակցության հոսքի» տեխնիկային, որովհետև «Ասիկա արեւմտահայ վէպին թեքնիքովը նուաճելի յաղթանակ մը չէ» [1: Ժ, 168]: Եվ այս առումով «Մնացորդաց»-ը եզակի և բացառիկ իրողություն է ոչ միայն հայ, այլև համաշխարհային գրականության մեջ: Օշականի վեպը քննաբանելու համար հայ գրականության համատեքստն, իմ կարծիքով, նեղ է:

Երևույթի ընդգրկումների չափազանց մեծ տարողունակությունը երևակել կարելի է միայն համաշխարհային գրականության համապատկերում, մասնավորապես՝ «գիտակցության հոսքի» հետ ունեցած առնչություններով:

«Մնացորդաց»ի առաջին իսկ էջերում Օշականն այսպես է սահմանում գիտակցության հոսքի իր ըմբռնումը. «Վէպը ինծի համար ճերմակ թուղթ մըն է եւ կ'արհամարհեմ բոլոր օրէնքները, ըսելու համար ինչ որ կը մտածեմ» [1: Ժ, 48]: Եվ, իրոք, վիպասանը շատ բան է յուրացրել արդիապաշտ գրականության՝ ազատ ասոցիատիվ, անուղղագիծ պատումի, սինտաքսիսային կտրտվածությամբ բնորոշվող XX դարի տիրապետող ուղղությունից: Պատահական չէ նաև «գիտակցության հոսքի» հետ կապվող առանցքային՝ Ջոյսի, Պրուստի, Ֆրոյդի անունների հիշատակումն ինչպես վեպում, այնպես էլ «Մնացորդացի» գրականագիտական զուգակշիռ աշխատության՝ «Համապատկերի»՝ մասնավորապես՝ տասներորդ հատորում: Ինչ վերաբերում է Ֆրոյդի ու «գիտակցության հոսքի» և մեզ հետաքրքրող Ֆրոյդի ու Օշականի առնչություններին, հետազոտողներից մեկը՝ Ռոբեր Հեմֆրին «Գիտակցության հոսքը ժամանակակից վեպում» ուսումնասիրության մեջ նկատում է, որ Ֆրոյդի և Բերգսոնի ազդեցությամբ հենց գրողը դարձավ «մտատեսության (ինտուիցիա)՝ բանականության և տրամաբանության դեմ անվերջ պայքարի զինակիրը» [3, 16]:

Իմիջիայլոց նշենք, որ «գիտակցության հոսքը» հոգեվերլուծությունից փոխառնված եզր է և պատկանում է ամերիկացի Ուիլյամ Ջեյմսին: Օշականին հոգեվերլուծության և, մասնավորապես, Ֆրոյդի հետ ամենից առաջ միավորում է վեպը գիտակցության հունի մեջ մղող և հերոսներին բնութագրող «էրոսի» և «թանատոսի» բնազդը, քանզի «գիտակցության հոսքով» ընթացող ներքին կամ հոգեբանական գործողությունը և նրանից ածանցվող կամ այն պայմանավորող մնացած ամեն ինչ Օշականի վեպում բխում են սեռի և մահվան բնազդի անկանխատեսելիությունից. «Մահուան ու սիրոյ պատկերները զուգորդ են իրարու, բայց իրենց կրագիծը չի հասնիր մեր զննութեան ու փաստումին» [1: Բ, 56]:

Սեռի և մահվան բնազդի այս անկախատեսելիությունն է, որ վեպը տանում է կամ արգանդի, կամ արյունի ճանապարհով: Սողոմենց Սողոմի՝ հաճի Աննային մորթելը, Նալպանտենց տունը հրդեհելը... Արյուն և արգանդ՝ մեկը սեռական մղումների և կյանքի շարունակականության, մյուսը մահվան խորհրդանիշը: Սեռի և մահվան բնազդն են նաև, որ պայմանավորում են թուրքի հարաբերությունը հայի հետ: Օշականը պեղում է իր հերոսների ենթագիտակցության խորքերը, այդ մղումների արմատը տեսնելով մանկության մեջ. «Ու կ'աւելցնեմ,-ոչինչ այնքան արմատական է ու անվերծանելի, որքան մանկութեան շրջանէն ամբարուած վախին, ատելութեան, հիացումին կնիքը մեր հոգիին: Կը պարպեմ զայն այս էջերուն, առանց վախնալու» [1: Ա, 49-50]:

Մյուս կողմից՝ Ֆրոյդի և հոգեվերլուծության մեթոդին Օշականը մոտենում է իր հերոսների (ինչպես Օշականն ինքն է բնորոշում՝ «*տիպարների*») ներաշխարհի զննման մեթոդով և այս առումով Օշականին հարազատ է նաև Պրուստի՝ կերպարի վերլուծության մեթոդը:

«Մնացորդացի» հենց սկզբում, Հաճի Աննայի պատասխան չակնկալող դիմումը՝ «Խնամի՛» ընդմիջարկվում է հեղինակի պատումի ներքին մենախոսության հոսքով: Մի կողմից ստեղծվում է իրականության կամ գեղարվեստական տարածության երկու տարբեր շերտ, մյուս կողմից՝ Օշականը տևական իրադարձություններ ընդգրկող ժամանակը, «գիտակցության հոսքի» մեկ ուրիշ վառ ներկայացուցչի՝ Ֆոլքների՝ Թոմաս Վուլֆի պատումին տրված «ողջ աշխարհին ասեղի անցքի մեջ տեղավորելու» բնորոշման համաձայն՝ փորձում է տեղավորել մեկ ակնթարթի մեջ: Այդ ակնթարթը՝ «ասեղի անցքը», որի միջով անցնում է ահա այսպիսի ժամանակային նկարագիր ունեցող գյուղի՝ «Ամէն ինչ դարերու կնիքով: Ամէն ինչ հոն, գեղին մէջ, կը քալէ իր յաւիտենական քայլը», Ժամուն փողոցի (փողոցի անունը ժամանակի չափման միավորի և հավերժությունը խորհրդանշող Եկեղեցու երկիմաստություն է բովանդակում), մարդկանց, դեպքերի նկարագրությունների թելը, կանչի պահն է: Կանչ, որ կարևոր է նկատել, պատասխան չի ակնկալում, իրենից հետո թողնելով *լռության* ահռելի *տարածու-*

թյուն, որ լցվում է ներքին մենախոսությամբ և «հոգեբանական գործողութեամբ» (Օշականի՝ Պրուստի վիպաշարի գործողությանը տրված բնորոշումը)։ Եվ սա՝ նաև ժամանակի հանդեպ օշականյան գեղագիտությունն է, ներքին ժամանակն ավելի տարողունակ և առավել հարուստ է, քան արտաքին աշխարհում շարժումով կամ դիպաշարով պայմանավորված ժամանակը։ Մյուս կողմից՝ ներքին ժամանակը կանգնեցնում է արտաքին աշխարհի ժամանակը՝ աշխարհը վերադարձնելով իր նախնական վիճակին՝ «այնպիսին ինչպիսին մարդուց առաջ էր», երբ չկար ժամանակ։

Առհասարակ, ժամանակի և տարածության ընկալումը Օշականի «Մնացորդաց» վեպում առնչվում է «գիտակցության հոսքի»՝ Դյուժարդենի, Պրուստի, Ջոյսի, Մալքոլմ Լաուրիի ժամանակի և տարածության ընկալումներին։ «Գիտակցության հոսքը» ժամանակի անսահման փորձարկումների հնարավորություն է ընձեռում, որովհետև այն ոչ թե արտաքին աշխարհում տարածության մեջ շարժումով պայմանավորված, այլ խորապես սուբյեկտիվ երևույթ է։ «Գիտակցության հոսքի» գրականության մեջ ժամանակի գեղարվեստական վերարտադրության ելակետը ժամանակի սուբյեկտիվ ընկալումների անսահման հնարավորություններն են։ «Գիտակցության հոսքն» ինքնին տարածաժամանակային զանցումների հնարավորություն է ընձեռում։ Այնպես, ինչպես՝ Ջոյսի «Ուլիսի», Վիրջինա Վուլֆի «Միսիս Դելոուեյի» կամ Մալքոլմ Լաուրիի «Հրաբխի ստորոտին» վեպերի մեկօրյա ժամանակային պարագրկումը, Պրուստի «Կորուսյալ ժամանակը որոնելիս» վիպաշարի Ժիրար դե Ներվալից սկիզբ առնող ժամանակային որոշակիության բացակայությունը։ Օշականի վեպը հատկանշվում է ժամանակային տևական պարագրկմամբ։

«Գիտակցության հոսքի» տեխնիկան է հնարավորություն տալիս նրան մի ամբողջ ժամանակաշրջանի համապատկեր ստեղծել։ «Գիտակցության հոսքին» առնչվող ժամանակային սուբյեկտիվ վերարտադրության խնդիրներից մեկը ժամանակի ընթացքի պատկերային համակարգում մասնավորապես նկարագրական մանրամասնությունների, ինչպես Օշականը կանվաներ՝ «սեւեռումի» կամ «երկասացութեան» միջոցով դրսևորվող հապաղումն է, դանդաղե-

ցումը, ասենք՝ հրդեհի ծավալուն նկարագրությունը, որ կաթվածահար է անում ժամանակը՝ ստեղծելով օբյեկտիվ ժամանակի պատճառահետևանքային հաջորդականությունից ազատ հոգեբանական գործողության ժամանակը, ինչպես «Արգանդի ճանբով»ի մեջ մոտ ութսուն էջ սևեռումը Սողոմի՝ դաշտ փորելու, ծառ ջրելու գործողության վրա, ներքին հոգեբանական զարգացումներով լցված գործողության հնարավորություն է ընձեռում:

(*«Մնացորդաց»*ը ութսունէ աւելի էջեր է յատկացուցած ներքին գործողութեան ուրիշ փորձի մը: «*Արգանդի ճամբով*»ին մէջ Սողոմը կ'իյնայ դաշտ, փորելու, ծառ ջրելու, կանխող գիշերին հեքիաթունակ երազէն վերջը: Այդ հարիւրի մօտ էջերը, այդ տղուն գանկէն կը փրթին ու կը փրթին, յօրինելու համար ամբողջ կեանք մը: Եւ որովհետեւ կեանքը համազօր է գործողութեան, կը հասկցուի, թէ Օշական կրնայ մեզ իրեն հետ քաշել, տանիլ նոյնիսկ, երբ կը վերլուծէ: Դարձեալ այդ «*Մնացորդաց*»-ին մէջ ուրիշ տեղ մը, միշտ այդ Սողոմը ոճիրին *aura*ին մէջ, բայց տակաւին անկէ դուրս, լեռ կ'երթայ, անապատականի մը համբաւը ապրող մարդու մը: Աւելի քան յիսուն էջեր Օշական յատկացուցած է այդ Սամիկ Սամունը ներկայացնելու, մարդ մը, որ ա'լ չունի երեւան գալու բախտ մը վէպին միւս մարզերուն վրայ: Բայց որ հոդ, այդ պահուն, վէպին կեդրոնական հերոսին հետ իր խօսակցութիւնը կ'ընէ ինքնիրեն համար տարօրէն շահեկան: Կը ձգենք պահ մը ոճիրին խուլ ձգողութիւնը, Սողոմին անձին վրայով ու կը տարուինք Սամիկ Սամունին մոայլ անձնավորութեան առեղծուածէն ներս: Ասիկա տրամային մէջ տրաման է ահաւասիկ: Ու ասիկա արեւմտահայ վէպին թեքնիքովը նուաճելի յաղթանակ մը չէ: Իջէք «*Մնացորդաց*»ի սկիզբը: *Հաճի Արթինին* յատկացուած հարիւրի մօտ էջերը անշուշտ կասկածելի ժառանգական տեսութեան մը ապացուցումը չեն հետապնդեր (Օշական Զոլա մը չէ) ու կէս դար առաջ հող իջնող մարդ մը, մեր օրերու վէպին մէջ երբ կը գրաւէ գիրքին կէսը, կը դադրի պատկանելէ մեզի ծանօթ օրէնքներու դրութեան մը, ըլալու համար ինքզինքը, բայց ձեւով մը, խստութեամբ մը, ուժով մը, որոնք կը պարտադրեն» [1: Ժ, 168]:

Օշականը «ժամուան մը ապրումները իր մէկ հերոսին խնամքով կը ջանայ սեւեռել ու չի քալեր, իր հետ ալ չքալեցնելով հերոսը դէպի... կնիկի մը ծոցը կամ յուզումնալից տեսարան մը» [1: Ժ, 162]: Օշականի «անդամալոյծ» կամ, ինչպես Օրտեգա-ի-Գասեթն էր բնորոշում Պրուստի «Կորուսյալ ժամանակը որոնելիս» վիպաշարը, «կաթվածահար» վեպում, հերոսների արտաքին կյանքը ստորադասվում է ներքին կյանքին, արտաքին գործողությունը ներքին գործողության՝ զգացողությունների, գիտակցության, հիշողության, ներքին մենախոսության հոսքին:

«Գիտակցության հոսքը» ոչ միայն տարածության և ժամանակի պատկերման, այլև ժամանակաձևի, դեմքի ընտրության, դիպաշարային խնդիրների մի ամբողջ հանգույց է ենթադրում:

Ինչ վերաբերում է դեմքին, վեպը գրված է երրորդ դեմքով, թեև Օշականն անընդհատ միջամտում է՝ անցնում առաջին դեմքի, բայց ընդհանուր առմամբ նախընտրում է «գիտակցության հոսքի» այսպես կոչված՝ *անուղղակի* մեթոդը:

Հեղինակային դատողական խոսք, քերականորեն անսխալ կառույցներ՝ ի տարբերություն «Ուլիսի» կամ Ֆոլքների «Շառաչ և ցասումի» կտրտված սինտաքսիսով հատկանշվող որոշ հատվածների, Օշականի պատ(մ)ումի մեջ հստակորեն գծված է *արտաքին աշխարհի նկարագրության* և «*գիտակցության հոսքի» սահմանը,* ոչ թե Ջոյսի արձակի նման ներհյուսված և տարալուծված, ասել է թե՝ «գիտակցության հոսքը», Օշականը հիմնականում կիրառում է իրապաշտորեն:

«Մնացորդաց» վեպում երկխոսությունները սակավ են, «գիտակցության հոսքը» հաճախ անվանում են նաև ներքին մենախոսության գրականություն: Երկխոսությունը քիչ է՝ «մարդը մտքերի մեջ ավելի անկեղծ է», մյուս կողմից՝ երկխոսությունն առավել հատուկ է ներկա ժամանակաձևին, որքան էլ այն գրված լինի անցյալ կատարյալով, սակայն այն ենթադրում է ներկա ժամանակաձև: «Մնացորդաց» վեպում ներկայի զգացողություն չկա: Այս հսկա ժամանակային տարածք ընդգրկող վեպում ներկան ապահովվում է միայն արտաքին դիպաշարով, «գիտակցության հոսքի» մեջ տարալուծվում են ժամանակներ, դեմքեր և իրողություններ:

«Գիտակցության հոսքի» խնդիրներն առաջին հերթին առնչվում են պատումի ոճին, նախադասությունների կառուցմանն ու ժամանակաձևերի կիրառմանը: Օշականի նախադասություններն ավելի հաճախ երկարաշունչ, եթե ոչ, ապա իրար հետևից հոսող՝ արձակի օշականյան միասնական ռիթմի և «Մնացորդացի» ամբողջական մթնոլորտի (այն, ինչ Օշականն անվանում է «*աշխարհ*», և իր աշխարհը բնութագրում ընդարձակ (ընդ որում՝ ընդարձակությունը ծավալի հետ չպետք է շփոթել), բայց ոչ ամբողջական, տե՛ս [1: Ժ, 129-134, մասնավորապես 131] հունով, բայց գիտակցության հոսքը գոյանում է նաև պարբերությամբ չընդհատվող պատ(մ)ումի շնորհիվ, այն ենթադրում է լեզվական միավորների նվազագույն դադարներ, չընդհատվող, հոսող պատ(մ)ում: «Կ՚իյնաք վէպին հոսանքին մէջ, եւ ինչպէս կախարդական նաւակէ մը, կը հետեւիք այդ հեղեղին, որպէս թէ բաց աչքերով երազի մը մէջէն,-գրում է Օշականը, մասնավորապես «Ծակ-պտուկի» և «Մնացորդացի» Հաճի Արթինի ծավալուն (մոտ հարյուր էջանոց) դրվագում պատ(մ)ումի հոսքի բնականությունը բացատրելով բարքերի իրականությամբ,-այնքան ձեզի մատուցածները կը տարբերին ձեր գիտցածէն, լսածէն, ապրածէն, բայց չէք կասկածիր այդ ամենուն իրականութեանը, վասնզի բոլոր մարդերը *հագուած* են իրենց բարքերուն անկապտելի փաստերովը, վասնզի տարօրինակ արուեստ մը այդ հին, սնտուկէ հանուած կերպասեղէնը – կազմուած դարերուն հոգեղէնովը – կ՚ընէ պայծառ, թափանցիկ, իրաւ» [1: Ժ, 153]: «Ու կը խորհիմ, թէ «Մնացորդացի» մէջ այդ տիպարին հետ կեանքի ինկած բարքի տախտակները մինակնին բաւ են գնելու գիրքին բոլոր տկարութիւնները» [1: Ժ, 153]: Վեպի և սեփական պատումի մասին Օշականը խոսում է հոսքի փոխաբերություններով, ինչպես՝ *«Մնացորդաց»*-ը հազարաւոր էջերու վրայ տարածուելու սահմանուած սկզբնական պոռթկում մըն է, որ ստիպուած է չպաղիլ ու ծանր քալել, լաւաներու նման» [1: Ժ, 166]:

Ինչ վերաբերում է «գիտակցության հոսքին» բնորոշ անուղղագիծ դիպաշարին և գործողության բացասմանը, Օշականը «Մնացորդացի» երրորդ հատորի (»Արյունի ճամբով» գիրք Դ) առաջին իսկ էջերում գրում է. «Այս վէպի ընթացքին ինծի պատահեցաւ գոր-

ծողութիւն արձակել, բայց չհետեւիլ անոր: Ուշացայ այդ գործողութեան ներքին ծաւալումն ի վար, խորհելով այն իրաւունքին, զոր մեր չյայտնուած եսը ունի մեր յայտնուած եսէն աւելի: Անշուշտ, վէպը իր օրէնքներն ունի, որոնք կ'ուրանան այս շեղումները: Բայց օրէնքները արդիւնք են պատահուած իրողութեանց իբր հակահարուած: Անշահեկա՞ն է արդեօք, հետեւիլ հոգիի մը բաւիղներէն ներս, դէպի այն անդունդները, որոնք երգի մը ժապաւէններովը չափելի կը դառնան: Նուա՞զ ողբերգական է դժնդակ ու թշուառական այն քաոսին մէջ, որ մեր անցեալն է միշտ, այդ դողդոջ լոյսով պտըտիլ կրնալ ու տեսնել բաներ, որոնք մերը եղան ու չուզեցինք հանել դուրս: Ո՛վ է այն յիմարը, որ պիտի նախասիրէ դուրսին համար յարդարուած իր կեանքն ան միւսէն, զոր տարիները քիչիկ-քիչիկ ճարտարապետեր են այնքան տառապագին յուզումներու գնով: (Ո՞վ ալ ըլլաք այս տողերը կարդացողը, եղած էք ա՞ն ալ, որուն կ'ուզեմ դարձնել ձեզ, ուրիշներու ճամբով: Ու վէպը, ատոր ազատութիւնը կու տայ ինծի, ձեր կողմէն պզտիկ զիջումով մը: Սինեմա մը վայելելու համար կը յօժարիք քանի մը ժամ ամբոխ ըլլալ: Շնորհեցէք ձեզի այդ շեղումը: Ու մի պահանջէք, որ յիմար փաշա մը անպատճառ աջ ու ձախ թքնէ, սուր շարժէ, մարդեր սպաննող հրամաններ արձակէ: Ատիկա արտաքին, շարժական ու մէկ երեսով գործողութիւն է: Մի պահանջէք, որ անոր կնիկը, նոյնքան յիմար ու տարփավառ սիրուհիի մը նման թերթօնական արկածախնդրութիւններ ցուցադրէ ձեզի: Երկուքն ալ ատկէ աւելի են միշտ, ինչպէս դուք ամէն մէկերնիդ ձեր հիմակուան ընթերցողի վիճակէն աւելի եղաք»):

Օշականի վեպին հատուկ են այսպիսի դատողությունները, մեկնաբանությունները, բայց երբեք «գիտակցության հոսքը» չի դառնում գաղափարների հոսք: Գործողությունը բացատող «գիտակցության հոսքի» պայմաններից մեկն էլ գործողությունն է: Մտքի հոսքը չի նշանակում գաղափարների հոսք. այս հարակարծության մասին Օշականը գրում է. «*պարզուած գաղափարագրութիւնը,* առանց անդրադառնալու, որ գաղափարները ստուերներ են, չունին ծանրութիւն եւ թանձրութիւն ու հետեւաբար, *չեն կրնար քշել,* մինչեւ որ կեանքի, այսինքն՝ գործողութեան չվերածուին» [1:

Ժ, 167]: Ապա Օշական գրականագետը հարցնում է. «Կատարուա՞ծ է այդ վերածումը, Օշականի վէպերուն մէջ: Կրնամ յայտարարել, թէ այ՛ո: Ատոր փաստը հո՛ն է, հարիւր էջի վրայ երկարող այդ երկասացութիւնը ձեզի հազիւ թէ բան մը կը սորվեցնէ, բայց ձեզ կը յուզէ խորապէս: Ուրիշ տեղ մը, («Մնացորդաց») Սողոմենց Սողոմը տանիքէ մը տուն մը կը թափանցէ՝ սպաննելու համար ներսիննեը: Տասնով, քսանով կը դառնան էջերը, այդ արարքը նուաճելու: Բայց դուք չէք զգար թաւալը այդ էջերուն: Արդ, ամբողջ տրաման – որ պարզ իմաստին մէջ հիներու գործողութիւնն է - կը դառնայ այդ տղուն գանկին տակ, այդ թափանցումի պահուն, ու դուք դարձեալ չէք կրնար ձեր ուշադրութիւնը բաժնել րոպէէն, տեղէն, խորհուրդէն: Բա՞ւ, այս ընդլայնումը, ապացուցանելու համար, որ դանդաղ, անդամալոյծ, թրիքի պէս անողնայար, դիակ նկատուած այդ գործողութիւնը իրաւ է, արագ, տենդավազ, ամբողջ կրակ, ու գոթական եկեղեցիի մը նման թրթռուն» [1: Ժ, 167]:

Ահա այսպես՝ Օշականը վեպի, սեփական գեղագիտական սկզբունքների մասին և, առհասարակ, տարաբնույթ դատողութիւններով անտեսում, արհամարհում է նաև «գիտակցության հոսքի» ամենակարևոր խնդիրներից մեկը՝ բացառել, թաքցնել կամ նվազագույնի հասցնել հեղինակի ներկայությունը. այդ առումով վեպը հաճախ ոչ թե իր հերոսների ներքին մենախոսության և «գիտակցության հոսքի», այլ տարաձաժամանակային տարբեր հարթություններն ու նրանցում գործող հերոսներին միավորող հեղինակի գիտակցության հոսքի պատ(մ)ումն է և այս առումով Օշականը մեկ քայլ մոտենում է հետարդիապաշտներին: Ջոյսը նույնպես դատողություններ է անում՝ հատկապես փիլիսայության և գեղագիտության շուրջ, բայց Ստիվեն Դեդալի և մյուս հերոսների միջոցով: Օշականն այդ առումով մոտ է դասական ավանդույթները խաղարկող հետարդիապաշտներին: Անընդհատ հեղինակային մեկնաբանություններով պատ(մ)ումի մեջ իրենց ներկայությունը չթաքցնող հետարդիապաշտների նման Օշականը հետամուտ է դեպքերի մանրազնին մեկնաբանությանը, սեփական պոետիկայի մասին դատողություններին: Ջոյսը կարող էր սեփական պոետիկայի իր ընկալումներն արտահայտել ինտելեկտուալ հերոսների

միջոցով, բայց Օշականը չէր կարող գյուղական միջավայրին պատկանող իր հերոսների շուրթերով խոսել պոետիկայի խնդիրների մասին:

Օշականը պատմում է ինքնակենսագրական դրվագների, դեպքերի մեկնաբանության բազմաթիվ շեղումներով. շեղումները ասոցիատիվ են՝ պայմանավորված ներքին, ենթագիտակցական ասոցիացիաներով և սա առանձին ուսումնասիրության ծավալուն նյութ է: Խնդիր է առաջանում՝ այնուամենայնիվ, «Մնացորդաց»-ը հեղինակի «գիտակցության հոսքի՞», թե՞ այլ՝ տարբեր հերոսների պատ(մ)ումն է, ինչպես օրինակ Ֆոլքների «Երբ մահանում էի» վեպում, ուր պատմությունն անցնում է բազմաթիվ հերոսների գիտակցության միջով: Ֆոլքների վեպում տարածական տեսանկյունը մեկն է, իսկ Օշականի վեպում առկա են տարածական տարբեր տեսանկյուններ, ժամանակային տարբեր հարթություններ, այդպիսին էր վեպն իր խնդրադրմամբ նաև: Ժամանակային հեռավորություն ունեցող տարբեր հերոսների գիտակցության հոսքը չէր կարող միավորել ամբողջ պատ(մ)ումը, ուստի հեղինակի գիտակցության հոսքն անհրաժեշտ էր՝ գրության ներկայից միավորելու համար այդ ամենը: Եվ այս ամենից բացի, կա նաև հեղինակի և հերոսների գիտակցության ոճական միասնության խնդիր, ուստի ոչ թե հեղինակի, այլ հերոսների գիտակցության հոսքն է ենթարկված հեղինակի ոճին: Տարբեր կերպարներին միավորողը հեղինակի հիշողությունն է և այս տեսակետից ինքնակենսագրական շերտը ոչ թե շեղում, այլ անցումների անսպառ հնարավորություն է ապահովում:

Այսինքն՝ գերազանցապես պատումը և անգամ իր հերոսների գիտակցության հոսքը միավորվում է հեղինակի գիտակցության հոսքի միջոցով: Պատկերավոր՝ հերոսների գիտակցության հոսքը տարբեր գետերով («գիտակցության հոսքի» շրջանառվող փոխաբերությունը գետն է) միանում է հեղինակային գիտակցության լայնահուն հոսանքին. ստեղծվում է չինական զարդատուփ՝ հերոսներն Օշականի գիտակցության մեջ են, և նույն այդ հերոսներն ունեն իրենց գիտակցության հոսքը:

Գրականություն

1. Համապատկեր արևմտահայ գրականութեան, հատորներ՝ Ա-Ժ, Երուսաղէմ, տպ. Սրբոց Յակոբեանց, 1945-1982.
2. Letters of J. Joyce, L., Faber & Faber, 1957.
3. Robert Humphrey. Stream of consciousness in modern novel. Berkley and Los-Angeles, 1962.

Вопросы «потока сознания» в романе Акопа Ошакана «Оставшиеся»

Грачья Сарибекян
к.филол.н., доцент
Институт литературы им. М. Абегяна НАН Армении

Резюме

Как в романе «Оставшиеся», так и в своей критике А. Ошакан многократно обращается к проблемам техники «потока сознания» или, как он сам характеризует, «внутреннего» или «психологического действия». Повествование и даже поток сознания его героев объединяются преимущественно через поток сознания автора. Образно говоря, поток сознания героев разными реками соединяется с широким течением сознания автора и образуется своеобразная китайская шкатулка: герои находятся в сознании А. Ошакана, и те же герои имеют свой поток сознания.

Questions of «stream of consciousness» in the novel Hakob Oshakan «Remaining»

Hrachya Saribekyan
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Institute of Literature named after M. Abeghian NAS

Summary

As in the novel "Remaining", and in his criticism of H. Oshakan repeatedly drawn to the problems of the art of "stream of consciousness" or, as he himself describes, "internal" or "psychological action". Narration and even stream of consciousness of his characters together mainly through the stream of consciousness of the author. Figuratively speaking, the stream of consciousness heroes different rivers connected to the broad current of mind of the author, and formed a kind of Chinese box: the heroes are in the minds of H. Oshakan, and the same characters have their own stream of consciousness.

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВОЕННОЙ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА

Ирина Спиридонова
Петрозаводский государственный университет

Ключевые слова: *миф, военная проза, дискурс, мифологический подтекст, дерево жизни, мертвое дерево, мифологическое удвоение*

Возвращение к мифу, к исконным «кодам» национальной и мировой культур, – одна из доминирующих тенденций литературы XX–XXI веков. В творчестве Андрея Платонова, не признанного своим временем гения русской литературы, архетипические образы формируют сюжеты второго плана, исключительно важные для понимания онтологической проблематики его произведений, в которых он ведет художественную хронику советской истории: революции («Сокровенный человек», «Чевенгур»), строительства социализма («Котлован», «Ювенильное море», «Джан», «14 Красных Избушек», «Шарманка»), Великой Отечественной войны («Божье дерево», «Броня», «Взыскание погибших», «Возвращение»).

В образной структуре произведений Платонова 1941–1945 гг. особую роль играет образ дерева — стержневого образа русского равнинного ландшафта. Писатель многократно художественно акцентирует в рассказах времени Великой Отечественной войны не только наличие дерева (знак жизни), но и его отсутствие (знак смерти) в пейзажах войны. Образ дерева, развернутый в оппозиции ‘жизнь-смерть’, имеет мифологический подтекст. По О. М. Фрейденберг: «Образ мифологический и образ поэтический резко отличаются; но и поэтические образы изменяют свою структуру в зависимости от исторической эпохи» [1, 225]. Имея это в виду, обратимся к мифологическому комплексу образа дерева в военной прозе Платонова.

А. Платонов часто пишет «убитые» на войне деревья. Из пейзажа в пейзаж рисуются трупы деревьев, их обгоревшие тела, обгло-

данные артиллерийским огнем до костей. Прием олицетворения природы в этих картинах наполняется семантикой смерти: «В дальнейшем походе тыловое хозяйство части остановилось однажды невдалеке от *умершего в огне и бою лесного насаждения*. *Сосны*, посаженные здесь лет пятнадцать – двадцать тому назад для укрепления летучих песков, не успели возмужать и *погибли в молодости*. Теперь *их худые тела, без ветвей и зелени, безмолвно держались в земле, как частокол черных костей какого-то полузакопанного великого доброго животного*. Иные *мертвые деревья* еще стояли прямо, но другие уже склонились под бурею артиллерийской битвы, погубившей их, и они уже не встали обратно. В одном же месте *черные обгорелые сосны лежали вовсе в повал на земле: их убил огонь и опрокинул ветер от взрывных волн* (Здесь и далее курсив в цитатах мой. – *И.С.*)» [2, 457].

В рассказе «Счастливый корнеплод» перед погибшим лесом в тяжких раздумьях «стоял неизвестный красноармеец с непокрытой головой». В прошлом житель этих мест, теперь он вернулся домой воином-освободителем – в одном лице виновник и спаситель родного пепелища.

Мертвое дерево как знак исторической беды завершает пейзаж смерти в рассказе «Пустодушие»: «На окраине сожженного, взорванного Воронежа нетленно и нерушимо стоит единственное сбереженное фашистами, полностью сохранившееся здание – старая тюрьма о сорока трубах на крыше. <…> Против воронежской тюрьмы на пустыре, в бурьяне, сохранились остатки жилища и *лежит мертвое дерево*» [3, 213]. Нерушимо стоящее среди пепелища здание смерти – тюрьма о сорока трубах – и лежащее мертвое дерево – это топика смерти.

Мертвое дерево (или дерево смерти) в военном эпосе А. Платонова имеет образную оппозицию – живое дерево (или дерево жизни). В рассказе «Сампо» образ обгоревшего леса семантически двузначен, по внешнему виду лес – и живой и мертвый: «Вокруг росли и шевелились обгорелыми ветвями леса, и безмолвно лежала под ними чуткая материнская земля, все породившая, но сама неподвиж-

ная и неизменная» [3, 107]. Обгоревшие деревья «растут» – этот глагол ослабляет отрицательный член противопоставления – смерть. Семантика смерти ослаблена и упоминанием о «материнской земле», которая, если реконструировать пропущенные в художественном описании причинно-следственные связи, хранит корни «порожденных» ею деревьев.

При анализе военных рассказов как единого художественного целого – с учетом изоморфности сюжетов, наличия в произведениях сквозных лексико-семантических, образных и мотивных доминант – образное противопоставление ‘дерево смерти – дерево жизни’ может быть определено как вариант внутренней оппозиции образа дерева ‘жизнь – смерть’. Рассматривая мифологический образ древа жизни В. Н. Топоров пишет: «Древо жизни актуализирует мифологические представления о жизни во всей полноте ее смыслов и, следовательно, противопоставлено древу смерти, гибели, зла. Нередко Древо жизни способно отражать и отрицательный член противопоставления жизнь – смерть. Именно поэтому образ древа смерти несравненно менее распространен, чем образ Древа жизни» [4, 396]. В военных рассказах Платонова образ мертвого дерева имеет устойчивую семантику «погубленной жизни», дерево предстает ‘жертвой’, а не ‘носителем’ и тем более не ‘источником зла’.

В описаниях деревьев войны Платонов подчеркивает их кротость в страдании и верность жизни. В рассказе «Счастливый корнеплод» лес укрывает младенческую поросль, пошедшую от корней и семян погибших сосен: «…кое-где тонкая, слабая жизнь уже занялась возле омертвелых деревьев; малолетняя поросль сама по себе держалась в земле у корней старших деревьев, и она не умерла – гибкие хлысты ее не сломались от ураганных ударов огня, и ветви с остьями зеленых игл лишь были опалены, но не сгорели насмерть, потому что поросль была низкой и ее защищали материнские сосны, принимая удары ветра и огня на свои высокие тела и погибая». Платонов пишет победу жизни над войной и смертью в прекрасном и таинственном «веществе существования» дерева.

Обращает на себя внимание расширение семантики образа дерева в военных рассказах до символа: ‘дерево’ является универсальным означающим ‘человека’, ‘народа’, ‘крестьянской цивилизации’, ‘русского мира’. В рассказе «Домашний очаг» А. Платонов описывает, как вместе с Красной Армией на родное пепелище возвращается крестьянская семья, старик со старухой и внук: «В деревне остались лишь две избы, а *прочие избы погорели и омертвели в золе*. Только *печной очаг, как основание и корень каждого жилища*, *почти повсюду стоял уцелевшим, хоть и был обгорелым и порушенным.* Однако он служил местом, вокруг которого снова должно собраться хозяйство и утвердиться гнездо человека» [3, 197].

Печные очаги, даже «обгорелые и порушенные», предстают в описании живым «корнем каждого крестьянского жилища», и это существеннее в платоновском описании, чем две целиком сохранившихся избы. Растительная метафора «корень жилища» в представлении *деревенской* жизни по умолчанию закрепляется за деревом. Таким образом, сохранившиеся печные очаги, к которым начали возвращаться жители, являются символом возрождающегося дома русской жизни или, что одно и то же, оживающего древа национальной жизни. Этот смысл закреплен синтаксической конструкцией: «Только… Однако…» – *только* очаг уцелел, *однако* этого достаточно для возрождения, ведь очаг, по вегетативной логике образа, – уцелевший корень крестьянской жизни.

Дерево – символ жизни, консолидации природы и народа перед угрозой смерти – присутствует в рассказе 1941 года «Божье дерево» (впервые опубликован в 1942 году под названием «Дерево родины»). Описание дерева дано в начальном фрагменте текста, приведем его полностью: «Мать с ним попрощалась на околице; дальше Степан Трофимов пошел один. Там, при выходе из деревни, у края проселочной дороги, которая, зачавшись во ржи, уходила отсюда *на весь свет*, – там росло *одинокое старое дерево*, покрытое *синими листьями*, влажными и блестящими от молодой своей силы. Старые люди на деревне давно прозвали это дерево «божьим», потому что оно было не похоже на другие деревья, растущие в русской равнине, пото-

му что его не однажды на его стариковском веку убивала молния с неба, но дерево, занемогши немного, потом *опять оживало* и еще гуще прежнего одевалось листьями, и потому еще, что это дерево любили птицы, они пели там и жили, и дерево это в летнюю сушь не сбрасывало на землю своих детей – лишние увядшие листья, а замирало все целиком, ничем не жертвуя, ни с кем не расставаясь, что выросло на нем и было живым» [3, 86].

Дерево с «синими листами» – символический центр всего древесного образного ряда в творчестве Платонова военных лет, авторская модель мифологического Древа жизни. Чудо-дерево стоит одно и давно (изначально) у дороги «на весь свет». Оно вписано в центр русского мира и представляет весь русский мир. Смерть – временное, преходящее состояние дерева: «...не однажды… убивала молния с неба, но дерево… опять оживало». Образ дерева наделен материнскими чертами и функциями, что характерно для древних мифологических верований. Однако чудесная способность дерева «с синими листьями» хранить жизнь каждого своего ребенка-листа выходит за пределы древних языческих представлений в христианскую народную мифологию. С. Семенова пишет: «В рассказе «Дерево родины» писатель создает идеальный, фольклорно-метафизический образ родового древа жизни: оно не только пестует общее, но – перерастает природный закон – не жертвует индивидуальным ради целого. Старики недаром называют его «божьим»… <…> Листик с него и берет на войну Степан Трофимов, кладет за пазуху на грудь – материальный символический кусочек Родины и ее высшей идеи: сохранение всех живыми» [5, 145].

Реалистический сюжет – мать провожает сына на войну – имеет мифологическое удвоение за счет образа «божьего дерева» родины. Этот образ в своей идеальной метафизике равен (изофункционален) каждому другому образу (дерево = мать = сын). Часть и целое, микро- и макрокосмос равнозначны в образной философии А. Платонова. При проекции образной структуры на сюжетное действие в рассказе «Божье дерево» высвечивается сюжет «второго смысла»: главный герой Степан Трофимов — это «сын-лист» и одновременно

«солдат-дерево». «Сын-лист» (по начальному парному образному уподоблению: «дерево – листья», «мать – сын») защищает на войне национальное Древо жизни, от него, солдата Степана Трофимова, зависит жизнь или смерть его матери и родины, а значит, в ситуации священной войны и смертельного поединка с врагом он есть часть, равная целому, он – «дерево родины». Собственно, по мифологической логике сюжета, Степан становится «деревом» уже в тот момент, когда «сорвал один лист с этого божьего дерева, положил за пазуху и пошел на войну». Следующее предложение фиксирует метаморфозу – превращение человека в дерево: «*Лист был мал и влажен, но на теле человека он отогрелся, прижался и стал неощутим…*»

Синий лист с дерева родины взят героем как оберег и как обет верности, как принятие на себя материнской функции «божьего дерева» беречь жизнь. Первый рукопашный бой, ранение, плен, немецкий застенок, смерть в поединке с немецким часовым – такова военная судьба героя.

Смысл жизни герою суждено реализовать в смерти – в инстинкте самопожертвования: «Трофимов не хотел зря жить и томиться; он любил, чтобы от его жизни был смысл, равно как от доброй земли бывает урожай. Он сел на холодный пол и затих против дубовой двери в ожидании врага…

Дверь отворилась, и в помещение вошел неприятель. Трофимов сразу бросился на него всею тяжестью своего тела, и оба они долго потом врукопашную умервщляли один другого, пока Трофимов не задушил врага насмерть. Но немец еще раньше своей смерти пронзил живот русского коротким палашом, и Трофимов постепенно истек кровью, и жизнь его миновала вся» [6, 89].

В мифологическом удвоении героической семантики финала *солдат-дерево* подобен *дубу* (неприятель отворяет «*дубовую* дверь» русской силосной башни, когда на него сверху обрушивается смертью Степан Трофимов) и готов защищать русскую жизнь до последнего *листочка*. Герою не суждено «увидеть мать» и «услышать, как шумят листья на божьем дереве», не суждено ему исполнить другой данный им обет, – возродить опустошенную войной

русскую землю. Воинский долг героически исполнен Степаном Трофимовым до смертного конца, но «жизнь его миновала вся». Трагический смысл также закреплен мифологическим подтекстом: *поле русской жизни* (а финальное действие рассказа происходит посреди русского поля) осталось без *человека-дерева* – без стержневого, опорного образа физического и метафизического ландшафта национальной жизни.

Продолжение образного сюжета «солдат – дерево родины» находим в рассказе «Молодой майор (Офицер Зайцев)» 1944 года. В нем Платонов рисует сокровенный внутренний «ландшафт» человека. В его изображении пространство души-сердца солдата, защищающего родину, имеет тот же «стержневой образ» дерева: «…Вся тайна родины заключается в верности, оживляющей душу человека, *в сердце солдата, проросшем своими корнями в глубину могил отцов и повторившемся в дыхании ребенка*, в родственной связанности его насмерть с плотью и осмысленной судьбою своего народа» [3, 383].

Образная параллель «солдат – божье дерево родины» оформляется в единый образ – символ, где художественно сопряжены смертный человек в роковые минуты истории и «вечная родина». В советских публикациях военного и послевоенного времени «отредактированный» платоновский образ мира и человека в рассказе «Дерево родины» на уровне «очевидного» сопрягал современную историю и мифологию и лишь на уровне внутритекстовых «единословий» потаенно хранил семантику народного христианства. В авторском варианте текста христианский код введен в образный сюжет «второго смысла» уже на уровне заглавия.

При значимости образной параллели «человек-растение» в течение всего творчества Платонова, такого высокого содержания, как в военной прозе, образная параллель «человек–дерево» в себе ранее не несла. Персонажи романа «Чевенгур», которые жаждут «прекратить историю», полагают дерево «чуждым» коммунизму элементом природы: «долгорастущее дерево» не вписывается в революционный темп и идеологию жизни. В чевенгурской коммуне устраивают субботники, где не только уничтожают имущество, но и корчуют сады.

В военных рассказах метафорические образы «человека-дерева» и «народа-дерева» представляют идеальное содержание жизни «одушевленной родины» и «одухотворенных людей», развернутое из настоящего в прошлое и будущее по вертикали стояния и роста дерева из земли – к небу. Это символический знак выхода человека и народа из «звериной истории».

Образ *древа жизни* в военных рассказах Платонова хранит полноту национальной культурно-исторической памяти: миф, христианство, современность. Он аккумулирует трагедию войны и делает зримыми те высшие ценности и смыслы, которыми руководствуется русский народ в освободительной борьбе с фашистскими захватчиками. Имея две модели, реальную и идеальную, хранит взаимоисключающие смыслы – трагедию и славу, вину и оправдание Отечественной войны.

Литература:

1. Древо жизни // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1991. Т. 1.
2. Семенова С. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности.– 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
3. Платонов А. Счастливый корнеплод // Платонов А. Избранные произведения. М.: Худож. лит., 1988.
4. Платонов А. Одухотворенные люди: рассказы о войне – М.: Правда, 1986.
5. Топоров В. Россия и русский человек в пограничной ситуации (военные рассказы Андрея Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4.– М.: Наследие, 2000.
6. Платонов А. Дерево родины // Платонов А. Броня: Рассказы. М.: Военмориздат, 1943.

Ա. Պլատոնովի պատերազմական արձակի դիցաբանաստեղծական դիսկուրսը

Իրինա Սպիրիդոնովա
բ.գ.դ., պրոֆեսոր
Պետրոզավոդսկի պետական համալսարան

Ամփոփում

Հոդվածում ներկայացված է ծառի երևակայության դիցաբանական ամբողջությունը Ա. Պլատոնովի 1941–1945 թթ. տպագրված պատերազմական արձակում: Այդ ստեղծագործություններում ընդհանրացվում է Կենաց ծառի երևակայական նախատիպը, որը համախմբում է ազգային, պատմական և մշակութային հիշողությունը, կերտելով մի նոր ամբողջականություն՝ առասպել, քրիստոնեություն, արդիականություն: Հոդվածում փոխակերպական զուգահեռներ են տարվում «ծառ-անձ», «ծառ-ժողովուրդ» և «պատերազմի ողբերգություն» հասկացությունների միջև:

Mythopoetic discourse of war prose by A. Platonov

Irina Spiridonova
Doctor of Philology, Professor
Petrozavodsk State University,

Summary

The article presents the mythological complex of an imagery of a tree in the war prose by Platonov written in 1941-1945. It is concluded that the imagery-archetype of the tree of life in the Platonov's war stories embodies completeness integrity of national historical and cultural memory: myth, Christianity and modernity. It accumulates the tragedy of war, while metaphoric parallels "tree-person" and "tree-people" represent the ideal content of life becoming symbolic signs of individual and collective exit escape from the "beast history."

ԱՆԱՎԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾԱԿԱՆ ՄՏԱԴՐՈՒՅԹԻ ԻՐԱՅՈՒՄ. ՀՐ. ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆԻ «ՄԵՌԵԼԱԼՈՒՅՍ» ԱՆԱՎԱՐՏԸ

Վալերի Փիլոյան
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան

Առանցքային բառեր՝ *Հրանտ Մաթևոսյան, ստեղծագործություն, անավարտություն, բնութագրական, գեղարվեստական պատում:*

Հաճախ հեղինակը փակվում է իր գրվող ստեղծագործությունների անավարտության մեջ, որովհետև ավարտունությունը ընթացքի ու իրացման վերջ է, անավարտությունը՝ շարունակական ընթացքի ու շարժման առհավատչյա:

Սակայն անավարտ երկի անգամ մեկ նախադասությունն ու պարբերույթը բերում են զգայնությունների հեղեղ:

Անավարտությունը Մաթևոսյանի ստեղծագործության վերջին շրջանի բնութագրական իրողությունն է, երբ փորձելով «ընդգրկել անընդգրկելին»՝ հեղինակը պատկերում է ոչ թե առանձնահատուկը, այլ ընդհանրականը՝ դրսևորված կոնկրետի, առարկայացածի մեջ: Մաթևոսյանական պատումի բարդությունը գալիս է ոչ ոքի և ոչինչ չանտեսելու ձգտումից: Այդպես «անվանվում է ժամանակը», «գտնվում է իրականությունը», «տրվում է ժամանակի պատկերը»: Մաթևոսյանի մեջ ապրում է ամեն ինչի վերափոխվելու և ամենը դառնալու պատրաստակամությունը, որ դրսևորվում է նաև «Մեռելալույս» անավարտ մնացած ու դեռ անտիպ վիպակում:

Դանիո արքայազնի «Մնացորդը լռություն» ձևակերպումը ինչոր տեղ հավասարության նշան է դնում լռության և մահվան միջև. այլևս չեմ խոսելու, որովհետև հեռանում եմ: Բայց դրանք համարժեք չեն:

Գրողը կարող է լռել ու ապրել՝ ձգելով իր երկրային ուղու ծիրը:

Գրողը կարող է լռել և ապրել՝ իր ասելիքը վաղվա օրվա մեջ հնչեցնելու նպատակադրմամբ:

Գրողը չի կարող լռել:

Գրողը խոսում է նաև իր մահից հետո: Այդպես պատահեց մեր բանաստեղծության մեծագույն դեմքերից Դ. Վարուժանի հետ, երբ եղերական մահից վեց տարի անց ընթերցողի համար բարձրաձայնվեց «Հացին երգը», կամ երբ Զահրատի վաստակավոր կյանքից հետո տպագրվեցին «Դղումի համ», «Անտիպ թերթս» ժողովածուները:

Սակայն ե՞րբ է լռում գրողը:

Երբ գրողը չկա, կամ չկա գրականությունը:

Երբ չկա սոցիալական, հասարակական կամ գեղագիտական պատվերը:

Երբ գրողը մտնում է «երբեք էլ մայրուղի չհանող մի արահետ, որ նրան տանում ու տանում, խորացնում ու խորացնում էր անտառի վայրենության մեջ» [4, 223], և չի կարողանում դուրս գալ դրանից, երբ գրողն ունի իր տագնապները՝ կապված կրկնվելու վախի հետ:

Երբ գրողի ու գրականության ծերացումը միաժամանակ չի լինում, և նախ ծերանում է գրականությունը:

Երբ գրողի ասելիքը դառնում է «ձայն բարբառոյ յանապատի», և գրողը կորցրել է «ծառուղու վերջում գիրք կարդացող աղջկան»:

Երբ գրողը խոսում է ինքն իր հետ՝ իր ներսում:

Երբ տեղի է ունենում կուտակում, որ մի օր անպայմանորեն ժայթքելու է. չէ՞ որ «գրողի լռությունը աղմկոտ արձագանք է, ինչպես իր հավատից անբացատրելի հրաժարումը» [10, 137]:

Ուրեմն և արտաքուստ լռություն պատկերացվող պայմանականությունը անգործության կամ համրության արտահայտություն չէ (Հ. Մալյանի «Նահապետը» ֆիլմում 15 րոպե քայլող Նահապետը չի լռում, նրա լռությունը նախապատրաստում է ասելիք ու ճիչ): Եվ 1982-ից ցայսօր Հր. Մաթևոսյանի լռությունն ասում է, որ գրողը մտել էր «երբեք էլ մայրուղի չհանող մի արահետ, որ նրան տանում ու տանում, խորացնում ու խորացնում էր անտառի վայրենության մեջ», որ հեղինակը հասել էր իր Ագռավաքարին, որ գրողը խոսում էր ինքն իր հետ, և այն, ինչ մնացել է նրա գզրոցներում կամ գրասեղանին որպես անտիպ-անավարտ, մի օր անպայմանորեն աղմկոտ արձագանքելու է, եթե, իհարկե, ինքներս ու աշխարհը չենք խլացել:

Եվ, ուրեմն, լռությունն ու անավարտությունը համարժեք չեն. «Անավարտ գործեր ունեմ, ուզում եմ անպայման ավարտել: Գրիչն իմ հացը, դավանանքը, ազատությունը, ընկերն է: Սպիտակ թուղթն այն միակ տեղն է, որտեղ ես երկիր կառուցող եմ» [2, 351]:

Այնինչ հայոց շինարարությունը երբեք չի ավարտվում: Միակ ավարտուն ու կանգուն, այլևս չկարկատվող, անգամ չնորոգվող կառույցը Ագռավաքարն է, այդ պատճառով էլ «Անձրևած ամպերի» էպիլոգից հետո, որ խոսք է՝ ասված Ագռավաքարից («Մի՛ գնացեք, էնտեղ մարդ չկա, բոլորը մեռել ու կորել են, բոլորը»), հեղինակը փակվելու էր իր գրվող ստեղծագործությունների անավարտության մեջ, որովհետև ավարտունությունը ընթացքի ու իրացման վերջ է, անավարտությունը՝ շարունակական ընթացքի ու շարժման առհավատչյա: Այս իմաստով անավարտությունն արդեն դիտարկել ենք որպես ստեղծագործական մտադրույթի իրականացում, ֆոլկներյան բնորոշմամբ՝ «վուլֆյան հոյակապ ձախողում»:

Հարցազրույցներից մեկում հնչած խոսքն ըստ էության այս իրողության փաստումն է. «<...> այն գործերը, որոնք թերի են մնում, ինչպես, ասենք, ընտանիքում մի տուժած, ֆիզիկապես մի թույլ երեխա է լինում, և ծնողները նրան մի տեսակ ավելի են սիրում, չէ՞…

Նույն վերաբերմունքով ես իմ ձախողված գործերը ավելի եմ սիրում և անընդհատ ուզում եմ նրանց մարդամեջ մտցնելու տեսքի հասցնել: Ավելի ճիշտ դրանք այն գործերն են, որոնք ինձ, իրենց վրա աշխատած ժամանակ, բան են սովորեցրել» [6, 79]:

Իսկ եթե այլ կերպ մոտենանք հեղինակի ավարտուն ու անավարտ երկերին՝ դրանք պատկերացնելով որպես ավարտուն նախադասությունների, պարբերույթների, պատկերների, շարունակական գաղափարների, կերպարների, ժամանակի ամբողջություն, երբ մեկ նախադասությունն ու պարբերույթն անգամ բերում են զգայությունների հեղեղ, քանի որ կերտվել են հեղինակի ապրածի, զգացողությունների զուգորդմամբ ու խտացմամբ, ձգտմամբ՝ «ընդգրկել անընդգրկելին» [2, 511]: Փաստենք, որ իրավ գրականությունը անընդհատ ձգտում է դեպի ազատություն, դեպի բացարձակ ազատություն՝ ձերբազատված օրենք ու կարգից, սեռաժանրային պարտադրանքներից, շարադասելու կարգ ու եղանակից,

կերպար ու պատկեր կերտելու ձևավորված սկզբունքներից: Պատահական ու ոչ պատահական օրինակներ տպագրված ու ցայսօր անտիպ գործերից.

«Շրթունքները փակ ժպտալով՝ այդ պահին մայրիկը նրան ցանկացավ կանաչ, անամպ օրեր, մի լավ տղա՝ մի լավ ընկեր, Հրայրի համար աղաչեց համերգավարի պաշտոն լուսավոր տաք ապարանքներում, ինձ սպիտակ վերնաշապիկով տեսավ դասարանի դեմ աշակերտներին դաս բացատրելիս… և աշխարհն այնքան մաքուր էր, և ձայներն այնքան պայծառ էին, և երջանկությունն այնպես էր ղողանջում, որ մայրիկը իրեն դրեց կանաչ գերեզմանոցի լուռ քարերի տակ, և նրա սիրտը թպրտաց ուրախությունից ու թախծից» («Իմ գայլը») [4, 455-456]:

«Այ Ռոստոմ ջան, որ Էլինուրի երեխեքին բաժանում էին, ինչի՞ քու փայը վեր չկալար» («Տախը», անտիպ):

«Քարուտ սպիտակ զառիթափը մի բանակային էր իջնում, իջավ, թխկու նախշուն ստվերում չերևաց, քանի դեռ նախշուն ճանապարհին էր նորից զնգաց «բարի օ՛ր», և փափուկ երեսը թխակարմիր՝ դուրս եկավ արև ճանապարհ, կանգնեց և ուրախությունը երեսից կաթելով դարձյալ զնգաց. «Բարի օ՛ր»: Նանը «թու-թու» արեց: Նանը թաքուն չարեց, նանն ասաց. «Թո՛ւ-թո՛ւ… անեծք քեզ, չար սատանա»: Ցորնաթուխ պուճուր բանակայինը զնգաց. «Պետոն եմ, ճանաչեցիք ո՞չ, Արուս նանի, Աբել ապի, ձեր Քեչոնց Պետոն եմ, էդ ո՞ւմ տղեն է՝ Ադամի՞ թե Սիմոնի»: Բրտիշունը լսեց, որ ապին թու արեց. «Թո՛ւ», հետո նրանք լուռ քարի պես մնացին այնքան ժամանակ՝ մինչև որ ցորնաթուխ բանակայինն այլևս ճանապարհին չէր: Նրա Ժենիկը դասի չէր գալիս, ասում էին կա, ֆերմայում կիթ է անում թե հորթ է պահում, ասում էին անտրուսիկ հիմարի մեկն է, և Բրտիշունը այդպես էլ պատկերացնում ու զզվում էր, որովհետև Սվետրկի հյուսի մեջ ոջիլ էր տեսել. Սվետիկը դասի գալիս էր, բայց չորրորդում թե հինգերորդում ետ մնաց ու այդպես էլ մնաց. նրանց մայրը բանտից չէր եկել, ասում էին չի գա, նրանց դուռը կախովի կողպեքով փակած էր, պատուհանի երկու ապակին ջարդած էր, Հայկն ասում էր Բրտիշունն է քարով ջարդել, Բրտիշունն ասում էր՝ Հայկը, բայց ոչ ոք էլ նրանց չէր հարցնում, թե իսկապես ով է

ջարդել. ներսից մկան հոտ էր գալիս. դռանը հին կրծմրծած մոխրագույն մի գերան կար, Պետոն ժամանակին սեպ էր խրել, չէր ճղվել, սեպը մեջը այդպես մնացել էր՝ այդ էր: «Գնալու է, ապի, ի՞նչ անի», ասաց Բրտիշունը: «Ո՞վ,– հարցրեց ապին,– ո՞վ է գնալու ինչ անի»: «Տանը մարդ չկա,– ասաց Բրտիշունը,– գնալու է տեսնի դուռը փակ» («Մեռելալույս», անտիպ):

Այնպես որ պատահական չի կարող լինել և չէ Հր. Մաթևոսյանի դիտարկումը. «<...> ինձ համար առավել գրավիչ են այն ստեղծագործությունները, որ փոխանցում են անվերջությունը, աշխարհի ու կյանքի հավերժությունը: Նրանք երևակայության, ավարտուն տեսքի, համապրումի տեղ են թողնում» [2, 233]:

Նման զգացողություն է առաջանում նաև չվերջակետված ստեղծագործության դեպքում, երբ սպասելին ու անսպասելին զուգորդվում են իրար՝ երբեմն վերածվելով խաղի, երբեմն՝ ողբերգության, երբ չի գտնվել ասելիքի վերջը, քանի որ այդ ասելիքը վերջ չունի, կամ չկա «գորդյան հանգույցը» (այս դեպքում՝ մեսրոպիզմը) հանգուցալուծելու կերպ, եղանակ ու ճանապարհ:

Եվ անավարտությունը՝ non finito, դառնում է Մաթևոսյանի ստեղծագործության վերջին շրջանի բնութագրական իրողությունը, որ ավելի բնական է թվում, քան ավարտունությունը: Հետաքրքիր է Մաթևոսյանի նպատակադրումը: Նա փորձում է ներկայի մեջ տեսնել անցյալի հոգևոր ու բարոյական հետքերը՝ որպես հոգևոր ժառանգորդական շարժում, բացահայտել ընդհանրականությունը, այլ ոչ թե առանձնահատուկը, բայց այդ ընդհանրականությունը տեսնել կոնկրետի, առարկայացածի մեջ: Ու թե ամեն մարդ մի աշխարհ է, ապա տեսնել աշխարհների ընդհանրականությունը, «ընդգրկել անընդգրկելին»: Բայց ինչպե՞ս անընդգրկելին դնես շրջանակի մեջ՝ դարձնելով նկար, ինչպե՞ս սահմանափակես անսահմանը: Հենց սա էլ դառնում է նրա վերջին շրջանի գործերի անավարտության ամենաէական պատճառը:

Բայց կերպարները տառապում են: Տառապում է Շուշանը. «Ամենաշատ սիրածս Շուշան անունով մի աղջնակի պատկեր է, որ տասը-տասներեք տարեկան է և տիրություն է անում իր մոր վրա, հոր, եղբոր վրա: Աղջնակ է, որ տիրուհի է: Ես իրեն այնքան եմ սի-

րում, ինչքան ուղղակի հայ իրականության մեջ կնոջը, աղջկան, աղջնակին, ոչ մեկին այդպես չեմ սիրել: Ես անպայման պետք է քարից, անհայտությունից նրան դուրս կորզեմ» [2, 513]: Այս զգացողությունն էր տարիներ առաջ ձևակերպել Հր. Մաթևոսյանը տողերիս հեղինակի հետ հարցազրույցում. «Իմ արածը թվում է մի պանորամա, որտեղից որ քարից մարդիկ են ելնում, և ես էդ կիսատ եմ թողել, չեմ օգնել, որ իրենք դուրս գան: Ուղղակի սրտի անհուն կսկիծով եմ ասում, որ էս վերջին տարիները, էս վերջին տարիները չեն եղել: Զարհուրանք է, որ էսպես կիսատ է մնացել...» [1,128]: Դիտարկումների այս զուգորդմանն ենք հանգում՝ հանդիպելով Հր. Մաթևոսյանի անտիպներին: Մասնավորապես «Մեռելալույս» վիպակում տեսնում ենք պատերազմական օրերի «քաղցն ու մեղքը»:

Մի առիթով իր հոդվածներից մեկում Մաթևոսյանը գործածում է «գեղեցկության ու բարու խաղաղ լուսնալույսով» բառակապակցությունը, ուր «լուսնալույս» բառն իր իմաստային նրբերանգներով դրականի արտահայտություն է: Բայց ահա «Մեռելալույս» վերնագրի մեջ չնայած նույն լուսնալույսն է գիտակցվում, բառի տարողությունն ամեննին էլ դրական միտումի և իմաստի արտահայտություն չէ: Ինչո՞ւ «Մեռելալույս»»: Բառը նորաբանություն է և տեղ չի գտել բառարաններում: Կարծում ենք՝ մեզ հասած անավարտում բառի մեկնության իմաստով էական տեղ ու դեր ունի մոր ու որդու գիշերային մոմավառության տեսարանը, ուր ասես առաջին ու վերջին անգամ Մաթևոսյանը դիմում է լեզվական նատուրալիզմի: Վիպակում հանդիպում ենք նաև լենուլույս բառին, որի հականիշը կարող ենք պատկերացնել մեռելալույսը: Կամ այս բառը կարող ենք պատկերացնել որպես տեսիլք, որ ածանցվում է Աղունի երազից: Հարցազրույցներից մեկում («Լեզվի պոեզիան») Հր. Մաթևոսյանը նշում է. «Իսկ ահա պատերազմը հիշում եմ զուտ հուզականորեն, առանց մանրամասների. կարմիր տապը, ցուրտն ու սովը: Բայց դա էլ,- և ընդհանրապես ամեն ինչ, որ ես, ինչպես ի վերջո, պահանջվում է, հիշում եմ,- իմ մեջ մնում է խուլուհամր, քանի դեռ մենակ չեմ մնում սպիտակ թղթի առջև: Ահա այդտեղ հիշողությունս միանում է» [2, 219]: Միացած այդ հիշողությամբ է սկզբնավորվել «Մեռելալույս» վիպակը, որ առարկայորեն կոնկրետ ժամա-

նակի արտահայտություն է: Պատերազմի դժվար օրերն են: Գյուղում դեպք է տեղի ունեցել. ռազմաճակատ մեկնած Քեչոնց տղաներից մեկի կինը հղիացել է ուրիշից, վիժելուց հետո հիվանդանոց տարվել և ապա բանտարկվել է: («Հարցն այդպես չի դրվում,– ասել էր նա.- Քեչյան Շամամը մարդ է սպանել և ինքը նույնպես մեռել. կարգադրեցի սայլով հիվանդանոց տանել. ով է այս սպանդի հեղինակը – հարցը այսպես է դրվում»): Տանը մնացել են երկու աղջնակները. «Նրա Ժենիկը դասի չէր գալիս, ասում էին կա, ֆերմայում կիթ է անում թե հորթ է պահում, ասում էին անտրուսիկ հիմարի մեկն է, <...> Սվետիկը դասի գալիս էր, բայց չորրորդում թե հինգերորդում ետ մնաց ու այդպես էլ մնաց»: Երեխաների դպրոցական անմեղ երգում ուսուցչուհին՝ օրիորդ Ուցյունը (Սիրանուշ (Փառանձեմ) Վրացյանը), «դե սլացեք քաջ-քաջ պիոներներ առաջ» տողի փոխարեն լսում է «դե սլացեք քեչ-քեչ պիոներներ առեջ»՝ ակնարկ որսալով տեղի ունեցածի վերաբերյալ, և պատժում է երեխաներին՝ նրանց ձմեռ օրով փայտանոց ուղարկելով, ապա և՝ «Քո երեխային մենք տասն օրվա պայմանաժամով դպրոցից հեռացնում և առհասարակ դպրոց չթողնելու մեր առաջարկն ուղարկում ենք ի հաստատումն շրջժողկրթբաժնի»:

Պատումն սկսվում է նորից Աղունով, շարունակվում ամուսնությամբ, երեք երեխաներով (և մի մահացած չորրորդով), պատերազմով, դրսևորվում են հիմնականում նույն կերպարները, և պատումի առանցքը ձևավորվում է Աղունի ու նրա զավակների շուրջ, սակայն չկան այլևս գլխավոր ու երկրորդական, որովհետև գլխավոր կարող են գիտակցվել և՛ Համիկ հորեղբայրը, և՛ օրիորդ Ուցյունը, և՛ Թի Զավենը, և՛ Քեչոնց Շամամը, և՛ սրա աղջնակները, այլք, բայց ամենագլխավոր կերպարն ի վերջո ժամանակն է: Հր. Մաթևոսյանի դիտարկումն այդ մասին է. «Նրանք բոլորը միասին ժողովուրդ են, եթե բեմ պատկերացնենք՝ ֆոն, խոռ, բեմառաջը տրված է հիմա երկու-երեք հոգու, իսկ ժողովուրդը երգում կամ ողբում է և կամ ուղղակի նայում, մի խոսքով՝ անընդհատ կա: Հիմա գլխավոր կերպարը կարող է անցնել խոռ, և խոռից կարող է բեմառաջ ելնել մեկ ուրիշը» [2, 271]:

Մաթևոսյանի այս ստեղծագործության պատումի բարդությունը գալիս է ոչ ոքի և ոչինչ չանտեսելու ձգտումից: Շատ հաճախ պատումը ճյուղ է տալիս, սա իր հերթին է ճյուղավորվում, ապա վերադառնում ելակետին՝ նորից ճյուղավորվելու համար, նախադասության շարույթում տեղ է գտնում փոքր թվացող մի միտք, որ բացահայտում է հեղինակի զգայական ու բանական վերաբերմունքը: Այս պայմանաձևն ավելի տպավորիչ է ներկայացված Եղ. Չարենցի գրառումներում. «Հիմնական գաղափարը դառնում է ծառի ***բունը***, որը բարձրանալով սկսում է տալ ճյուղեր և ամեն ճյուղ իր հերթին՝ ոստեր, որոնք ևս իրենց հերթին դառնում են նոր ճյուղեր - այսպես անվերջ» [8, 488]: Իր դատողությունների շարքը Չարենցն ընդհանրացնում է՝ նշելով. «Եթե այսպես շարունակվի – դժվար թե հնարավոր լինի երբևիցե վերադառնալ ***բուն*** նյութին,– ահավասիկ այն, ինչ մեծ հանճարների մեջ ամենազարմանալին է՝ ներքին երկաթյա ***կոնտրոլ***, որպեսզի ո՛չ թե նյութը տիրապետի հեղինակին, այլ հեղինակը նյության,– սակայն այնպես, որ չկորչի և ո՛չ մի կարևոր ճյուղք, անգամ ոստ, անգամ ոստիկ... Տուր ինձ, ո՛վ ապողոնյան արև, նժարն այս հոգևոր, որպեսզի կարողանամ ոչ միայն ցանկալ, այլև ***կատարել***, ոչ միայն ***ձգտել***, այլև - ***հասնել***,- ոչ թե լոկ ***ընթանալ***,- այլև - տալ ***ընթացք գիտակցական և անհեղլի***...» [8, 490]:

Կատարելու, հասնելու, գիտակցական և անհեղլի ընթացք տալու համար, ինչպես Չարենցն է ձևակերպում, հարկ է, որ «ո՛չ մի կարևոր ճյուղք, անգամ ոստ, անգամ ոստիկ» չմոռացվի, իսկ այս նպատակադրումն իրականացվում է, ահա, Հր. Մաթևոսյանի ստեղծագործության մեջ: Կյանքի նման ընկալումը դառնում է գրականության ձևային դրսևորման մի եղանակը, մի ձևը, որ միտում ունի պատկերելու ամբողջությունը:

Պատումն ասես դոփում է տեղում, բայց բացում է նոր շերտեր, իջնում է ուղղահայաց՝ դեպի խորքը, այլ ոչ թե հորիզոնական ընթացք դրսևորում, և այս ամենի նպատակը ժամանակն իր ամբողջության մեջ պատկերելն է, այն ժամանակը, երբ «քաղցն ու մեղքը նվում էին մեր դատարկ ոսկորներում»: Ամեն ժամանակի մեջ, ցանկացած գյուղում, ցանկացած մարդկային ճակատագրի մեջ կան ***ծածուկ իրականություններ***, որոնք կարող են կոահվել ու են-

թադրվել, որոնք այնուհետ դառնում են ***անթաքույց իրողություններ***: Հարցազրույցներից մեկում անդրադարձ կա դրան. ««Տերը» վիպակից հետո երկար ժամանակ ինձնից նեղացած էին. <համագյուղացիները> իրենց ուղղված ակնարկ էին տեսել այնտեղ, ուր ես չէի էլ կասկածել, ուրիշները հիշել էին գաղտնի պատմությունները, որոնց մասին ես միայն կռահել էի ու ակնարկել վիպակում: Անվտանգ տեքստը հանկարծ լույս աշխարհ էր «հանել» գաղտնի փոքր ու մեծ մեղքեր, որոնց մասին մինչ այդ ոչ ոք չգիտեր» [2, 288]: Այդպիսին է Շուշանի ու Սիրուն Թևանի կապը «Անձրևած ամպերում», Ռոստոմի ու Էլինորի կապը «Տերում» և «Տախում», և այդպիսին է Քեչոնց հարսի պատմությունը, որ ներկայացվում է «Մեռելալույսում»:

«Աշնան արև» կինովիպակում այս մեղքի կամ ծածուկ իրականության զարմանալի արդարացումը կա՝ բարձրաձայնված Շուշանի կողմից. «<...> Բայց կանանց շփոթված-շաղված երամը հավաքվել, մի կողմ էր շպրտել Աղունին, բարձրացրել էր Մայային, ուղղել շորն ու մազը, և բահը ձեռքին Շուշանը կանգնել էր դեռ վրա քշող Աղունի դեմ. «Բախտավո՛ր, ասել էր, մերոնք որ Հիտլերի դեմ զոհվել են՝ մենակ մեզ համար չեն զոհվել… քոնն էլ որ ողջ-առողջ եկել է՝ մենակ քեզ համար չի եկել, գլուխդ աշխատո՞ւմ է թե ոչ»:

Եվ նրանց ճշմարտության առաջ Աղունը զարմանք էր կտրել: - Վո՛ւյ, վո՛ւյ, վո՛ւյ,- գլուխը բռնել ու երեսները վեր էր բերել Աղունը: - Հա՛, հանրային է,- շուռ էր եկել Աղունը,- հանրային է, բոլորինն է, կոլխոզային է:

- Հա՛,- ասել էր Շուշանը,- հանրային է, համայնական է, բոլորինն ու կոլխոզային է» [3, 220-221]:

Իսկ արդեն «Անձրևած ամպեր» վիպակում Սև Ղարաչի Շուշանն իր ինքնարդարացումն է բարձրաձայնում. «Իրեն հազար ձևի պաշտպանեց. «Ես ուրիշի աղջիկ եմ, ինքն ուրիշի տղա - դրա ամոթը որն է». «Հենց իմանանք ինձ Ակոփի համար չէին ուզել՝ ախպոր համար էին ուզել». «Էսինչը, էսինչը, էսինչն ու էսինչը Համբոյի հետ էին կապված, էսինչը՝ էսինչի – ձեր տան ամոթը ես ձեր տանն եմ պահել, եկեք շնորհակալ եղեք». «Էդ ոնց է մեծ տղամարդը ջահել աղջիկ կուզի, ջահել կնիկը իրենից մի երկու տարով փոքր տղա չի

ուզի». «Էդ խի՞, էնպես ժողովուրդ չկա՞, որ ախպերը զոհված ախպոր կնկան ուզի – հենց իմանանք մի թուրք էլ մենք ենք». «Ինձ պիտի դուրս գցեի ու սրա, սրա, սրա նման գեշ վարա՞կ բերեի». «Բա էն լա՞վ կլիներ, որ երեք որբը բերաններով տայի ու ինձ համար երգելով գնայի նոր մարդ ուզեի»» [4, 596]:

«Մեռելալույս» վիպակում այս Շուշանը Բավուկ՝ Բավական է. «Թի Զավենը կապված էր Բավականի հետ, ասում էին վաղուց է կապված, ասում էին կապված եղել է, բայց հիմա կապված չի, ասում էին պատերազմից առաջ կապված եղել է Զավենի մեծ եղբայրը,– Զավենից քսան տարով մեծ,- ասում էին նրա գնալուց անմիջապես հետո Բավականը զավթել է Զավենին: Տղերքը Զավենին գովել թե հարցուփորձ էին եղել, թե մոտը կանգնած սպասել էին նրա տեղյակությունից մի բան լսելու, բայց մեծերին ասել էին, թե ամոթանք են տվել, Զավենը խոստացել է, որ էլ չի անի, որ էդպես պատմություն չկա,– բայց Զավենը սարից վայ թե Բավուկի համար էր փախել»:

«Մեռելալույս» վիպակում կա ևս մի կերպար՝ Քեչոնց Շամամը, նաև մեկ այլ անանուն կերպար՝ Քեչոնց մյուս հարսը, և կա վերջինիս խեղճության ինքնարդարացումը. «Աղունը նրա համար էլ ջոկ լացեց: Նա Քեչոնց հարսներից էր, բայց թե որի կինը՝ Աղունն այդպես էլ չհասկացավ, որովհետև ասում էին «Արմո, Քեչոնց Արմո», բայց Աղունն Արմոյին չտեսավ: Ծտի, վառեկի, երեխայի չափ կին էր, մեր Համբո հորեղբայրն, ասում է, որտեղ բռնացնում վերկոխ էր անում - լոբուտում, գետափին, մոշուտներում, դռները ջարդելով տուն էր մտնում, իսկ նա, ասում է, փախչում էր հորանց Ամոջ, երկու օրվա ճամփան Քեչոնք ծանրումեծ գնո՛ւմ, նրան ետ էին բերում Համբոյի համար, և նա լուռ վախենալով գալիս էր, ամուսնուն վախենում էր ասել, քանի որ վախենում էր Քեչոնք թվանք առնեն, և Համբոն խփի ջարդի նրանց: Վախենում էր Վրացոնք Քեչոնց պաշտպան կանգնեն, և Վրացոնց ու Բաբուշենց միջև արյուն լինի: Հետո, երբ Համբո հորեղբայրը անցած-գնացած կանանց մեջ գերեզմանատանը մոլորվել էր, նրան իսկի չէր էլ հիշել - նա եղե՞լ էր, չէ՞ր եղել, կա՞ր, մեռե՞լ էր: Աղունը լացեց ոչ թե նրա պես լուռ - լացեց սիրտը պատռելով, զզվելով, անիծելով»:

Քիչ շրջանառվող մաթևոսյանական մի հոդվածում պատմություն կա. «Գյուղում զոհվածների հուշարձան էին կանգնեցնում, նաև ինձ էր խոսք տրված: Ոչ մի անգամ այդպես պատասխանատու չէի զգացել: Ելույթս էլ մի քիչ անսովոր եղավ: Պիտի փառք տայի ջահել տղաներին, բայց իմ խոսքը եղավ թիկունքի մայրերի մասին: Այդ մայրերը տասնութից քսան տարեկան աղջիկներ էին, որ հասցրել էին երկուսից հինգ երեխա ունենալ և ամուսիններից զրկվել: Իրենց միսն իրենց բերանն առած ամեն ինչ քաշեցին: <...> Երբ ես ՀՈՒՇԱՐՁԱՆԻ բացման ԺԱՄԱՆԱԿ խոսեցի ՔԱՌԱՍՈՒՆ ՈՐԲԵՎԱՅՐԻՆԵՐԻ մասին, պիտի ցանկանայի, որ գրական ԻՄ ԳՈՐԾԸ ԿՈԹՈՂ ԴԱՌՆԱ իմ ժամանակ ապրած ՄԱՅՐԵՐԻՆ, նրանց, որ իրենց բաժին սերը գողությամբ, թաքուն մի կերպ խլած ունեցան» [5, 6]:

Մաթևոսյանական դիտարկումները՝ «անվանել ժամանակը», «գտնել իրականությունն» ու «տալ ժամանակի պատկերը», լավագույնս են բնորոշում նրա ստեղծագործության բնույթն ու նպատակադրումները:

Իսկ ժամանակն առարկայանում է մարդկանցով, դեպք ու դիպվածով, խոսք ու նախադասությամբ, այդ ժամանակին ամենաբնորոշ մանրամասով ու մանրամասներով, մարդկային կյանքով ու տառապանքով, ու ոչինչ, բացարձակապես ոչինչ հնարավոր չէ անտեսել: Այդ պատճառով էլ գալիս է նպատակադրումը՝ «ընդգրկել անընդգրկելին», որ իր հետ բերում է ենթադրելի ու այլևս անկռահելի բարդություններ, որոնք էլ իրենց հերթին հանգեցնում են անավարտության:

Եթե ապավինում ենք հեղինակի խոսքին ու ձեռագրերին («Գրվեց «Մեռելալույս» վեպը, <...> կիսատ մնաց, ասացի ավելի պատրաստվեմ ու սկսեցի պատահականորեն «Տերը» գրել»), ապա նրա ստեղծագործության երրորդ շրջանի սկզբում անպայմանորեն պետք է «Մեռելալույս» վիպակը տեսնել, իսկ վերջում՝ «Եզրով» վիպակը: Այս քառապատումը («Մեռելալույս», «Անձրևած ամպեր», «Տերը» («Տախը»), «Եզրով») ձևավորում է Մաթևոսյանի արվեստի նոր որակ, նոր գեղագիտություն ու արվեստի զգացողություն: Մաթևոսյանի արվեստը երբեք էլ չի եղել նկարագրական: Բայց սա

այլևս պատմողական արձակ չէ և ոչ էլ վերլուծական, այլ ընդհանրական արվեստ է, որ ներառում է աշխարհընկալման ու աշխարհակերտման նոր սկզբունք, դառնում «կարեկցանքի գրականություն», ուր անտեսվածներ ու արհամարհվածներ չկան, ու բոլորը կան, և ժամանակը տրոփում է այնքան առարկայորեն, որ ստիպում է ներքաշվել իր մեջ, իր հետ դառնալ անընդհատ միասնություն, ասել է՝ վերածվել հավերժության կրիչի:

Գրականագետ Լ. Աննինսկին է դիտարկում. «Ցանկացած արարածի զգալ ներսից, ցանկացած գոյություն: Նույնիսկ ծառը: Նույնիսկ քարը… Էլի ինքնաբնութագրումներ. «Երբեմն ինձ թվում է, որ ես կարող եմ պատմել՝ ինչ է զգում քարը, երբ նրան թողնում է արեգակը»: Գրել «ոչ թե ծառի մասին, այլ ծառի ներսից, ոչ թե ձիու մասին, այլ ձիու ներսից…»: Եվ էլի. «Ինձ երբեմն թվում է, թե ես ավելի ձի եմ, քան մարդ:

Սկզբունքորեն Մաթևոսյանի մեջ ապրում է ամեն ինչի վերափոխվելու և ամենը դառնալու այդ պատրաստակամությունը» [9, 225]: Այս նույն զգացողությանն է վերաբերում Լ. Տերակոպյանի դիտարկումը. «<...> արտահայտել այն, ինչ մտածում, զգում, ասում է ժողովուրդը, ինչը տարրալուծված է նրա պատկերացումների, իդեալների մեջ, ինչը արյան բաղադրության մեջ է» [11]:

Սրանք բոլորը՝ «հոգսի ձեռից աղավաղվածները», այլևս չեն ապրում-մեռնում-մոռացվում, այլ հաստատում են իրենց մշտական ներկայությունը Ծմակուտ աշխարհում, որ միևնույն պահին նաև ժամանակ է, հավերժությանը պահ տված ժամանակ: Հր. Մաթևոսյանի գործն այլ կերպ կարելի է պատկերացնել որպես Շ. Շահնուրի երազանքներից մեկի իրականացում. «Հայ խոսքը թափել գրչական ինքնուրույն ձևի մը մեջ, կնշանակի զայն տարանջատել օտարեն և շեշտել իր ազգային հպատակությունը» [7, 190]:

Գրի ազգային ու համամարդկային յուրահատկություն է ցուցանում Հր. Մաթևոսյանի գործը, որից անավարտ մնացածները նույնպես ունեն ապրելու և ապրեցնելու իրենց իրավունք-պարտավորությունը:

Գրականություն

1. Մաթևոսյանական արձագանքներ, հտ. 1, Վանաձոր, 2005,
2. Մաթևոսյան Հր., Ես ես եմ, Ե., 2005,
3. Մաթևոսյան Հր., Տերը, Ե., 1983,
4. Մաթևոսյան Հր., Վիպակներ, Ե.,1990,
5. Մաթևոսյան Հր., Զրույց ի՛ր և մայրերի հետ, «Հայաստանի աշխատավորուհի», 1985, թիվ 1,
6. Մաթևոսյան Հր., Բառի կուլտուրա՞ն, թե վիպականությունը (հարցազրույցը վարեց Վահե Պողոսյանը), «Գարուն», 1977, թիվ 1,
7. Շահնուր, Շ., Երկեր երկու գրքով, գ. 2, Ե., 1985,
8. Չարենց Եղ., Երկերի ժողովածու, հտ. 6, Ե., 1967,
9. Аннинский Л., Контакты, М., 1982,
10. Барт Р., Избранные работы: Семиотика: Поэтика, М., Прогресс, 1989,
11. Теракопян Л., Дорога к Гранту // Анив, № 3(6), 25.12.2006. aniv.ru/archive/ 32/:

Незавершенность как творческий прием осуществления замысла. Неоконченное произведение Гранта Матевосяна «Мертвый свет»

Валерий Пилоян
к.филол.н., доцент
Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна

Резюме

Автор часто заключает себя в рамки незавершенности собственных произведений, поскольку незавершенность в данном случае является конечным продуктом процесса творчества, символом бесконечности развития мысли и полета фантазии.

И, тем не менее, даже одно предложение или один абзац в незавершенном произведении могут привести к выплеску гиперчувствительности и эмоциональной разрядке.

В произведениях Г. Матевосяна незавершенность является характерной для последнего периода творчества. В этот период автор, пытаясь «объять необъятное», изображает не специфическое, а обобщенное, помещая его в конкретность бытия и специфику овеществленного.

Сложность повествования у Г. Матевосяна исходит из его стремления не пренебречь никем и ничем. В писателе живут готовность как к изменению всего и вся, так и готовность стать абсолютно всем, что наглядно отображается и в незавершенном и пока еще не опубликованном произведении «Мертвый свет».

Incompleteness as a Realization of Creative Intention
The Incomplete «Feeble Light» by H. Matevosyan

Valery Piloyan
Candidate of Philological
Sciences, Associate Professor
Vanadzor State University named after H. Toumanyan

Summary

Sometimes the author is satisfied with the incompleteness of his own works, since completeness is the end of process and realization, but incompleteness is the pledge of incessant process and movement.

Even a single sentence and a passage of an incomplete work bring a torrent of feelings. Incompleteness is the characteristic feature of H. Matevosyan's late period works. Trying to «include the non-includable» the author depicts not the unique but the common, expressed in the concrete. The complexity of Matevosyan's creation comes from the aspiration to ignore no one and nothing. In this way «time is stated», «reality is found», «the image of time is given». The alacrity to change everything and to become everything lives in Matevosyan. This very alacrity is expressed in his incomplete «Feeble Light» novelette.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Языкознание

1. Авагян Нонна – Арцахский государственный университет (НКР, Степанакерт).
2. Алавердян Эдуард – кандидат философских наук, доцент. Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна.
3. Алавердян Сона – методист-делопроизводитель. Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
4. Алоян Жанна – кандидат филологических наук. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).
5. Арустамян Карине – кандидат филологических наук, доцент. Зав. кафедрой русского языка Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
6. Арутюнян Асмик – кандидат филологических наук, доцент. Зав. кафедрой армянского языка Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
7. Барахоева Нина – доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры ингушского языка. Ингушский государственный университет (РФ, Магас).
8. Барсегян Светлана – лаборант кафедры русского языка Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
9. Галстян Ашот – кандидат филологических наук, доцент. Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, зав. кафедрой родного языка и методики его преподавания. (РА, Ереван).
10. Ефремов Валерий – доктор филологических наук, профессор. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (РФ, Санкт-Петербург).
11. Котов Андрей – кандидат филологических наук, доцент. Петрозаводский государственный университет (РФ, Петрозаводск).
12. Машакарян Айастан – магистр филологии. Базовая школа № 2 им. Д. Тер-Симоняна (РА, Спитак).

13. Мелконян Астхик – студентка 3-го курса отделения «Русский язык и литература» Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
14. Мелконян Эгине – кандидат филологических наук. Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
15. Саакян Эгине – магистр педагогики, преподаватель Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (РА, Ванадзор).
16. Третьякова Ирина – доктор филологических наук, доцент. Зав. кафедрой русского языка, профессор кафедры русского языка. Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (РФ, Кострома).
17. Хачатрян Лалик – доктор филологических наук, профессор. Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, зав. кафедрой армянского языка и методики его преподавания (РА, Ереван).

Методика преподавания языка и литературы

1. Анастасян Жанна – кандидат педагогических наук. Арцахский государственный университет (НКР, Степанакерт).
2. Бабаян Софья – кандидат филологических наук, доцент. Руководитель отдела внешних связей и партнерства. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).
3. Блажек Агнешка – кандидат филологических наук. Университет имени Адама Мицкевича (Польша, Познань).
4. Брутян Татевик – преподаватель школы «Эврика» (РА, Ванадзор).
5. Куртева Оксана – кандидат педагогических наук. Комратский государственный университет (Молдова, Комрат).
6. Маркарян Наира – Арцахский государственный университет (НКР, Степанакерт).
7. Сантоян Арен – кандидат филологических наук, доцент. Проректор по науке и международным связям. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).
8. Тубин Валентина – магистр гуманитарных наук. Тартуский университет (Эстония, Тарту).

Литературоведение

1. Аракелян Нуне – кандидат филологических наук. Арцахский государственный университет (НКР, Степанакерт).
2. Захарян Сергей – старший преподаватель. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).
3. Пилоян Валерий – кандидат филологических наук, доцент. Зав. кафедрой литературы ВГУ. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).
4. Платицына Наталья – кандидат филологических наук, доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов).
5. Репонь Антон – доктор философии. Зав. кафедрой славянских языков. Университет имени Матея Бела (Словакия, Банска-Быстрица).
6. Сарибекян Грачья – кандидат филологических наук, доцент. Институт литературы им. М. Абегяна НАН Армении, руководитель отдела литературы армянской диаспоры (РА, Ереван).
7. Спиридонова Ирина – доктор филологических наук, профессор. Петрозаводский государственный университет (РФ, Петрозаводск).
8. Тадевосян Тадевос – кандидат филологических наук, доцент. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).
9. Тамразян Элеонора – старший преподаватель. Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (РА, Ванадзор).

ՀԱՄԱՌՈՏ ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Լեզվաբանություն

1. Էդուարդ Ալավերդյան – փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
2. Սոնա Ալավերդյան – մեթոդիստ-գործավար: Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
3. Ժաննա Ալոյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
4. Կարինե Առուստամյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: Ռուսաց ամբիոնի լեզվի վարիչ, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
5. Նոննա Ավագյան – ավագ դասախոս, Արցախի պետական համալսարան (ԼՂՀ, Ստեփանակերտ):
6. Նինա Բարախոևա – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ, ինգուշերենի ամբիոնի պրոֆեսոր, Ինգուշական պետական համալսարան (ՌԴ, Մագաս):
7. Սվետլանա Բաբսեղյան – ռուսաց լեզվի ամբիոնի լաբորանտ, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
8. Աշոտ Գալստյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան, մայրենիի և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի վարիչ (ՀՀ, Երևան):
9. Վալերի Եֆրեմով – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, Ա.Գերցենի անվան Ռուսաստանի պետական մանկավարժական համալսարան (ՌԴ, Սանկտ-Պետերբուրգ):
10. Լալիկ Խաչատրյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, Խ. Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան: Հայոց լեզվի և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի վարիչ (ՀՀ, Երևան):
11. Հասմիկ Հարությունյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: Հայոց լեզվի ամբիոնի վարիչ, Վանաձորի Հ. Թումանյանի

անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
12. Անդրեյ Կոտով – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: Պետրոզավոդսկի պետական համալսարան (ՌԴ, Պետրոզավոդսկ):
13. Հայաստան Մաշակարյան – բանասիրության մագիստրոս, № 2 Դ. Տեր-Սիմոնյանի անվան հիմնական դպրոց (ՀՀ, Սպիտակ):
14. Աստղիկ Մելքոնյան – Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարանի «Ռուսաց լեզու և գրականություն» բաժնի 3-րդ կուրսի ուսանողուհի (ՀՀ, Վանաձոր):
15. Հեղինե Մելքոնյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու: Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
16. Հեղինե Սահակյան – մանկավարժության մագիստրոս: Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
17. Իրինա Տրետյակովա – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ: Ռուսաց լեզվի ամբիոնի վարիչ, ռուսաց լեզվի ամբիոնի պրոֆեսոր, Ն. Նեկրասովի անվան Կոստրոմայի պետական համալսարան (ՌԴ, Կոստրոմա):

Լեզվի և գրականության դասավանդում

1. Ժաննա Անաստասյան – մանկավարժական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, Արցախի պետական համալսարան (ԼՂՀ, Ստեփանակերտ):
2. Սոֆյա Բաբայան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան, Արտաքին կապերի և համագործակցության բաժնի վարիչ (ՀՀ, Վանաձոր):
3. Ագնեշկա Բլաժեկ – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, Ադամ Միցկևիչի անվան համալսարան (Լեհաստան, Պոզնան):
4. Տաթևիկ Բրուտյան – «Էվրիկա» դպրոցի ուսուցչուհի (ՀՀ, Վանաձոր):
5. Օքսանա Կուրտևա – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, Կոմրատի պետական համալսարան (Մոլդովա, Կոմրատ):
6. Նաիրա Մարգարյան – ավագ դասախոս, Արցախի պետական համալսարան (ԼՂՀ, Ստեփանակերտ)

7. Արեն Սանթոյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: Գիտության և միջազգային կապերի գծով պրոռեկտոր: Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
8. Վալենտինա Տուբին – հումանիտար գիտությունների մագիստրոս, Տարտուի համալսարան (Էստոնիա, Տարտու):

Գրականագիտություն

1. Նունե Առաքելյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, Արցախի պետական համալսարան (ԼՂՀ, Ստեփանակերտ):
2. Սերգեյ Զախարյան – ավագ դասախոս, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
3. Թաղևոս Թաղևոսյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
4. Էլեոնորա Թամրազյան – ավագ դասախոս, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):
5. Նատալյա Պլատիցինա – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, Գ. Դերժավինի անվան Տամբովի պետական համալսարան (ՌԴ, Տամբով):
6. Անտոն Ռեպոն – փիլիսոփայության դոկտոր, սլավոնական լեզուների ամբիոնի վարիչ: Մատեյ Բելի անվան համալսարան (Սլովակիա, Բանսկա Բիստրիցա):
7. Հրաչյա Սարիբեկյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ՀՀ ԳԱԱ Մ. Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտ, սփյուռքահայ գրականության բաժնի վարիչ (ՀՀ, Երևան):
8. Իրինա Սպիրիդոնովա – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, Պետրոզավոդսկի պետական համալսարան (ՌԴ, Պետրոզավոդսկ)
9. Վալերի Փիլոյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, գրականության ամբիոնի վարիչ, Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան (ՀՀ, Վանաձոր):

SHORT INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Linguistics

1. Edward Alaverdyan – Candidate of P hilosophicall Sciences, Associate Professor. Vanadzor State University named after H. Tumanyan.
2. Sona Alaverdyan – Methodist-clerk. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
3. Zhanna Aloyan – Candidate of Philological Sciences. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
4. Karine Arustamyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Vanadzor State University named after H. Tumanyan. Head, Chair of the Russian Language (RA, Vanadzor). .
5. Nonna Avagyan – Senior Lecturer, Artsakh State University (NKR, Stepanakert).
6. Nina Barakhoyeva – Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of the Ingush language. Ingush State University (RF, Magas).
7. Svetlana Barseghyan – Laboratory assistant of the Russian language of Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor)
8. Ashot Galstyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan, Head, Chair of the Native Language and the methods of its teaching (RA, Yerevan).
9. Hasmik Harutyunyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Vanadzor State University named after H. Tumanyan. Head, Chair of the Armenian Language (RA, Vanadzor).
10. Lalik Khachatryan – Doctor of Philology, Professor. Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan. Head, Chair of the Armenian Language and the methods of its teaching (RA, Yerevan).
11. Andrey Kotov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Petrozavodsk State University (RF, Petrozavodsk).
12. Hayastan Mashakaryan – Master of Philology. Basic School № 2 named after D. Ter-Simonyan (RA, Spitak).

13.Astghik Melkonyan – 3rd year student of department of «Russian language and literature» of Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
14. Heghine Melkonyan - Candidate of Philological Sciences, Vanadzor State University named after Hovhannes Toumanyan (RA, Vanadzor).
15.Heghine Sahakyan – Master of of Pedagogy, Lecturer Vanadzor State University named after Hovhannes Toumanyan (RA, Vanadzor).
16.Irina Tretyakova – Doctor of Philology, Associate Professor. Head, Chair of the Russian Language, Professor of Russian Language Department. Kostroma State University named after N. Nekrasov (RF, Kostroma).
17.Valery Yefremov – Doctor of Philology, Professor. Russian State Pedagogical University named after A. Herzen (RF, St. Petersburg).

Teaching of language and literature

1. Zhanna Anastasyan – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Artsakh State University (NKR, Stepanakert).
2. Sophya Babayan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Head of External Relations and Partnerships. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
3. Agnieszka Błażek – Candidate of Philological Sciences. Adam Mickiewicz University (Poland, Poznan).
4. Tatevik Brutyan – Teacher of school «Eureka» (RA, Vanadzor).
5. Naira Margaryan – Senior Lecturer, Artsakh State University (NKR, Stepanakert).
6. Oxana Kurteva – Candidate of Pedagogical Sciences. Comrat State University of Moldova (Moldova, Comrat).
7. Aren Santoyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Vice Rector for Research and International Relations. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
8. Valentina Toubin – Master of Human Sciences. University of Tartu (Estonia, Tartu).

Literary studies

1. Nune Arakelyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Artsakh State University (NKR, Stepanakert).
2. Valery Piloyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Head, Chair of Literature. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
3. Natalya Platitsyna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Tambov State University named after G.R. Derzhavin (RF, Tambov).
4. Anton Repon – Ph.D. Head, Chair of Slavic Languages. University of Matej Bel (Slovakia, Banska Bystrica).
5. Hrachya Saribekyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Institute of Literature named after M. Abeghian NAS, Head of the Armenian Diaspora Literature (RA, Yerevan).
6. Irina Spiridonova – Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (RF, Petrozavodsk).
7. Tadevos Tadevosyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
8. Eleonora Tamrazyan – Senior Lecturer. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).
9. Sergey Zakharyan – Senior Lecturer. Vanadzor State University named after H. Tumanyan (RA, Vanadzor).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алавердян Эдуард, Алавердян Сона
О взаимоотношении материального, идеального
и материально-идеального» 8

Алоян Жанна
Некоторые особенности билингвального общения,
требующие герменевтического подхода 18

Арустамян Карине
Еще раз о концепте «брат»
(на материале русской и армянской паремии) 26

Авагян Нонна
Афоризмы – характерная особенность речи 36

Барахоева Нина
Морфологические способы словообразования в ингушском языке 47

Барсегян Светлана, Мелконян Астхик
Сопоставительный анализ употребления формул
обращений в русском и армянском языках 56

Галстян Ашот
Форма языковых выражений восточноармянской
художественной документалистики 74

Ефремов Валерий
Концептуализация: когнитивный и лингвистический аспекты 85

Хачатрян Лалик
Адъективные фразеологические единицы
с элементом сравнения в древнеармянском языке 94

Котов Андрей
Особенности использования кратких
прилагательных-предикатов в русском языке XVII-XVIII вв. 106

Арутюнян Асмик
Один из пластов в системе образования
армянских и русских фамилий 120

Машакарян Айастан
Дифференциация гендерлекта (на материале произведения
Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники») 129

Мелконян Эгине
Международный фонетический алфавит и
его локализация в армянском языке 140
Саакян Эгине
Концепт «вера/неверие» в русской и
армянской языковой картине мира 152
Третьякова Ирина
Национально-культурные особенности
зооморфизмов в русской фразеологии 167

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Анастасян Жанна
Трудности в усвоении и употреблении фразеологизмов
в речи учащихся армянских школ
(на материале тестовых заданий ЕГЭ 2013-2014 гг.) 181
Блажек Агнешка
Обучение терминологической лексике как
фактор межкультурной коммуникации 188
Куртева Оксана
Формирование коммуникативной компетенции средствами
интеграции в обучении русскому языку младших школьников 196
Маркарян Наира
Интерпретация рассказа И. Бунина «Холодная осень» (на занятиях по
«Филологическому анализу художественного текста») 209
Сантоян Арен, Бабаян Софья, Брутян Татевик
Образовательное пространство в контексте глобализации:
тенденции и вызовы 217
Тубин Валентина
Учет родного языка при обучении русскому как иностранному:
союз «*и*» 225

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Аракелян Нуне
Возможности сетевой литературы 232
Захарян Сергей
Вольный перевод Б.Л. Пастернака
стихотворения А. Акопяна «Казненные» 238
Тадевосян Тадевос
Грифы и божества плодородия 248
Тамразян Элеонора
М.Е. Салтыков-Щедрин: сатиры смелый властелин 263
Платицына Наталья
Мотив возвращения в творчестве В. Борхерта
(«По длинной, длинной улице») 272
Репонь Антон
Дом-музей словацкого поэта Павола Орсага Гвездослава в Ораве 285
Сарибекян Грачья
Вопросы «потока сознания» в романе Акопа Ошакана «Оставшиеся» 292
Спиридонова Ирина
Мифопоэтический дискурс военной прозы А. Платонова 304
Пилоян Валерий
Незавершенность как творческий прием осуществления замысла.
Неоконченное произведение Гранта Матевосяна «Мертвый свет» 313

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 327

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Էդուարդ Ալավերդյան, Սոնա Ալավերդյան
Նյութականի, իդեալականի և նյութաիդեալականի
փոխհարաբերությունների մասին....8

Ժաննա Ալոյան
Երկլեզու հաղորդակցման հերմենևտիկ մոտեցում
պահանջող որոշ առանձնահատկություններ....18

Կարինե Առուստամյան
«Եղբայր» հասկացույթով ռուսերենի և հայերենի
պարեմիոլոգիական միավորների մասին....26

Նոննա Ավագյան
Աֆորիզմը որպես խոսքի բնութագրող առանձնահատկություն....36

Նինա Բարախոնա
Ինգուշերենի բառակազմության ձևաբանական եղանակները....47

Սվետլանա Բարսեղյան, Աստղիկ Մելքոնյան
Ռուսերենում և հայերենում օգտագործվող կոչականների
համեմատական վերլուծություն....56

Աշոտ Գալստյան
Արևելահայ գեղարվեստական վավերագրության
լեզվաարտահայտչական կաղապարը....74

Վալերի Եֆրեմով
Հասկացույթացում. ճանաչողական և
լեզվաբանական տեսանկյուններ....85

Լալիկ Խաչատրյան
Ածականական համեմատություն-դարձվածային
միավորները գրաբարում....94

Անդրեյ Կոտով
Կարճ ձև ունեցող ածականներ-պրեդիկատների
առանձնահատկությունները 17-18 դարերի ռուսերենում....106

Հասմիկ Հարությունյան
Ազգանունների մի շերտ հայոց և ռուսաց
անձնանվանական համակարգերում....120

Հայաստան Մաշտակարյան
Գենդերային խոսքի տարբերությունը (Դ.Հ. Լորենսի «Որդիներ և
սիրեկաններ» գրքի ուսումնասիրության հիման վրա)....129

Հեղինե Մելքոնյան
Միջազգային հնչյունական այբուբենը և
նրա տեղայնացումը հայերենում 140
Հեղինե Սահակյան
«Հավատ/անհավատ(ություն)» հասկացույթը ռուս և
հայ լեզվական նկարագրերում 152
Իրինա Տրետյակովա
Կենդանակերպությունների մշակութային և ազգային առանձնա-
հատկությունները ռուսերենի դարձվածքաբանությունում 167

ԼԵԶՎԻ ԵՎ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԴԱՍԱՎԱՆԴՈՒՄ

Ժաննա Անաստասյան
Դարձվածքների յուրացման և գործածման դժվարությունները
հայկական դպրոցների սովորողների խոսքում (2013-2014 թթ.
Միասնական պետական քննությունների թեստային
հանձնարարությունների նյութերի հիման վրա) 181
Ագնեշկա Բլաժեկ
Եզրույթաբանական բառապաշարի ուսուցումը որպես
միջմշակութային հաղորդակցության գործոն 188
Օքսանա Կուրտևա
Ռուսաց լեզվի ուսուցման գործընթացում կրտսեր դպրոցականների
մոտ ինտեգրման միջոցով հաղորդակցական
կոմպետենտության ձևավորումը 196
Նաիրա Մարգարյան
Ի. Բունինի «Ցուրտ աշունը» պատմվածքի մեկնաբանությունը
(«Գեղարվեստական տեքստի բանասիրական վերլուծություն»
դասընթացի ժամանակ) 209
Արեն Սանթոյան, Բաբայան Սոֆյա, Տաթևիկ Բրուտյան
Կրթական տարածքը գլոբալացման համատեքստում.
միտումներ և մարտահրավերներ 217
Վալենտինա Տուբին
Մայրենի լեզվի հաշվառումը ռուսերենի՝
որպես օտար լեզվի ուսուցման ժամանակ. и (և) շաղկապը 225

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

Նունե Առաքելյան
Համացանցային գրականության հնարավորությունները 232
Սերգեյ Զախարյան
Հ. Հակոբյանի «Նահատակները» բանաստեղծության
Բ. Պաստեռնակի ազատ թարգմանությունը 238
Թաղևոս Թաղևոսյան
Անգղերը և պտղաբերության աստվածությունները 248
Էլեոնորա Թամրազյան
Մ. Սալտիկով-Շչեդրին. երգիծանքի խիզախ տիրակալը 263
Նատալյա Պլատիցինա
Վերադարձի մոտիվը Վ. Բորխերտի ստեղծագործություններում
(«Երկար, երկար փողոցով») 272
Անտոն Ռեպոն
Սլովակ բանաստեղծ Պավոլ Օրսագ Գվեզդոսլավի
տուն-թանգարանը Օրավայում 285
Հրաչյա Սարիբեկյան
Հակոբ Օշականի «Մնացորդաց» վեպի և «գիտակցության հոսքի»
որոշ առնչություններ 292
Իրինա Սպիրիդոնովա
Ա. Պլատոնովի պատերազմական արձակի
դիցաբանաստեղծական դիսկուրսը 304
Վալերի Փիլոյան
Անավարտությունը որպես ստեղծագործական մտադրույթի իրացում:
Հր. Մաթևոսյանի «Մեռելալույս» անավարտը 313

ՀԱՄԱՌՈՏ ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ 330

CONTENTS

LINGUISTICS

Edward Alaverdyan, Sona Alaverdyan
Interrelation of material, ideal and material-ideal 8

Zhanna Aloyan
Some peculiarities of bilingual communication
requiring hermenevtic approach 18

Karine Arustamyan
Concept "brother" as Paremiological Units in Russian and Armenian 26

Nonna Avagyan
Aphorisms – a characteristic feature of speech 36

Nina Barakhoyeva
Morphological methods word-formation in the Ingush language 47

Svetlana Barseghyan, Astghik Melkonyan
Comparative Analysis of the Forms of Address using
in the Russian and Armenian Languages 56

Ashot Galstyan
The Matrix of linguistic expression in eastern
Armenian fiction documentary 74

Valery Yefremov
Conceptualization: Cognitive and Linguistic Aspects 85

Lalik Khachatryan
Relativel fixed expressions with the value of adjective in old Armenian 94

Andrey Kotov
The parity of short forms of Adjectives Predicates
in the Russian Language of XVII-XVIII centuries 106

Hasmik Harutyunyan
One of the layers in the education system
of the Armenian and Russian surnames 120

Hayastan Mashakaryan
Differences in male and female speech
(with special reference to D.H. Lawrence's "Sons and Lovers") 129

Heghine Melkonyan
International phonetic alphabet and its localization
in the Armenian Language 140
Heghine Sahakyan
«Faith / infidels» consept in Russian and
Armenian linguistic descriptions..... 152
Irina Tretyakova
National and cultural peculiarities
zoomorphism in Russian Phraseology..... 167

TEACHING OF LANGUAGE ANDLITERATURE
Zhanna Anastasyan
Learning difficulties and the use of phraseological
units in speech students of Armenian schools
(based on the use of test tasks 2013, 2014.)..... 181
Agnieszka Błażek
Education terminological lexicon as a factor
in intercultural communication 188
Oxana Kurteva
Forming communicative competency integration tools
Learning Russian language for Elementary school children..... 196
Naira Margaryan
Interpretation of the story of I. Bunin «Cold Autumn»
(in the classroom for the philological analysis of the work art) 209
Aren Santoyan, Sophya Babayan, Tatevik Brutyan
Educational environment in the context of globalization:
trends and challenges..... 217
ValentinaToubin
Considering of the native language in the process of teaching
of Russian as a second language: the conjunction И(AND) 225

LITERARY STUDIES

Nune Arakelyan
Available the Internet Fiction 232
Sergey Zakharyan
B. Pasternak's free translation of H. Hakobyan's poem «Executed» 238
Tadevos Tadevosyan
Griffins and Deity of Fertility 248
Eleonora Tamrazyan
M. Saltykov-Shchedrin: Satire brave lord 263
Natalya Platitsyna
Motive to return to the work of V. Borchert
(«On the long, long street») 272
Anton Repon
House-Museum of the Slovak poet
Pavol Orszag Hviezdoslav in Orava 285
Hrachya Saribekyan
Questions of «stream of consciousness» in the novel
Hakob Oshakan «Remaining» 292
Irina Spiridonova
Mythopoetic discourse of war prose by A. Platonov 304
Valery Piloyan
Incompleteness as a Realization of Creative Intention.
The Incomplete “Feeble Light” by H. Matevosyan 313

SHORT INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 333

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РА

ВАНАДЗОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. О. ТУМАНЯНА

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации»

Посвященная 45-летию
Ванадзорского государственного
университета им. О. Туманяна

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ванадзор
Издательский дом СИМ
2014

ՀՀ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՎԱՆԱՁՈՐԻ Հ. ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ
ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

III ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

«Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում»

Նվիրված Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան
պետական համալսարանի 45-ամյակին

ԳԻՏԱԿԱՆ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

Վանաձոր
ՍԻՄ տպագրատուն
2014

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE RA

VANADZOR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER H. TOUMANYAN

The Third International Scientific Conference

"Language and Literature in the Context of Intercultural Communication"

Dedicated to the 45th anniversary of
Vanadzor State University
named after H. Toumanyan

Materials of International Conference

Vanadzor
Publishing House SIM
2014

Компьютерное оформление – Ашхен Галстян

Бумага – офсетная
Размер - 60 X 84 1/16
Объем – 21,75 печатных листов
Тираж – 150 экземпляров

Издано в типографии ООО «Издательский Дом СИМ»

ВАНАДЗОР - 2014

Համակարգչային ձևավորումը՝ Աշխեն Գալստյանի

Թուղթը՝ օֆսեթ
Չափսը՝ 60 X 84 1/16
Ծավալը՝ 21,75 մամուլ
Տպաքանակը՝ 150

Տպագրվել է “ՍԻՄ տպագրատուն” ՍՊԸ տպարանում

ՎԱՆԱՁՈՐ – 2014

Computer Design: Ashkhen Galstyan

Offset Paper
Size: 60 X 84 1/16
Amounted to 21,75 Press
Print Run: 150

Was published in the "Publishing House SIM" LTD ptinting

VANADZOR – 2014

ՎՊՀ
ВГУ
SUV
1969